

Русская литература

4

2016

4

2016

Санкт-Петербург
«НАУКА»

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2016

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Н. Д. Кочеткова. Н. М. Карамзин и Просвещение	7
В. Е. Багно, Г. В. Петрова. Тихие песни парнасцев и проклятых (творческая история первой книги стихов И. Ф. Анненского)	19

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К. С. Корконосенко. О четырех ранних переводах басни Томаса де Ириарте «El Pato y la Serpiente»	41
П. Р. Заборов. Ранний литературный опыт Д. Н. Блудова	45
Р. Ю. Данилевский. Правда старинного поэта (о русских переводах из Эвальда фон Клейста)	54
К. В. Егорова. «Песнь о Богдане Хмельницком, освободителе Малороссии» Ореста Сомова и ее польский источник	59
Е. Е. Дмитриева. Эпизод рецепции Мольера в России (Гоголь — переводчик фарса «Сгарнель, или Воображаемый рога носец»)	63

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ И. А. ГОНЧАРОВА

С. Н. Гуськов. Как жандармы Гончарова спасли	70
М. В. Отрадин. «Манила» на пути автора «Фрегата „Паллада”»	84
Ангелика Молнар (Венгрия). «Русалки» в произведениях И. А. Гончарова и М. Ю. Лермонтова	94
А. Г. Гродецкая. «Обрыв», прочитанный в дружеском кругу (два письма И. А. Гончарова к Е. А. Языковой)	108
А. Ю. Балакин. И. А. Гончаров в неизданных письмах А. Ф. Кони к М. М. Стасюлевичу	113
С. В. Денисенко. «Необыкновенная история» И. А. Гончарова. Рецепция текста	117

Письма Д. С. Лихачева к Ив. М. Кудрявцеву (вступительная статья и подготовка текста Е. А. Шингаревой; комментарии И. М. Смирновой и Л. В. Соколовой)	128
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

«Жива ли ты еще?..» (последние письма В. А. Жуковского к А. А. Воейковой) (вступительная статья и комментарии С. В. Березкиной; подготовка текста Н. Л. Дмитриевой)	163
О. А. Богданова. Миф Достоевского в поэзии Б. А. Садовского и научной прозе В. Л. Комаровича	171
Л. В. Хачатурян. Дневник поэта как литературный памятник: две редакции «Юношеских стихов» М. И. Цветаевой	181
С. И. Межеричкая, М. В. Рождественская. Рецепция античности в творчестве Всеволода Рождественского	190
М. А. Васильева. Кто такой Герман Карлович? К вопросу о феноменологии главного героя романа В. В. Набокова «Отчаяние»	198
Десять писем 1967 года: из переписки Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц с Б. Ф. Егоровым (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Б. Ф. Егорова и Т. Д. Кузовкиной)	209

ЗАМЕТКИ

С. А. Кибальник. О тексте романа Ф. М. Достоевского «Игрок»	227
Н. А. Тарасова. Французский язык в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»: текстологические аспекты исследования (на материале рабочих тетрадей)	229

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

С. И. Николаев. Издание стихотворений Симеона Полоцкого на польском языке	234
А. О. Дёмин. Новое издание Державинского музея	237
П. Ю. Мажара. Путеводитель по близкому прошлому	239
О. Р. Демидова. Многоликий Юрий Анненков	241
А. Д. Клименко. «...Не все уносимо ветром...» (об исследовательском проекте «Звуковой архив»)	242

ХРОНИКА

М. Ю. Степина. XXXVIII Некрасовская конференция	246
Л. А. Новицкас, А. Н. Першкина, А. С. Федотов, Е. И. Чумаченко. Текстология и историко-литературный процесс	250
Памяти Владимира Марковича Марковича	257
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 2016 году	259

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*Н. А. БОГОМОЛОВ, С. Г. БОЧАРОВ, М. ГАРДЗАНТИ, С. ГАРДЗОНИО,
Ж. Ф. ЖАККАР, А. А. ЗАЛИЗНЯК, Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
Дж. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, Дж. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ,
М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
Т. С. ЦАРЬКОВА*

*Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru*

RUSSKAYA LITERATURA

№ 4

Historical and Literary Studies

2016

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
N. D. Kochetkova. N. M. Karamzin and the Enlightenment	7
V. E. Bagno, G. V. Petrova. Quiet Songs of the Parnassians and the Maudits (Creative History of I. F. Annensky's First Book of Verse)	19

TRANSLATIONS INTO RUSSIAN: AN OUTLINE

K. S. Korkonosenko. On Four Early Translations of <i>El Pato y la Serpiente</i> by Tomás de Iriarte	41
P. R. Zaborov. D. N. Bludov's Early Literary Venture	45
R. Y. Danilevsky. The Veracity of the Ancient Poet (Russian Translations of Ewald von Kleist).	54
K. B. Egorova. Orest Somov's <i>Song of Bogdan Khmel'nitsky, the Liberator of Malorossiya</i> , and its Polish Source.	59
E. E. Dmitrieva. Reception of Molière in Russia: an Episode (Gogol as the Translator of <i>Sganarelle ou le Cocu Imaginaire</i>)	63

ON THE 125th ANNIVERSARY OF I. A. GONCHAROV'S DEATH

S. N. Guskov. How the Gendarmes Rescued Goncharov	70
M. V. Otradin. <i>Manila</i> Crossing the Path of the Author of <i>Frigate Pallas</i>	84
Angelika Molnar (<i>Hungary</i>). The «Mermaids» in the Works by I. A. Goncharov and M. Y. Lermontov	94
A. G. Grodetskaya. A Reading of <i>The Precipice</i> in an Intimate Circle (Two Letters of I. A. Goncharov to E. A. Yazykova).	108
A. Y. Balakin. I. A. Goncharov in A. F. Koni's Unpublished Letters to M. M. Stasulevich	113
S. V. Denisenko. I. A. Goncharov's <i>Uncommon Story</i> . The Reception of the Text	117

ON D. S. LIKHACHOV'S 110 ANNIVERSARY

D. S. Likhachov's Letters to Iv. M. Kudryavtsev (Introduction and Editing by E. A. Shingareva; Comments by I. M. Smirnova and L. V. Sokolova)	128
---	-----

RELEASES AND REPORTS

<i>Are You Still Living?..</i> (V. A. Zhukovsky's Last Letters to A. A. Voyeykova (Introduction and Comments by S. V. Berezkina; Editing by N. L. Dmitrieva)	163
O. A. Bogdanova. Dostoyevsky Myth in the Poetry of B. A. Sadovsky and Academic Writings of V. L. Komarovich	171
L. V. Khachaturian. A Poet's Diary as a Literary Account: Two Versions of M. I. Tsvetayeva's <i>Juvenile Poems</i>	181
S. I. Mezheritskaya, M. V. Rozhdestvenskaya. Perception of Antiquity in the Works of Vsevolod Rozhdestvensky	190
M. A. Vasilyeva. Who's Hermann Karlovich? On the Phenomenology of the Protagonist of V. V. Nabokov's <i>Despair</i>	198
Ten 1967 Letters: Excerpts from Y. M. Lotman and Z. G. Mints's Correspondence with B. F. Yegorov (Introduction, Editing and Comments by B. F. Yegorov and T. D. Kuzovkina)	209

NOTES

S. A. Kibalnik. On the Text of <i>The Gambler</i> by F. M. Dostoyevsky	227
N. A. Tarasova. French Language in <i>The Adolescent</i> by F. M. Dostoyevsky: Textual Aspects of Research (Based on Notebooks)	229

REVIEWS

S. I. Nikolaev. Simeon Polotsky's Poems Published in Polish	234
A. O. Dyomin. A New Publication of Derzhavin Museum	237
P. Y. Mazhara. A Guidebook into the Immediate Past	239
O. R. Demidova. Yuri Annenkov the Multi-Faceted	241
A. D. Klimenko. <i>...The Wind Doesn't Take Away Everything...</i> (On «Archived Sound» Research Project)	242

NEWSREEL

M. Y. Stepina. XXXVIII Nekrasov Conference	246
L. A. Novitskas, A. N. Pershkina, A. S. Fedotov, E. I. Chumachenko. Textology and History-and-Literary Process	250
In Memoriam Vladimir Markovich Markovich	257
Index of Contributions to <i>Russkaya Literatura</i> , 2016	259

Published under the Auspices of History and Philology Department
Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

*S. G. BOCHAROV, N. A. BOGOMOLOV, M. GARZANITI, S. GARZONIO,
Vyach. Vs. IVANOV, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD, G. NIVAT,
V. SCHMIDT, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK, T. V. TSIVIAN,
WENFEI LIU, A. A. ZALIZNIAK*

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

*I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY,
A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA, S. I. NIKOLAEV,
M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, N. N. SKATOV, A. L. TOPORKOV,
T. S. TSARKOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN*

*Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru*

Н. М. КАРАМЗИН И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Разделяя понятия «Просвещение» и «просветительство», П. Н. Берков писал: «Просветительство — это такое философско-политическое течение, которое видело единственно возможное средство улучшения жизни общества в распространении образования и пропаганде знаний и в вытекающих из этого постепенных изменениях, реформах всех сторон социально-экономического и государственно-правового уклада».¹ Исследователь считал, что 1760—1780-е годы в России — это период просветительства, совпадающий со временем, когда получают распространение идеи европейского Просвещения, период начала литературной деятельности Карамзина.

Современные исследователи европейского Просвещения признают, что оно не было «унитарным, однородным феноменом», оно включает разные, иногда даже противоречащие друг другу концепции: сюда входит и теория общественного прогресса, и руссоистская идеализация «естественного человека».² Просвещение — это не замкнутая система, но подвижная и открытая разным художественным направлениям, включая сентиментализм.³

В соответствии с концепцией Руссо путь развития человечества рассматривался как «цепь трагических происшествий, все более удаляющих людей от исходного совершенства».⁴ Эта точка зрения получила развитие и в поэме А. Галлера «О происхождении зла», переведенной Карамзиным в 1786 году, когда он был еще тесно связан с масонским кружком Н. И. Новикова и осуществил этот прозаический перевод, очевидно, по рекомендации своих старших друзей: книга была напечатана Компанией типографической.

Карамзин сопроводил текст примечаниями, в которых нашли отражение его собственные взгляды. Созданную Галлером идиллическую картину безмятежной жизни альпийских пастухов переводчик сопровождает словами: «Размышление о сих счастливых часто побуждало меня восклицать: „О, смертные! Почто уклонились вы от начальной невинности своей! Почто гордитесь мнимым просвещением своим!“»⁵ Далее особое внимание Карамзина привлекают следующие строки: «Бог не любит никакого принуждения; мир со всеми своими недостатками превосходнее царства ангелов, воли лишенных». Переводчик комментирует этот отрывок: «Мысль, полное внимание читателя заслуживающая. — Свободная воля причинила падение че-

¹ Берков П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 9.

² Ферроне В., Рош Д. История и историография Просвещения // Мир Просвещения: Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша; пер. с ит. Н. Ю. Плавинской под ред. С. Я. Карпа. М., 2003. С. 572—575.

³ См.: Тетени М. Проблемы и задачи изучения литературы сентиментализма // Hungaro-Slavica. Budapest, 1983. P. 321—330. О сентиментальном компоненте в науке XVIII века см.: Riskin J. Science in the age of sensibility. The sentimental empiricists of the French Enlightenment. Chicago; London, 2002.

⁴ Лотман Ю. М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII — начала XIX столетия // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в. С. 83.

⁵ О происхождении зла, поэма великого Галлера / Пер. с нем. [Н. М. Карамзина]. М., 1786. С. 10—11.

ловека, свободная воля токмо может и паки восставить падшего; она есть драгоценнейший дар Творца, сообщенный им тварям избранным». ⁶ Эти размышления во многом связаны с теми идеями, которые проповедовали участники Новиковского кружка. Но мысль о значении «свободной воли» человека оказывается для Карамзина одной из предпосылок для дальнейшего самостоятельного выбора пути.

Главной целью московских масонов было моральное возрождение отдельного человека и всего общества в целом. Способы достижения этой цели избирались разные: для одних первостепенное значение приобретали алхимические эксперименты и поиски философского камня; для других более действенным представлялась публикация сочинений нравоучительного содержания, обращенных к достаточно широкому кругу читателей, воспитание общества. Хорошую практику в этом отношении предоставлял молодым литераторам журнал Новикова «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789), где печатались преимущественно переводы из немецких и французских журналов и сборников моралистического содержания. ⁷

Сотрудничество в этом издании оказалось прекрасной литературной школой для Карамзина. Статьи из «Детского чтения...» не только учили добродетели, но имели и познавательный характер, сообщая сведения по географии, истории, естествознанию, ботанике. ⁸ Журнал был своего рода энциклопедией для юных читателей, развивая их интерес к самым разным отраслям знания. Эта просветительская программа соответствовала тем задачам, которые, хотя и на другом уровне, выдвигались русскими литераторами еще в конце XVII — начале XVIII века.

В «Детском чтении...» были опубликованы переводы довольно значительных по объему отрывков из сочинения швейцарского философа, естествоиспытателя и литератора Шарля Бонне (Bonnet, 1720—1793) «Созерцание природы» («Contemplation de la Nature» (1764—1765)). ⁹ Очевидно, Карамзин работал над переводом книги Бонне совместно со своим другом А. А. Плещеевым, который в мае 1787 года подал в московскую цензуру книгу под названием «Рассмотрение натуры». ¹⁰ Такая книга в печати не появилась: возможно, она вызвала сомнения цензуры, уже настороженно относившейся в это время к публикациям Новиковского кружка. Не исключено, что это был более полный перевод, чем отрывки, появившиеся в журнале уже после отъезда Карамзина в путешествие. При встрече с Бонне в Швейцарии Карамзин умолчал о журнальной публикации, узнав от женевского философа, что он недоволен переводами его сочинения на немецкий

⁶ Там же. С. 29—30.

⁷ Источники журнала скрупулезно выявлены В. И. Симанковым. См.: *Симанков В. И.* Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785—1789) // XVIII век. СПб., 2015. Сб. 28. С. 323—374.

⁸ См.: *Привалова Е. П.* 1) О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. С. 258—268; 2) «Детское чтение для сердца и разума» в оценке читателей и критики // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7: Роль и значение литературной жизни XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. С. 254—260.

⁹ Детское чтение для сердца и разума. 1789. Ч. 18. С. 3—52; Ч. 19. С. 165—202. О значении этого сочинения в развитии европейской просветительской мысли и его восприятии Карамзиным см.: *Ratp F. Charles Bonnet und Karamsin* // *Revue de littérature comparée*. 1956. № 1. P. 87—92; *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 90—96; *Канунова Ф. З., Кафанова О. Б.* О философских вопросах мировоззрения Карамзина и Жуковского (Восприятие Ш. Бонне) // Николай Михайлович Карамзин. Юбилей 1991 года. Сб. науч. трудов. М., 1992. С. 55—72.

¹⁰ *Смирнов С.* Цензурная ведомость 1786—1788 годов // Оснадцатый век. Исторический сборник, издаваемый П. Бартевым. М., 1868. Кн. 1. С. 446.

язык, которые сделаны без разрешения автора.¹¹ В «Письмах русского путешественника» Карамзин назвал «Созерцание природы» «магазином любопытнейших знаний для человека», а самого автора — «великим Бонне», «славным философом и натуралистом».¹² В текст «Писем...» писатель включил и свою переписку с философом. В разговоре и переписке шла речь о намерении Карамзина переводить на русский язык «с довольною точностию» и «Созерцание природы», и «Палингенезию», другой философский труд Бонне («Palingénésie philosophique, ou idées sur l'Etat passé et sur l'Etat futur des êtres vivants», 1769). Карамзин также упоминал о живущем в Москве приятеле, который будет его сотрудником в переводе. Очевидно, речь шла именно о Плещееве. Хотя эти замыслы не осуществились, даже опубликованные отрывки свидетельствуют о глубоком интересе Карамзина к проблемам, волновавшим европейских мыслителей Просвещения.

Рассматривая вселенную, включающую множество миров, как воплощение предустановленной гармонии, Бонне видел в человеке высшее творение в живой природе: восхвалял его разум, способность к познанию и творчеству. Название главы «Gradations de l'Humanité» Карамзин перевел как «Постепенности человечества». Здесь шла речь о совершенствовании способностей человека в течение веков: «Между совершеннейшим человеком и обезьяною находится весьма великое число промежуточных колец».¹³ Важным критерием Бонне была степень образованности людей одной и той же эпохи.

Идея прогресса оказывается все более привлекательной для Карамзина во время его европейского путешествия. Но и отголоски поэмы Галлера явно слышатся еще в главах «Писем русского путешественника», особенно посвященных Швейцарии. Под впечатлением встречи с добросердечным альпийским пастухом Карамзин восторженно пишет: «Для чего не родились мы в те времена, когда все люди были пастухами и братьями! Я с радостью отказался бы от многих удобностей жизни (которыми обязаны мы просвещению дней наших), чтобы возвратиться в первобытное состояние человека. Всеми истинными удовольствиями — теми, в которых участвует сердце и которые нас подлинно счастливыми делают — наслаждались люди и тогда, и еще более, нежели ныне (...)» (1, 262—263). Характерно, что в более поздних изданиях «Писем...» к словам о «временах, когда все люди были пастухами и братьями» была сделана сноска: «Мечта воображения!», замененная затем еще более красноречивой репликой: «Когда же?»¹⁴ Слова путешественника о желании остаться с альпийскими пастушками, чтобы доить с ними коров, были встречены смехом, но и сам путешественник говорил об этом лишь в шутку.¹⁵ Тем не менее этот эпизод — своего рода напоминание о руссоистской апологии природы и «естественного человека». Обе столь разные ипостаси Просвещения постоянно привлекали Карамзина, стремившегося в каждой из них найти нечто близкое себе.

В сочинениях писателя, опубликованных в «Московском журнале» (1791—1792), появляются герои из крестьянской среды, хотя и идилличе-

¹¹ Привалова Е. П. О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума». С. 263.

¹² Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. / Вступ. статья П. Беркова и Г. Макогоненко; подг. текста П. Беркова. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 300. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы.

¹³ Детское чтение для сердца и разума. 1789. Ч. 19. С. 175.

¹⁴ В журнальной публикации эта сноска отсутствовала. См.: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 431—432 (сер. «Литературные памятники»).

¹⁵ А. Шёнле отметил, что в этом эпизоде «Карамзин-повествователь передает заблуждение Карамзина-путешественника с нескрываемой иронией» (Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790—1840. СПб., 2004. С. 60).

ски изображенные.¹⁶ В статье «Сельский праздник и свадьба», убедительно атрибутированной В. В. Виноградовым Карамзину,¹⁷ рассказывается, как добросердечный помещик устраивает богатое угощение для своих «поселян» и дворовых людей, а сами господа прислуживают им за столом. Гости хозяина становятся свидетелями не только веселого крестьянского праздника, но и последующего свадебного обряда, описанного с ценными подробностями. Связывая эту статью со знаменитым «Отрывком путешествия в*** И*** Т***», опубликованным в журнале Новикова «Живописец», В. В. Виноградов обращает внимание на отражение в статье «Сельский праздник и свадьба» представлений Новикова и участников его кружка об идеальном сельском быте, о деревне «Благополучной». Карамзинская статья сопоставима также с описанием «тихвинского праздника», устроенного в деревне Новикова по случаю дня рождения И. П. Тургенева. Важным элементом этого праздника было любование природой: «Вечером (...) все гости ходили гулять и во время гулянья рассматривали красоту полей, лугов и лесов при величественном заходе солнца (...)».¹⁸ Городской жизни с ее «суетами», обманами и коварством противостояла сельская жизнь, где царит дружба и искренность.

Повесть «Фрол Силин, благодетельный человек» (1791)¹⁹ начинается с полемического по отношению к панегирической традиции вступления: «Пусть Вергилии прославляют Августов! Пусть красноречивые льстецы хвалят великодушные знатных! Я хочу хвалить Фрола Силина, простого поселянина, и хвала моя будет состоять в описании дел его мне известных».²⁰ Герой повести далек от достижений цивилизации, по всей очевидности, неграмотен, но являет пример истинного человеколюбия, бескорыстно помогая в неурожай беднякам и погорельцам. В повести «Бедная Лиза» возникает — хорошо известное и в европейской литературе Просвещения — противопоставление сельских жителей как носителей подлинной нравственности (Лиза и ее мать) представителю городской среды (Эраст), воспринявшему не только положительные стороны цивилизации, но и ее развращающее влияние.²¹ Доброта, искренность, способность к верной дружбе и любви — все эти качества воображаемого писателями Просвещения «естественного человека» — оказываются свойственны и персонажам повести «Наталья, боярская дочь», которые не знают притворства и «говорят, как думают». Рассказчик, человек просвещенного «осьмого-надесять века», не без иронии ведет свое повествование, ощущая некоторое превосходство над своими простодушными героями, но описывая их с несомненным сочувствием и теплотой.

¹⁶ См.: Кросс А. Разновидности идиллии в творчестве Карамзина // XVIII век. Л., 1969. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. С. 210—228.

¹⁷ Виноградов В. В. Неизвестные сочинения Карамзина // Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 339—365.

¹⁸ Тарасов Е. И. Новые данные к истории Новиковского кружка. (Из неизданных документов) // Известия ОРЯС. 1908. Т. 13. Кн. 2. С. 446.

¹⁹ О связи этого сочинения с филантропической деятельностью Новиковского кружка см.: Степанов В. П. Повесть Карамзина «Фрол Силин» // XVIII век. Л., 1969. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. С. 229—244.

²⁰ Московский журнал. 1791. Ч. 3. Кн. 1. С. 31.

²¹ См.: Herman D. Innocents at Home: „Bednaja Liza” as a Response to „Pis’ma russkogo putešestvennika” // Russian Literature. 1998. Vol. XLIV. P. 159—183. Ж. Брейар, правда, отметил, что Лиза Карамзина уже не занимается собственно крестьянским трудом и живет не в деревне, а в пригороде, т. е. в непосредственной близости от города и экономически связана с ним. См.: Breuillard J. Derrière d’histoire — la langue. Études de littératures, de linguistique et d’histoire (Russie et France, XVIIIe—XIXe siècles). Paris, 2012. P. 225—227. Тем не менее и для Эраста, и для автора повести Лиза, «прекрасная душою и телом», предстает как воплощение лучших качеств «естественного человека».

Вместе с тем в статьях и рецензиях «Московского журнала», в «Письмах русского путешественника» отразилось положительное и даже восторженное отношение Карамзина к научным открытиям века Просвещения, к деятельности крупнейших европейских ученых. По поводу перевода на русский язык «Всеобщей и частной естественной истории» Ж.-Л. Бюффона Карамзин писал: «Всякий россиянин, любящий просвещение своего отечества, должен радоваться, что сие полезное и в своем роде единственное сочинение переводится на русский язык».²²

В «Письмах...» путешественник рассказывает, как в Лейпциге он знакомится со знаменитым философом, учителем Радищева, Э. Платнером; стоя (поскольку в аудитории уже нет свободных мест) слушает его лекцию об эстетике и кратко пересказывает ее. В Париже посещает заседание Академии надписей и словесности, сообщает сведения о деятельности других французских академий, включая Академию наук, с уважением отзываясь о таких ученых, как Ж.-С. Байи (Бальи), А.-Л. Лавуазье, Ж.-Ж. Лаланд. В Вестминстерском аббатстве «с благоговением» останавливается перед памятником И. Ньютона. Любое проявление обскурантизма вызывает решительное неприятие путешественника, и, рассказав о шарлатане Шрепфере и его бесславном конце, он заключает: «... законы разума всенародно возглашаются и просвещение более и более распространяется — просвещение, которого одна искра может осветить искру заблуждений» (1, 170).

Карамзин был хорошо знаком с «Философскими письмами» Вольтера, поборника прогресса.²³ Русский писатель видел его важную заслугу в том, что «он распространил сию взаимную терпимость в верах, которая сделалась характером наших времен, и наиболее посрамил гнусное лжеверие, которому еще в начале осьмого-надесять века приносились кровавые жертвы в нашей Европе». Эти слова сопровождаются, однако, примечанием: «Но я не могу одобрить Вольтера, когда он от суеверия не отличал истинной христианской религии (...)» (1, 289). Не сделавшись вольтерианцем, Карамзин глубоко воспринял представление о просвещенном человеке как человеке, чуждом фанатизму и отличающемся своей веротерпимостью, открытостью к взглядам и мнениям других людей.²⁴ Вольтер и Руссо, два антагониста европейского Просвещения, каждый по-своему заслуживают его уважение, хотя с каждым из них он полемизирует.

Путешествие помогло Карамзину по-новому оценить преимущества цивилизации. Вместо этого слова, только входившего в обиход и в европейских языках,²⁵ он употребляет слово «просвещение». Встречи и беседы с европейскими философами и писателями, посещение музеев и театров, наконец, знакомство с разными формами государственного устройства — все это позволяло судить о степени просвещенности того или иного народа.

Однако события Французской революции и якобинский террор поколебали былые идеалы и заставили писателя ощутить трагическую уязвимость каждой из предлагавшихся систем. Это отразилось в публицистических

²² Московский журнал. 1791. Ч. 1. Кн. 2. С. 241.

²³ См.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 577—580.

²⁴ См.: Kahn A. Nikolai Karamzin's discourses of Enlightenment // Karamzin N. Letters of a Russian traveller / Transl. and study by A. Kahn. Oxford, 2003. P. 459—551; Клейн И. «Искусство жить» у Карамзина («Письма русского путешественника») // Художественный перевод и сравнительное изучение культур (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 234—238.

²⁵ См.: Goggi Gi. The Philosophes and the Debate over Russian Civilisation // A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia / Ed. by M. Di Salvo and L. Hughes. Roma, 1996. P. 299—305.

статьях Карамзина, опубликованных в альманахе «Аглая» в 1794—1795 годах, «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору». Суровая реальность опровергала былое представление о том, что «род человеческий возвышается и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается к духовному совершенству» (2, 246). Все достижения научного прогресса и культуры не смогли остановить убийств и разрушений. Самым страшным карамзинскому Мелодору представляется торжество «мизософов», которые объявляют все бедствия плодами просвещения. Но Филалет, «другой голос» писателя, стремясь успокоить друга, решительно встает на защиту просвещения, которое «всегда благотворно»: «...в одном просвещении найдем мы спасительный антидот для всех бедствий человеческих!» (2, 256—257). С глубоким огорчением Карамзин вынужден констатировать: «Осьмой-надесять век не мог именовать себя просвещенным, когда он в книге бытия ознаменуется кровью и слезами» (2, 257). Это признание не колеблет, однако, его веры в возможности просвещения, о которых он писал в статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении», решительно полемизируя с Руссо.

Страстно защищая «свет учения», Карамзин фактически продолжает давнюю традицию русской словесности XVIII века, идущую от А. Д. Кантемира и М. В. Ломоносова. Опора на эту традицию помогала писателю преодолеть те сомнения, которые возникали у него во время осмысления опыта революционной Франции, и выработать свое представление о просвещении истинном и мнимом, о преимуществах и пагубных свойствах цивилизации.

Цивилизация сопряжена с нравственными потерями, и, размышляя об этом, автор «Писем...» отчасти снова становится солидарен с Руссо. На протяжении всего своего творчества русский писатель остается врагом роскоши. Он восхваляет цюрихских законодателей, «которые знали, что роскошь бывает гробом вольности и добрых нравов, и постарались заградить ей вход в свою республику» (1, 239). Карамзин приводит песню юноши, прославляющего свое отечество и царящие в нем добрые нравы. Обращает на себя внимание строка: «Не знаем роскоши, которая свободных в рабов, в тиранов превращает» (1, 222). Отдавая должное успехам англичан в политике и торговле, русский путешественник замечает: «Кто думает, что счастье состоит в богатстве и в избытке вещей, тому надобно показать многих здешних крезов, осыпанных средствами наслаждаться, теряющих вкус ко всем наслаждениям и задолго до смерти умирающих душою» (1, 594). Позднее в «Вестнике Европы» писатель возвратился к этой теме в связи с обсуждением русской общественной жизни и заявил со всею определенностью: «Безрассудная роскошь, следствие рассеянной жизни, вредна для государства и нравов» (2, 275).

Другим следствием «мнимого просвещения» предстает светская жизнь. Сам Карамзин, особенно в юности, был не чужд светских развлечений, он ценил такие качества, как учтивость, умение держаться в обществе, вести беседу. Тем не менее в «Письмах...» он весьма иронически изобразил завсегдаев модного французского салона. В повести «Юлия» (1796) любимцу «коварного света» графу N писатель противопоставил скромного Ариса, предпочитающего пустым светским забавам жизнь в сельской тишине. Описывая в «Письмах...» «добрые нравы и семейственное счастье» англичан, Карамзин видит в этом подлинные «успехи просвещения». «Союзы родства» и дружбы противостоят светским собраниям, в которых «нет места ни рассуждениям, ни рассказам, ни изливаниям чувства; всякий должен сказать слово мимоходом и вернуться в сторону, чтоб пустить другого на сцену; все бесположны, чтобы не проговориться и не обличить своего невежества в *хорошем тоне*» (1, 571).

Размышления о просвещении «истинном» и «мнимом» приобретают для Карамзина особое значение в связи с его осмыслением исторического опыта России. В ходе спора с французским историком Ш. Левеком, писатель восхвалял Петра I и его преобразования. Идея прогресса совершенно очевидно выдвигалась здесь на первый план: «Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом высшем состоянии, — для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все *народное* ничто перед *человеческим*» (1, 417—418). За этими часто цитируемыми словами стоит не презрение к прошлому своей страны, но озабоченность писателя ее судьбой. Карамзин подчеркнуто резко говорил о старине, полемизируя с Левеком и видя в его труде не только недооценку Петра, но и непонимание интересов России: «Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских» (1, 418). Результаты «истинного просвещения», достигнутые другими народами, предстают как общее достояние мировой культуры, и приобщение к ней необходимо для развития отечественной науки, искусства, политической мысли.

Одновременно все более актуальным для Карамзина становилось обращение и к опыту русских писателей и публицистов XVIII века, которые на протяжении нескольких десятилетий обсуждали тему воспитания, включавшую и вопрос о воспитании просвещенного правителя. Многие произведения Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и других авторов содержали не только похвалу монарху, но предлагали определенную политическую программу, создавая свой образ «идеального государя». ²⁶ Они не только восхваляли, но и поучали правителя. Карамзин использовал эту традицию и даже некоторые поэтические приемы своих предшественников, смело выступив с одой «К Милости» в 1792 году, ²⁷ когда Новиков и другие участники его кружка были подвергнуты несправедливым гонениям. В стихотворении прямо выдвигались условия, необходимые для доверия граждан государю:

Доколе права не забудешь,
С которым человек рожден;

Доколе граждан довольный
Без страха может засыпать
И дети-подданные вольны
По мыслям жизнь располагать,
<...>

Доколе всем даешь свободу
И света не темнишь в умах;
Пока доверенность к народу
Видна во всех твоих делах, —
Дотоле будешь свято чтима.
От подданных боготворима
И славима из рода в род.²⁸

Собственно панегирической оды Екатерине II Карамзин так и не написал, ограничившись небольшим стихотворением «Ответ моему приятелю,

²⁶ См.: Берков П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства. С. 19—20.

²⁷ См.: Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 226—227.

²⁸ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подг. текста и прим. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966. С. 111 (Библиотека поэта. Большая сер.).

который хотел, чтобы я написал похвальную оду великой Екатерине» (1793).²⁹

«Ужасы революции», свидетелем которых был Карамзин во Франции, укрепили его убеждение в том, что «насильственные потрясения губительны». Надежды на улучшение общественного устройства он возлагал на «медленные, но верные, безопасные успехи разума, просвещения, воспитания, добрых нравов» (1, 382). Поэтому, оставаясь приверженцем монархического правления в России, он надеялся, как и его предшественники, на появление истинно просвещенного государя.

Павла I, освободившего Новикова и его соратников, Карамзин приветствовал как «царя сердец», но очень скоро был разочарован новыми порядками, в особенности усилением цензуры. Восшествие на трон Александра I вселяло более надежд, потому что это был еще юный правитель, способный прислушаться к мудрым советам: «Ты можешь всё — ещё ты млад!» В посвященном ему одах 1801 года Карамзин развивает программу предстоящего царствования просвещенного монарха:

Ты будешь солнцем просвещенья —
Наукой счастлив человек (...)³⁰

Следуя этикету панегирической оды, поэт восхваляет и «Екатеринин век золотой». Более того, он вскоре пишет «Историческое похвальное слово Екатерине II» (1802), посвящая его Александру I. Детально анализируя это сочинение, Р. Б. Казаков справедливо обращает внимание на необходимость рассматривать его в контексте других сочинений писателя.³¹ Важно к этому добавить, что для панегирических сочинений Карамзина существует также иной, более широкий контекст: создание образа идеального правителя в русской литературе XVIII столетия. Стремясь сделать более действенным поучение молодому государю и следуя законам жанра, писатель подчеркивал заслуги императрицы, приведшие к укреплению международного авторитета страны, к расцвету деятельности научных и образовательных учреждений. Прогресс связывается в сознании Карамзина, как и его русских предшественников, с личностью просвещенного монарха, заботящегося об интересах своей страны. Восхищавшие когда-то русского путешественника альпийские пастухи предстают теперь обитателями «дикой» местности, а швейцарская республика — воплощением «дикой республиканской независимости», чуждой «истинного» просвещения.³²

С началом правления Александра I идея прогресса стала для Карамзина особенно привлекательной. Он возлагает надежды не только на расцвет наук, но и на совершенствование морали: «Мы несравненно богаче древних идеями и знанием человеческого сердца; однако ж не истожили нравственных наблюдений и не всеми известными воспользовались для утверждения своих понятий о человеке и способах счастья (...)» (2, 271). Писатель со всею определенностью говорит о преимуществах просвещения над «дикостью», но не забывает напомнить и о «несовершенном» просвещении. Поражения заслуживает как «дикий американец», который «от скуки целый день качается на ветвях», так и «презирающий его невежество» европеец,

²⁹ Существуют разные интерпретации этого стихотворения: Денз М. «Эстетика отказов» и отказ от похвалы в поэзии Карамзина 1792—1793 годов // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 281—295; Шруба М. Поэтологическая лирика Н. М. Карамзина // Там же. С. 299—303.

³⁰ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. С. 262—264.

³¹ См.: Казаков Р. Б. Приемы историописания в исторических сочинениях Н. М. Карамзина. М., 2013. С. 16.

³² Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II. М., 1802. С. 68.

который «от скуки бежит из дому — играть в карты» (2, 275). Мотовство, пустота светской жизни, нелепое приобретательство и «суетная расточительность» — все эти пороки «роскошных людей» низводят их до уровня «дикости».

Публикации Карамзина в «Вестнике Европы» (1802—1803) отражают его возросшее внимание к вопросам образования и воспитания. Повесть «Моя исповедь» (1802) — одно из редких у Карамзина сатирических сочинений, но тематически тесно связанное с другими его публикациями в журнале.³³ Важное место в повести занимает вопрос о пагубности дурного воспитания, в частности воспитания под руководством иностранцев, приводящего к пренебрежению всем отечественным. Это одна из центральных тем драматургии Фонвизина и сатирических журналов Новикова, получившая у Карамзина дальнейшее развитие.

Ускоренный характер развития русской культуры XVIII века требовал обращения к тем просветительским задачам, которые не стояли перед деятелями европейского Просвещения. Карамзин понимал, что осуществление общественного прогресса невозможно без решения самых насущных культурных потребностей страны. Одной из них было расширение в России книгоиздательского дела и привлечение к чтению разных сословий. Имея уже собственный опыт в этой области, Карамзин мог оценить значение подвижнической деятельности Новикова, способствовавшей «успехам разума». Освобожденный Павлом I из заточения, но обремененный огромными долгами, с подорванным здоровьем, Новиков жил уединенно в своем имении. В 1802 году Карамзин первый не только напомнил о нем в печати, но и заговорил о его заслугах в статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (1802): «Господин Новиков был в Москве главным распространителем книжной торговли. Взяв на откуп университетскому типографию, он умножил механические способы книгопечатания, отдавал переводить книги, завел лавки в других городах, всячески старался приохотить публику ко чтению, угадывал общий вкус и не забывал частного» (2, 177). Здесь же приводились конкретные цифры о тиражах и числе подписчиков, упоминалось «Детское чтение...», где началась литературная деятельность самого Карамзина, который по праву мог ощущать себя преемником Новикова.³⁴

Для достижения научного и культурного прогресса предстояло сделать еще очень многое в России, где, как писал Карамзин, «миллионы жителей» осуждены «на печальное варварство и невежество». Приветствуя указ Александра I о заведении народных училищ, он ссылаясь на европейский опыт в деле образования: «...мы с изумлением видели в разных государствах Европы земледельцев трудолюбивых, но просвещенных, живущих с приятностию, вкусом, мирно и счастливо — тем счастливее, чем они просвещеннее; мы видели в деревнях школы и детей поселянина, награждаемых за прилежность к учению; видели в хижинах (не отвратительных, но опрятных и чистых) книги и добрые нравы <...>».³⁵

³³ См.: *Канунова Ф. З.* Эволюция сентиментализма Карамзина («Моя исповедь») // XVIII век. Сб. 7. С. 286—290.

³⁴ В письме к Александру I в 1818 году, ходатайствуя о помощи семье Новикова, скончавшегося в большой бедности, Карамзин писал о его «отличном авторском даровании», о его благотворительной деятельности; смело напоминал, что Новиков не был «уличен действительно ни в каком государственном преступлении», и заявлял: «Новиков как гражданин, полезный своею деятельностью, заслуживал общественную признательность» (2, 232—233).

³⁵ [Карамзин Н. М.]. О новом образовании народного просвещения в России // Вестник Европы. 1803. Ч. 8. № 5. С. 52.

Надеясь на осуществление задуманных образовательных реформ, Карамзин выдвигает и другой насущный вопрос: о подготовке отечественных учителей. В связи с этим он вновь вспоминает хорошо известный ему филантропический опыт Новикова и его соратников, которые при Московском университете воспитывали молодых людей на казенный счет или предоставляли им свои собственные средства. Хотя, по мнению Карамзина, «Россия на первый случай может единственно от низших классов гражданства ожидать ученых, особливо педагогов»,³⁶ он обращается к дворянству с призывами принять участие в благотворительной деятельности в пользу науки.

Совершенно очевидно, что давняя увлеченность писателя «естественным» человеком безвозвратно ушла в прошлое. Но, несмотря на решительную полемику с Руссо по поводу наук и искусств, для Карамзина оставалось многое притягательным и в его сочинениях, и в самом его облике — независимом и одиноком мечтателе, живущем в согласии с природой (статья «Мысли о уединении»)³⁷. Писатель стремится дополнить представление о просвещенном человеке такой чертой, как «любовь к Naturе». С радостью отмечая, что на московских улицах стали продавать ландыши, он заключает: «Из чего мы, философы, заключаем, что московские жители просветились, ибо любовь к сельским цветам есть любовь к Naturе, а любовь к Naturе предполагает вкус нежный, утонченный искусством. Как первые приемы философии склоняют людей к вольнодумству, а дальнейшее употребление сего драгоценного эликсира снова обращает их к вере предков, так первые шаги общежития удаляют человека от Naturы, а дальнейшие снова приводят к ней».³⁸ Дорогая для Карамзина теория прогресса остается главенствующей, но и «вера предков» предстает как ценность, понимаемая только истинно просвещенным человеком.

Одним из важных условий для процветания страны Карамзин считает деятельность рачительных помещиков, живущих не в городе, а в своих деревнях, где они просвещают крестьян, которые, в свою очередь, их почитают и любят. Идиллическая картина, нарисованная в «Письме сельского жителя», вновь напоминает о влиянии на Карамзина новиковского кружка, что было отмечено и В. В. Виноградовым.³⁹ В «Письме...», как и в ранней статье Карамзина «Сельский праздник и свадьба», описывается праздник, устраиваемый помещиком трижды в год для своих крестьян: «Широкий господский двор обращается тогда в залу пиршества и храм изобилия; даем обед, какие описываются в старинных русских сказках и в Гомеровых поэмах; сажаем земледельцев с их семьями за *столы дубовые* и не жалеем плодов земных для угощения» (2, 295). Примечательно, что здесь упоминается о старинных русских сказках: Карамзин, как и в начале 1790-х годов, поэтизирует отечественную старину. Но теперь это связано с более глубоким стремлением понять истоки и специфику своей национальной культуры. Речь идет именно о культуре, а не о просвещении, понимаемом как цивилизация. В этом отношении Карамзину были близки историко-философские позиции И. Г. Гердера с его стремлением понять своеобраз-

³⁶ [Карамзин Н. М.]. О верном способе иметь в России довольно учителей // Там же. № 8. С. 321.

³⁷ Характерно, что эту статью Карамзин включил в альбом, составленный им в 1811 году для великой княгини Екатерины Павловны. См.: *Сапченко Л. А.* Альбом Н. М. Карамзина, составленный для великой княгини Екатерины Павловны // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2006. Вып. 12. С. 212—213.

³⁸ [Карамзин Н. М.]. Записки старого московского жителя // Вестник Европы. 1803. Ч. 10. № 16. С. 279.

³⁹ *Виноградов В. В.* Неизвестные сочинения Карамзина. С. 354—356.

зие и ценность каждой культуры, ее место и роль в общей истории человечества.⁴⁰

Вопрос о «народном» и «общечеловеческом» постоянно продолжал волновать Карамзина. Стремясь пробудить у соотечественников чувство гордости за свою страну, писатель призывал сограждан «почувствовать цену собственного»: «Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен по крайней мере знать цену свою. (...) Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости» (2, 282—283).

В «Записке о древней и новой России» (1811), не предназначенной для печати, но написанной для Александра I, проявилось разочарование Карамзина в деятельности государя и молодых «либералистов». Критически оценивая теперь петровские реформы, писатель отчасти сближается в этом с Руссо,⁴¹ но лишь отчасти, потому что резкая оценка деятельности и самой личности Петра I была обусловлена у Руссо его полемикой с Вольтером.⁴² В отличие от женеvского философа, который пессимистически смотрел на будущее как России, так и Европы, Карамзин, к этому времени углубленно занимавшийся отечественной историей, стремился найти предпосылки для сохранения и развития нравственных и культурных традиций, выработанных русским народом в течение столетий.

Каковы бы ни были дальнейшие трактовки этой позиции в XIX веке, важно, что сам писатель со всею определенностью высказал свое отношение к проблеме «„народное” и „общечеловеческое”». Выступая на собрании Российской академии в 1818 году, когда уже были написаны первые восемь томов «Истории государства Российского», Карамзин как бы подвел итоги собственной деятельности: «Хорошо писать для россиян: еще лучше писать для всех людей. Если нам оскорбительно идти позади других, то можем идти рядом с другими, к цели всемирной для человечества, путем своего века» (2, 238). Эти слова, как и вся предшествовавшая литературная деятельность Карамзина, определяют его позицию писателя-гуманиста, ценящего научные и культурные достижения других народов и вместе с тем дорожающего своими национальными традициями.

Карамзин по-своему воспринял разные тенденции европейского Просвещения. В разные периоды своего творчества он сосредоточивал преимущественное внимание то на одной, то на другой концепции. Но решительно отвергнув предложенную Руссо идеализацию «естественного человека», он с несомненным сочувствием отнесся к его стремлению сделать человека совершеннее, сохранить в нем то лучшее, что связывает его с природой. Остаvась приверженцем идеи общечеловеческого прогресса, осуществляемого благодаря науке и культуре, он опирался также на отечественные традиции русского просветительства. В то же время Карамзин подверг решительной критике те стороны цивилизации («мнимого» или «ложного» просвеще-

⁴⁰ См.: *Bittner K.* Herderische Gedanken in Karamzins Geschichtsschau // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1959. Bd 7. H. 3. S. 237—269; *Harder H.-B.* Einheit und Wege der Literatur Osteuropas // *Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa*. Aus Anlaß des VIII. Internationalen Slavistenkongress in Zagreb / Hrsg. von H.-B. Harder und H. Rothe. Giessen, 1978. S. 16—17; *Drews P.* Herder und die Slaven. Materialien zur Wirkungsgeschichte bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. München, 1990. S. 69—73.

⁴¹ См.: *Живов В.* Чувствительный национализм: Карамзин, Растопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 91. С. 127.

⁴² См.: *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты / Изд. подг. В. С. Алексеев-Попов, Ю. М. Лотман, Н. А. Полторацкий, А. Д. Хаютин. М., 1969. С. 183, 648 (сер. «Литературные памятники»).

ния), которые вели к нравственному упадку. Завершая эпоху русского Просвещения, он по-новому осмыслил опыт русских литераторов XVIII столетия и выдвинул ряд этических проблем, к которым уже на другом уровне стали обращаться писатели XIX века. Творчество Карамзина вызывало споры, иногда полярные суждения,⁴³ но оно по праву стало достоянием как русской, так и мировой культуры.

---

⁴³ См.: Карамзин: pro et contra. Личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей / Сост. Л. А. Сапченко. СПб., 2006 (сер. «Русский путь»).

ТИХИЕ ПЕСНИ ПАРНАСЦЕВ И ПРОКЛЯТЫХ

(ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ КНИГИ СТИХОВ И. Ф. АННЕНСКОГО)*

Поэтическое наследие И. Ф. Анненского — культурный феномен, этапы формирования которого продолжают оставаться малоизученными. Как известно, лирика Анненского представлена двумя книгами стихов — прижизненными «Тихими песнями» (1904) и посмертным «Кипарисовым ларцом» (1910). Творческая история обеих поэтических книг поэта пока с убедительной полнотой не реконструирована. Эта неполнота представлений о формировании состава поэтических книг Анненского непосредственно влияет на издательскую практику, которая в настоящее время основывается на эдических принципах, выработанных более полувека назад А. В. Федоровым, составителем трех изданий его лирики в серии «Библиотека поэта».¹ Как следствие, распространяется искаженное представление о творческом пути поэта.

Парадокс Анненского-поэта во многом заключается в том, что при всей значительности его фигуры для развития русской поэзии XX века, он оставил небольшое по объему поэтическое наследие, генезис которого фактически скрыт и от исследователя, и от читателя. До сих пор остается загадкой само появление Анненского-поэта на литературной арене в начале 1900-х годов. В 1908 году А. А. Бурнакин сокрушался: «Я только никак не могу понять одного: как это „Тихие песни“ прошли незамеченными?»² Действительно, широкого литературного резонанса первые публикации Анненского не вызвали,³ а между тем именно в их творческой истории кроется не один «секрет» поэта.

К моменту выхода «Тихих песен» профессиональная жизнь 49-летнего Анненского в основных своих очертаниях уже определилась. Он — директор Императорской Николаевской мужской гимназии в Царском Селе, обремененный множеством служебных обязанностей по деятельности Ученого комитета Министерства народного просвещения. Он участвует в заседаниях комитета, готовит доклады, рецензирует учебно-методическую литературу. При этом есть у Анненского и сфера реализации творческого и научного по-

* Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда. Проект № 14-18-019170, ВНИИДАД.

¹ См.: *Анненский И.* 1) Стихотворения / Вступ. статья, ред. и прим. А. В. Федорова. Л., 1939 (Библиотека поэта. Малая сер.); 2) Стихотворения и трагедии / Вступ. статья, подг. текста и прим. А. В. Федорова. Л., 1959 (Библиотека поэта. Большая сер.; 2-е изд.); 3) Стихотворения и трагедии / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. А. В. Федорова. Л., 1990 (Библиотека поэта. Большая сер.; 3-е изд.) (далее: Анненский 1990).

² *Анненский И. Ф.* Письма. СПб., 2009. Т. II: 1906—1909. С. 262.

³ Л. В. [Василевский Л.] Ник. Т.-о. Тихие песни. С приложением сборника стих. перевод. «Парнасцы и проклятые». СПб., 1904 // Образование. 1904. Апрель. С. 97—98; *Аврелий* [Брюсов В.]. О книгах. Ник. Т.-о. «Тихие песни». С приложением сборника стихотворных переводов «Парнасцы и проклятые». СПб., 1904 // Весы. 1904. № 4. С. 62—63; *М. М.-в.* Ник. Т.-о. Тихие песни. С приложением сборника стихотворных переводов «Парнасцы и проклятые». СПб., 1904 // Русский вестник. 1904. Июль. С. 385—386; *Блок А.* Ник. Т.-о. Тихие песни // Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2003. Т. 7. С. 191—192.

тенциала. В 1891 году он добровольно возложил на себя высокую филологическую миссию — дать полный перевод наследия Еврипида.⁴ Как филолог и переводчик Анненский работает много: фактически каждый год появляется в печати одна из трагедий Еврипида в его переводе и с его объяснениями. Между тем среди всех служебных нужд и забот рождался большой русский поэт, влияние которого на развитие отечественной поэзии XX века трудно переоценить. Определение исходной точки этого «рождения поэта» — важный этап в понимании закономерностей развития всего поэтического процесса XX века.

Известно, что становление Анненского-поэта шло очень неровно и непоследовательно. После раннего юношеского увлечения поэзией, как он сам признавался, «как отрезало со стихами». Он увлекся филологической работой — ничего не писал, кроме «диссертаций».⁵ О юношеской поэтической жизни Анненского имеются крайне скудные сведения. Не осознавая себя профессиональным поэтом, Анненский ни в мемуарном, ни в эпистолярном наследии не оставил прямых свидетельств подготовки к изданию своих поэтических книг. А. В. Федоров также утверждал, что и сохранившиеся архивные материалы не позволяют убедительно выстроить их творческую историю. «При обилии рукописного материала (в архиве Анненского. — В. Б., Г. П.), — писал исследователь, — нет следов подготовки сборников, будь то „Тихие песни” или „Кипарисовый ларец”».⁶ Отчасти это действительно так, и все же в архиве Анненского можно выделить круг материалов, в той или иной степени проливающих свет на творческую историю «Тихих песен», опубликованных в начале 1904 года, но, судя по дате цензурного разрешения — «19 ноября 1903 года», подготовленных к печати еще осенью 1903 года.

Первая поэтическая книга Анненского имела двухчастную композицию и состояла из 45 оригинальных лирических произведений (считая небольшие мини-циклы из 2—3 стихотворений за одно произведение) и приложения сборника стихотворных переводов «Парнасцы и Проклятые», куда также вошло 45 поэтических заглавий. Обратим внимание на весьма значимый факт количественной соразмерности оригинальной и переводной лирики Анненского в составе книги. Причем среди 45 переведенных Анненским произведений обнаруживаются переводы стихотворений не только поэтов, связанных с литературным движением Парнаса (Леконта де Лиля, Сюлли Прюдома), но и других французских поэтов, их современников — Бодлера, Верлена, Рембо, Кюро, Роллина, часть которых традиционно именуется «проклятыми», и поэтов-символистов — Малларме, Вьеле-Гриффена, Франсиса Жамма, а также немецких поэтов — Гете, Мюллера, Гейне, американских — Лонгфелло и латинских — перевод трех стихотворений из книги од Горация. Таким образом, здесь налицо творческая логика, «личная цель»,⁷ преследуемая поэтом.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что целостный авторский замысел книги «Тихие песни» определялся не только оригинальными лирическими текстами, но и переводными.

⁴ Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 447.

⁵ Там же. С. 494.

⁶ Анненский 1990. С. 561.

⁷ В авторском пояснении, открывающем подборку стихотворений для первой поэтической книги, Анненский писал: «Прилагаемые стихотворения отнюдь не подбирались для доказательства высказанных выше мыслей. Они написаны в течение многих лет и разными чернилами. Связь их со статьей основана исключительно на личной цели» (РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 2; курсив наш. — В. Б., Г. П.).

Более 20 единиц хранения личного фонда Анненского в РГАЛИ могут рассматриваться как творческая лаборатория «Тихих песен», и ряд материалов явно несет следы подготовки поэтом оригинальной лирики и переводов к изданию. Из всего комплекса архивных материалов, связанных с «Тихими песнями», выделяются, прежде всего, две единицы хранения — рабочая тетрадь (Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 27) и подборка стихотворений (Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 16), в которых рельефно отражается процесс формирования замысла и структуры первой поэтической книги.

Наиболее ранний вариант представлен в рабочей тетради. Однозначно датировать эту рукопись не представляется возможным. Между тем следует отметить, что в ней выделяются два пласта записей. На л. 1 есть пояснение, сделанное В. И. Анненским-Кривичем: «Встречающийся посторонний почерк — жены Анненского и О. П. Хмара-Барщевской». Возможно, эта тетрадь начала оформляться в 1899—1900 годах О. П. Хмара-Барщевской, по собственным признаниям, выполнявшей роль секретаря при Анненском, и, скорее всего, она предназначалась для «домашнего пользования», представляя собой своеобразный поэтический альбом. Рукой Хмара-Барщевской в тетрадь вписаны 33 стихотворения (первые 29 имеют сквозную нумерацию арабскими цифрами).

Второй пласт записей, более поздний, выполнен разными почерками: большая часть рукой самого Анненского, с редкими вкраплениями руки Хмара-Барщевской и жены поэта, Н. В. Анненской. Среди вписанных в тетрадь автографов и списков самый поздний датирован 1901 годом. К этому второму пласту записей следует также отнести и большое количество авторских вкраплений в заголовочные комплексы первых 33 стихотворений и авторские поправки к отдельным поэтическим строкам. Думается, что этот второй слой может быть датирован 1901 годом. Эта дата вполне сопоставима с первыми признаниями Анненского, свидетельствующими о его издательских планах. В письме от 7 января 1901 года А. В. Бородиной он признавался: «...если бы Вы знали, как у меня работает теперь голова; сколько я пишу, перевожу, творю *malgré tout*. (...) Кроме того, занялся подбором всех своих лирических стихотворений и стихотворных переводов, которые думаю издать особой книжкой».⁸

О том, что эта рабочая тетрадь несет следы авторского издательского замысла, свидетельствует и размещенное в конце тетради (л. 89—90 об.) недоделанное и оформленное рукой Н. В. Анненской — «Содержание», включающее первые 47 поэтических текстов.

К описанию рабочей тетради Анненского следует добавить, что в верхней части ее титульного листа (л. 3) размещена виньетка, содержащая криптограмму «И. А.». На титуле имеется также заглавие — «Стихотворения» — и выполненный тушью пейзажный рисунок, который обрамлен изображением ветви, переплетенной лентой, с вписанной поэтической фразой «Пусть для ваших открытых сердец до сих пор это нежная фея — для меня это старый мудрец». Титульный лист также содержит приписку карандашом В. И. Анненского-Кривича: «Рисунок — не Анненского».

Открывается тетрадь поэтическим текстом-эпиграфом, представляющим собой стихотворение «Его» (л. 2), и это же стихотворение встречается на л. 50 основного корпуса рабочей тетради.

Расположение материала в рабочей тетради Анненского основано на несистемном чередовании стихотворений переводных и оригинальных.

⁸ Анненский И. Ф. Письма. СПб., 2007. Т. I: 1879—1905. С. 263. *Malgré tout* — несмотря ни на что (фр.).

1. *La langueur* (из П. Верлена). («Я бледный Римлянин эпохи Апостата...»).

В составе «Тихих песен» (далее — ТП) под заглавием «Томление».

2. *Sensation* (из Артюра Рембо). («Один из голубых и мягких вечеров...»).

Датировано в тексте «8 декабря 1900 г.». В ТП под заглавием «Впечатление».

3. Из М. Роллина. *Безмолвие*. («Безмолвие это душа вещей...»).

В составе ТП под тем же заглавием.

4. (Из Гейне). («Счастье — деве подобно пугливой...»).

В ТП под заглавием «Счастье и Несчастье» (Из Гейне).

5. *Романс*. («Сплю и не сплю я... Темно...»).

В тексте подпись «И. А.». В состав ТП не вошло.

6. *Березка*. («Я еду тенистой аллеей...»).

В тексте подпись «И. А.». В состав ТП не вошло.

7. *Певцу*. («Мы не хотим печальных песен...»).

В тексте подпись «И. А.». В состав ТП не вошло.

8. *Песня без слов Поля Верлена*. («Сердце исходит слезами...»).

В ТП под заглавием «Песня без слов» (на мотив П. Верлена).

9. «Двойник». (Слова Гейне, музыка Шумана). («Ночь и давно спит за коулок...»).

В ТП под заглавием «Двойник» (из Гейне).

10. «Шарманщик» (из «Winterreise» Шумана <sic!>⁹). («В дальнем за коулке...»).

В ТП не вошло.

11. Из Гейне. («О страсти беседея чинно...»).

В ТП под заглавием «О страсти беседея чинно...» (из Гейне).

12. *Crimen amoris*. (Верлена). («В шелку и золоте палаты Экбатанской...»).

В ТП в разделе II «Поэмы» Приложения «Парнасцы и Проклятые» под заглавием «Преступление любви» (из П. Верлена).

13. *Un bohème* (из М. Роллина). («Последний мой приют — сей пошлый макадам...») — параллельно французский текст и перевод.

В ТП под заглавием «Богема» (из М. Роллина).

14. *Погребение нечестивого поэта*. (Боделэра¹⁰). («Если тело твое христиане...»).

В ТП под заглавием «Погребение проклятого поэта» (из Ш. Бодлэра).

15. *Ma bohème*. Из А. Рембо. («Не властный долее подошвы истоптать...») — параллельно французский текст и перевод.

В ТП под заглавием «Богема» (из Артюра Рембо).

16. *Совы*. (Боделэра). («Рядами на черных березах...»).

В ТП под тем же заглавием.

17. *Пушкинская кантата* (не для конкурса).

В тексте подпись «И. А.», дата — «3 апр(еля) 1899 г.». В составе ТП под заглавием «Рождение и смерть поэта».

18. *Поэзия?* <sic!>. («Пусть для Ваших открытых сердец...»).

В тексте подпись — «И. А.». В ТП под заглавием «?».

19. *Parallèlement*. («Под грозные речи небес...»).

В ТП 1-я часть цикла «Параллели».

⁹ Согласно комментарию А. В. Федорова, это перевод стихотворения В. Мюллера «Der Leiertmann» из цикла «Зимний путь» («Winterreise»), послужившего текстом для музыкального цикла Ф. Шуберта (Анненский 1990. С. 587).

¹⁰ Здесь и далее в описании рукописи сохраняется транслитерация оригинала.

20. (Из П. Верлена). («Начертания ветхой триоди...»).

В ТП не вошло.

21. *Don du roëte*. (Ст. Малларме). («О, не кляни ее за то, что Иду-меи...»).

В ТП под заглавием «Дар поэмы» (из Стефана Малларме).

22. *Pensée du soir*. Верлена. («Пусть бледная трава изгнанника покоит...»).

В ТП под заглавием «Вечером» (из П. Верлена).

23. *Réversibilité*. (Боделера). («Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?»).

В ТП под заглавием «Искупление» (из Ш. Бодлера).

24. (Из Ш. Боделера). («Бывают дни... с землю точно спаян...»).

В ТП под заглавием «Сплин» (из Ш. Бодлера).

25. Из поэмы «*Mater dolorosa*». («Как я любил от городского шума...»).

В состав ТП не вошло.

26. *Parallèlement*. («Под грозные речи небес...»).

Повтор текста под номером 19 с разночанием в 3 строке.

27. *Le dernier souvenir* (из Леконта де Лиль). («Глаза открыты и не видят... Я мертвец...»).

В составе ТП под заглавием «Последнее воспоминание» (из Леконта де Лиль).

28. Дочь Эмира. (Леконта де Лиль). («Умолк в тумане золотистом...»).

В ТП в составе II раздела «Поэмы» Приложения «Парнасцы и Проклятые», под тем же заглавием.

29. *Le rêve familier* (на мотив из П. Верлена). («Мы полюбили друг друга в минуты глубокого сна...»).

В тексте подпись «И. А.». В состав ТП не вошло.

A un roëte mort. Леконт де Лиль. («О ты, чей гордый взор на ризах горней рати...»).

В состав ТП вошло под заглавием «Над умершим поэтом» (из Леконта де Лиль).

Le parfum impérissable. Леконта де Лиль. («Если на розу полей...»).

В составе ТП под заглавием «Негибнувший аромат» (из Леконта де Лиль).

Гробница Эдгара По. Ст. Малларме. («Лучом бессмертия средь муки осиянный...»).

В состав ТП не вошло.

Poésie dernière. («*Quand des brumes d'automne un noir surgit néfaste...*»).

В тексте подпись «J. Annensky». В состав ТП не вошло.

Слепые. (из Ш. Боделера). («О созерцайте их: весь ужас жизни тут...»).

В составе ТП под тем же заглавием.

Spleen. (из Ш. Боделера).

В тексте подпись «И. А.». Повтор перевода под номером 24.

Colloque sentimental (из П. Верлена). («Забвенный мрак аллея обледенелых...»).

В составе ТП под заглавием «Colloque sentimental» («Чувствительная беседа») (из П. Верлена).

L'idéal. (из Сюлли Прюдомма). («Прозрачна высь. Своим доспехом медным...»).

В составе ТП под заглавием «Идеал» (из Сюлли Прюдома).

Тени. (из Сюлли Прюдомма). («Остановлюсь — лежит, пойду и тень идет...»).

В составе ТП под тем же заглавием.

Посвящение (из С. Прюдомма). («Когда стихи тебе я отдаю...»).

В составе ТП под тем же заглавием.

Ego. («Печальный сын больного поколения...»).

В тексте подпись «И. А.». В состав ТП не вошло.

Из Леконта де Лиль. («Пускай избитый зверь, влачася на цепочке...»).

В состав ТП не вошло.

Приятель (из М. Роллина). («Одетый в черное, он бледен был лицом...»).

В состав ТП не вошло.

Библиотека (из М. Роллина). («Я приходил туда, как в заповедный лес...»).

В составе ТП под тем же заглавием.

Поэт (на мотив из П. Верлена). («Неуловимый маг в иллюзии тумана!»).

В состав ТП не вошло.

Les spectres (из Леконт-де-Лиль).

Цикл из трех переводных стихотворений: I. «С душой печальное три тени неразлучны...», II. «Уста землистые и длани ледяные...», III. «Но что со мною, что?...».

В составе ТП под заглавием «Из стихотворения „Призраки“» (Леконта-де-Лиль).

Романс (из Гейне). («Мне снилась царица в затишье лесном...»).

В составе ТП под заглавием «Мне снилась царица...» (из Гейне).

(Сюлли Прюдомма). («С подругой мертвою разлуки...»).

В составе ТП с вариантом первой строки «С подругой бледною разлуки...» (из С. Прюдома).

«Когда влача с тобой банальный разговор...»

В состав ТП не вошло.

Si j'étais Dieu (из Сюлли Прюдомма). («Когда б я Богом стал, земля Эдемом стала б...»).

В составе ТП под заглавием «Когда б я богом стал...» (из С. Прюдома).

Le revenant (из Боделера). («Ядом взора золотого...»).

В составе ТП под заглавием «Привидение» (из Ш. Бодлэра).

(Епифания). *Явление божества.* (Леконт де Лиль). («Над светлым озером Норвегии своей...»).

Параллельно французский текст и перевод. В составе ТП под заглавием «Явление божества» (из Леконта-де-Лиль).

«О ты, — которая на миг мне воротила...» (из Леконта-де-Лиль).

В тексте подпись «И. А.». В состав ТП не вошло.

Зимой (Д. В. Анненской). («Уж зимней ночи улетаю...»).

В тексте датировано «3/II 1901», подпись «И. А.». В составе ТП в другой редакции.

Le crépuscule du soir. La chute des lys. (Зимой). («Уж черной ночи бледный день...»).

В тексте датировано «3/II 1901», подпись «И. Аннен.». Вторая редакция предыдущего стихотворения, посвящение «Д. В. Анненской» зачеркнуто. В составе ТП 3-я часть цикла «Лилии» под заглавием «Падение лилий».

J'ai la fureur d'aimer (из Верлена). («Во мне живет любви безвольный маниак...»).

В составе ТП под заглавием «Я — маниак любви» (из П. Верлена).

Ужин. («Пробил полночи унылой...»).

В составе ТП под заглавием «Там».

Из песен без слов. («Золотя заката розы...»).

В составе ТП 2-я часть цикла «Параллели».

Еще лилии. («Когда под черными крылами...»).

В состав ТП не вошло.

A la maniere de Paul Verlaine. («Как ни гулок, ни живуч Ям...»).

В состав ТП не вошло, позже включено в состав «Трилистника шуточного» в «Кипарисовом ларце».

Сонет. («Как ни гулок, ни живуч Ям...»).

Другая редакция предыдущего стихотворения.

Опять лилии ночью. («Зимней ночи путь так долог...»).

В составе ТП 2-я часть цикла «Лилии» под заглавием «Зимние лилии».

«Скучно мне сидеть в мурле...»

В состав ТП не вошло.

«Сила Господняя с нами...»

В состав ТП не вошло.

«Сила Господняя с нами...»

Другая редакция стихотворения, список рукой Н. В. Анненской.

Печальная страна. («Печален из меди...»).

В состав ТП не вошло.

Смычок (Из Шарля Кро «Coffret de sandal» éd. Tresse et Stock). («У нее были косы густые...»).

В составе ТП включено в раздел II «Поэмы» Приложения «Парнасцы и Проклятые».

Le hareng saur (из Ш. Кро). («Видали ль вы белую стену...»).

В составе ТП под заглавием «Сушеная селедка» (из Ш. Кро).

Mon rêve familier. («Давно люблю ее я в странном сновиденьи...»).

В состав ТП не вошло.

Mon rêve familier (под музыку Верлена). («Давно люблю ее я в странном сновиденьи...»).

Другая редакция предыдущего стихотворного перевода.

Майя (Леконта-де-Лиль). («О Майя, о поток химер неуловимых...»).

В составе ТП под тем же заглавием.

Мои бессонницы. («От душной копоты земли...»).

В составе ТП 1-я часть цикла «Бессонницы» под заглавием «Бессонница ребенка».

Impression fausse (из сборника П. Верлена «Parallèlement»). («Мышь... покатила мыш...»).

В состав ТП не вошло.

Feu расчесанных голов («Les chercheuses des roux»). («На лобик розовый и влажный от мучений...»).

Параллельно французский текст и перевод. В тексте подпись «И.А.».

Париж ночью (Из Тристана Корбьера). («Ты море плоское — в тот час, когда отбой...»).

В составе ТП 1-я часть переводного цикла «Два Парижа» под заглавием «Ночью» (из Тр. Корбьера).

При этом следует особо обратить внимание на то, что из всех 68 поэтических текстов (не считая повторов: редакций и вариантов отдельных стихотворений) в окончательный текст «Тихих песен» войдут 45 стихотворений и из них только 8 оригинальных, остальные 37 переводные. Таким образом,

можно с уверенностью утверждать, что основной корпус текстов сборника «Парнасцы и Проклятые» был переведен Анненским уже к 1901 году. Позже поэт переведет и включит в состав сборника «Парнасцы и Проклятые» только тексты из Горация, «Искупление» Ш. Бодлера, «Агонию» С. Прудона, вторую часть цикла Тр. Корбьера «Два Парижа» — «Днем», стихотворение Ф. Жамма «Когда для всех меня не станет меж живыми...», «Огненную жертву» Леконта де Лиля и перевод стихотворения Лонгфелло «Дня нет уж...».

Что касается оригинальной части «Тихих песен», то следует признать, что большая часть книги была написана Анненским позже 1901 года. При этом очевидно, что основой для выработки собственного поэтического стиля и формирования оригинальной метафорической системы для поэта оказывался перевод. Не случайно исследователи постоянно указывают на множество глубоких внутренних системных связей (сюжетных, мотивных, образных, заголовочных) между переводами и оригинальными текстами поэта.¹¹

В целом французская поэтическая традиция выступала у Анненского в роли своеобразного «классического образца». Здесь весьма уместно было бы сравнить его переводческую деятельность с тем процессом, который он сам описывал в лекциях, посвященных римской поэзии. По его мнению, римская поэзия, создавшая «непрерывную классическую традицию», вырабатывала свой стиль, основываясь по преимуществу на переводе греческих текстов. Стиль — это то, чего, по Анненскому, не хватает и современной отечественной поэзии. Об этом он писал: «Гораций сам был не только поэтом, но и переводчиком: он перелицовывал и стилизовал *<sic!>* и ямбы Архилоха, и гимны Алкея, являясь поэтом так сказать вторичной формации, стилистом *par excellence*. Надо ли говорить, что мы, русские, в строгом смысле слова, не имеем поэтического стиля. Своеобразная история нашей умственной жизни не дала русской поэзии выработаться в искусство».¹²

Французская поэзия привлекла внимание Анненского в конце 1890-х годов. Согласно архивным материалам наиболее отчетливо этот интерес обозначился к 1898 году. Записная книжка Анненского (по описи 1 его личного фонда в РГАЛИ — ед. хр. 14), содержащая черновые варианты

¹¹ См.: Вейдле В. О непереводем // Воздушные пути. Альманах. Нью-Йорк, 1960. Вып. 1. С. 78—79; Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы. Л., 1983; Гаспаров М. Л. О переводимом, переводах и комментариях // Литературное обозрение. 1988. № 6. С. 45—48; Ваннер А. Бодлер в русской культуре конца XIX — начала XX века // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 37—39; Тростников М. В. Перевод и интертекст (Анненский и Верлен) // Функциональная семантика слова: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1994. С. 10—19; Файн С. В. Поль Верлен и поэзия русского символизма (И. Анненский, В. Брюсов, Ф. Сологуб). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994; Островская Е. С. Анненский и Вьель-Гриффон // Русская филология. Тарту, 1996. № 7. С. 166—172; Дубровкин Р. Стефан Малларме и Россия. Вегн, 1998; Гаспаров М. Подстрочник и мера точности // Гаспаров М. О русской поэзии. СПб., 2001. С. 371—372; Ронен О. Иносказания // Звезда. 2005. № 5. С. 229—230; Островская Е. С. Французские поэты в рецепции И. Анненского. III. Леконт де Лиль // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2005. № 5. С. 22—36; Бельчев И. «Я все простил» (Об одном переводе И. Ф. Анненского) // Иннокентий Федорович Анненский. 1855—1909: Материалы и исследования. М., 2009. С. 276—284; Скрылева Е. Тема «двойничества» в переводах и поэзии И. Анненского // Там же. С. 559—565; Смоленцев А. «Стыд мыслить и ужас быть человеком»: Анненский и Буни над переводом Леконта де Лиля // Там же. С. 566—581; Мошонкина Е. Перевод как искусство потерь // Гуманитарные науки (Астрахань). 2009. № 4. С. 192—200; Алехина Н. М. 1) Переводы И. Ф. Анненского в контексте его сборника «Тихие песни» // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 7—11; 2) Переводы Иннокентия Анненского из Леконта де Лиля: русское возрождение античного мифа // Там же. 2014. № 378. С. 10—16, и др.

¹² Анненский И. Ф. Разбор стихотворного перевода лирических стихотворений Горация, П. Ф. Порфирова. СПб., 1904. С. 3.

переводов из французских поэтов, открывается переводом стихотворения Верлена «Из вечерних размышлений» («Пусть бледная трава изгнанника покойт...»), имеющим авторскую датировку «18/X.98. Ц{арское} С{ело}» (л. 2 об.).

Рукописные материалы однозначно указывают на то, что для Анненского сосуществование переводов и оригинальной лирики было принципиальным.

Но что еще более характерно для Анненского — это работа в переходном жанре «подражания». Эти тексты, в ряде случаев, что весьма показательно, подписаны собственным криптонимом поэта — «И. А.». Например:

Из П. Верлена («Начертания ветхой триоди...»)

Don du poëte (Ст. Малларме) («О, не кляни ее за то, что Идумеи...»)

La rêve familier (на мотив из П. Верлена), подпись «И. А.» («Мы полюбили друг друга в минуты глубокого сна...»)

Поэт (На мотив из Верлена) («Неуловимый маг в иллюзии тумана!»)

«О ты, — которая на миг мне воротила...» (из Леконта де Лиль), подпись «И. А.»

«Mon rêve familier» (Под музыку Верлена) («Давно люблю ее я в странном сновиденьи...»)

«Feu расчесанных голов» (Les chercheuses des poux), подпись «И. А.» («На лобик розовый и влажный от мучений...»)

По поводу перевода стихотворения Ст. Малларме «Don du poëte» О. В. Петрова писала: «Разница между оригиналом и переводом столь велика, что поначалу даже трудно понять, как такой перевод мог появиться. Невольно напрашивается мысль, что это и не перевод, а собственное стихотворение И. Анненского, навеянное образами С. Малларме, но и такое предположение кажется маловероятным...»¹³ И исследователи, и комментаторы лирики Анненского вынуждены постоянно отмечать «неточность» его переводов, их «далекость» от оригинала и утверждать, что Анненский производит его «коррекцию», переделку, испытывает «сопротивление» оригиналу.¹⁴

Объяснение подобного рода явления дал сам поэт. По сути, он делает с французскими образцами то, что, по его мнению, делали римские поэты: создает «особую форму литературного искусства — перевод-переделку». Основная же задача его как переводчика — «приспособление» стихотворения «к той среде», в которой он сам работает.¹⁵ Не случайно еще М. Л. Гаспаров, рассуждая о переводах Анненского из Еврипида, отмечал, что это переводы не с языка на язык, не со стиля на стиль, а с «чувства на чувство».¹⁶

Анненский не стремится к точности. В данном случае для него более важны «самостоятельность и оригинальность».¹⁷ В письме к В. К. Ернштедту от 25 марта 1898 года он признавался: «Что касается точности <...> Вы совершенно правы — как понимать точность в воспроизведении, которое преследует цели художественные?»¹⁸

¹³ Петрова О. В. Поэтический перевод: миф и реальность // Проблемы теории, практики и критики художественного перевода. Нижний Новгород, 2000. С. 110.

¹⁴ Бальчев И. «Я все простил»... С. 276.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 16.

¹⁶ Гаспаров М. Л. Еврипид Иннокентия Анненского // Еврипид. Трагедии: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 591.

¹⁷ Анненский И. Ф. Конспект вступительной лекции о содержании понятия литература // РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 2.

¹⁸ Анненский И. Ф. Письма. Т. I. С. 225.

Свой взгляд на перевод наиболее отчетливо Анненский сформулировал в статье «Разбор стихотворного перевода лирических стихотворений Горация, П. Ф. Порфирова», где отмечал: «Переводчику приходится, помимо лавирования между требованиями двух языков, еще балансировать между *вербальностью и музыкой*, понимая под этим словом всю совокупность эстетических элементов поэзии, которых нельзя искать в словаре».¹⁹

В рабочей тетради мы обнаруживаем и оригинальное стихотворение поэта на французском языке.²⁰

POÉSIE DERNIÈRE

Quand des brumes d'automne un noir surgit néfaste,
De vos sombres Soleils le voile étrange et chaste,
Tissu mystique et pur de roses, d'ambre et d'or
Sur un coeur qui souffre faites descendre alors.

Je veux l'azur du Rêve, et le Réel me froisse
Comme un soudard vainqueur, si fier sous sa cuirasse.
Blessé je traîne encor(e) trop las pour me guérir.
Dans vos rayons, Soleils, si je pouvais mourir.

J. Annensky

Перевод:

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Когда из осенних туманов возникает роковая тьма / тоска,
Ваших тусклых Солнц причудливый и целомудренный покров,
Таинственную и незапятнанную ткань из роз, амбры и золота
На страдающее сердце накиньте тогда.

Мне нужна лазурь Мечты, а Реальность меня оскорбляет,
Подобно самодовольному солдафону, надменному под своей броней.
Угнетенный, я изнемогаю, слишком обессиленный, чтобы выздороветь.
О, Солнца, если бы в ваших лучах я мог умереть.

Стихотворение представляет собой один из лучших образцов оригинального творчества русских поэтов на французском языке и является самым убедительным аргументом в пользу мнения, разделявшегося многими современниками Анненского, в том числе Вяч. Ивановым, Гумилевым и Адамовичем, о том, что он единственный чему-то научился у Малларме и что в его поэзии чувствуются интонации и синтаксис французского поэта.²¹ С точки зрения Жоржа Нива, исполненное утонченной таинственности стихотворение написано à la Mallarmé и в известной мере может даже восприниматься как пастиш. В то же время обращает на себя внимание инверсия, лежащая в основе построения первого четверостишия «французского» стихотворения Анненского. На фоне французской поэзии эпохи символизма это инверсирование воспринимается как чрезвычайно искусственное явление, а

¹⁹ Анненский И. Ф. Разбор стихотворного перевода лирических стихотворений Горация, П. Ф. Порфирова. С. 2—3.

²⁰ Первая публикация по отдельному автографу, принадлежавшему Е. М. Мухиной: Помертные стихи Иннокентия Анненского / Под ред. В. Кривича. Пб., 1923. С. 17, 154; с посвящением «Dédiée à Madam C. M.» и датой «Samedi. Le 7-me 8-bre, 1900. Tscarskoie Sélo». См. также: Анненский И. Ф. Письма. Т. I. С. 358—359.

²¹ Иннокентий Анненский глазами современников. СПб., 2011. С. 274—276, 362, 372, 407.

само стихотворение превращается в искусную стилизацию под поэзию XVII века.²²

Что касается подборки стихотворений (ед. хр. 16), представляющей собой собрание отдельных листов, то она также представляет собой промежуточный вариант книги «Тихие песни», который возможно датировать 1902 годом. На титульном листе обозначено: «OÛTÏC. Утис. Из пещеры Полифема». В правом нижнем углу титульного листа сделана запись карандашом, вероятно принадлежащая В. И. Кривичу-Анненскому: «Так по изначальному преднамерению должна была называться книга стихов («Тихие песни»), причем сюда должна была войти еще и статья „Что такое поэзия?“» (л. 1).

Принцип чередования переводов и оригинальных текстов здесь в целом сохраняется, но с ростом общего количества оригинальных поэтических текстов определяются в общей композиции книги и новые конструктивные элементы.

I. *L'idéal. Идеал (Сюлли Прюдома)* («Прозрачна высь своим доспехом медным...»)

II. *A un poète mort. Над мертвым поэтом (Леконта де Лиль)* («О, ты, чей светлый взор на крыльях горней рати...»)

III. *Le don du poète. Дар поэмы (Стефана Малларме)* («О, не кляни ее за то, что Идумеи...»)

IV. *Spleen. Сплин. (Ш. Боделэра)* («Бывают дни с землею точно спаян...»)

V. *Sépulture d'un poète taudit. Погребение нечестивого поэта (Ш. Боделэра)* («Если тело твоё христиане...»)

VI.*** (Сюлли Прюдома) («Когда стихи тебе я отдаю...»)

VII. *Каприз (на мотив Поля Верлена)* («Неуловимый маг в иллюзии тумана...»)

VIII. *Ma bohème. Богема. (Артюра Рембо)* («Не властен более подошвы истоптать...»)

IX. *Un bohème. Представитель богемы. (Мориса Роллина)* («Последний мой приют — сей пошлый макадам...»)

X. *Pensée du soir. Вечером (Поля Верлена)* («Пусть бледная трава изгнанника покоит...»)

XII.²³ *L'agonie. Агония. (Сюлли Прюдома)* («Над гаснущим в томительном бреду...»)

XIII. *Le dernier souvenir. Последний луч. (Леконта де Лиль)* («Глаза открыты и не видят. Я — мертвец...»)

XIV. *Les aveugles. Слепые (Ш. Боделэра)* («О созерцайте их: весь ужас жизни тут...»)

XV. *Мая. Майя. (Леконта де Лиль)* («О Майя, о поток химер неуловимых!»)

XVI. *Le doute. Сомнение. (Сюлли Прюдома)* («Белеет истина на черном дне провала...»)

XVII. *Le silence. Безмолвие. (М. Роллина)* («Безмолвие — это душа вещей...»)

XVIII. *Les hiboux. Совы. (Ш. Боделэра)* («Зеницей нацелясь багровой...»)

²² Мнение высказано в частном письме, адресованном одному из авторов данной работы.

²³ В подборке отсутствуют листы со стихотворениями под номерами: XI, XXVIII, XXIX, XXXV, XLIX, LVI, LXXVI, LXXVII, LXXIX, LXXX—LXXXIII, LXXXVI.

- XIX. *Les ombres. Тени. (Сюлли Прюдома)* («Остановлюсь — лежит. Иду, и тень идет...»)
- XX. *(Из Г. Гейне)* («Счастье деве подобно пугливой...»)
- XXI. *Поэзия. (?)* («Пусть для ваших открытых сердец...»)
- XXII. *Parallèlement* (1. «Под грозные речи небес...». 2. «Золота заката розы...»)
- XXIII. *La bibliothèque. Библиотека (М. Роллина)* («Я приходил туда, как в заповедный лес...»)
- XXIV. *Paris nocturne. Париж ночью (Тр. Корбьера)* («Ты море плоское — в тот час, когда отбой...»)
- XXV. *Paris diurne. Париж днем (Тр. Корбьера)* («Гляди — на небесах в котле из красной меди...»)
- XXVI. *Трактир жизни* («Вкруг белеющей Психеи...»)
- XXVII. *La langueur. Томленье. (П. Верлена)* («Я бледный Римлянин эпохи Апостата...»)
- XXX. *L'holocauste. Огненная жертва. (Леконта де Лиль)* («С тех пор как истины прияли люди свет...»)
- XXXI. *Sensation. Впечатление. (Артюра Рембо)* («Один из голубых и мягких вечеров...»)
- XXXII. *Mon rêve familier. Любимый сон. (П. Верлена)* («Я полюбил ее в томительном виденье...»)
- XXXIII.*** *(Из Ф. Жамма)* («Когда для всех меня не станет меж людьми...»)
- XXXIV. *Les spectres. Призраки. (Леконта де Лиль)* (I. «С душой печальною три тени неразлучны...», II. «Уста земляные и длани ледяные...», III. «Но что со мной?.. О нет! Тени светлеют вежды...»)
- XXXVI. *Ich träumte von einem Königskind. Мне снилась царица. (Г. Гейне)* («Мне снилась царица в затишье лесном...»)
- XXXVII. *Réversibilité. Искупление. (Ш. Боделэра)* («Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?»)»)
- XXXVIII. *Der Doppelgänger. Двойник. (Г. Гейне)* («Ночь, и давно спит закоулочек...»)
- XXXIX.*** *(П. Верлена)* («Я долго был безумен и печален...»)
- XL.*** *(Из Гейне)* («О страсти беседуя чинно...»)
- XLI. *Crimen amoris. Преступление любви. (П. Верлена)* («Средь золотых шелков палаты Экбатанской...»)
- XLII. *Le parfum impérissable. Негибнущий аромат. (Леконт де Лиль)* («Если на розу полей...»)
- XLIII. *Colloque sentimental. Сентиментальная беседа. (П. Верлена)* («Забвенный мрак аллеи обледенелых...»)
- XLIV. *La chutes des lys. Падающие лилии* («Уж черной ночи бледный день...»)
- XLV. *Si j'étais Dieu. Когда б я богом стал. (Сюлли Прюдома)* («Когда б я богом стал, земля Эдемом стала б...»)
- XLVI. *L'archet. Смывок. (Ш. Кро)* («У нее были косы густые...»)
- XLVII. *La fille de l'émyr. Дочь Эмира. (Леконта де Лиль)* («Умолк в тумане золотистом...»)
- XLVIII. *Romance sans paroles. Песня без слов. (П. Верлена)* («Сердце исходит слезами...»)
- L. *J'ai la fureur d'aimer. Я — маниак любви. (П. Верлена)* («Во мне живет любви безвольный маниак...»)
- LI. *Les chercheuses des roix. Феи расчесанных голов. (Арт. Рембо)* («На лобик розовый и влажный от мучений...»)

LII. Ériphanie. Явление божества. (Леконта де Лиль) («Над светлым озером Норвегии своей...»)

LIII. Бессонница ребенка («От душной копоти земли...»)

LIV. Через сорок лет (вычеркнуто название — *Перед рассветом*) («Когда затихает для уха...»)

LV. Лилии цветут («Зимней ночи путь так долог...»)

LVII. Le hareng saur. Сушеная селедка. (Ш. Кро) («Видали ль Вы белую стену — пустую, пустую, пустую?..»)

LVIII. Зимний сон («Вот газеты свежий номер...»)

LIX. <Без заглавия> («Я устал от бессонниц и снов...», с эпиграфом «Черные мухи как мысли...». Апухтин)

LX. Декорация («Это — лунная ночь невозможного сна...», с эпиграфом: «На меня действует только та природа, которая похожа на декорацию». Из «Признаний»)

LXI. На воде («То луга-ли, скажи, облака ли, вода-ль?...»)

LXII. Соннет <sic!> («Я ночи знал. Мечта и труд...»)

LXIII. Соната («Есть книга чудная, где с каждою страницей...»)

LXIV. Свечка гаснет. Подзаголовок — (банальная трагедия) — зачеркнут («В темном пламени свечи...»)

LXV. Конец осенней сказки («Неустанно ночи длинной...»)

LXVI. Под новою крышей («Сквозь листву просвет оконный...»)

LXVII. За Пушкиным («Когда высоко под дугою...»)

LXVIII. Эта ночь бесконечна была («Эта ночь бесконечна была...»)

LXIX. Вечером («Гаснет небо голубое...»)

LXX. Ветер («Люблю его, когда сердит...»)

LXXI. Второй фортепьянный сонет («Над ризой белою как уголь воло-са...»)

LXXII. Еще один («И пылок был, и грозен день...»)

LXXIII. Там («Ровно в полночь гонг унылый...»)

LXXIV. На пороге («Дыханье дав моим устам...»)

LXXV. С четырех сторон чаши («Нежным баловнем мамыши...»)

LXXVIII. Двойник («Не я, и не он, и не ты...»)

LXXXIV. Июльский сонет <sic!> («Когда весь день над рожью спелой...»)

LXXXV. Осень («Раззолоченные и бледные сады...»)

LXXXVII. Тоска («По бледно розовым овалам...»)

В этом варианте книги еще отчетливее проявляются следы строгой продуманности ее структуры. Расположение поэтического материала объединено сквозной нумерацией римскими цифрами (от I до LXXXVII). Особая структурированность проявляется в подходе поэта к заглавию поэтических текстов, заметна тенденция к двойному («параллельному») озаглавливанию, причем как переводных, так и оригинальных стихотворений.

Между тем в этом промежуточном варианте книги значительно увеличивается количество оригинальных стихов, которые уже располагаются в большей части поэтическим блоком (см. номера *LIII—LXXXVII*).

В данной подборке представлено 76 поэтических текстов (29 — оригинальных, 47 — переводных), а последовательная нумерация свидетельствует о существовании 87 поэтических текстов. Наблюдаемые в составе подборки отдельные «пробелы» (отсутствие записей под номерами *XI, XXVIII, XXIX, XXXV, XLIX, LVI, LXXVI, LXXVII, LXXIX, LXXX—LXXXIII, LXXXVI*) в настоящий момент трудно объяснимы.

При этом однозначно можно утверждать, что к 1902 году определилась мифопоэтическая концепция книги, которая ляжет в основу поэтического

сюжета оригинальной части «Тихих песен».²⁴ Первоначальный криптоним «И. А.» уже заменен промежуточным «ОУТІС. Утис», от которого остается один шаг до таинственного «Ник. Т-о». Кроме того, почти полностью к этому времени сформирован и основной корпус приложения «Парнасцы и Проклятые». Из представленных в этой подборке 47 переводных текстов только 3 не войдут в состав первой книги Анненского: *Каприз (на мотив Поля Верлена)* («Неуловимый маг в иллюзии тумана...»), *** (*П. Верлена*) («Я долго был безумен и печален...») и *Les chercheuses des poux. Феи расчесанных голов. (Арт. Рембо)* («На лобик розовый и влажный от мучений...»).

Обращает на себя внимание и тот факт, что Анненский включил в сборник далеко не все переводы, осуществленные им к моменту подготовки его к печати. Нет ничего удивительного в том, что поэт оставил за рамками сборника не самые удачные свои переводы, такие, как «Пускай избитый зверь, влачася на цепочке...» и «О ты, которая на миг мне воротила...» Леконта де Лиля, «Каприз» Верлена или «Приятель» Роллина. Однако, по-видимому, по совершенно иной причине первоначальный вольный перевод стихотворения «*Mon rêve familier*» (ед. хр. 16, л. 81) был заменен более точным и более адекватно отражающим все особенности оригинала переводом — «Сон, с которым я сроднился...».

Казалось бы, трудно себе представить более «тихую» песнь, чем выполненный Анненским перевод стихотворения Верлена «Начертания ветхой триоди...». Между тем поэт не включил его в состав сборника «Тихие песни». В отличие от других случаев, известно, почему это прекрасное русское стихотворение, в высшей степени показательное для эпохи декаданса, не вошло в первую книгу Анненского. При переводе верленовского стихотворения «*Je devine, à travers un murmure...*» Анненский вступил в своеобразное творческое соревнование с Брюсовым и Сологубом и отказал своей и сологубовской версии в праве на существование: «Сологуб перевел его плохо, а я сам позорно».²⁵

Из перевода Анненского, завораживающе-изысканного, помимо прочего исчез лирический герой, который прямо взывал к смерти, обрамляя своим призывом последнюю строфу стихотворения. В его версии:

О, развеяться в шепоте елей...
Или ждать, чтоб мечты и печали
Это сердце совсем закачали
И, заснувши... скатиться с качелей?²⁶

Упоминание Смерти здесь затабуировано, что усиливает ощущение загадочности, так Анненский-переводчик добивался передачи того самого впечатления, которое привлекло его внимание в первую очередь и воссоздавая которое он пожертвовал многими другими элементами текста.

Можно также предложить, что Анненский не решился в первом поэтическом сборнике, предлагаемом на суд взыскательного читателя, включить также те свои удачные переводы прекрасных стихов французских поэтов, которые могли шокировать «сырую женщину» (по иронической характеристике самого поэта),²⁷ которые шли вразрез как с традициями русской лирики последних десятилетий XIX столетия, так и с новыми эстетическими ве-

²⁴ См. об этом: *Мусатов В. В.* «Тихие песни» Иннокентия Анненского // Известия АН (РАН). Сер. лит. и яз. 1992. Т. 51, № 6. С. 14—24; *Петрова Г. В.* Творчество Иннокентия Анненского. Великий Новгород, 2002.

²⁵ *Анненский И.* Книги отражений. С. 356.

²⁶ *Анненский* 1990. С. 254.

²⁷ См.: *Анненский И. Ф.* Письма. Т. II. С. 288.

аниями его современников, русских поэтов-символистов, такие, как «Мышь, покати́лась мышь...» Верлена.

В другом случае Анненский, даже попытавшись смягчить «антипоэтическую» природу гениального стихотворения Рембо «Феи расчесанных волос», переведя его в более традиционный общепоэтический регистр, не включил этот перевод, понимая, что он вряд ли может быть истолкован как адекватный.

Некоторые первоначальные редакции переводов настолько отличаются от включенных поэтом в сборник и настолько своеобразны, что, несомненно, в том числе с художественной точки зрения, заслуживают читательского внимания.

Например, стихотворение Ш. Бодлера «Сплин»:

«Тихие песни»

И вот... без музыки за серой пеленой
Ряды задвигались... Надежда унывает,
И над ее поникшей головой
Свой черный флаг Мученье
развевает...²⁸

Оригинал

Et de longs corbillards, sans tambours
ni musique,
Défilent lentement dans mon âme;
l'Espoir,
Vaincu, pleure, et l'Angoisse atroce,
despotique,
Sur mon crane incline plante son
drapeau noir.

Или другой пример — стихотворение Леконта де Лиля «Явление божества»:

«Тихие песни»

Не улыбались, не плакали они,
И в голубую даль глядят спокойно
вежды...²⁹

Оригинал

Jamais ils n'ont souri, jamais ils n'ont
pleuré,
Ces yeux calmes ouverts sur l'horizon
céleste...

Здесь же финальная фраза:

«Тихие песни»

Среди бессмертных волн одежды
белоснежной³⁰

Рабочая тетрадь

И вот без музыки пред мыслью больной
Ряды задвигались... Надежда унывает,
И над моей поникшей головой
Свой черный флаг Мученье развевает...
(л. 83—84)

Подстрочный перевод

И длинные катафалки, без
барабанщиков и музыкантов,
Торжественно вступают в мою душу;
Надежда,
Побежденная, рыдает, и Тоска,
жестокая и гнетущая,
Водружает над моим поникшим
черепом свой черный флаг.

Рабочая тетрадь

В них не искрится мир, не искрится
слеза,
И для одних небес ее открыты вежды...
(л. 62 об.—64)

Подстрочный перевод

Никогда они не улыбались, никогда
они не плакали,
Эти спокойные глаза, обращенные к
небесному своду.

Рабочая тетрадь

Меж складками его одежды
белоснежной
(л. 64)

²⁸ Анненский 1990. С. 238.

²⁹ Там же. С. 249.

³⁰ Там же. С. 250.

Оригинал**Подстрочный перевод**

Dans les plis de sa robe immortellement
blanche

Меж складками его одежды безупречно
белой

Или ключевая финальная строка из стихотворения Ст. Малларме «Дар поэмы»:

«Тихие песни»**Рабочая тетрадь**

Лазурью девственной сожженные
уста.³¹

Лазурью девственной томимые уста
(л. 54)

Оригинал**Подстрочный перевод**

Pour les lèvres quel'air du vierge azur
affame

Над губами, иссохшими от жажды
девственной лазури.

Как видим, Анненский чаще всего точен в рукописи и более «поэтичен» — в окончательной редакции.

Однако выделяются и другие случаи. Так, одно из самых неожиданных решений Анненский-переводчик, в целом в высшей степени уважительно относившийся к формальной стороне стиха, предлагает в переводе сонета Леконта де Лиля «Негибнувший аромат». Дело в том, что при всей любви Анненского к сонетной форме, в окончательном тексте перед нами семь четверостиший, в то время, как в подготовительных рукописных материалах мы обнаруживаем еще три строфы, оставшиеся неизданными (см. ниже, выделено курсивом. — В. Б., Г. П.). Приведем это переводное стихотворение в первоначальной редакции:

LE PARFUM IMPÉRISSABLE

Если на розу полей
Солнце Лагора сияло
Душу ее перелей
В узкое горло фиала.

Глину ль насытит бальзам,
Или обвеет хрусталь
С влагой божественной нам
После расстаться не жаль.

Пусть, орошая утес,
Жаркий песок она поит
Розой оставленных слез
Море потом не отмоет.

Если ж фиалу в кусках
Жребий укажет лежать
Будет блаженствуя прах
Розой Лагора дышать.....

*В сердце уставшем любить
Жаркая рана зияет
Капля за каплей, как нить,
Сердце любовь оставляет.*

³¹ Там же. С. 270.

*Пред изнемогшим в борьбе
Чары надежд утай,
И да простятся тебе
Долгие муки мои —*

*Знаю, что мук и отрад
Гибелью праздник отмечен
Верю — любви аромат
В сердце трепещущем вечен.*

Сердце мое как фиал,
Непощаженный судьбою
Пусть он недолго дышал,
Дивная влага, тобою.

Той, перед кем пламенел
Чистый светильник любви,
Благословляя удел,
Муки простил я свои.

Сердцу любви не дано,
Но и меж атомов атом
Будет бессмертно оно
Нежным твоим ароматом.

(л. 42—42 об.)

Ср. с оригиналом:

LE PARFUM IMPÉRISSABLE

Quand la fleur du soleil, la rose de Lahor,
De son âme odorante a rempli goutte à goutte
La fiole d'argile ou de cristal ou d'or,
Sur le sable qui brûle on peut l'épandre toute.

Les fleuves et la mer inonderaient en vain
Ce sanctuaire étroit qui la tint enfermée:
Il garde en se brisant son arôme divin,
Et sa poussière heureuse en reste parfumée.

Puisque par la blessure ouverte de mon cœur
Tu t'écoules de même, ô céleste liqueur,
Inexprimable amour, qui m'enflammais pour elle!

Qu'il lui soit pardonné, que mon mal soit béni!
Par delà l'heure humaine et le temps infini
Mon cœur est embaumé d'une odeur immortelle!

Возможно, выявленные особенности переводческого метода Анненского позволяют поставить вопрос о существовании *импрессионистического перевода* и о его принципах.

И все-таки при сопоставлении рукописей и окончательного печатного текста книги убеждаешься, что Анненский настойчиво сохраняет первоначальный принцип чередования оригинальных и переводных стихотворений, что позволяет нам рассматривать мироощущение и мировосприятие самого поэта в сопряжении с опытом западноевропейских лириков и представлять Горация и Гете, Гейне и Мюллера, Лонгфелло и Леконта де Лиля, Прюдома

и Роллина, Верлена и Рембо, Гриффина и Жамма своеобразными «спутниками» его Улисса, также оказавшимися в страшной «пещере» жизни. Так Анненский вписывает себя в общую «каргу» современной поэзии, становится «идущим рядом».

Чередование оригинальной и переводной лирики в рукописях, как и их параллельное расположение в окончательном варианте книги — это и структурированный образ «коллективного мыслестрадания», который Анненский позже обозначит в письме к Е. М. Мухиной. По мнению поэта, в современности «фантом творческой индивидуальности почти исчерпан» и потому «...центр чудесного должен быть перемещен из разоренных палат индивидуальной интуиции в чашу коллективного мыслестрадания (<...>)».³²

Когда именно произошел пересмотр композиционных принципов построения первой книги Анненского и выделение переводов в отдельное приложение, определить почти невозможно. Однако окончательная двухчастная структура книги с равным количеством лирических произведений в каждой части, по сути, может рассматриваться как вариант все того же «чередования», изначально заложенного в основание композиции книги.

Однако если сюжетная основа оригинальной части «Тихих песен» уже не раз привлекала внимание исследователей, то целостность приложения «Парнасцы и Проклятые» всегда вызывала сомнения. А между тем в «Автобиографической заметке», составленной Анненским для словаря Венгерова и отправленной 16 января 1903 года, он признавался: «...в качестве результата долголетних занятий поэзией, особенно французской (начиная с Леконта-де-Лиля) изготовлен сборник стихотворений с предисловием „Что такое поэзия“».³³

Для Анненского, как и для «старших» русских символистов, ориентация на западноевропейскую культуру имела принципиальное значение. Этой ориентацией обусловлено то место, которое занимали переводы в их творчестве.³⁴ В рецензии на сборник «Тихие песни» Блок пронизательно отметил присущую музе Анненского способность «вселяться в душу разнообразных переживаний».³⁵ А С. Маковский прозорливо писал о том, что Анненский сочетал средиземноморскую культуру с русской и, главное, соединил в своем стихе обожание и глубокое знание французской культуры с простонародными оборотами и прозаизмами.³⁶ Для русских писателей, прежде всего, конечно, для поэтов XIX—XX веков, художественный перевод был необходимой гранью их творческих поисков, неотъемлемой частью литературного дела. Согласно А. В. Федорову, «переводы стихов в деятельности Анненского не только занимают большое место (один Еврипид хотя бы), но и играют исключительную роль — не как лаборатория стиха, не как средство для освоения разных художественных манер, а как путь в другие душевные миры, как возможность овладения новыми поэтическими голосами».³⁷

В «Тихих песнях» на первый план выходит поэт-переводчик, его «Его», авторская воля. Расположение стихов подчинено определенному «тематическому» сценарию. Имена авторов переведенных стихов даются в скобках, а сами стихи идут вперемешку. Однозначному толкованию этот «сценарий»

³² Анненский И. Книги отражений. С. 477.

³³ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: (Историко-литературный сборник). СПб., 1904. Т. VI. С. 343. Курсив наш. — В. Б., Г. П.

³⁴ Donchin G. The influence of French symbolism on Russian poetry. S'Gravenhage, 1958. P. 10.

³⁵ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 7. С. 192.

³⁶ См.: Иннокентий Анненский глазами современников. С. 348.

³⁷ Федоров А. Иннокентий Анненский. Личность и творчество. Л., 1984. С. 102.

не поддается, хотя при желании можно увидеть общее тематическое, эмоциональное и эстетическое движение — от Парнасцев — к Проклятым, от «Идеала» Сюлли Прюдома — к «Сушеной селедке» Шарля Кро.

Переведенные стихотворения Анненский располагает по какой-то своей логике, создавая определенную интригу или, скорее, сложную мелодию, для которой первостепенное значение имеет не авторство, а настроение, тема, «нота». Невозможно себе представить раздел переводов этой книги, в структуре которого заложен авторский принцип. В предложенной структуре полноправным автором, в том числе и в разделе переводов, является только Анненский, а переведенные им поэты служат тому замыслу, который им предложен.

Литературное направление, ярчайшим представителем которого из переведенных Анненским французских поэтов был Леконт де Лиль и к которому ненадолго по-разному примыкали Сюлли Прюдом, Бодлер, Верлен и Малларме, получило название Парнаса. Одним из основных принципов Парнаса было требование соединения искусства и науки, т. е. использования в своем творчестве достижений археологии, позитивистской философии, естествознания и т. д. Предполагалось также стремление к непосредственному и «автономному» показу мира, которое должно было достигаться за счет возможно более спокойного описания в четких образах и выверенных фразах человеческих страстей и общественных потрясений. Непременным условием считалось совершенство, «скульптурность» формы, пластическая, описательная зрелищность поэзии.

Что касается языка, то романтической импровизации, лексической, а в какой-то мере и грамматической свободе они противопоставили другие «добродетели»: порядок и точность, четкий, ясный и «правильный» стиль. «Парнасцы, — по словам В. Брюсова, многим им обязанного, — ввели язык строгий, почти научный, в котором подбор слов был основан на объективном изучении предмета, изображаемого поэтом».³⁸

Что касается «проклятых», то с некоторыми оговорками можно сказать, что в истории французской поэзии они заняли место между Парнасом и символистами. С именами «проклятых» связано представление о людях, сделавших саморазрушение не только индивидуальным мировоззрением, но и обозначивших его как общий принцип. Неприкаянность и душевный разлад «проклятых» претворяются в отличительную особенность их творчества. Так реализовывалось подсознательное стремление сбросить с себя узы всего бренного — и соединиться с вечным: отсюда произрастали зерна будущей философии символизма.³⁹

При всем отличии темпераментов, общественных пристрастий и эстетических устремлений для поэтов, воспринимавшихся современниками как «проклятые», характерными были нацеленность на эпатаж обывателя, предрасположенность к исповедальности, ирония и самоирония, эстетизация душевного разлада, широкое использование прозаизмов и «будничной» лексики.

Своеобразие творческой индивидуальности Анненского проявилось в том, что близкими ему оказались одновременно «Парнасцы» и «Проклятые», французские поэты — современники, однако едва ли не полярных эстетических взглядов.

Присутствие переводов поэтов, представляющих две различные тенденции мировой поэзии, в первом поэтическом сборнике русского поэта, интерес

³⁸ Брюсов В. Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. XXI. С. 223.

³⁹ Яснов М. Угол стола, или Портрет Верлена в кругу «проклятых поэтов» // Проклятые поэты. СПб., 2005. С. 7.

Анненского к этим двум, казалось бы, несовместимым началам показывает их сосуществование в его душевном складе и поэтической индивидуальности. Судя по всему, собственное поэтическое творчество Анненский готов был воспринимать как поиск и возможное осуществление подобного синтеза.

Поэзия Анненского — это оригинальное и органичное эстетическое явление и вместе с тем русский аналог неосуществленного на французской почве синтеза эстетических устремлений двух важных и ярких литературных направлений — «парнасцев» и «проклятых». Поэтому столь знаменательным является и название приложения, и выбор переведенных стихотворений, но что особенно важно, сам парадоксальный состав сборника-приложения «Парнасцы и Проклятые».

Казалось бы, «бряцание кимвал» «парнасцев» и положенные на музыку обнаженные нервы «проклятых» — это все, что угодно, только не «тихие песни». «Тихими», пожалуй, были лишь стихи Верлена, прежде всего из сборника «Песни без слов», но их-то Анненский в окончательный состав книги и не включил. По-видимому, для выбора названия определяющее значение имела оригинальная поэзия, переводная же во многом представляла собой те различные тенденции в современной поэту западноевропейской лирике, которые привлекли его внимание, которые далеко не в полном объеме оказались им использованы и которые в какой-то мере представляют собой «леса» творческого замысла, убираемые при завершении работы.⁴⁰ При окончательном выборе композиции книги «Тихие песни» произошло выделение переводов в самостоятельную часть, или, скажем по-другому, освобождение оригинальной части от «переводных» «лесов», ее поддерживающих в момент рождения.

Отдельного разговора заслуживает отнесенность заглавия первой поэтической книги Анненского к другому виду искусства — музыке. Почти одновременно с ней, в 1902 году, в европейской литературе появились две знаменитые книги, также отсылающие нас к музыкальным жанрам: «Симфонии» Андрея Белого и «Сонаты» испанца Рамона Мариа дель Валье-Инклана, тем самым постановка вопроса о соотносительности, взаимовлиянии и взаимообусловленности различных видов искусства, *translatio* одного в другое была чрезвычайно актуальной.

Благодаря переводам в «Тихих песнях» появляются ноты, мотивы и мелодии, которые музе Анненского в это время были недоступны, но которые, с его точки зрения, были необходимы для того, чтобы новое, в какой-то мере музыкальное, произведение искусства оказалось бы законченным и оригинальным.

Анненскому близок протеизм Пушкина, наиболее яркое воплощение нашедший в его автопортретах, в которых то ли поэт перевоплощается в жирондистов, горцев, стариков, женщин, даже в жеребенка, то ли их он наделяет своими чертами. Музе Анненского осталась чуждой и патетика, и велеречивая холодная страсть Леконта де Лиля в таких стихотворениях, как «Огненная жертва», и заземленный иронический прозаизм «Сушеной селедки» Кро, однако он считал необходимым создать русские версии этих стихов. В то же время у перевоплощений Анненского были свои границы. Легко можно себе представить, что он обратился к переводам парнасца Ж.-М. де Эредиа или еще одно «проклятого», Жермена Нуво, неприкаянного друга Верлена и Рембо, но вряд ли бы он обратился к переводу песен Беранже.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Багно В. Е. «Леса» литературных связей: от рукописи к окончательному тексту // Языки рукописей. СПб., 2000. С. 109—121.

Перевоплощаясь в своих французских «спутников»-«соперников», представителей Парнаса, «проклятых» или символистов, Анненский, скорее всего, подобно Тургеневу мог бы сказать: «Изо всей моей литературной карьеры я ни на что не гляжу с большей гордостью — как на этот перевод. Это был *tour de force* заставить русский язык схватиться с французским — и не остаться побежденным».⁴¹

Сопоставление стихотворений и переводов, включенных поэтом в сборник «Тихие песни», с сохранившимися в подготовительных материалах рукописями позволяет говорить об особенностях становления творческой индивидуальности Анненского-поэта. Вначале это были почти исключительно переводы. Затем — бессистемно чередующиеся оригинальные стихи и переводы. Наконец — систематизация текстов как единого поэтического пространства, размечаемого в одних случаях как оригинальные стихи, в других — как переводные.

Заслуга Анненского-поэта была прямым продолжением заслуги Анненского-переводчика, и заключалась она в том, что ему удалось открыть в «русском языке такие музыкальные и эмоциональные возможности, которые до него были неведомы».⁴² Именно поэтому он мог позволить себе быть субъективным, мог, как отмечал А. В. Федоров, в переводе выхватывать лишь отдельные характерные элементы и на них сосредоточивать внимание, все остальное переистолковывать как некий фон.⁴³ Далеко не все русские переводчики пошли по его пути, и тем не менее роль Анненского-переводчика в возрождении стихотворного перевода в России в конце XIX — начале XX века чрезвычайно велика.

Все три этапа формирования замысла и структуры первой книги стихов Анненского «Тихие песни» показывают, что для него, как и для его современников, переводная поэзия была органичной частью национальной литературы. Стихотворные переводы Анненского — столь же важная и такая же неотъемлемая часть «Тихих песен», как и в целом художественные переводы в истории русской литературы.

⁴¹ См.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1966. Письма. Т. XII. С. 131.

⁴² См.: *Эткинд Е. Г.* Французская поэзия в зеркале русской литературы // Французские стихи в переводе русских поэтов XIX—XX вв. М., 1969. С. 37.

⁴³ См.: *Федоров А. В.* Иннокентий Анненский — лирик и драматург // Анненский 1990. С. 43.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В «Дневнике писателя» за 1873 год Достоевский сокрушался о плохом качестве переводов русских писателей на западноевропейские языки, утверждая, что по этой причине иностранцы не могут иметь ни малейшего представления о масштабе наших романистов, и противопоставлял им замечательные русские переводы писателей Запада, дающие, по его мнению, полное представление об их таланте и своеобразии: «...мы на русском языке понимаем Диккенса, я уверен, почти так же, как и англичане, даже, может быть, со всеми оттенками; даже, может быть, любим его не меньше его соотечественников. А, однако, как типичен, своеобразен и национален Диккенс! Что же из этого заключить? Есть ли такое понимание чужих национальностей особый дар русских пред европейцами? Дар особенный, может быть, и есть, и если есть этот дар (равно как и дар говорить на чужих языках, действительно сильнейший, чем у всех европейцев), то дар этот чрезвычайно значителен и сулит много в будущем, на многое русских предназначает, хотя я не знаю: вполне ли это хороший дар, или есть тут что-нибудь и дурное...»¹ Тем самым мысль о всемирной отзывчивости русского народа, которую Достоевский с особой рельефностью развил в своей знаменитой речи о Пушкине, получила здесь специфическое «переводоведческое» обоснование и наполнение.

Впечатляющей была многовековая масштабная переводческая деятельность древнерусских книжников. «Переводческий» проект, без сомнения, является одним из главных реформаторских начинаний Петра I. При этом по сравнению со своими западными коллегами русские переводчики были вынуждены выполнять двойную задачу — следить за новинками литературы и одновременно вводить в читательский оборот весь огромный культурный багаж западноевропейской цивилизации от античности до эпохи барокко, сочинения, давно переведенные на все основные европейские языки.

С начала XVIII века освоенное и «приобщенное» к России культурное пространство стремительно расширялось. Продолжали появляться переводы с латыни, древнегреческого, польского языков. Однако, главным образом, это были немецкая, французская, итальянская, все в большем объеме — английская, испанская, а также восточные литературы. К концу столетия в распоряжении русских читателей уже находился основной пантеон как античных авторов, так и представителей западноевропейского классицизма и Просвещения. Во второй половине XVIII века перевод стал рассматриваться как особый вид творчества, заслуживающий не меньшего уважения, чем создание оригинальных художественных произведений, а переводчик подчас ставил перед собой цель превзойти оригинал по художественным достоинствам.

В период с XVIII по XX век объем переводной литературы нарастал лавинообразно. Вместе с тем уровень художественного перевода в России был обратно пропорционален уровню и масштабу национальной литературы. Поэтому вполне естественно, что по сравнению с первой половиной XIX века и рубежом XIX и XX веков наиболее низок он был именно в эпоху великого русского романа. Однако для самих романистов — Тургенева, Толстого, Достоевского, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Лескова — в годы формирования их литературных взглядов и творческих устремлений русская перевод-

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 69.

ная литература первой половины XIX века, периода ее расцвета, сыграла первостепенную роль.

Художественный перевод подчас не только восполнял пробел в национальной системе литературных жанров и стиховых размеров и форм, но одновременно порождал соответствующую ему культурную среду. В известном смысле соответствующую — классицистическую, просветительскую, сентименталистскую, романтическую, декадентскую — среду породили художественные переводы из Фенелона, Вольтера, Гете, Вальтера Скотта, Байрона, Верлена.

При этом, хотя художественный перевод является неотъемлемой и важнейшей частью русской литературы, все наши общие историко-литературные труды страдают известной односторонностью и все «Истории русской литературы» описывают исключительно оригинальную литературу, не обращая никакого внимания на переводную. Тем самым история национальной литературы представляется с позиций «производителей», т. е. писателей, принимавших непосредственное участие в ее создании. Но если встать на позицию «потребителей», т. е. читающей публики, то мы увидим, насколько велик вклад переводной литературы в становление национального самосознания.

Предлагаем вниманию читателей несколько неизвестных эпизодов истории русской художественной переводной литературы.

© В. Е. Багно

© К. С. КОРКОНОСЕНКО

О ЧЕТЫРЕХ РАННИХ ПЕРЕВОДАХ БАСНИ ТОМАСА ДЕ ИРИАРТЕ «EL PATO Y LA SERPIENTE»*

Несомненно, в России расцвет как оригинальной, так и переводной басни приходится на рубеж XVIII—XIX веков.¹ При этом нет ничего удивительного в том, что испанским баснописцам — как, впрочем, и всем испанским литераторам — уделяется в то время совсем немного внимания (по сравнению, в первую очередь, с французами, немцами и древними классиками). Тем более любопытно явление множественности перевода² басни «El pato y la serpiente» («Утка и змея») (и еще нескольких, не столь часто являвшихся на страницах русской печати) испанца Томаса де Ириарте. Приводим оригинал этой басни:

EL PATO Y LA SERPIENTE

Más vale saber una cosa bien que muchas mal

A orillas de un estanque,
diciendo estaba un pato:

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ (14-04-00093).

¹ Об истории русской басни см.: *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. 3-е изд. Харьков, 1930; *Выготский А. С.* Психология искусства. М., 1968. С. 117—186; *Серман И. З.* Русский классицизм (Поэзия. Драма. Сатира). Л., 1973. С. 188—225.

² Термин впервые введен Ю. Д. Левиным в статье «Перевод и бытие литературы» (Вопросы литературы. 1979. № 2).

«¿A qué animal dio el cielo
los dones que me ha dado?

Soy de agua, tierra y aire:
cuando de andar me canso,
si se me antoja, vuelo;
si se me antoja, nado».

Una serpiente astuta,
que le estaba escuchando,
le llamó con un silbo
y le dijo «¡Seó guapo!

no hay que echar tantas plantas;
pues ni anda como el gamo,
ni vuela como el sacre,
ni nada como el barbo;

y así, tenga sabido
que lo importante y raro
no es entender de todo,
sino ser diestro en algo».³

Переводы басни «Гусь и змея» (или «Гусь и змия») не раз привлекали к себе внимание историков русской литературы — благодаря именам переводчиков, среди которых К. Ф. Рылеев (1813; опубл. 1912)⁴ и П. А. Вяземский (1815).⁵ У Вяземского перевод называется «Гусь и Змея. Басня (Из Ириарта, испанс(кого) поэта)». П. Р. Заборов комментировал это произведение так: «Испанского Вяземский не знал. Главное отличие русского перевода от его источника — замена „утки” на „гуся”; кроме того, Вяземский добавил в текст четыре заключительных стиха».⁶

Однако впервые басни Ириарте («Ехидна и пиявица», «Пчела и кукушка», «Чай и шалфей», а также — «Гусь и змея») появились уже в 1788 году на страницах журнала «Утренние часы». Позже, в 1831 году, две другие его басни перевел К. П. Масальский.⁷ Упоминаю об этом потому, что в последнем случае мы имеем все основания утверждать, что перевод басен Ириарте

³ См. первое издание: *Fábulas literarias por Tomás de Iriarte*. Madrid: Imprenta Real, 1782. P. 128. Ириарте-и-Оропеса Томас де (1750—1791) — испанский поэт, баснописец, переводчик. Его басни написаны легким рифмованным стихом, сюжеты придуманы самим автором.

⁴ Гусь и змия («Гусь, ходя с важностью по берегу пруда...»): Баснь / Пер. К. Ф. Рылеева // Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева: Приложения. Киев, 1912. С. 77—78; опубл. в разделе «Произведения, приписываемые Рылееву» по рукописи из архива К. Ф. Рылеева в Императорской Академии наук. Авторство Рылеева и датировка (первая половина 1813 года) определенно установлены Ю. Г. Оксманом (см.: *Оксман Ю. Г. Басня К. Ф. Рылеева «Гусь и змия»* // Пушкинский сборник. Рига, 1974. Вып. 2. С. 116—122 (Уч. зап. Латвийского гос. ун-та)).

⁵ Российский Музеум. 1815. № 12. С. 225—226. Перепечатано в: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1880. Т. 3. С. 83.

⁶ *Вяземский П. А.* Неизвестный и забытый (Из поэтического наследия) / Подг. текста П. Р. Заборова и Д. М. Климовой. СПб., 2013. С. 516.

⁷ 1) Медведь, маргышка и свинья («Однажды с просьбою медведь пристал к маргышке...») // Масальский К. П. Сочинения, переводы и подражания в стихах. СПб., 1831. С. 89—90; то же (без указ. автора) // Масальский К. П. Соч. СПб., 1844. Ч. 5. С. 14—15; то же // Масальский К. П. Басни. СПб., 1851. С. 45—46. Название оригинала: «El oso, la mona y el cerdo»; 2) По случаю («Осел широкой нивой...») // Масальский К. П. Сочинения, переводы и подражания в стихах. С. 87—88; то же (без указ. автора) // Масальский К. П. Соч. Ч. 5. С. 52—53; то же // Масальский К. П. Басни. С. 89—90. Название оригинала: «El burro flautista».

Масальским явился одним из самых ранних опубликованных опытов прямого перевода с испанского на русский.⁸

Задачей данной заметки является указать на два ранних перевода басни Томаса де Ириарте «Гусь и Змея», которые до сих пор не входили в сферу пристального внимания исследователей, а также указать на существование нескольких переводов, что в свою очередь свидетельствует о несомненной важности этого текста для русской литературы рубежа XVIII—XIX веков.

Ввиду малой известности перевода 1788 года приводим его полностью:

ГУСЬ И ЗМЕЯ

Некогда Гусь, находившись близ пруда, тщеславился своими дарованиями: какое животное, кричал он, получило от Небес такие преимущества, какими одарен я, будучи, в одно время, воздушным, земным и водяным жителем? Когда устаю я от хождения, и если возымею желание плавать, или летать, то кто способнее меня может оное исполнить? В самое сие время старая и лукавая Змея, которая по несчастию слышала его столь превозносящегося, с ужасным свистом и шипением говорила ему следующее: сколь безумна та тварь, которая думает иметь причину тщеславиться тем, что одарена некоторою способностью ходить, летать и плавать, хотя принуждена уступать в бегании Оленю, в летании Жаворонку, а в плавании Карпу.

Вмешиваться во все знания, не имея ни в одном достаточного искусства, не заслуживает похвалу; но порицание.⁹

Попытка атрибуции перевода 1788 года была предпринята в статье В. Д. Рака, где указано следующее: «Гусь и змея. [Пер. с франц. (?) П. А. Озерова (?)] (...): Yriarte T. de. El Pato y la Serpiente. Источник-посредник не установлен».¹⁰

Второй интересующий меня перевод, опубликованный в 1806 году в журнале «Московский курьер», тоже выполнен прозой:

ГУСЬ И ЗМЕЯ

Баснь

(С французского)

Величаясь плавал самолюбивый *гусь* по пруду около берега: «какая тварь, — сказал он, — может сравняться со мною? — земля, воздух и вода, все в моем расположении: я хожу, летаю, плаваю, когда мне заблагорассудится... «Это правда, — отвечала *змея*, которая спокойно слушала разговор сего надменного хвастуна, — ты ходишь, но не так резво, как *серна*; летаешь, но не так искусно, как *коршун*; и плаваешь, но не так быстро, как *щука*!»

⁸ См. об этом: Корконосенко К. С. О переводах испанской литературы на русский язык: опыт систематизации // Русская литература. 2009. № 4. С. 48—65.

⁹ Утренние часы. 1788. Неделя 36. 21 декабря. С. 160.

¹⁰ Рак В. Д. Переводческая деятельность И. Г. Рахманинова и журнал «Утренние часы» // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980. С. 124. Озеров Петр Александрович (1762 — после 1803) — литературный деятель конца XVIII века, сотрудник журнала «Утренние часы», в котором и публиковал свои сочинения и переводы с французского.

Подобно сему иные берутся за все науки вдруг и не знают ни одной основательно.¹¹

В статье Ю. Г. Оксмана рассматриваются два возможных перевода-посредника, которыми могли воспользоваться будущий декабрист молодой Рылеев и знаменитый уже поэт Вяземский. Оксман указывает на два существовавших на тот момент французских перевода: Лано (J. V. Lanos) (книжное издание — 1801 года) и Ломанди (P. F. M. Lhomandie) (1804). У Лано точно переведено название испанского баснописца: «Le canard et le serpent» («Селезень и змея») — т. е. разговор идет между двумя мужскими персонажами. Оксман не приводит текст Лано¹² и не отмечает отдельно, что этот перевод, как и оригинал Ириарте, выполнен рифмованным стихом.¹³

Оксман убедительно доказывает, что и Рылеев, и Вяземский перевели стихами прозаический перевод Ломанди. И приводит веский аргумент: «Ломанди произвольно заменил „утку” на „гуся”, назвав свой перевод „Le serpent et l'oiseau”»¹⁴ (далее приводится полный текст басни). Получается, что у Ломанди хвастунья — дама, а резонер — мужчина. Посредник для переводов Рылеева и Вяземского обнаружен, и у меня нет причин оспаривать заключение Оксмана.

Однако для двух указанных мной более ранних прозаических переводов на русский язык мне удалось обнаружить еще два возможных перевода-посредника, не упомянутых в статье Оксмана: немецкий стихотворный перевод Фридриха Юстина Бертуха, опубликованный в 1788 году под заглавием «Die Ente und die Schlange»¹⁵ («Утка и Змея», т. е. оба персонажа — женского рода) и французский стихотворный перевод Ж. Лорансана 1802 года.¹⁶ Последний называется, как и у Лано — «Le canard et le serpent» — впрочем, в остальном у версий Лорансана и Лано мало общего — т. е. это два самостоятельных перевода.

Сопоставление перевода Коптева с известными мне теперь посредниками показывает, что, хотя он и выполнен прозой и вместо Утки в нем снова фигурирует Гусь, по своему содержанию он ближе всего к переводу Лорансана.

Однако главную загадку представляет собой перевод Озерова, опубликованный, напомним, раньше других, в 1788 году. Он не похож ни на один из четырех найденных посредников, выполнен прозой и тоже имеет одним из заглавных персонажей Гуся, а не Утку.

Вынужден признать, что ответ на эту загадку я не нашел. Остается только делать предположения. Скорее всего, французский перевод басни Ириарте был опубликован в каком-нибудь журнале, имевшем хождение в России в

¹¹ Московский курьер. 1806. Ч. 4. № 47. С. 332. В конце текста помета: «С берегов реки Бейлой. 1806». Авторство Ириарте и перевод-посредник не указаны. Перевод атрибутирован А. А. Коптеву в: Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825). СПб., 2006. Т. 3. С. 306. Коптев Алексей Алексеевич (1779 или 1782 — после 1834) — костромской помещик, офицер и чиновник, поэт и прозаик, печатавшийся в «Московском курьере», «Благонамеренном» и «Русском Вестнике», издававший и отдельные книги. На момент публикации перевода служил в канцелярии оренбургского губернатора.

¹² Вполне возможно потому, что у него не было текста под рукой. Во всяком случае в российских библиотеках мне его обнаружить не удалось; сейчас он доступен в Интернете: <https://books.google.ru> (сканировано из Национальной центральной библиотеки Флоренции).

¹³ Вопрос о том, как писать и переводить басни — прозой или стихами — вызвал полемику и в Европе, и в России XVIII века. См. об этом: *Серман И. З. Русский классицизм*. С. 188—225 (гл.: «Спор о басне» и «Два типа басенного рассказа»).

¹⁴ Оксман Ю. Г. Басня К. Ф. Рылеева «Гусь и змея». С. 121.

¹⁵ *Don Tomas de Yriarte. Literarische Fabeln / Uber. F. I. Bertuch. Leipzig, 1788. S. 27—28.*

¹⁶ *Laurencin J. Fables et poésies diverses. Paris, 1802. P. 3.*

конце XVIII века, — возможно, в «Mercure de France», но росписи этого журнала за XVIII век не существует. Возможно также, что Озерову помог перевести басни Ириарте некий француз, знавший испанский.

Тем не менее остается очевидным: в XVIII веке переводчиков художественной литературы с испанского в России еще не было; Петр Озеров не владел испанским языком, а в его переводе помог какой-то невыявленный французский посредник. Добавлю также, что новых переводов басни «El Pato y la Serpiente» в России до сих пор не предпринималось, несколько раз переиздавались стихотворные переводы Вяземского и Рылеева, а прозаические переводы Озерова и Коптева в русской печати больше не появлялись.

© П. Р. ЗАБОРОВ

РАННИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОПЫТ Д. Н. БЛУДОВА*

Видный государственный деятель и дипломат Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864), как известно, на протяжении всей жизни, где бы он ни находился и какие бы должности ни занимал, тяготел к литературе и чувствовал себя не чужим в писательской среде. Достаточно напомнить, что он являлся одним из учредителей, организаторов и участников знаменитого «Арзамаса». Правда, собственно литературное творчество, скорее, оставалось его неосуществленной мечтой, если не считать немногочисленных статей о различных эпизодах отечественной истории.¹

Тем большую ценность, на наш взгляд, имеет неизданный перевод оперы Вольтера «Пандора» («Pandore»), предпринятый Блудовым в тринадцатилетнем возрасте в качестве подарка матери, возможно, ко дню ее рождения или именин.² По словам его биографа, эта давно овдовевшая женщина «необыкновенной красоты, высокой нравственности и очень умная», всецело посвятила себя обожаемому сыну, и неудивительно, что тот отвечал ей взаимностью.³ Перевод Блудова был оформлен как рукописная книга в тканном переплете, украшенном гербом рода Блудовых, и на титульном ее листе стояло:

Усердье в образец мое чтоб привести,
Позволь, драгая МАТЬ, хоть книжку поднести.

Открывало же книжку стихотворное посвящение «дражайшей родительнице» — без малого 20 строк объяснений в любви, уважении и преданности.

Текст, к которому обратился Блудов, был выбран для перевода далеко не случайно. Он принадлежал самому прославленному и известному русским людям французскому просветителю и в то же время являлся одним из сравнительно невинных его сочинений, в котором почти не было ни острых тем, ни обличительных тирад, ни злободневных аллюзий, что, по-видимо-

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ (14-04-00093).

¹ См.: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 283—284. См. также: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 40—41.

² Екатерина Ермолаевна, урожд. Тишина (1754—1807).

³ См.: *Ковалевский Е.* Граф Блудов и его время. (Царствование императора Александра I). СПб., 1866. С. 8—10.

му, в полной мере отвечало вкусам переводчика и вместе с тем должно было порадовать и умирить его высоко нравственную мать.

Создавалась эта пятиактная опера в 1739—1740 годах, первое ее издание вышло в 1748 году. Собственно, это было всего лишь оперное либретто, которым Вольтер надеялся со временем заинтересовать какого-нибудь модного композитора. Однако это оказалось делом непростым: великий Рамо от его предложения отказался, придворный композитор Панкрас Руайе скончался во время работы, и лишь значительно позднее композитор и историк музыки Жан-Бенжамен де Ла Борд успешно справился с этой задачей, правда, вызвав крайнее раздражение Вольтера изменениями, по необходимости внесенными в его текст. Опера была исполнена 14 февраля 1767 года на придворной сцене, но все попытки в дальнейшем осуществить новые ее постановки ни к чему не привели.⁴

Главные персонажи либретто — титан Прометей и его творение — прекрасная Пандора, в которую он страстно влюблен; между тем, Зевс (Юпитер) из ревности отказывается вдохнуть в нее жизнь. Сочувствующие Прометею титаны взывают к адским силам, но тщетно, ибо те несут не жизнь, а смерть. Лишь благодаря вмешательству Эрота (Амура) Прометей оживляет Пандору. Однако Зевс уносит ее на небо и всячески старается покорить ее сердце, но та остается непреклонной. В конце концов титаны принуждают Зевса вернуть Пандору на землю, а мстительный Зевс на прощание вручает ей ларец — так называемый ящик Пандоры, в котором заключены все людские беды и горести. Несмотря на предостережения Прометея, девушка открывает ящик, обрекая тем самым человечество на муки и страдания. В ящике остается лишь Надежда, которую Эрот, дабы смягчить ожидающие людей испытания, сыплет цветами.

Таким образом, Вольтер объединил в этом сочинении несколько мифологических сюжетов: похищение Прометеем огня, борьбу богов и титанов, ящик Пандоры, историю Пигмалиона и Галатеи, прибавив к ним и собственные фантазии вроде пленения Пандоры всемогущим Зевсом и любви к ней Прометея, в силу чего он и сам находил пьесу «странной». Впрочем, полной неудачей он ее не считал, полагая все же, что сочинил «философскую оперу», которую могли бы оценить Бейль и Дидро. По всей вероятности, в данном случае он имел в виду присутствовавшие в опере богоборческие мотивы, носителем которых являлся Прометей.⁵

В отличие от эпохи Екатерины II при Павле I в России Вольтера почти не переводили: цензура свирепствовала, хотя касалось это по преимуществу его философской прозы и антиклерикальной поэзии. «Пандора» же ничьего внимания не привлекла — скорее всего ввиду ее жанровой специфики, так что опыт Блудова является единственным — и уже с этой точки зрения представляет немалый интерес. К тому же при всей его тяжеловесности и неуклюжести, при всем несовершенстве стиха, при всем обилии стилистических и языковых архаизмов и иных погрешностей, перевод этот все же не лишен достоинств: по крайней мере выполнен он в высшей степени добросовестно, в нем почти нет серьезных пропусков и искажений смысла, и это делает его примечательным эпизодом в первоначальной истории «русского Вольтера».

Ряд фрагментов перевода Блудова, дающих более или менее отчетливое о нем представление, печатается по автографу: ИРЛИ. 22619. Номера лис-

⁴ См.: Dictionnaire général de Voltaire. Paris, 2003. P. 910—912.

⁵ Pomeau R. Voltaire en son temps: T. 1—2. Paris: Fayard / Voltaire foundation. 1995. T. 1: 1694—1759. P. 783—784.

тов указываются после каждого фрагмента. Орфография приближена к современной с сохранением некоторых индивидуальных особенностей и колорита эпохи; пунктуация модернизирована; по возможности упорядочено использование заглавных и строчных букв, а также устранен разнобой в написании одних и тех же слов.

ПАНДОРА

**Опера. Сочинение Г. Волтера.
Переведено с французского Д. Н. Б.**

**<...>
В Москве. 1798.**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Прометей, сын Неба и Земли, полубог
Пандора
Зевес, или Юпитер
Меркурий
Немезида
Титанты
Небесные божества
Адские божества

ДЕЙСТВИЕ I

Театр представляет долину, а вдали горы.

ЯВЛЕНИЕ I

Прометей один, Хор, Пандора вдали лежит на Эстраде.

Прометей

О, чудо рук моих, ты стону не внимаешь,
Не слышится мой вопль еще в душе твоей,
Красот своих не понимаешь,
Пандора, и любви моей.
Я сердце дал тебе, оно любви не знает,
Не можешь ею ты сгорать,
Очами светлыми взирать:
Жестока власть то отнимает,
Я должен для красы страдать.
Всё около живет, всё около вздыхает,
Вы, птицы нежные, живете, пев, всегда;
Краса же жить сия не будет никогда,
У смерти в власти пребывает.

ЯВЛЕНИЕ II

Прометей, Титанты Енкелад, Тифон.

Енкелад и Тифон

Твой вопль, твой стон сей лес пронзил,
От неба и земли достойно сын рожденной
Скажи, кто горесть учинил
Какой тебе бог дерзновенный.

Прометей (*показывая Пандору*)

Созданием моим Юпитер раздраженный,
И видя, что оно достойно олтарей,
Украшенною так он землю зреть не может,
Пандоре даровать Юпитер жизнь не хочет,
Конца нет горести моей.

(Л. 5—6)

⟨...⟩

ДЕЙСТВИЕ II

Театр представляет ту же долину.

Пандора неодошевленная лежит на Эстраде.

Колесница, блистающая светом, сходит с небес.

Прометей, Пандора, Нимфы, Титанты, Хоры и проч.

⟨...⟩

Прометей

(*сходя с колесницы и неся пламенный в руке*)

Сей огонь я у богов любовной похищаю,
Сторично грома он сильней.
На землю, мать мою, его я низвождаю,
Светлей он Фебовых лучей.

Хор Нимф

Дщерь небес, душа вселенной,
Во все сердца войди,
Да мир, весь восхищенной,
Зрит милости твои.

Прометей

(*подходя к Эстраде, где лежит Пандора*)

Да, милая любовь, да огонь сей драгоценной,
Да пламень очищенной
Тебя теперь одушевит.
В блаженны дни сии пусть мир тебя лишь зрит.
Восстань, Пандора, то любовь повелевает,
Слова ты исполняй любви.

Восстань, любовь тебе вещает,
 Дает жизнь, сердце, красны дни.

Пандора встает с Эстрады и ходит по Театру.

Хор

Как, Пандора, ты вздыхаешь,
 Эрот, ты души созидаешь.
 〈...〉

Пандора

Где я и что я в мире зрю,
 Я не была еще откуда же рожденна,
 Из ничего произведенна,
 Я вижу прелести со мной, созданны мною.

(Слышна Симфония)

Премилы голоса мой слух теперь прельщают.
 Везде в очах моих чудесности блистают,
 Которы пред меня создатель мой излил,
 Но он куда себя сокрыл?
 Чем больше мыслю я, тем больше просвещаюсь,
 Но дочью я земли, носящей мя, считаюсь,
 Творца чту богом своего,
 И в сердце я своем лишь чувствую его.

(Садится на берегу одного источника)

Себя ли зрю изображенной,
 Воде сей чистоте возможно всё являть,
 В ней зрю природу всю, себя я зрю прелестной,
 Творцу должна хвалу я воздавать.

(Л. 11—12)

〈...〉

ДЕЙСТВИЕ III

Театр представляет чертоги Юпитера, блистающие золотом и светом.

Юпитер

Узрел я на земле прекрасной сей предмет,
 Узрел, восчувствовал, я чувствам удивился,
 От прелестей ее покою я лишился
 И к ней меня любовь влечет.

(Л. 16 об.)

〈...〉

Пандора

Ах, всё, что слышу я, меня теперь страшит,
 Сие величество боюсь и ненавижу,

Увы, всё Зевса здесь хвалит,
Супругу же хвалы не вижу.

Три Грации

Пандора, дочь любви,
В её царствуй царстве,
В земном быв государстве,
На небе днесь живи.

Пандора

Сей лучезарной свет мне очи ослепляет,
Не нравится, всё удивляет,
Скорей меня песок прельстит.
Исчезни пышность непрелестна,
Мой супруг тебя не зрит.

(Л. 18 об.—19)

<...>

Зевес

Краса, недавно сотворенна,
Достойна вечно жить,
Ты от земли пришла, должна бы смертной быть,
Душой же чистой сей ты небу одолженна,
Что огонь могла излить.
Ты для богов единых лишь родилась
И ныне божеством от всех оных почтись,
Когда Зевесу полюбилось,
Бессмертием насладись.

(Л. 19 об.)

<...>

Пандора (одна)

Опасны красоты! Нещастное рожденье!
Желаньи, предвещав одно добро,
Любовь небесная, краса, благоволенье,
Все благи делали мне зло.
А ты, любовь, а ты мя вторично оживи,
Когда богов ты государь,
Землю, небо укроти,
Мои слезы осуши,
Моей души, о царь.

(Л. 23)

ДЕЙСТВИЕ IV

Театр представляет Титантов вооруженных и вдали горы:
многие Титанты стоят на горах и накладывают на них камни и опоки.

⟨...⟩

Хор Титантов

Вооружимся
Против богов презлых,
Страшными сотворимся
В сердцах бессмертных их.
Вооружимся,
За весь свет отомстим.

Прометей

Грома ударами сим звукам отвечают.

Колесница, в коей сидят боги, сходит с громами на горы.
Пандора сидит подле Юпитера.

Прометей (*продолжает*)

И небо боги оставляют.
Пусть гром Зевес пускает свой.
Начнем, начнем сей страшной бой.

(*Титанты входят*)

(Л. 23 об.—25)

⟨...⟩

Пандора

Увы, я в горести глубокой.
Погибнет небо и земля,
Титанты и Зевес жестокий.
Погибнет свет весь за меня.

(Л. 25 об.)

⟨...⟩

ДЕЙСТВИЕ V

Театр представляет рошу, сквозь коей разломки гор.
Прометей, Пандора

Пандора (*держит ящичек*)

Как! Милой мог супруг, тебя я обожаю,
Куда ж идешь, коль победил?

Прометей

Коль любишь ты меня, то верно побеждаю.
Блаженных нас Эрот и Случай сотворил.

П а н д о р а

Как! Милой мой супруг, тебя я обожаю.

П р о м е т е й

Не должно о себе нам только помышлять,
В своем Титанты в побежденье
Весьма достойны сожаления,
Нещастным должно помогать.

П а н д о р а

Постой, постой на час; победой наслаждайся,
Мы бога главного откроем славный дар,
Откроем мы.

(Л. 28)

⟨...⟩

*Она открывает ящичек. Ночь простирается по Театру,
и слышен подземельный звук.*

⟨...⟩

П р о м е т е й *(прибегает на Театр)*

О горечь, о печаль, о удивление,
Переменилася природа вся.
То произвел всё я, нещастно отлученье
Пандоры я не зрю, любезная моя
Воплям моим не отвечает.
Пандора, но увы! Се страшный ад вбегает
И все чудовищи его в сии места.

⟨...⟩

П р о м е т е й

Как смерть в сии места себе путь открывает
И ужели весну предвечную земля,
Красившую поля,
Навеки потеряет?
Оставлена она.
Зевес ее терзает.

П а н д о р а

Недостойна я тебя,
Иду к ногам твоим, виновницей стена.
Накажи мя — я мир весь погубила.
Рази!

П р о м е т е й

Кого? Тебя?

Пан д о р а

Отними, супруг мой,
Ту жизнь, что осквернила,
Щастлива бы была тобой,
Погибла же сама собой.

Х о р Н и м ф

Плач осуши, супруг любезный,
За красоту ее прости,
В неосторожности
Возри на поток ее слезный.

П р о м е т е й

Как клятвы и мольбу прервала ты,
Открыла ящик тот горчайший?

Пан д о р а

Невинности моей
Здесь бог презресточайший
Уловил,
Все гибели нам ящик сей родил,
Всему виновна я, во мне хладеет кровь.

Э р о т (*с небес сходя*)

Всё отнято у вас, осталась всем любовь.

Театр переменяется и представляет чертоги любви.

Э р о т (*продолжает*)

На свет я смертных произвел
И быть щастливыми велел.

Пан д о р а

О Бог сладчайший,
Мольбе внемли,
В Зевесе огонь горчайший,
Ко мне еще возжги,
И тем его ты накажи.

П р о м е т е й и П а н д о р а

Тщетно небо собирает,
Теперь на нас все злы,
Их всех отвращает
Пламень любви.

Эрот

Сойди, Надежда прелестна,
И смертных утешай.
Она с горестью совместна,
Ее днесь смертно вкушай.
Ею, ею наслаждайся,
Ею, ею лишь живи.

Пандора

Эрот, со всеми утешайся.
Все смертные — твои.

* * *

Все, кроме Эрота.

Хор

Эрот воспламенил всю кровь,
Стоять мы будем надо рвами,
Но их вселенная любовь
Будет покрывать цветами.

(Л. 34—36)

© Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ

ПРАВДА СТАРИННОГО ПОЭТА

(О РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ ИЗ ЭВАЛЬДА ФОН КЛЕЙСТА)*

Немецкий поэт Эвальд Христиан фон Клейст (Ewald Christian von Kleist, 1715—1759) был неплохо известен в России начала XIX века. Общий тон его поэзии — анакреонтика, описания природы — был по сердцу русским переводчикам и читателям эпохи сентиментализма, когда осваивался мир личных эмоций.

Друг Г. Э. Лессинга, прусский офицер, израненный и павший в сражении с русскими войсками при Кунерсдорфе (ныне польское селение Куновице) в годы Семилетней войны, Клейст, тем не менее, внес свой посмертный вклад в становление русской поэзии XIX века. Помимо других стихотворений, его поэма «Весна» и идиллия «Ирин» не раз переводились в России.¹

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ (14-04-00093).

¹ См.: Клейст Э. фон. Приветствие весне // Новости русской литературы. 1803. Ч. 6. № 16. С. 305—310. Вольный перевод («подражание»), вероятно, литератора Василия Ивановича Красовского (1782—1824), одного из учредителей Вольного общества любителей словесности, наук и художеств; [Бланк Б. К.]. Весна (Подражание Клейсту) // Аглая. 1810. Ч. 10. Май. С. 3—25; Весна. Поэма из соч. Клейста. Перевод с немецкого 1812 года // Друг юношества. 1813. Т. 2. Май. С. 43—72. Перевод Никиты Васильевича Гольпякова (1792—1830), литератора и педагога, магистра словесных наук Московского университета, члена Общества любителей российской словесности (переведено три песни). О внимании к Клейсту в России см.: Коренева М. Ю.

В поэзии Клейста читателей подкупает искренность чувств и ясность мысли, которые выступают в единстве, не допуская никакой выпренности. «Чем больше у кого-либо разума, тем лучше у него сердце, — писал Клейст. — Что еще образует добрый состав чувств, как не добрые понятия красоты, добродетели, счастья, того, что благородно и величаво и способствует гармонии мира? Быть дурного нрава значит мыслить дурно».² Просветительский рационализм подвергся у Клейста значительной правке с точки зрения чувствительности, однако разум не был отвергнут, он слился у него с чувством. Для поэтики Клейста характерна особенная прозрачность, ясность слога, сближающая этот слог с манерой Лессинга, хотя Клейст далеко не столь глубокомыслен и полемически-язвителен, как его великий друг.

Иногда русским переводчикам удавалось сохранить эту прозрачность Клейста. Например, перевод «Ирина» в московском журнале «Новости русской литературы»³ начинается так:

Ясною порой вечернею
Тихо плыли вдоль по озеру,
В небольшой дубовой лодочке,

Ирин с сыном своим маленьким;
Им хотелось вершу крепкую
Положить для рыб в тростник густой...⁴

В оригинале:

An einem schönen Abend fuhr
Irin mit seinem Sohn im Kahn
Aufs Meer, um Reusen in das Schilf
Zu legen, welches ringsumher
Der nahen Inseln Strand umgab...⁵

Простота слога, выраженная у Клейста, в частности, несколько монотонными белыми четырехстопными ямбами, передается по-русски «народными» хореем с наращением дактилических клаузул. Простота си-

Э. К. фон Клейст // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII—XIX. С. 165—166.

² В оригинале: «Je mehr Verstand jemand hat, je besser wird sein Herz seyn. Was ist guter Gemüthscharakter anders, als gute Begriffe von Schönheit, Tugend, Glückseligkeit von dem, was edel und groß ist, und die Harmonie der Welt befördert? Übelgesinnt seyn heißt übel denken» (*Kleist E. Ch. von. Gedanken über verschiedene Gegenstände // Des Herrn Ewald Christian von Kleist Sämtliche Werke. 4. Auflage. Berlin, 1782. Theil 2. S. 163—164.*)

³ Московский еженедельник «Новости русской литературы» за 1802—1805 годы, издавался сначала П. А. Сохацким, а с девятой части 1804 года — П. В. Победоносцевым. Это было продолжение журнала «Ипокрена» (1799—1801), а продолжением самих «Новостей» стал журнал «Минерва» (1806—1807). «Новости русской литературы» выходили как приложение к газете «Московские ведомости». Поскольку понятие русской литературы включало в себя тогда всю словесность на русском языке, переводы, пересказы и переложения произведений иностранных авторов естественно входили в состав отечественной словесности. Это состояние хорошо видно по «Новостям», в которых немецкие переводы и оригинальные русские тексты составляли единый корпус материалов.

⁴ Клейст Э. фон. Ирин // Новости русской литературы. 1804. Ч. 12. № 79. С. 3. С посвящением С. Геснеру, «творцу прекрасных идиллий». «Ирин» вместе с другой идиллией Клейста «Цефиз» перевел в 1814—1815 году А. Д. Илличевский, лицейский соученик и друг А. С. Пушкина («остряк любезный»). См. также: Мудрый старец (Перевод с немецкого из соч. Клейста) // Друг юношества. 1808. Март. С. 119—124; Ирин. Идиллия // Там же. 1811. Июнь. С. 25—29. Подпись: С немецкого А. Н...ъ.

⁵ Des Herrn Ewald Christian von Kleist Sämtliche Werke. Theil 1. S. 76. Подстрочный перевод: «Однажды прекрасным вечером / Выплыл Ирин с сыном в челноке / В море, чтобы поставить верши в тростнике, / Который окружал / Берега ближних островов».

туации требовала обращения переводчика к метру, напоминающему фольклор.

Характерная анакреонтическая «Любовная песенка моей бутылке» Клейста переведена А. Писаревым в «Новостях русской литературы» прозой: «О ты! краса земли, милая бутылочка, наполненная алым соком виноградным, родившимся на берегу Рейна! щастлив тот, кто под кустом шиповника держит тебя в своих объятиях!»⁶

Перевод фактически верен, хотя он многословнее, и не без промахов; например, «куст шиповника» появился в нем вместо «увитой розами беседки» (Rosenlaube) подлинника. Но главной утратой стало то, что перемена формы лишила «песенку» поэтического изящества, метрической легкости, присущей ей у Клейста:

O Flasche, voll von Saft der Rheischen Traube,
Du Schmuck der Welt!
Beglückt ist der, der in der Rosenlaube
Im Arm dich hält!⁷

Назовем еще два перевода «Песни лапландца» Клейста в «Новостях русской литературы».⁸ В том же издании подражает Клейсту Федор Ишимов в стихотворении «На смерть Румянцева-Задунайского» («Разяща все вовек герою смерть предстала...»)⁹ Возможно, мотивы Клейста присутствуют в элегии «Летний вечер» («С какую свежестью лиется...»), подписанной «с немецкого К.».¹⁰

Труднее оказалось справиться с переложением поэмы Клейста «Весна». Ее содержание оказалось сложнее обычного идиллического воспевания этого времени года. В описаниях весенних ландшафтов проступает тревожное настроение, так как прелесть весенней природы может исчезнуть в одночасье. Причина — война, несущая беды не только мирным поселянам, но и самим воинам и их полководцу. Переводчик передает в 1813 году контраст между миром и войной, вспоминая Александра Македонского:

Прелестные поля! О если б среди вас
Мне было б суждено провесть хоть жизни час;
Тогда б в густой тени над чистою рекою,
Чужд горестных страстей, я жил бы сам с собою (...)
Днесь, мнится, зрю страны, тьмой вечной покровенны,
В них греческий герой, владетель полвселенны,
Пред коим и Восток и Гангес трепетал,
Кой кровью воинов долины наполнял,
Теперь, оставленный, под тенью дров блуждает
И гласом горестным окрестность наполняет:

⁶ Новости русской литературы. 1803. Ч. 7. № 69. С. 267—268. Александр Александрович Писарев (1780—1848), тогда молодой литератор, в будущем участник антинаполеоновских войн (генерал-лейтенант), член Российской академии, попечитель Московского университета, почетный член Академии наук, сенатор, военный губернатор Варшавы.

⁷ Des Herrn Ewald Christian von Kleist Sämtliche Werke. Theil 1. S. 44. Подстрочный перевод: «О бутылка, полная сока рейнской грозди, / Ты — краса мира! / Счастлив тот, кто в беседе, увитой розами, / Держит тебя в руке!»

⁸ Клейст Э. фон. 1) Песня одного лапландца // Новости русской литературы. 1803. Ч. 6. № 41. С. 237—238; 2) Песня влюбленного лапонца // Там же. 1804. Ч. 11. № 73. С. 334—335. Подлинник: Lied eines Lappländers // Des Herrn Ewald Christian von Kleist Sämtliche Werke. Theil 1. S. 41—42.

⁹ См.: Новости русской литературы. 1803. Ч. 7. № 66. С. 221. Федор Ишимов — сотрудник «Новостей русской литературы».

¹⁰ Там же. Ч. 6. № 46. С. 318—320.

«О тень кровавая! сокройся от меня!
Спокойствие души! где обрету тебя?..¹¹

Усеченные («хромые») гекзаметры подлинника заменены в переводе привычным «александрийцем», но главное отличие перевода в большой вольности переложения. Перевод поделен на три песни, чего в подлиннике нет, и является, скорее, не переводом, а вольным пересказом поэмы Клейста. В теме уединения на лоне природы тексты более или менее близки друг к другу:

Ach! wär auch mir es vergönnt, in euch, ihr holden Gefilde.
Gestreckt in wankende Schatten, am Ufer schwatzhafter Bäche,
Hinfort mir selber zu leben, und Leid und niedrige Sorgen
Vorüberrauschender Luft einst zuzustreuen!¹²

Но в изображении войны переводчик словно соревнуется с оригиналом в картинах бедствий, приносимых ею.

В оригинале:

Allein der gefräßige Krieg, vom zähneblekenden Hunger
Und rasenden Horden begleitet, verheeret oft Arbeit und Hoffnung;
Gleich Hagel vom Sturme geschleudert zerschlägt er die nährenden Halmen;
Reißt Stab und Rebe zu Boden; entzündet Dörfer und Wälder
Zur Lust...Wo bin ich? Es blitzen die fernen Gebirge von Waffen,
Es wälzen sich Wolken voll Feuer aus offenen, ehernen Rachen
Und donnern und werfen mit Keilen umher: zerrissene Menschen
Erfüllen den schrecklichen Sand. Des Himmels allsehendes Auge
Verhüllt sich, die Grausamkeit scheuend, in blaue Finsternis...¹³

В переводе:

Но се, грядет уже губительница мира,
Для коей труп — престол и мертвых кровь — порфира,
Кровавая война — ей спутник алчный глад
И хищников толпа. Так в бурю частый град
Сечет рожь на полях, от ветров в дол клонится
И дуб и вяз. — От ней огнем все истребитя,
Долины и леса. — Се грозный звук летит —
Обширный чистый дуг оружием блестит,
И кажутся поля кровавыми морями;
И звери дикие спешат, толпяся стадами,
В пустыне скрыть свой страх; там гул еще вторит
Оружий страшный глас; вершина гор дрожит;

¹¹ Весна. Поэма из сочинений Клейста. Перевод с немецкого 1812 г. // Друг юношества. 1813. Май. С. 56, 69. Весь перевод на с. 43—72. Переводчик — Н. В. Гольдяков.

¹² Des Herrn Ewald Christian von Kleist Sämtliche Werke. Theil 2. S. 21. Подстрочный перевод: «Ах, если б дано было и мне жить самому по себе среди вас, милые поля, лежа в зыбкой тени, на берегах болтливых ручьев, доверив раз и навсегда страдания и низменные заботы мимолетному ветерку!»

¹³ Ibid. S. 10—11. Подстрочный перевод: «Однако всепожирающая война, сопровождаемая голодом, скрежетом зубовым / И бешеными ордами, уничтожает часто и труд и надежду. / Подобно граду, несомому бурей, бьет она хлебные колосья, / Швыряет наземь подпорки и лозы, с готовностью сжигает селенья и леса... / Где я? Дальние горы сверкают оружием, / Огненные облака вырываются из открытых медных жерл / И грохочут и мечут булавы вокруг: разорванные тела / Устилают страшный песок. Всевидящее око небес, / Ужаснувшись жестокости, одевается густым мраком...»

И солнце яркое, сих бедствий устыдяся,
Сокрылось в облаках, которы, возносяся,
Тьмой полнят небосклон, пылающий огнем.¹⁴

И далее бедствия войны сравниваются с извержением Этны, и следует обращение к «отцам отечества» с требованием «войну всю прекратить»: ¹⁵ «Услышьте меня, князья, и пусть Бог вас услышит! Верните серп жнецу, коней — пахарю!» («Hört mich, Ihr Fürsten, dass Gott euch höre! Gebt seine Sichel dem Schnitter, dem Pflüger die Rosse zurück»).¹⁶

В переводе поэмы Клейста явно сказываются недавние впечатления от войны 1812—1813 годов с Наполеоном. В одном месте сделано к переводу примечание: «Против оригинала здесь пропущено два стиха. Переводчик, спасая жизнь свою от нашествия неприятелей, едва мог вынести с собою Клейстовы сочинения, которые руками алчных хищников были повреждены».¹⁷

Местами Клейст конкретен до натуралистичности: «Разорванные тела устилают страшный песок». Местами русский переводчик рисует картину вселенского ужаса, грандиозностью превосходя подлинник: «И кажутся поля кровавыми морями». Образ багрового дыма, застилающего небосклон, «пылающий огнем», появится затем в пушкинской «Полтаве». А происходит он, можно почти с уверенностью сказать, с полей Бородинской битвы.

Это подтверждается следующими соображениями: гибель Клейста была описана в «Элегии на поле битвы при Кунерсдорфе» («Elegie auf dem Schlachtfeld bei Kunersdorf») довольно известного в то время немецкого лирика Кристофа Августа Тидге (Christoph August Tiedge, 1752—1841). Элегия Тидге повлияла на молодого русского стихотворца Василия Ивановича Туманского (1800—1860), который начал свой путь в литературе также элегией — «Поле Бородинского сражения» (1817). Эта элегия была проникнута патриотическим чувством и включала в себя элементы поэтики оды:

Здесь, Александр, твоя победная дружина
Во прах рассеяла врагов сомкнутый строй;
Здесь в каждом верного Россия зрела сына;
Здесь каждый ратник был — бестрепетный герой!..¹⁸

Тем не менее, как бы в противовес славословию, в стихотворении юноши Туманского очень сильна тема трагических сторон войны:

Тут медных тысяча жерл пламень изрыгали,
Дым адской, грозной гром страх вещей в сердце слал;
Грудь с грудью, щит с щитом смерть лютую спирали.
Победный глас осмыкрат гремел и умолкал,
В рядах кровавая, ужасна Тизифона
Носила пламенный — и бледна, алчна Смерть,
Не вняв плачевного, просительного стона,
Спешила острую косу на всех простерть. <...>
Какое зрелище! О юный повелитель!

¹⁴ Друг юношества. 1813. Май. С. 50.

¹⁵ Там же. С. 51.

¹⁶ Des Herrn Ewald Christian von Kleist Sämtliche Werke. Theil 2. S. 12.

¹⁷ Друг юношества. 1813. Май. С. 45—46.

¹⁸ Туманский В. И. Стихотворения и письма / Ред., биограф. очерк и прим. С. Н. Браиловского. СПб., 1912. С. 47.

Взгляни на груды тел и на гряды костей:
Клянись быть своему народу покровитель
И богом мира быть и щастьем жизни сей.
Взгляни — и сосчитай, когда бежишь за славой,
Черепьев тысячи, которы здесь лежат...
Ужель приятно столь — бичом, войной кровавой,
Обломками свой век в историю вписать?..¹⁹

«Медные жерла» и «дым адской» пришли к Туманскому через элегию Тидге из «Весны» Клейста, так же, как и призыв к примирению («Услышьте меня, князья, и пусть Бог вас услышит!»). «Взгляни и сосчитай, когда бежишь за славой, черепьев тысячи...» — обращался Туманский к царю-победителю.

Трагедия Семилетней войны откликнулась в трагедии войны 1812 года. Так строки немецкого поэта XVIII века получили новую жизнь в русской литературе века XIX, наполнившись новым содержанием, которое оказалось, в сущности, содержанием прежним, лишь обновленным новыми впечатлениями. «Всепожирательная война», — пишет Клейст; «губительница мира», «кровавая война», — вторит ему русский переводчик; «черепьев тысячи», — продолжает тему «поэт 1810-х годов». Правда осталась все той же. Героизм и защита отечества — это одна сторона событий, «разорванные тела» и «алчный глад» — другая их сторона. «Услышьте меня, князья, и пусть Бог вас услышит!» — безуспешно обращался немецкий идиолит к сильным мира сего. И голос его звучит до сих пор.

¹⁹ Там же. С. 46—49.

© К. Б. ЕГОРОВА

«ПЕСНЬ О БОГДАНЕ ХМЕЛЬНИЦКОМ, ОСВОБОДИТЕЛЕ МАЛОРОССИИ» ОРЕСТА СОМОВА И ЕЕ ПОЛЬСКИЙ ИСТОЧНИК*

В 1821 году на страницах журнала «Благонамеренный» появилась «Песнь о Богдане Хмельницком, освободителе Малороссии» Ореста Михайловича Сомова (1793—1833). Перед публикацией Сомов представил это произведение на собрании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» 26 мая 1821 года. В протоколе общества отмечено, что выступление Сомова слушало девять литераторов, среди которых был издатель «Благонамеренного» Александр Ефимович Измайлов (1779—1831).¹

И во время устного выступления перед членами «Общества», и в печати Сомов подчеркивал, что его «Песнь о Богдане Хмельницком...» не есть оригинальное произведение или перевод, но является подражанием польской поэзии (на страницах «Благонамеренного» стихотворение имело соответствующий подзаголовок).

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ (14-04-00093).

¹ См. протоколы заседаний «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» за 1821 год: <http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/prot/prot21.html> (Дата обращения: 30.10.2016).

Изучение истории русской переводной художественной литературы первой четверти XIX века показывает, что в этот период соотношение художественного перевода и литературного подражания уже расценивалось как теоретическая проблема; происходило постепенное формирование представлений о характере и специфике литературного перевода, а также о границах «личного почина» переводчика.² Несмотря на то, что произведение Сомова является весьма точным переводом польского оригинала, русский литератор предпочел назвать его подражанием, подчеркнув свободу в выборе художественных средств для авторской трактовки оригинального текста.

Сомов не скрывал имя польского поэта, которому он подражал, создавая свою «Песнь о Богдане Хмельницком», — это Леон Рогальский (1806—1878), печатавшийся на страницах «Виленского еженедельника» («Tygodnik Wileński») в 1820-е годы. Примечательно, что к моменту публикации Сомовым русской редакции «Песни о Богдане Хмельницком» Леону Рогальскому, на которого ссылается русский автор, было 15 лет; зрелый русский литератор обратился к творчеству ученика виленской гимназии и взял его сочинение за образец.

В 1820-м году в «Виленском еженедельнике» появилось несколько произведений Рогальского; все тексты являлись переводами народных песен: «Песня украинская о Богдане Хмельницком» («Piosenka ukraińska o Bohdanie Chmielnickim»), от которой отталкивался Орест Сомов, «Свадебная песня литовского народа» («Piosenka weselna ludu litewskiego») и «Городская (мещанская) песня эстонского народа» («Piosenka pospólstwa ludu estońskiego»).³

С 1817 года редактором и издателем «Виленского еженедельника» был Игнаций Шидловский (1793—1846), являвшийся также преподавателем гимназии в Вильно. Современник Шидловского, библиотекарь и преподаватель Виленского университета Адам Йохер (1791—1860), в работе «Образ библиографический и исторический литературы и науки в Польше» (1840—1857) отметил, что именно Шидловский оживил «Еженедельник» своими собственными произведениями и переводами, а также работами наиболее талантливых учеников, в частности Леона Рогальского: «Это начинание не безразличного к творческой судьбе своих учеников преподавателя обусловило появление в Вильно целой плеяды новых писателей и ученых из среды учеников Виленской гимназии».⁴ Таким образом, публикация произведений гимназиста на страницах солидного издания не являлась исключительным событием, но была частью издательской политики Игнация Шидловского.

Перевод украинской думы о Богдане Хмельницком, помещенный в 164 номер «Виленского еженедельника», состоит из нескольких частей. Рогальский предпослал литературным произведениям небольшое предисловие на польском языке, в котором отражены основные этапы восстания Богдана

² Так, на заседании «Вольного общества любителей российской словесности» 5 июня 1822 года было зачитано сочинение Бориса Михайловича Федорова (1794—1875) «Несколько слов о переводе и подражании», которое было одобрено членами общества (см.: Журнал ученых упражнений высочайше утвержденного Санкт-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности // Базанов В. Г. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949). Вынесенная в заглавие сочинения Федорова формулировка указывает на то, что проблема перевода и подражания уже была предметом дискуссии. Размышления о соотношении литературного подражания и художественного перевода содержатся и в предисловии к «Опыту стихотворного перевода и подражания горацевых од» Василия Васильевича Капниста (1758—1823), созданном в первые десятилетия XIX века.

³ Tygodnik Wileński. 1820. Т. IX. № 164. S. 347—350.

⁴ *Obraz bibliograficzno-historycznych literatury i nauk w Polsce, od wprowadzenia do niej druku po rok 1830 włącznie. Wystawiony przez Adama Jochera. Wilno, 1840. Т. 1. S. 401.*

Хмельницкого, а также указаны черты украинской думы как литературно-жанра. Далее была приведена оригинальная дума о Хмельницком на украинском языке, но в польской транскрипции. Завершало этот экскурс в украинскую историю и литературу переложение думы о Богдане Хмельницком на польский язык, выполненное гимназистом и ставшее основой для творческих экспериментов Сомова.

Своему оригинальному произведению Рогальский дал название «Песнь украинская о Богдане Хмельницком», Орест Сомов сохранил это название. Если сопоставить два текста, польское переложение и украинский оригинал, опубликованные Рогальским на страницах «Еженедельника», то станет очевидно, насколько вольно обошелся молодой автор с текстом думы. Искажение ритма, стиля, поэтики украинской народной песни могло быть отмечено и читателями польского журнала, имевшими перед глазами оба текста одновременно: думу в польской транскрипции и песнь, созданную Рогальским, сохранившим только колорит и общую историческую канву повествования о восстании под руководством Хмельницкого.

Увлечение песнями на исторические темы, украинскими и старопольскими думами в Польше было во многом связано с выходом в 1816 году книги Юлиана Урсына Немцевича (1757—1841) «Исторические песни», сникавшей популярность в родной стране поэта и за ее пределами.⁵ Песня на историческую тему, на которую ориентировался Немцевич, разрабатывая этот жанр в польской литературе, была востребована в среде молодых польских литераторов, начинавших свою карьеру в двадцатые годы XIX века.

Вольное переложение украинской думы, выполненное Рогальским, являлось одним из многочисленных примеров подражаний Немцевичу, о которых польская исследовательница Тереза Косткевичова сделала важное наблюдение: «В течение первых двадцати лет XIX века думы писали прежде всего менее известные поэты, которые или оставляли свои сочинения в рукописях, или позднее печатали их в журналах того времени. Первый этап развития этого жанра связан с поэтическими экспериментами Немцевича и его подражателей, сделавших попытку соединить историческую проблематику с поэтическим творчеством».⁶ Рогальский как молодой писатель третьего ряда подходит под определение, данное Косткевичовой.

Неоднозначным является вопрос, почему Орест Сомов, будучи зрелым русским литератором, обратился именно к этому польскому произведению, создав, таким образом, подражание подражанию. Вероятнее всего, Сомов, выбирая переложение украинской думы Рогальского, не подозревал о молодости автора и работал с текстом как с произведением современной ему польской словесности. «Виленский еженедельник» был солидным изданием, к которому наряду с варшавскими журналами обращались российские литераторы.

Сомов, владевший украинским языком, не ориентировался на приведенный Рогальским в предисловии к своей «Песне о Богдане Хмельницком» украинский текст, но создал достаточно точный перевод польского переложения украинской думы. Вероятно, русскому писателю была важна, прежде всего, литературная переработка украинской думы, а не ее фольклорный первоисточник.

На страницах «Еженедельника» Рогальский опубликовал три народных песни, однако Сомова привлек только сюжет, связанный с историей Мало-

⁵ См.: *Suchanek L.* Жанр думы в русской и польской литературах // *Genologické studie*. II. K počtě profesora Franka Wollmana. Brno, 1993. Vyd. 1. S. 169—176.

⁶ *Kostkiewiczowa T.* Duma // *Słownik literatury polskiego Oświecenia*. Pod red. T. Kostkiewiczowej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1996. S. 86. Перевод мой. — К. Е.

россии и восстанием Богдана Хмельницкого. Интерес к фольклору этого региона может быть объясним литературно-историческим контекстом эпохи.

Начало XIX столетия ознаменовалось интересом русских писателей к Малороссии: к ее истории и народным песням. В. И. Мацапура, занимавшийся исследованием украинских тем и сюжетов в русской литературе, предположил, что геополитика и процесс стабилизации на юге России после присоединения Крыма способствовали литературному интересу к Малороссии.⁷ Аргументы, представленные ученым, выглядят убедительными. Немаловажным было и влияние романтизма, ведь Малороссия, ее быт, культура, история и фольклор, несмотря на близость, обладала малоизвестным экзотическим народным колоритом.

В конце XVIII века и в течение первых десятилетий XIX века вышли многочисленные книги на малороссийские темы (грамматики малороссийского языка, описание истории этого края, литературные произведения): «Записки о Малороссии, ее жителей и произведениях» (1798) Я. М. Марковича, «Путешествие в Малороссию» (1803—1804) П. И. Шаликова, «Путешествие в Полуденную Россию» (1800—1802) В. В. Измайлова, «Письма из Малороссии» (1816) А. И. Лёвшина, «Грамматика малороссийского наречия» (1818) А. П. Павловского, «Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия» (1819) Ф. Н. Глинки, «Опыт собрания старинных малороссийских песней» (1819) Н. А. Церетелева, «Истории Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением состояния сего края» (1822) Д. Н. Бантыш-Каменского и т. д. Несомненно, влияние на разработку украинских сюжетов оказала изданная в Петербурге в 1798 году «Энеида»⁸ И. П. Котляревского.

Украина как экзотическое культурное пространство представляла интерес и для польских писателей. Известны работы на украинские темы Францишка Ксаверия Гжицкого («Rys Ukrainy zachodniej», 1810; «Badania w przedmiocie rzeczy przyrodzonych w Galicyi, w Królestwie Polskiem, na Wołyniu i na Podolu»), Александра Антония Сапеги («Podróże w krajach słowiańskich odbywane w latach 1802 i 1803»), описательная поэма Станислава Трембецкого «Zofiówka» (1806).

В литературах славянского предромантизма и романтизма выделяются два подхода к украинской теме: польский взгляд на утраченные земли Западной Украины и российский взгляд на входящую в состав империи Малороссию. Эти два подхода внеположены. Однако есть один эпизод украинской истории и фольклора, который был притягателен в равной степени для польской и русской литератур, — это восстание Богдана Хмельницкого и сама личность народного героя.

Восстание Богдана Хмельницкого оказалось в центре внимания Ф. Н. Глинки, создававшего героическую повесть «Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия», этот сюжет лег в основу одной из дум К. Ф. Рылеева.

Вопрос о степени влияния творчества Немцевича на становление жанра думы в русской литературе начала XIX века, а также на творчество Рылеева всегда оставался в центре исследовательского внимания.⁹ Изучение отдель-

⁷ См. об этом: *Мацапура В. И.* Украина в русской литературе первой половины XIX века. Харьков; Полтава, 2001. С. 5.

⁸ *Энеида*. На малороссийский язык перелицованная И. Котляревскимъ. СПб., 1798.

⁹ См. об этом: *Сиротинин А. Н.* Рылеев и Немцевич // Русский архив. 1898. Кн. I. С. 69—85; *Степунин И. Г.* Авторская позиция Ю. У. Немцевича и К. Ф. Рылеева в трактовке образа Михаила Глинского // Авторская позиция в художественном произведении. Минск, 1984. С. 71—78; *Двойченко-Маркова Е. М.* Немцевич и Рылеев // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 129—156.

ных сюжетов, вскрывающих влияние польских исторических песен на творчество русских писателей первой половины XIX века, дает возможность еще раз обратиться к генезису этого жанра.

© Е. Е. ДМИТРИЕВА

ЭПИЗОД РЕЦЕПЦИИ МОЛЬЕРА В РОССИИ

(ГОГОЛЬ — ПЕРЕВОДЧИК ФАРСА «СГНАРЕЛЬ,
ИЛИ ВООБРАЖАЕМЫЙ РОГОНОСЕЦ»)*

Одним из загадочных эпизодов творчества Гоголя, чья жизнь и без того была наполнена тайнами и парадоксами, является его работа, предположительно в 1839—1840 годах, над переводом пьесы Мольера «Сганарель, или Воображаемый рогоносец».

Загадочно само обращение Гоголя, с иностранными языками, как известно, не дружившего, — а французский язык он знал весьма посредственно¹ — к переводу пьесы французского автора, даже если этим автором был Мольер.

Загадочна и сама история текста. Единственным свидетельством, позволяющим установить авторство Гоголя (по всей видимости, все же частичное), является запись, сделанная в 1864 году А. Н. Афанасьевым рассказов М. С. Щепкина о Гоголе: «...когда друзья М. С-ча перевели для него из Мольера комедию „Мнимой рогоносец“, Гоголь взялся исправить этот перевод и переделал почти каждую фразу».² Сам же Гоголь нигде прямо о работе над переводом Мольера не упоминал. Единственная глухая ссылка в начальных фразах гоголевского письма к М. С. Щепкину («Ну, Михаил Семенович, любезнейший моему сердцу! половина заклада выиграна: комедия готова»³) позволила некоторым исследователям увидеть намек на работу над мольеровской пьесой.⁴

Рукопись данного перевода также не сохранилась. Н. С. Тихонравов опубликовал текст комедии в 1892 году⁵ по суфлерской копии, принадлежавшей московскому Малому театру. На ней был обозначен 1841 год и указано, что пьеса, «Соч(инение) Мольера», являла собой «перевод с французского».

При этом известно, что перевод создавался для бенефиса Щепкина, поскольку «Московские ведомости» от 3 февраля 1840 года напечатали афишу спектакля: «В Большом Театре, в пятницу, 9 февраля, Императорскими русскими актерами представлено будет в пользу актера г. Щепкина: „Сгана-

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ (14-04-00093).

¹ Так Ш. О. де Сент-Бев, с которым Гоголь встретился в 1839 году на корабле, отправлявшемся из Чивита Веккиа в Марсель, дипломатично охарактеризовал его французский язык как «несколько затрудненный» (*Laffite S. Gogol et Sainte-Beuve // Oxford slavonic papers. 1964. Vol. XI. P. 56—59*).

² Афанасьев А. Н. М. С. Щепкин и его записки // Библиотека для чтения. 1864. № 2. С. 9.

³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 14 т. М., 1952. Т. XI. С. 304 (письмо от 10 августа 1840 года).

⁴ Так, В. И. Шенрок утверждал, что под «половиной заклада» Гоголь подразумевал «Сганареля» (*Гоголь Н. В. Соч.: В 7 т. 10-е изд. / Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. М.; СПб., 1896. Т. 6. С. 753*). М. Н. Сперанский, специально исследовавший проблему, напротив, считал, что «заклад» Гоголя касался «Дядьки в затруднительном положении» и «Женитьбы» (*Сперанский М. Н. В. Гоголь — переводчик. Киев, 1905. С. 6*).

⁵ Царь-Колокол. 1892. Т. III. С. 33—60. См. также: *Гоголь Н. В. Соч. Т. 6. С. 755—761*.

рель, или муж думающий, что он обманут женой”. Комедия в одном действии. Соч. Мольера. Перевод с французского». ⁶

Однако в назначенный для бенефиса день шли три другие пьесы — «Последнее прости» Л. Тика, «Москаль-чаривник» и «Ехал, да не доехал» водевиль Дортуа и Жюля. Это дало повод впоследствии заключить, что перевод «Сганареля» ко времени бенефиса Щепкина еще не был готов. И что Гоголь работал над ним в период между февралем и октябрём 1840 года, поскольку сыграна пьеса была лишь 4 октября, но уже в бенефис актера Н. М. Никифорова на сцене Большого театра, хотя все же с участием Щепкина. ⁷

Наконец, в дополнение ко всем данным неясностям возникает еще один вопрос: почему из всех пьес Мольера Гоголь выбрал для перевода пьесу, казалось бы, не самую яркую и заметную? ⁸ А если все же первую редакцию перевода делали друзья Щепкина, то почему Гоголю показалось занятным исправить или отредактировать их перевод?

На самом деле, к тому моменту, когда друзья Щепкина задумали переводить «Сганареля», пьеса эта имела уже в России свою историю. Страстный поклонник Мольера А. П. Сумароков пишет в 1772 году пьесу «Рогоносец по воображению», совпадающую по названию с пьесой Мольера ⁹ (впервые была играна в Москве 2 ноября 1782 года в составе репертуара Петровского театра М. Е. Медокса), но в самом построении фабульной коллизии имела с мольеровым «Сганарелем...» мало общего.

В 1788 году выходит уже первый настоящий перевод «Сганареля» на русский язык под заглавием «Комедия Сганарель, или Мысленно-рогатый» (в трех действиях) с подписью «Р. Г.». Перевод был выполнен в прозе, достаточно близко к оригиналу, однако на стилевом уровне переводчик попытался усилить комизм пьесы, введя в нее русские обиходные и даже простонародные выражения (поставлен на петербургской сцене и игрался в 1795—1799 годах). ¹⁰

Следующий перевод той же пьесы под названием «Сганарев, или Мнимый рогоносец» с подзаголовком — комедия в трех действиях был осуществлен в конце 1780-х годов В. Капнистом уже в стихах (и тогда же игран на сцене петербургского Камерного театра ¹¹). Своей переделкой комедии Капнист, как известно, остался недоволен, поместив в «Сочинениях» (1796) на себя эпиграмму («На перевод мой комедии Молиеровой „Сганарева, или Мнимого рогоносца”»):

Никто не мог узнать из целого партера.
Кто в *Сганареве* смел так осрамить Мольера?
Но общий и согласный свист
Всем показал, что то Капнист. ¹²

⁶ Московские ведомости. 1840. № 10. См. также: *Гоголь Н. В.* Соч. Т. 6. С. 753.

⁷ Малый театр СССР: 1824—1974: В 2 т. М., 1978. Т. 1 (1824—1917). С. 554.

⁸ Ср. суждение, отражающее, по-видимому, общее отношение к пьесе Мольера в конце XIX века: «Мольер часто писал произведения на скорую руку, отсюда — разные их достоинства. В то время, как одни из них поражают читателя своею художественностью и глубиною замысла, другие являются только веселыми вещицами... К числу таких пьес принадлежит Сганарель...» (*Барро М. В. Ж.* Мольер. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1891. С. 50).

⁹ См. об этом: *Веселовский А. Н.* Западное влияние в новой русской литературе. 5-е изд. М., 1916. С. 78.

¹⁰ История русского драматического театра: В 7 т. М., 1976. Т. 1. С. 452—453. Имя переводчика, скрывшегося за литерами Р. Г., не установлено. Подробный анализ особенностей данного перевода и трех последующих в их сопоставлении с оригиналом см.: *Дмитриева Е. Е.* Н. В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами: М., 2011. С. 335—370.

¹¹ История русского драматического театра. Т. 1. С. 463.

¹² Цит. по: *Капнист В. В.* Избр. произведения. Л., 1973. С. 210 (Библиотека поэта. Большая сер.).

В начале 1800-х он переработал текст для новой постановки,¹³ вызвав на этот раз недовольство цензуры, которая потребовала «исключение или переправку некоторых «непозволительных выражений», возбуждающих «постыдные идеи» и оскорбляющих «скромное чувство благовоспитанной и образованной публики».¹⁴ Капнист внес в итоге в текст требуемые исправления и изменил название на «Сганарев, или Мнимая неверность». В дальнейшем она игралась на Петербургской сцене в 1807—1810, 1812—1816 годах, и в Москве в 1812 и 1815 годах.¹⁵ В целом же его перевод по сравнению с предшествующим отличался еще большей русификацией бытовых реалий: введением русских исторических и литературных реминисценций (так, чтение романа «Клелия» госпожи де Лафайет, которым отец в пьесе корил дочь, превращалось в чтение «Романов, песенок, любовных сочинений», а «Пибраковы стихи» — в произведения русской духовной литературы «Илиотропион, Терпенья щит, Цветник»¹⁶).

Почти 30 лет спустя после капнистового перевода, в 1825 году появился еще один перевод мольеровского «Сганареля» под названием «Мнимый рогоносец» (с подзаголовком — комедия в одном действии в стихах) в переводе А. Ротчева (М., 1825). По-видимому, склонение на русские нравы шло в трех первых переводах пьесы Мольера по нарастающей: Ротчев даже мольеровским персонажам дал русские имена (Сганарель, например, превратился у него в Пустякова). Но на этот раз фарсу неожиданно были приданы сентиментальные черты, превращавшие его порой в род лубочного произведения.

Четвертый по счету перевод пьесы Мольера «Сганарель», атрибутируемый Гоголю, появился таким образом уже на фоне сформировавшейся переводческой традиции, которой он себя, однако, противопоставил. От предыдущих переводов он отличался в первую очередь тем, что, на первый взгляд, даже более походил на подстрочник. Этому отчасти способствовал и прозаический характер текста (предыдущие переводы, кроме самого первого, были выполнены в стихах). Впервые были транслитерированы, без всякого склонения на русские нравы, имена героев: Горбиус, мещанин; Целия, дочь его; Лелий, влюбленный в Целию; Гро-Рене, слуга Лелия; Сганарель, мещанин; Жена его; Виллебрекен, отец Валерия; Горничная Целии; Родственник жены Сганареля.¹⁷ Дословно были переведены многие галлицизмы, что порой даже мешало пониманию текста.¹⁸

С другой стороны, и на это обратил внимание уже В. Шенрок, во многих случаях перевод отличается и существенным сокращением подлинника:¹⁹ мольеровский текст словно ужимался, резюмировался. Так, в монологе слу-

¹³ Постановка состоялась в Каменном театре 17 мая 1806 года в пользу актера Рыкалова. Издан А. Смирдиным под названием «Сганарев, или Мнимая неверность» (*Капнист В. В.* Соч. СПб., 1849. С. 155—198).

¹⁴ *Капнист В. В.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 1: Стихотворения. Пьесы. С. 753—754.

¹⁵ История русского драматического театра. Т. 2. С. 518.

¹⁶ Там же. С. 414.

¹⁷ Ср. имена персонажей в переводе Ротчева: Монетин, мещанин; Наташа, дочь его; Милен, ее любовник; Андрей, слуга Милена; Пустяков, мещанин; Пустякова, жена его; Служанка Наташи; Родственник Пустяковой; Кустодин, отец Ветрана.

¹⁸ Так, например, призыв хитростью одолеть противника: «Là, hardi! Tâche à faire un effort généreux, / En le tuant tandis qu'il tourne le derrière» (явление 21), был переведен следующим образом: «Будь похрабрее — смелей, смелей! Коли его великодушно, когда он обернется к тебе спиной» (*Гоголь Н. В.* Соч. Т. 6. С. 394). На самом деле «effort généreux» означало, конечно же, не «великодушное», а «отважное» усилие (из двух значений слова «généreux» — великодушный и отважный, — второе в XIX веке воспринималось как архаика, но именно его использовал Мольер).

¹⁹ Там же. С. 754.

жанки (сцена 2) первые четыре стиха оригинала превращались в две короткие фразы:

Quoi? refuser, Madame, avec cette rigueur,
Ce que tant d'autres gens voudraient de tout leur coeur!
A des offres d'hymen répondre par des larmes,
Et tarder tant à dire un oui si plein de charmes?²⁰

Ср.: «Как, сударыня, и вы еще колеблетесь, когда вам предлагают мужа? И вы боитесь произнести это очаровательное *да?*»²¹

В том же монологе сокращению подверглось знаменитое рассуждение о пользе иметь «под боком» мужа.

Связаны ли были подобные сокращения с затруднениями при переводе, как полагал Шенрок,²² или на то имелись причины более художественного свойства? В частности, желание уйти от многословия и «цветистости» оригинала, от того квази-прециозного стиля, которым Мольер, только что написавший «Смешных жеманниц» (см. об этом ниже), пародировал литературную тенденцию своего времени, безусловно, присущую и ему самому.

Анализ перевода комедии, «приписанной» Гоголю, показывает наличие в нем неудач и несообразностей квази подстрочника, что делает переводной текст далеко не всегда соответствующим уровню оригинала, но вместе с тем и наличие явных переводческих удач. К последним следует отнести и смысловое сжатие текста, упразднение тех длиннот, которые, будучи естественными в риторическом строении французской фразы, становятся явно избыточными в русском языке. А также удачный перевод казалось бы в принципе непереводаемой игры слов,²³ и, по-видимому, собственно гоголевское усиление в русской версии фарса темы молвы и сплетен.²⁴ Все это позволяет в целом отнести к версии Щепкина о Гоголе, отредактировавшем перевод мольеровской комедии, сделанный его московскими друзьями, как к вполне достоверной. С той только оговоркой, что Гоголь, вопреки утверждению Щепкина, в переводе вовсе не переделывал «почти каждую фразу». Действительно, текст в целом производит впечатление наспех сделанного подстрочника, по которому прошлась рука мастера. Собственно, и тот факт, что основные удачные места перевода приходятся на начало, финал, и несколько отдельных явлений, вполне вписывается в известную пунктирную методику правки Гоголем собственных сочинений.

Остается теперь разобраться с последним вопросом, сформулированным в начале данной заметки: почему среди множества других комедий Мольера

²⁰ *Molière. Œuvres complètes: Vol. 1—2 / Texte établi, présenté et annoté par G. Couton. Paris: Gallimard, 1974. Vol. 1. P. 318 (Bibl. de la Pléiade).* Дословный перевод: «Как? Отказываться, сударыня, так непоколебимо, / От того, что другие пожелали бы от всего сердца! / На предложения Гименея отвечать слезами. / И медлить так долго сказать очаровательное „да“!» Перевод мой. — Е. Д.

²¹ Гоголь Н. В. Соч. Т. 6. С. 380.

²² Там же. С. 754.

²³ Так, каламбур «Oui, son mari, vous dis-je, et mari tres marri» (*Molière. Œuvres complètes. Vol. 1. P. 316*) переводится Гоголем: «Да, муж, муж, говорю, — и муж, который духом не дюж» (*Гоголь Н. В. Соч. Т. 6. С. 387*). Дословно: «Да, ее муж, говорю, и муж весьма печаленный». На самом деле, в оригинале у Мольера непереводаемая игра слов, построенная на фонетической омонимии слов *mari* (муж) и *marri* (опечаленный). К тому же игра слов «*mari marri*» восходит к французской пословице-каламбурю XVI века: *une femme bonne qui a mauvais mari a souvent le coeur marri* (дословно: хорошая жена, у которой плохой муж, часто имеет печаленное сердце). В переводе игра слов передается каламбурной внутренней рифмой.

²⁴ Ср. в явлении 16: «Негодяй, говоря просто, сделал меня мужем, над которым... вы понимаете, сударыня... в народе смеются, и сделал с неслыханною дерзостью!» (Там же. С. 389). Выделенные курсивом слова в оригинале отсутствуют.

Гоголем (Щепкиным, или же его анонимными друзьями) был выбран именно «Сганарель...», по общему мнению, далеко не самая яркая комедия Мольера (не случайно уже перевод Ротчева был с возмущением встречен критиками, вопрошавшими, «почему переводится незначительные творения Мольера, тогда как образцы высокой комедии еще ждут, чтобы к ним обратились»²⁵).

«Сганарель, или Мнимый рогоносец» был написан в 1660 году. Премьера спектакля состоялась на сцене театра Пти-Бурбон 28 мая того же года (роль Сганареля в пьесе исполнял сам Мольер), а первое издание пьесы «Sganarelle, ou le Cocu imaginaire» вышло в том же 1660 году в издательстве Жана Рибу (Jean Ribou). После постановки спектакль выдержал 34 представления и считался впоследствии одной из самых играемых комедий Мольера (только при жизни Мольера пьеса была сыграна 120 раз).²⁶ Это была пьеса, написанная всего год спустя после появления «Смешных жеманниц», разгоревшегося после них скандала и одержанной Мольером победы над Салонами. Мольеру нужно было «закрепить завоеванные позиции, и он смело перенес на подмостки Пти-Бурбон сюжеты и шутки народного фарса, как бы дразня высокопарное жеманство салонов. (...) Сюжетные узлы здесь завязывались при выходе каждого нового персонажа. События нарастали со стремительной быстротой и разрешались самым неожиданным и остроумным образом. (...) Простодушный, трусливый Сганарель, прожорливый толстяк Гро-Рене, разбитная и веселая служанка, сварливая жена Сганареля — все эти типы были заимствованы из народной сцены».²⁷

Традиционно считается, что «Сганарель» относится к первому, фарсовому периоду в творчестве Мольера, предшествовавшему его переходу к жанру высокой комедии. Он и показывался театром как правило после большой пьесы, заменяя традиционный фарс, завершавший представление.

Фарсовые черты проявились и в характерах, и в ситуациях пьесы. Фарсовым был задуман в первую очередь заглавный герой комедии, Сганарель, представавший то во всей своей глупости и наивности (сцены с женой, Лелием, родственником), то трусости, уступающей периодически возникающему у него желанию отомстить за свою честь (сцена 17). Так что, по словам современного французского исследователя, в нем одновременно соединились Дон-Кихот и Санчо Панса.²⁸

Фарсовыми казались также реплики слуг: монолог Гро-Рене, пронизанный подчас грубоватым пищеварительным пафосом, с которым в конце XVIII — начале XIX века справлялись далеко не все переводчики; монолог вдовой служанки, в котором прагматическая апология замужества оборачивалась апологией чувственных радостей. Фарсовыми представлялись и размышления жены Сганареля (сцена 5) о вероломности мужчин. И хотя сюжет этот всегда был весьма распространен, Мольер толковал его очень своеобразно и почти натуралистически, переместив проблему из сферы нравственности в область физиологии.

При этом в «фарсе» «Сганарель...» было немало и собственно литературного начала, а потому правильнее не противопоставлять данную комедию литературно-театральному пастишу «Смешные жеманницы», видя в нем, как уже говорилось, своего рода разрядку, которую Мольер себе позволил после театральных баталий, но, скорее, сопоставлять с ним. Действительно,

²⁵ Цит. по: Малый театр СССР: 1824—1974. Т. 1. С. 90.

²⁶ Бояджиев Г. Н. Мольер. М., 1967. С. 275.

²⁷ Бояджиев Г. Н. Жан-Батист Мольер // Мольер Ж. Б. Собр. соч.: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 21.

²⁸ Dandrey P. Molière ou L'esthétique du ridicule. Kincksieck, 2002. P. 367.

«Сганарель...» и «Смешные жеманницы» имеют ряд общих черт, и в первую очередь их объединяет пародирование литературной традиции прециозности. Собственно, выпад против самой «культурной» книги, созданной прециозной культурой — романа г-жи де Лафайет «Клелия» (не отзовется ли он потом у Грибоедова в знаменитой филиппике Фамусова «собрать все книги бы да сжечь?»), — прежде, чем появиться в монологе Горжибюса, прозвучал впервые в «Смешных жеманницах». Но, как это ни странно, пародирование прециозности в чем-то оказалось даже тоньше и завуалированнее именно в «Сганареле»: поданное в «Смешных жеманницах» «в лоб» (что и рассердило благородную публику), оно оказалось тщательно закамуфлированным в последующей пьесе. И не сразу можно было понять, что монологи Сганареля, выступающего против современной прециозной литературы, сами легко оказывались, с их невольной игрой слов, пуантами и проч., пародией и на прециозный стиль выражения (равно как и на трагические монологи французской трагедии с их изобилием высокой лексики).

Не только поклонники, но и противники Мольера, его современники, признавали, что «никогда еще не видели сюжета лучше составленного, ничто еще не было так хорошо обосновано, как ревность Сганареля». ²⁹ Естественность и жизнеподобие характеров было столь велико, что казалось, само фарсовое действие развивается согласно законам здравого смысла, о чем писал и первый издатель пьесы Нефвильнен. Так, например, на упреки критиков в том, что Лелий, вернувшийся домой при известии о мнимом замужестве Селии, совершенно неестественно падал в обморок, Нефвильнен отвечал, что обморок этот был Мольером заблаговременно подготовлен репликой слуги Лелия, жаловавшегося на то, что его хозяин уже несколько дней ничего не ел. ³⁰ Но и один из первых серьезных исследователей творчества Мольера П. Мишо, комментируя фарсовую сцену, где Сганарелю кажется, что Селия, переживающая на самом деле измену жениха, сочувствует именно *его* страданиям, замечал: «За этой буффонадой стоит очень точное психологическое наблюдение. Вот пример эгоизма страсти: он так занят своим несчастьем, что ему кажется естественным увидеть незнакомую девушку, занятую его бедой». ³¹

Для Мольера (как и для его эпохи) тема супружеской неверности была одной из центральных. Ее он разрабатывал в разных регистрах, на разных стилевых и прочих уровнях («Ревность Барбулье», «Сганарель, или Мнимый рогоносец», «Школа жен», «Школа мужей»; галантную разработку той же темы он дал в комедии «Дон Гарсия Наварский, ревнивый принц»). ³² Для Гоголя, однако, тема эта никогда не только центральной, но даже сколь либо его волнующей не была. Но обратим внимание на другое: ревность у Мольера оказывается в «Сганареле» тем самым общим потресением, которое объединяет всех героев (за исключением слуг), и благородных (Селию и Лелия), и комических (Сганареля и его жену). Однако ревность эта оказывается *мнимой*, или, если позволен будет здесь анахронизм, *миражной* именно в гоголевском значении слова. И действительно, та пружина, на которой держится сюжет комедии, которая подчиняет всех персонажей единой линии действия — это воображаемая измена, мираж измены, или, говоря язы-

²⁹ Molière. Œuvres complètes. Vol. 1. P. 1235.

³⁰ Бояджиев Г. Н. Мольер. С. 263, 283.

³¹ Michaut G. Les débuts de Molière. Paris, 1925. P. 296. Внутренняя достоверность переживания Сганареля была столь велика, что сохранился анекдот о некоем буржуа, который, увидя на сцене «Мнимого рогоносца», счел себя оскорбленным и готов был жаловаться на Мольера в полицию, так как узнал в терзаниях Сганареля собственные муки ревности.

³² Об эволюции типа ревнивца у Мольера см.: Dandrey P. Molière ou L'esthétique du ridicule. P. 367—374.

ком более приличествующим той эпохе, постоянное *qui pro quo*, заставляющее героев верить в то, чего нет на самом деле.

Субъективная драма героя, являющаяся плодом его собственного воображения, — еще одна центральная тема Мольера. Так и Журден в «Мещанине во дворянстве» будет «аристократом по воображению», а Арган — больным по воображению в «Мнимом больном». Но может быть ни в какой другой комедии так, как в «Сганареле», «миражная интрига» не охватывала всех персонажей пьесы³³ (и в «Мнимом больном», и в «Мещанине во дворянстве» жертвами собственного воображения оказывались лишь заглавные герои). Оканчивалась же комедия финальной фразой: «Всё ясно увидав, не верьте ничему», в которой еще в XIX веке видели пародию на морализирующий финал. И в которой в настоящее время все более усматривают отголосок эстетики барокко у классика Мольера, роднящий его с Кальдероном, автором драмы «Жизнь есть сон», и П. Корнелем, но не трагиком, а комиком, автором комедии с характерным названием «Иллюзия».

В «Театральном разезде» Гоголь писал: «Нет, комедия должна вязать сама собою, всей своей массою, в один большой, общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два, — коснуться того, что волнуется, более или менее, всех действующих. Тут всякий герой; течение и ход пьесы производит потрясение всей машины: ни одно колесо не должно оставаться как ржавое и не входящее в дело...»³⁴

Вспору задаться вопросом: не нашел ли Гоголь в незамысловатом на первый взгляд фарсе Мольера «Сганарель или Рогоносец по воображению», все страхи в которой были основаны на «рогатых видениях»³⁵ героев, ту самую настоящую эстетику комического, которую он искал и которой добивался, создавая собственные комедии. А в обманчивом и заблуждающемся и в заблуждение вводящем воображении — то самое состояние души, которое еще в «Невском проспекте» заставило его воскликнуть: «Всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется!»³⁶

³³ Напомним кратко последовательность *qui pro quo* в комедии Мольера: жена Сганареля, увидев, как он склонился к упавшей в обморок Селии, решает, что муж ей неверен (4 и 5 сцены). Подняв случайно оброненный Селией портрет ее возлюбленного Лелия и разглядывая его, жена Сганареля, в свою очередь, дает повод для ревности мужу (6 сцена). В 7 сцене появляется Лелий, которого слухи о предстоящем браке Селии заставили вернуться в Париж. А уже в 9 сцене возникает новое *qui pro quo*: Сганарель, вырвавший портрет Лелия у своей жены, рассматривает его, а появившийся Лелий узнает в нем портрет, который он подарил своей возлюбленной. Но поскольку Сганарель, в свою очередь, узнает в появившемся молодом человеке предмет мнимых вздыханий своей жены, он просит его прекратить связь, которую как муж не может потерпеть, в результате чего Лелий решает, что Сганарель и есть тот, за кого вышла замуж вероломная Селия. В 10 сцене Лелий жалуется на неверность возлюбленной, ему становится плохо, и появившаяся жена Сганареля, не узнав в нем молодого человека с портрета, ведет его в дом, чтобы он смог прийти в себя. Появление Лелия в собственном доме окончательно убеждает Сганареля в том, что он — рогоносец (13 сцена). В 16 сцене теперь уже Селия, увидев Лелия, выходящего из дома Сганареля, узнает от последнего, что Лелий — любовник его жены. Селия решает отомстить и выйти замуж за жениха, предназначенного ей отцом. В 21 сцене идет обмен репликами между всеми персонажами, только укрепляющий их в том самообмане, которому они предаются. Вывести героев из этого состояния удастся лишь здравомыслящей служанке.

³⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 14 т. Т. 5. С. 142.

³⁵ Dandrey P. Molière ou L'esthétique du ridicule. P. 202.

³⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 14 т. Т. 3. С. 45.

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ И. А. ГОНЧАРОВА

В предлагаемой вниманию читателей подборке статей и публикаций, приуроченной к 125-й годовщине со дня смерти И. А. Гончарова, печатается несколько вновь выявленных материалов к биографии писателя. Публикация жандармских донесений из дела «О поступках симбирского губернатора Загряжского» (ГАРФ) дополняет скудные сведения о периоде службы молодого Гончарова в Симбирске (1834—1835). Напротив, неизвестные ранее письма А. Ф. Кони к М. М. Стасюлевичу освещают последние годы жизни романиста. Впервые публикуются и два письма Гончарова к Е. А. Языковой, написанные в 1869 году, когда вышел в свет и подвергся критической обструкции его последний роман «Обрыв». Мысль об особой эстетической организации «Фрегата „Паллады“» развивается в статье об очерке «Манила». Любопытен и обзор рецепции «Необыкновенной истории», прослеживающий эволюцию критических интерпретаций этого текста (от психопатологического документа к художественному произведению). Относительно редко поднимаемая тема «Гончаров и Лермонтов» рассмотрена в статье известной венгерской исследовательницы.

© С. Н. Гуськов

© С. Н. ГУСЬКОВ

КАК ЖАНДАРМЫ ГОНЧАРОВА СПАСЛИ*

Служба И. А. Гончарова в канцелярии симбирского губернатора Александра Михайловича Загряжского — один из самых скудно документированных периодов в биографии писателя. Дефицит сведений отчасти объясняется тем, что вчерашний выпускник Московского университета Гончаров служил в Симбирске нелегально, поскольку не имел права занимать должность без аттестата об окончании университета. Загряжский уговорил 23-летнего Гончарова приступить к исполнению обязанностей, пообещав ему, что сразу по получении необходимого документа все бумаги будут оформлены задним числом. Однако Загряжский был отправлен в отставку еще до того, как Гончаров получил аттестат. Именно поэтому в формулярных списках и других официальных бумагах Гончарова нет никаких сведений о симбирском периоде его чиновничьей карьеры. Не упомянут будущий писатель и в соответствующем разделе адрес-календаря. Секретарем при симбирском гражданском губернаторе, согласно адрес-календарю на 1835 год, продолжал числиться титулярный советник Александр Александрович Раев. Гончаров иронически замечал в воспоминаниях, что после отставки Углицкого (так назван в тексте очерка «На родине» Загряжский) «приехал домой отставным неслужившим чиновником».¹

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «И. А. Гончаров — писатель и чиновник» № 15-04-00264.

¹ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. / Подг. текста и прим. А. П. Рыбасова; вступ. статья С. М. Петрова. М., 1954. Т. 7. С. 302. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

Таким образом, документально не подтверждены ни точные сроки пребывания Гончарова на службе в канцелярии губернатора, ни даже то, какую должность занимал будущий писатель. Это иногда вводило исследователей в заблуждение. Так, например, Е. А. Ляцкий, А. Мазон и некоторые другие ошибочно утверждали, что Гончаров состоял при губернаторе чиновником особых поручений.² Источник этих сведений исследователями не был указан.

До 1888 года Гончаров ни разу не упоминал свою симбирскую службу в печати. В его автобиографии, написанной по просьбе редакции «Художественного листка» в 1858 году, этот период жизни обойден молчанием: «По окончании курса наук в университете Гончаров приехал в 1835 году в Петербург и, следуя общему примеру, определился на службу» (VIII, 222). Пропущены вторая половина 1834 и первая 1835 годов и в автобиографии, написанной в 1867 году: «Кончив курс, Гончаров в 1835 году перешел на службу в Петербург, в министерство финансов, где вскоре занял должность переводчика иностранной переписки» (VIII, 226). И только в самой поздней автобиографии, опубликованной посмертно, упомянуто, что «по окончании в 1834 году курса Гончаров провел несколько месяцев на родине, потом в 1835 году приехал в Петербург, определился на службу...» (VIII, 229), впрочем, о службе в канцелярии губернатора и здесь не сказано ни слова.

Гончаров впервые обращается к этому периоду своей жизни и описывает его достаточно подробно в 1888 году в очерке «На родине». Но поскольку сам автор предостерег читателя от полной идентификации очеркового сюжета с событиями собственной жизни,³ то и комментарий к очерку, и собственно биографическое исследование требуют особой тщательности и опоры на сохранившиеся документы.

Итак, очерк «На родине» до сих пор остается основным источником сведений о симбирской службе Гончарова (осень 1834 — весна 1835). Из очерка мы знаем, что Гончаров не планировал делать карьеру в Симбирске. Он приехал домой после окончания Московского университета навестить родных. Уже осенью Гончаров собирался отправиться на службу в Санкт-Петербург с рекомендательным письмом управляющего Симбирской удельной конторой Андрея Васильевича Бестужева⁴ (в воспоминаниях он назван Андреем Михайловичем) к какому-то «влиятельному члену удельного департамента» (VII, 274). Однако перед самым отъездом, когда юноша уже делал прощальные визиты, его вдруг пригласил губернатор и предложил занять должность своего секретаря (правителя канцелярии). Такое предложение для вчерашнего выпускника было, разумеется, чрезвычайно лестным, но и не менее неожиданным. «Я <...>, — пишет Гончаров, — едва не пожал плечами от удивления перед легкомыслием этого — чуть не старика. — Позвольте напомнить, — начал я, помолчав, — что я только что со школьной скамьи и никакими делами не занимался. Я совершенно неопытен. Как я могу управ-

² Ляцкий Е. А. 1) Гончаров И. А. // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. М., [б. г.]. Т. 15: Гирке—Город. Стлб. 446; 2) Гончаров: Жизнь, личность, творчество: Критико-биографические очерки. Стохгольм, 1920. С. 98; Мазон А. Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова // Русская старина. 1911. № 10. С. 42; Введенский С. И. А. Гончаров // Симбирские епархиальные ведомости. 1912. № 12. О принципиальной невозможности для Гончарова занимать такую должность в 1835 году см.: Бейсов П. С. Служба И. А. Гончарова в Симбирске // Русская литература. 1960. № 1. С. 133.

³ «Пробегая теперь эти мои мелкие провинциальные наброски старого времени, я могу выразиться так, что все описываемое в них не столько *было*, сколько *бывало*. Другими словами, я желал бы, чтобы в них искали не голую правды, а *правдоподобия*, и буду доволен, если таковое найдется» (VII, 225).

⁴ См.: Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1835 год. СПб., [б. г.]. Ч. 1. С. 58. Подробнее о А. В. Бестужева см.: Записки Ивана Степановича Жиркевича // Русская старина. 1878. Т. 22. № 7. С. 415—416.

лять группой чиновников, уже служивших, опытных?.. Я мог бы, пожалуй, принять в губернии место учителя в гимназии, какого-нибудь инспектора уездных училищ, что-нибудь в этом роде, а дела губернской администрации мне вовсе незнакомы...» (VII, 275—276).

Несмотря на эти резонные соображения, Гончаров все-таки принял предложение Загряжского и остался в Симбирске. Что заставило юношу так поступить: похвалы губернатора его благородству и воспитанию, внушенные им же романтические надежды на искоренение несправедливых доходов среди чиновников, а может быть и уговоры родных, — это Гончаров-очеркист угаил. Но зато сообщил другое важное обстоятельство, которое, возможно, проливает свет на мотивы странного поступка губернатора. Оказывается, идея назначить правителем губернаторской канцелярии юношу, только что вышедшего из университета, принадлежала прежнему секретарю губернатора А. А. Раеву (в очерке «На родине» он назван Добышевым и охарактеризован как «главный, хотя и негласный воротила в делах»), причем сам Раев хотел остаться при канцелярии чиновником по особым поручениям. Заметим попутно, что Раев, который, по словам губернатора, устал от службы, продолжал занимать место правителя канцелярии после отставки Загряжского еще при трех губернаторах: И. С. Жиркевиче, И. П. Хомутове, Н. И. Комарове — вплоть до 1839 года. «Потом до меня доходили слухи, — вспоминает Гончаров, — что секретарь посоветовал определить на его место меня не как „нового, свежего, бескорыстного” и т. д. или если и так, то еще более всего как неопытного молодого человека, именем которого он мог бы продолжать вести дела по губернии по-своему, как он вел их прежде, то есть плавать под чужим флагом в тех же водах... „Шипы” (предупреждали меня по секрету) доставались бы мне, а „розы” падали бы на его голову. Я счел это за губернскую сплетню и не обратил на нее внимания. Если же в самом деле так, то были его сокровенные замыслы на мой счет, то они ему не удалась. Судьба решила иначе» (VII, 277—278). В мемуарном изложении Гончарова дело выглядит так, что он был взят Загряжским (по наущению Раева) как «подставной секретарь» (VII, 293). И вероятно, что чиновничья карьера Гончарова могла бы закончиться, едва начавшись, если бы не внезапное смещение губернатора. Получается, что, во-первых, именно отставка Загряжского спасла Гончарова от серьезных (а возможно и фатальных) неприятностей по службе, уготованных ему предместником, а во-вторых, именно благодаря этому событию изменились и карьерные перспективы будущего писателя: он оставил Симбирск, переехал в Санкт-Петербург и поступил на службу в министерство финансов. Таким образом, отставку симбирского губернатора следует считать одним из ключевых моментов в биографии Гончарова.

Между тем, отставка Загряжского — эпизод довольно туманный, источники, по которым можно судить о ее причинах и обстоятельствах, многочисленны и противоречивы. Собственно, основных источника четыре: это мемуары следующего за Загряжским симбирского губернатора Жиркевича, написанные летом 1844 года,⁵ письмо-опровержение в редакцию этого же издания самого Загряжского,⁶ мемуары Э. И. Стогова (в 1830-х жандармского штаб-офицера в Симбирске)⁷ и гончаровский очерк «На родине» (1888).

⁵ См.: Русская старина. 1874. Т. 9. № 2. С. 207—244; Т. 10. С. 633—666; Т. 11. № 11. С. 411—450; № 12. С. 642—664; 1875. Т. 13. № 8. С. 554—580; 1876. Т. 16. № 8. С. 627—648; Т. 17. № 10. С. 251—266; № 12. С. 771—786; 1878. Т. 22. № 7. С. 401—422; Т. 23. № 9. С. 33—54.

⁶ См.: Письмо А. М. Загряжского и ответ редакции // Там же. 1879. Т. 24. № 1. С. 171—172.

⁷ См.: Э... .. [Стогов Э. И.] Очерки, рассказы и воспоминания // Там же. 1878. Т. 22. № 6. С. 301—316; № 8. С. 616—632; Т. 23. № 9. С. 99—118; № 11. С. 499—530; № 12. С. 631—704.

Сменивший Загряжского на посту губернатора Иван Степанович Жиркевич был, очевидно, хорошо информирован о причинах отставки своего предшественника, к тому же свои мемуары он написал значительно раньше остальных. В «Записках» Жиркевич пересказывает среди прочего содержание своей аудиенции с государем накануне отъезда к месту назначения. Николай, по воспоминаниям Жиркевича, обратился к нему со следующими словами: «Я полагаю, что вам известны обстоятельства, по которым я счел нужным переменить в Симбирске губернатора Загряжского. Я им был, впрочем, доволен, но он занемог, — политически, разумеется! (Государь улыбнулся). У него вышли какие-то дряги с губернским предводителем князем Баратаевым. Личности, о которых я и знать бы не хотел. Они могли между собою разведаться, как им было бы угодно. Мы бы сквозь пальцы посмотрели бы на это, но, к несчастью и моему неудовольствию, вмешалось тут дворянство — симбирское дворянство! Я не скажу, чтобы ими я был бы недоволен совершенно! Оно готово на всё и многое делает полезного, но на этот раз поступило крайне неосмотрительно, вмешавшись не в свое дело».⁸

Таким образом, основной причиной отставки Жиркевич (который пересказывает слова Николая I) называет ссору Загряжского сначала с предводителем дворянства князем М. П. Баратаевым, а затем со всем симбирским дворянством и последовавшая из этого политическая «немочь» губернатора. С этим согласен в своих мемуарах и Стогов. Но в чем заключалась причина ссоры? В ответе на этот вопрос Гончаров и два других мемуариста расходятся.

Жиркевич объясняет, что ссора Загряжского с Баратаевым произошла из-за болтливости губернатора: «Кн. Баратаев помолвил старшую дочь⁹ за сослуживца Загряжского по гвардии кн. Дадьяна.¹⁰ В разговорах с сим последним Загряжский с усмешкой намекал ему, что для него могла бы найтись более выгодная партия, и даже коснулся короткости в доме Баратаева с детьми его и в особенности со старшей дочерью, одного из учителей, преподававших там уроки. Это конечно дошло до сведения Баратаева и поссорило его с Загряжским».¹¹

В воспоминаниях Стогова изложена несколько иная версия ссоры губернатора и предводителя дворянства: «...князь Дадьян сосватал старшую дочь губернского предводителя князя Баратаева. (...) Был в Симбирске полковник Толстой; был холостой, жил в Симбирске, но числился по иностранной коллегии. Граф Толстой был другом Загряжского и еще более — другом князя Дадьяна, жениха. Загряжский похвастал мнимую интрижкой с княжной перед графом Толстым; последний, любя Дадьяна, сообщил ему о признаниях губернатора Загряжского. (...)»

Как только князь Дадьян выслушал графа Толстого, тотчас же объяснился с отцом князем Баратаевым и отказался от невесты. Невеста в глубоком обмороке, отец несчастлив, князь Дадьян беснуется. Узнаю вечером, что князь Баратаев как губернский предводитель (кажется, в течение 18-ти лет) намерен утром жаловаться дворянству и просить защиты — старому слуге дворянства! Князь Дадьян клянется разбить рожу губернатору в соборе!

Поздно вечером я нашел губернатора в страшной тревоге: он слышал о намерении князя Баратаева. Зная нерасположение к нему дворянства и ка-

⁸ Там же. 1878. Т. 22. № 7. С. 417.

⁹ Имеется в виду Елизавета Михайловна Баратаева (в замужестве княгиня Дадьян) (1811—1876).

¹⁰ Имеется в виду князь Дмитрий Леонович Дадьян (Дадьян).

¹¹ Русская старина. 1878. Т. 22. № 7. С. 419.

кого дворянства — дружного, гордого, симбирского, — было отчего в отчаяние прийти! А я прибавил о намерении князя Дадьяна. Это окончательно сделало губернатора неспособным мыслить! Он только и видел спасение в моей помощи. Но как же он и просил меня спасти его!»¹² Как видим, и в версии Стогова-мемуариста причиной ссоры была несдержанность губернатора в словах, а не в чувствах: «похвастал мнимою интрижкой с княжной».

Гончаров же в очерке «На родине» одним из главных мотивов называет не болтливость, а «женолюбие» губернатора: «Поводов к его удалению было, вероятно, найдено немало: каких-нибудь мелких чиновничьих придинок по делам. Но была и одна крупная причина, которая восходила до начальства действительно, как я слышал стороной, через жандармов.

Причина эта была посторонняя службе: она не подводила губернатора ни под какой формальный суд и в обществе вызывала только снисходительную улыбку и насмешливые толки. Она касалась не дел, а самой личности его, не шла к его сану и положению.

Он был... женолюбив. В „науке страсти нежной“ он, как Онегин, должно быть, находил „и муку и отраду“. Я еще там, на месте, слышал кое-какие истории о его „любовях“, но не придавал слухам тогда значения. В Петербурге уже я частью был сам свидетель, частью по его собственным рассказам мог убедиться, что не только всё слышанное о нем на Волге было справедливо, но и в том, как безвозвратно и неисцелимо он был предан этой „науке“, то есть страсти нежной, и какой был великий стратег и тактик в ней.

Можно было бы написать несколько томов его любовных историй, вроде мемуаров Казановы, если б все такие истории не были однообразны, до крайности пошлы и не приелись всем до тошноты. Они могут быть занимательны только для самих действующих в них лиц и больше ни для кого.

Если б Углицкий умел писать, он непременно изобразил бы себя с своим обширным гаремом и обогатил бы всеобщую эротическую историю еще одним многотомным увражем, вроде сочинений маркиза де Сада, Брантома и вышеупомянутого Казановы.

К счастью для него и для читателей, он был слаб в грамоте» (VII, 302—303).

Гончаров оказывается единственным мемуаристом, который связывает отставку губернатора с его амурными похождениями. Приведенные ранее фрагменты из мемуаров Жиркевича и Стогова, а также письмо самого Загряжского могут поставить под сомнение правдивость воспоминаний Гончарова.¹³ Это сомнение может усилиться благодаря некоторой беллетризации гончаровских воспоминаний, на которую он сам указывал,¹⁴ и в частности благодаря тому экзотическому литературному ряду, в который Гончаров ставит Загряжского. Однако публикуемые ниже документы¹⁵ свидетельствуют о том, что Гончаров, скорее всего, был ближе к истине, чем его оппоненты. Отставка Загряжского, конечно, была вызвана его ссорой с симбирским дворянством, но причиной ссоры, если верить донесениям Стогова,

¹² Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003. С. 120—121.

¹³ Усомнился в словах Гончарова и исследователь его биографии П. С. Бейсов, который, в частности, утверждал, что причиной отставки Загряжского «послужили, конечно, не любовные его истории, как пишет в очерке Гончаров, а события, связанные с переводом крестьян в удельное ведомство» (Бейсов П. С. Служба И. А. Гончарова в Симбирске. С. 137).

¹⁴ См. выше, прим. 3.

¹⁵ Публикуемые донесения извлечены из Архива III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии из дела «О поступках Симбирского гражданского губернатора Загряжского» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9 (1-я экспедиция 1834 года). № 338).

было именно то, о чем пишет Гончаров. Губернатор Загряжский нанес чувствительное оскорбление сразу двум представителям грузинских княжеских родов: Баратаевых и Дадиани. Ниже публикуются два из нескольких донесений, написанных в 1835 году жандармским штаб-офицером Э. И. Стоговым начальнику 6-го округа корпуса жандармов графу П. И. Апраксину и переправленных последним шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу. В соответствии с тем, как письма поступали адресату, сначала помещено сопроводительное письмо Апраксина, а затем собственно донесение с более ранней датой. Одно из публикуемых донесений было представлено Николаю I и непосредственно повлияло на отставку Загряжского, другое проливает свет на причину ссоры Загряжского и Баратаева. Текст донесений значительно отличается от мемуаров Стогова. Как представляется, служебный документ, составленный в то же время, что и описываемые в нем события, скорее всего, более достоверен, чем значительно более поздние мемуарные свидетельства. Впрочем, правдивы ли донесения Стогова или он так же, как и в мемуарах, приукрасил действительность, мы не знаем, зато теперь точно известно, что решение о судьбе губернатора Загряжского было принято Николаем на основании одного из этих донесений. И поэтому Гончаров, упоминавший о «крупной причине» отставки, которая «восходила до начальства (...) через жандармов», был совершенно прав, и его воспоминания в этой части более достоверны, чем мемуары Жиркевича и Стогова. Публикуемые документы не только проясняют смутный эпизод служебной биографии Гончарова, но и являются источником комментария к очерку «На родине».

«Донесение» начальника 6-го округа корпуса жандармов.

Февраля 14 дня 1835-го.

№ 35.

Казань.

О странных поступках симбирского гражданского губернатора Загряжского.¹⁶

Секретно.

Из представляемой при сем Вашему Сиятельству оригинальной корпуса жандармов майора Стогова записки, изволите усмотреть, что симбирский гражданский губернатор странностями своими и строптивым характером довел себя, можно сказать, до потери рассудка. Г. Загряжский, как и самому мне известно, никогда не мог и не может приобрести себе должного от дворянства уважения; он решительно не имеет никаких основательных правил, например, если он по видам честолюбия, которое в действиях его чаще всего встречается, или иногда и посторонним случаем делает какое предположение, то оно изменяется чрез час, а таким образом он ни своего, ни чужого мнения поддержать совсем не в состоянии; при том же он кроме того, что всегда бывает неосторожен в своих словах, нередко и без намерения оскорбляющих других, связи свои составляет более с молодыми людьми, нежели с людьми заслуженными и имеющими уважение от всей публики. От чего у него беспрестанно встречаются неудовольствия со многими и дворянство имеет весьма основательные причины быть им недовольным.

Генерал-майор граф

Апраксин

Шефу жандармов командующему Императорскою главною квартирою, господину генерал-адъютанту и кавалеру графу Бенкендорфу».¹⁷

¹⁶ Ниже помета другим почерком: «Государь изволил читать 27 февраля 1835» (прим. публикатора).

¹⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. № 338. Л. 37—38.

«От штаб-офицера корпуса жандармов в Симбирской губернии находящегося.

№ 28.

От 9 февраля 1835 года.

Г. Симбирск.

Секретно.

После последнего моего донесения к Вашему Сиятельству о отношениях моих к губернатору Загряжскому, поступок его при послании мною к нему записки и впоследствии брань его на меня и Германа, были приняты дворянами весьма для него дурно, так что он сим поступком дал случай еще более обнаружить к нему общую ненависть.

На всех многочисленных здесь ныне балах Загряжский почти на всяком просил у меня извинения и возвращения прежней моей дружбы, я, имея слишком много причин к осторожности, всякий раз выставлял ему необходимость моего настоящего к нему отношения. —

По случаю пожалования чина действительного статского советника вице-губернатору Огневу, 2-го февраля у Огнева был обед для всех; при сем случае я не мог не заметить общей единодушной радости о пожаловании любимого всеми трудолюбивого и кроткого вице-губернатора; на сей обед съехались все без исключения находящиеся в городе дворяне (74 человека) и во всех концах столов слышимы были довольные отзывы о Огневе. — По случаю пожалования Огнева, некоторые дворяне, желая доказать свое к нему уважение, давали в честь его обеды. —

3-го февраля предназначалось быть присяге для дворянских выборов, по сему случаю губернатор давал общий обед. — На обеде у вице-губернатора, когда я был окружен многими дворянами, губернатор громко пригласил меня:

„Прошу мне сделать честь пожаловать обедать вместе со всеми дворянами“. Я счел необходимым быть у него в сей раз, но прежде не ездил. На обед к губернатору звали более 70 человек, но приехало только 43, считая советников и проч. служащих; в том числе не приехал губернский предводитель. Холодностью дворян как губернатор, так и супруга его очень огорчались и мне жаловались. Пред обедом губернатор, отведя меня в сторону, просил у меня прощения, признавая себя виноватым во всех своих действиях против меня с самого моего приезда в Симбирск, объявляя между прочим, что он имел и имеет крайнюю нужду в моем пособии и что он много потерял моей холодностью и теперь он погибнет невозвратно без моей помощи; я ему напомнил, что прежние его действия против меня так несправедливы, что я могу содействовать ему теперь только открыто во всякое время сообразно моей службе, при сем я ему напомнил о прежних моих действиях в его пользу, и как он воспользовался ими, дабы вредить мне, пересказывая тем же дворянам. — Загряжский отвечал: „Я виноват, язык мой — враг мой!“

4-го февраля часу в 8-ом пополудни губернатор прислал за мной офицера (из канцелярии у него в доме живущего — Бечасного) — что имеет крайнюю и важную нужду меня видеть. — Я немедленно приехал к Загряжскому. —

Ваше Сиятельство! Я чувствую, что не в состоянии так точно описать виденную мной картину, как она была для меня поразительна, но изложу весь мой разговор с Загряжским, рассказ его объяснит и самую причину со мной объяснения. —

Губернатор принял меня в кабинете, все действия его показывали особенную таинственность и после предисловия, состоящего в извинениях с его

стороны и просьбы принятия моего участия в его деле, он сказал, что теперь его мистификация передо мной уже не имеет места, а что он решается говорить со мной как с духовником своим и, делая меня судьей, просит моего пособия. — Вид Загряжского, совершенно обезображивая его, показывал самое сильное душевное страдание и отчаяние. —

Загряжский: Вам известна моя история с князем Баратаевым и князем Дадьяном?

Я: Известна — и я наблюдаю за ходом вашей ссоры.

Загряжский: Я намерен рассказать Вам с самого начала: князь Дадьян очень давно знаком мне, приезд его в Симбирск еще более сблизил меня с ним. Князь Баратаев, бывши губернским предводителем по приезде моем в Симбирск, оказал мне возможное дружество. Слухи о мне Вам известны, меня считают здесь волокитой за всеми; старшая дочь Баратаева Елизавета была в числе тех, которых молва назначала мне в волокитство; это продолжалось довольно долго. Впоследствии я поссорился с князем Баратаевым. Откровенно вам скажу, что я позволял себе многое с дочерью Баратаева, но не виноват окончательно. Поссорившись с Баратаевым, я оставил и особенное обращение с его дочерью.

Князь Дадьян, бывши со мной короток, однажды в разговоре с глазу на глаз, говоря о многом, упомянул о старшей дочери Баратаева, я сказал очень невыгодно свое мнение о ней и даже уверил его в известной мне ее виновности. Вскоре слышу, что Дадьян имеет намерение жениться на Елизавете Баратаевой и скоро после сего пришел объясниться со мной насчет ее поведения; я сказал, что мне неизвестно ничего положительно о ней и вероятно слухи о ее поведении неосновательны; но в то же время, зная к Дадьяну особенную дружбу графа Толстого (в отставке генерал-майор), я все рассказал ему и даже сказал, что она виновна в своем поведении. Не знаю, сказал ли о сем Толстой Дадьяну.

Сватьба <так!> Дадьяна делалась более вероятной, Дадьян несколько раз объяснялся со мной о сем предмете с запальчивостью. Впоследствии сватьба была уже объявлена и тянулась около пяти или шести месяцев, а подозрение Дадьяна возросло на меня до ненависти и он обещает, ежели в случае не найдет ее невинной, то убьет и ее и меня. По известному мне его характеру я совершенно в этом уверен. Князь Дадьян о разговоре моем с ним насчет нынешней его невесты объявил самому Баратаеву, и тот, уже имея на меня злобу, полагает меня виновным позора его семейства и собственного его несчастья. 3-го числа пред присягой Баратаев решил объясниться со мною наедине, как огорченный отец наговорил мне слишком много обидного и укоризн; я говорил в свое оправдание, что я невиновен, но что я говорил Дадьяну не о том, так что будто мне известно, а только говорил о городских слухах. Баратаев требовал от меня в сем подписки — я отказал ему, ибо знаю, что Дадьян застрелит меня, ежели я отопрусь от своих слов, говоренных ему мною; в заключение Баратаев сказал мне, что он презирает меня и найдет себе удовлетворение. Теперь приходят последние дни венчания, Дадьян болен и кажется уже удаляется от свадьбы <так!> под предлогом, что я опозорил его невесту. Баратаев, видя страстную любовь его дочери к Дадьяну, видит, что она не переживет удара. Дадьян теперь предложил Баратаеву, что он готов жениться на дочери его, но с тем, чтобы Баратаев при нынешних выборах пред всеми дворянами изложил свой позор и просил бы участия дворян против Загряжского. Баратаев согласился на это и намерен 8-го числа высказать все пред собранием дворян. Вы знаете, что нет ни одного дворянина, имеющего ко мне уважение.

Я: Знаю, и докладывал, что все до одного вас ненавидят и презирают.

Загряжский: Теперь можете судить о моем положении — что из сего произойдет. В подобном случае я уже был обвинен пред Царем, я буду совершенно уничтожен и выгнан из службы, еще ни один губернатор не был в таком уничижении. Ваш голос есть самый сильный меж дворянами, одно ваше участие может избавить меня от конечного позора, вы можете быть моим спасителем, я никогда не сомневался в вашем совершенном благородстве, самая ссора наша доказала, что вы все выиграли, а я погиб; я знаю, что вы всегда и везде меня хвалили, а я вас бранил; я виноват пред вами, я сделал вам триумф, а себе позор, спасите не меня — не Загряжского — а Губернатора, спасите доверенность Государя! Этого только прошу — вы или никто мне не поможет.

После сего ужасным образом не заплакал, а заревел, рвал на себе волосы, бил себе колени, одним словом — я ужаснулся самого крайнего отчаяния и малодушия, я просил его успокоиться и представил, что это услышит его жена; Загряжский раздирающим душу голосом сказал мне: она все знает, она рыдает в постеле, она больна, она несчастна; спасите меня для нее и для моей дочери, я до смерти моей буду вашим слугой; у меня только один человек, ко мне расположенный — это недавно приезжий Арсеньев (прапорщик гвардии) да еще уверен совершенно в вашем великодушии и благородстве, зная совершенно, что вы не будете мстить мне.

Я, видя совершенное отсутствие его духа и последнюю степень робости, употреблял всё для его успокоения и обещал ему мое содействие к уменьшению его беды; тогда он, успокоившись, просил меня дозволить ему позвать Арсеньева (который находился у жены его) для лучшего совета, я согласился. Арсеньев молодой человек (не более 22-х лет) оказывал точно совершенное участие в положении Загряжского, я предложил им позвать графа Толстого как человека подозрительного в своем поведении в сем доме, ибо бывши другом Дадьяна и другом Баратаева, решается о всем пересказывать Загряжскому, а потому позвав его, стараться обвинить его совершенно и доказать ему, что судьба Загряжского связана только с обвинением Толстого, и тем для спасения своего заставить Толстого действовать в пользу Загряжского, а я между тем уверил Загряжского, что беру на себя уничтожить намерение Баратаева: говорить пред собранием дворян, и тем успокоил Загряжского, который опять судорожно плакал при мне и Арсеневе и твердил в ужасных выражениях о своей гибели. —

Загряжский: Эразм Иванович! Оставьте гнев свой на меня и будьте со мной по-прежнему, я докажу вам, что умею ценить благородного человека. Дмитрий Александрович! (Арсеньев) примирите меня с Эразмом Ивановичем.

Я: Мстить вам никогда не буду — святой должности своей не изменю, следовательно всегда буду действовать для возвышения вашего, но вы много виноваты.

Арсенев: Вы, Эразм Иванович, всегда отзывались с похвалой о Александре Михайловиче, нет никакой причины не примириться с ним совершенно. —

Я: Ваше Превосходительство! Я делаю вам добро более нежели кто-нибудь, более нежели вы себе, и пока буду иметь счастье носить этот почтенный мундир, таковым буду всегда и везде; но дружбы и доверенности не могу вернуть — ваш характер я знаю и сего довольно, чтоб быть осторожным — я буду делать вам добро, но вы никому о всём этом ни слова. Это нужно для моего плана — прочтите.

Без меня Загряжский призывал графа Толстого и, сам струсивши, ничего не мог ни узнать, ни сделать с Толстым, который вдобавок отперся от все-

го, что когда-либо говорил и слышал от Загряжского. Это мне сказывал Арсеньев. Загряжский не утерпел, сказал Толстому, что я всё знаю. —

Я знал, что Толстой не осмелится сказать сего Баратаеву, ибо сим скажет на себя, что Загряжский от него узнал о намерении Баратаева. —

5-е число я употребил на совершенное разузнание всего дела обстоятельно.

6-го рано утром я поехал к Баратаеву и наедине объявил ему, что мне известна причина его ненависти к Загряжскому и по сему случаю, вступая в подробный разговор, я был проникнут горестью отца и осрамленную пред всем дворянством историей, марающей честь его фамилии; я не имел духу говорить много в защиту Загряжского, но упомянул ему о неприличности его намерения говорить пред дворянами, ибо сие действие его при ненависти всех дворян к Загряжскому, я считаю шагом к безначалию, а потому после сего, я полагаю, что он сам может судить, сколь и мало ожидают подобного поступка от умного князя, а к удовлетворению его обиды ему очень много есть средств. Баратаев после весьма деликатного нашего разговора и после неудовлетворенных вопросов: откуда я знаю? дал мне слово не говорить о сем ни с одним дворянином, а предоставлять себе просить о сем Государя. —

После сего я, не считая нужным ехать к губернатору, просил Арсеньева передать Загряжскому, чтобы он был покоен насчет предприятия Баратаева. —

Того же 6-го числа, имея нужду выехать по службе из Симбирска, в 2 часа пополудни находясь на обеде у Бестужева, против ожидания приехал ко мне губернатор и просил поговорить с ним о весьма важном деле наедине, при чем показывал из кармана много бумаг при всех. —

Загряжский: Я надеялся, имея отпуск, скоро уехать в Петербург, но к несчастью получил сии бумаги.

Бумаги сии заключали распоряжение министра внутренних дел, чтобы Загряжский оставался в Симбирске до приведения к окончанию переименования казенных крестьян Симбирской губернии в удельные.

После сего Загряжский опять много говорил со мной о своем деле с Баратаевым и сквозь слезы благодарил меня за прекращение намерения Баратаева, потом, узнавши, что я уезжаю из Симбирска, спросил меня, не уезжаю ли я от ожидаемых мной кровавых сцен с ним? ибо он только и ждет себе либо пистолета, либо кинжала. Я его успокоил тем, что до моего возвращения я принял такие меры, что с ним совершенно ничего не будет. —

Рассуждения наши продолжались не менее двух часов и до того, что он требовал от меня самых мелких наставлений в его действиях и даже идэи (так!) в сочинении предполагаемого ответа на письмо Баратаева. —

Загряжский так исхудал, почернел и такой имеет расстроенный вид, что совершенно похож на сумасшедшего, идэи его так перепутаны, разговор так неотчетлив, что при продолжении подобного положения я опасюсь настоящего сумасшествия. — Замечая, что дворяне уже делают самые странные заключения насчет его наружности, и боясь, чтобы он не начал когда плакать при собрании и на бале (начало этого я уже не раз замечал) я советовал ему сказаться больным и никого не принимать до моего приезда; он так и сделал, и теперь, сидя дома, сказывается больным. Я сейчас приехал и спешу донести о сем Вашему Сиятельству. —

Что произойдет по сему делу, я не премину донести Вашему Сиятельству. В отсутствие свое я поручал наблюдение по сему случаю штабс-капитану Герману — но более ничего особенного не произошло.

О причине моей поездки я не имел времени донести теперь, а потому и отлагаю до следующей почты.

Здесь пронесли слухи о скором прибытии Вашего Сиятельства в Симбирск, но это уже не первый раз, но всегда, как и ныне, ожидают вас все дворяне с большим удовольствием. —

Майор Стогов

Начальнику 6-го округа корпуса жандармов господину генерал-майору и кавалеру графу Апраксину». ¹⁸

27 февраля 1835 года опубликованное выше донесение пересылалось Бенкендорфом министру внутренних дел Д. Н. Блудову. Из сопроводительной записки Бенкендорфа явствует, что именно это донесение сыграло роковую роль в судьбе Загряжского.

«Генерал-адъютант граф Бенкендорф свидетельствуя совершенное почтение Его Превосходительству Дмитрию Николаевичу, имеет честь препроводить при этом донесение генерал-майора графа Апраксина, с приложением записки находящегося в Симбирской губернии штаб-офицера корпуса жандармов о симбирском гражданском губернаторе А. Загряжском. — Бумаги сии были представлены Государю Императору, и Его Величество, по прочтении сих, изволил найти, что г. Загряжский не может оставаться в настоящей своей должности, по неблагонадежности, особенно при нынешних обстоятельствах обращения казенных крестьян означенной губернии в удельное ведомство. Его Величество изволит полагать, что симбирским гражданским губернатором мог бы быть назначен находящийся ныне в СПбурге д. ст. советник Жемчужников». ¹⁹

Описание конфликта губернатора с предводителем дворянства существенно дополняет следующее донесение Стогова, направленное Апраксиным Бенкендорфу.

«(Донесение) начальника 6 округа корпуса жандармов.

Февраля 22 дня 1835-го.

№ 38.

Казань.

О последствиях разглашения симбирского г. гражданского губернатора насчет поведения дочери князя Баратаева.

Секретно.

В дополнение представленной Вашему Сиятельству от меня 14 сего февраля подлинной записки корпуса жандармов майора Стогова, какие были последствия позорного разглашения симбирского гражданского губернатора насчет дочери князя Баратаева, я имею честь представить на благоусмотрение Ваше также оригиналом вторую его же г. Стогова записку от 16 февраля за № 32-м с копиями с двух писем.

Генерал-майор граф Апраксин.

Шефу жандармов командующему Императорскою главною квартирою господину генерал-адъютанту и кавалеру графу Бенкендорфу». ²⁰

«От штаб-офицера
корпуса жандармов
в Симбирской губернии
находящегося

№ 32.

16 февраля 1835 года.

Г. Симбирск.

¹⁸ Там же. Л. 39—45.

¹⁹ Как известно, губернатором после Загряжского стал Жиркевич. О причинах замены см.: Записки Ивана Степановича Жиркевича // Русская старина. 1878. № 7. С. 414 (прим. публикатора).

²⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. № 338. Л. 28.

В дополнение записки за № 28. —

В дополнение моей секретной записки от 9-го февраля за № 28 имею честь донести: 10-го числа Загряжский опять прислал за мной и с тем же расстроенным видом показывал мне письмо, полученное им от Баратаева, в котором Баратаев требует от него непременно ответа с пояснением причин, которые заставили Загряжского говорить так позорно о его семействе; в противном случае, он с первой же почтой будет искать защиты у Государя и заключает, что он остается к нему с уважением, потому только, что он губернатор. — Загряжского это чрезвычайно обеспокоило, он считал себя обязанным отвечать отцу, что он никогда ничего обидного не говорил, но в сем случае пугало его то, что сим ответом Дадьян будет поставлен лжецом, а потому непременно будет искать удовлетворения. —

Отчаянное положение Загряжского и его семейства, остановка дел в управлении и униженное положение губернатора, поставило меня в необходимость принять явное участие в сем деле и потому на просьбу ко мне Загряжского я предложил ему, чтобы он написал ко мне письмо, в котором, изъясня причины, просил бы моего участия и содействия, а до тех пор погодил бы отвечать Баратаеву. Загряжский с радостью принял мое открытое участие и 11-го числа поутру приготовил мне сочиненное им письмо, в котором совершенно раскрыл предо мной весь ход дела и признался с откровенностью в своем проступке, просил моей помощи, упомянувши прежде все, что могло льстить мне. Это письмо предварительно было прочитано при жене его, но она воспротивилась сему, ибо не хотела такие доказательства иметь на бумаге. Видя их опасения, я и сам отказался, а согласился взять письмо короче, копию от которого и имею честь при сем приложить; письмо сие писано рукой Загряжского и оно может служить подтверждением расстроенного состояния Загряжского. Того ж утра я говорил с князем Дадьяном, которого нашел очень озлобленным на Загряжского; я употреблял всё для смягчения его справедливой досады и между прочим выставил необходимость окончания сей ссоры, которая вредна действиям правительства, ибо Загряжский есть губернатор; с Дадьяна я взял честное слово ничего не предпринимать противу жизни и оскорбления Загряжского. — Дадьян не соглашался на совершенное примирение, говоря, что он знает болтливость Загряжского и что Загряжский, бывши прошедшую зиму в Москве, значительным особам общим знакомым говорил весьма дурно о его невесте; не взирая на все мои убеждения <так!>, Дадьян согласился только на то, чтобы Загряжский написал к нему письмо, в котором бы сказано было, что Загряжский говорил ему неправду и честным своим словом поручился бы, что говорить впредь никогда ничего предосудительного не будет, — но о сем желал посоветоваться с Баратаевым, а потому я и назначил ему свидание в 7-мь часов вечера, а слова Дадьяна сообщил словесно губернатору, который с радостью решался на всё, лишь бы избавиться от страха.

Дадьян предлагал свидание у меня в доме, где он, получа письмо от Загряжского, также дает честное слово не пользоваться сим письмом до тех пор, пока Загряжский будет верен своему обещанию; предложение мое Загряжскому свидания и объяснения с князем Дадьяном в моем доме очень не нравилось и более его жене, которая никак не решалась дозволить без себя свидание и соглашалась сама объясняться с Дадьяном, о чем также просил меня и Загряжский, говоря, что жена его знает все обстоятельства подробно; — причиной нежелания его видеться с Дадьяном — был страх о жизни. —

Загряжский привез сам ко мне черновое письмо, требуемое Дадьяном для показания ему: будет ли доволен. Копии с сего письма также имею честь приложить.

При вторичном моем свидании, Дадьян по убеждению моему соглашался на получение письма, но прибавил своею рукой: „Всё, что я говорил вам о князе Баратаеве и его семействе, уверяю вас, что это ни на чем не основано, а было с моей стороны только пустые разговоры” и согласился сие письмо получить из рук Загряжского в его доме при моем свидетельстве; я передал сие Загряжскому и после приехал вместе с Дадьяном. — Очень заметно было, сколь боялся сего свидания Загряжский, ибо идя навстречу к Дадьяну, нес пред собой раскрытое письмо в руках и вручил Дадьяну, который, прочтя, отдал обратно для подписи; когда Загряжский подписывал, Дадьян улыбался и делал мне знак, как его забавляет трусость Загряжского. Жена Загряжского стояла в дверях и просила меня, чтобы как можно скорее кончить, ибо она боится, чтобы муж ее опять не заговорил. Дадьян, получа письмо, сказал Загряжскому: „Я по убеждению Эразма Ивановича оставляю ссору и хочу иметь письмо сие уздою на ваш язык для того, чтобы вы более не смели болтать, а надобно согласиться, что вы очень болтливы. Но даю честное слово не сделать никакого употребления из письма сего до тех пор, пока вы не преступите своего обещания быть молчаливым”. — Загряжский употребил в свое оправдание, что на него много наговорили злые люди и тому подобное. — Дадьян во все время был очень тих и вежлив и в заключение дал слово, что он употребит свое влияние на князя Баратаева, дабы тот оставил всякое искание для своего удовлетворения. — Прощаясь, как Загряжский, так и Дадьян оба благодарили меня за мое участие и за развязание запутанной ссоры; Загряжский опять плакал при Дадьяне и по уходе его, он и жена оба чрезвычайно много благодарили меня. —

После сего Дадьян от себя и Баратаева просил меня не писать о сем, губернатор и жена его также; но я, не отвечая последним ничего, сказал Дадьяну, что нет сомнения, что о сем узнают в Петербурге посторонним образом. — Так окончилось происшествие, которое в продолжение всего, Загряжского делало неспособным ни к каким действиям по службе. — Происшествие, хотя не подробно, но ходит по секрету между дворянами, которые и без того делают уважение Загряжскому как губернатору, но не уважая его лично; теперь везде бранят и говорят, что после многих безнравственных поступков сего последнего нельзя принимать его в доме семейному человеку, причем вспоминают многие случаи, коими Загряжский хотел марать честь семейств почтенных фамилий, причем опираются более на фамилию почтенного старца Дмитриева, дочь которого Марта, из первых здесь красавиц, подверглась подобному же посрамлению.

Описав со всей подробностью, долгом считаю присовокупить, что по случаю съезда дворян на выборы, во всех собраниях говорят о Загряжском как о черной заразе для Симбирской губернии. —

Истина описанного мной происшествия заключается в следующем: Загряжский по приезде своем сюда был принят Баратаевым как друг и всякой день посещал его дом; старшая дочь Баратаева Елизавета, по признанию самого мне Загряжского, была соблазнена им и ходила несколько раз ночевать к нему в кабинет. Загряжский по болтливости своей не скрыл сего и по обыкновению своему расхвастал о сем многим по секрету, в том числе Дадьяну. Дадьян вздумал свататься к дочери Баратаева; Загряжский, имея ссору с Баратаевым (как и со всеми в разное время), старался уничтожить сей брак, продолжая рассказывать о поведении Елизаветы Баратаевой; тут же рассказывают о безымянном письме, подкинутом Дадьяну. Дадьян, страстно любя ее, был взбешен сим и вот следствии <так!>, от сего происшедшие. Дочь Баратаева уже три недели как отчаянно больна. —

О связи Загряжского и дочери Баратаева жене Загряжского известны все подробности, она говорила со мной о всём открыто. —

Загряжский в минуты откровенности (прежде) и хвастовства неоднократно говорил мне, что успеть в интриге с девицею или женщиною и не рассказать о сем, — все равно, что иметь орден Андрея Первозванного и носить его спрятанным в кармане!

Во всех совещаниях и сочинениях (кроме письма ко мне) был действующим советником секретарь губернатора Раев. —

Майор Стогов.

Начальнику 6-го корпуса жандармов господину генерал-майору и кавалеру графу Апраксину».

К этому донесению приложены копии писем.

«Копия письма губернатора Загряжского майору Стогову.

Милостивый Государь,

Эразм Иванович!

Прошу Вас съездить к к⟨нязю⟩ Дадьяну и сказать ему, что я получил письмо от к⟨нязя⟩ Баратаева, которым он объясняет, что я чернил честь его и его семейства, отвечал ему, что никогда я ее чернил — и на таковой поступок решил меня поступок к⟨нязя⟩ Д⟨адьяна⟩, ибо он преждевременно очернил меня перед Баратаевым и многими. — Исполнив мою просьбу, Вы обяжете того, который с совершенною достоверностию вручает Вам тайну, которую бы сохранил вечно, ежели бы характер к⟨нязя⟩ Дадьяна не заставлял меня опасаться оскорбления не меня Загряжского, а моего звания, которое мне вручено Государем Императором и которое я сберегу с тем, чтобы ему его и повергнуть.

С истинным почтением имею честь быть

Покорнейший слуга

Подлинная подпись: А. Загряжский».²¹

«Копия с письма, предлагаемого Загряжским Дадьяну.

При объяснении жены моей с вами, вам угодно было ⟨...⟩ иметь от меня на письме подтверждение, что я не позволю себе никаких разговоров, кои могли бы оскорбить честь невесты вашей. — Хотя я и не имею к сему никаких обязанностей, но желая все и каждому доставить спокойствие, ежели бы это только могло от меня зависеть, а видя, что сие только препятствует быть вам спокойным, — я даю слово честного человека, что никогда не позволю себе сказать что-либо неприличное о невесте вашей. —

(К сему прибавлены требуемые слова Дадьяном).

„Всё, что я вам говорил о князе Баратаеве и его семействе, уверяю Вас, что это ни на чем не основано, а было с моей стороны только пустые разговоры”.

(С черновым письмом Загряжского руки верно: Майор Стогов)».²²

К реалиям очерка «На родине» неоднократно обращалась Е. К. Беспалова. Ее последняя работа содержит ссылки на множество интереснейших архивных источников, в том числе жандармских донесений, но более ранних, относящихся к 1832 году. В цитируемых ею документах предшественник Стогова А. П. Маслов характеризовал Загряжского как азартного карточного игрока и ловеласа, не утруждавшего себя управлением губернией.²³ Впрочем, утверждение исследовательницы о том, что причиной отставки За-

²¹ Там же. Л. 29—32.

²² Там же. Л. 34.

²³ См.: Беспалова Е. К. Реалии очерка И. А. Гончарова «На родине»: по материалам жандармских донесений // Гончаров после «Обломова»: Сб. статей. Материалы III Международной гончаровской конференции в Санкт-Петербурге. СПб.; Тверь, 2014. С. 215—216.

грязжского стало донесение Маслова от 26 февраля 1832(!) года,²⁴ безусловно, ошибочно. Публикуемые здесь документы его полностью опровергают.

С отставкой и отъездом из Симбирска участие Загряжского в жизни Гончарова не прекратилось. В воспоминаниях писатель сообщает, что «...долго, особенно после, в Петербурге, служил ему добровольным секретарем» (VII, 263). Загряжский, согласно аттестату, оставался в Санкт-Петербурге до 1842 года, в котором был «перемещен в ведомство новороссийского и бессарабского генерал-губернатора»,²⁵ т. е. Гончаров мог поддерживать с ним отношения еще около семи лет. В письме к Ю. Д. Ефремовой от 11 (23) сентября 1857 года из Дрездена Гончаров сообщает еще об одной случайной встрече с бывшим губернатором: «Сейчас был у меня Загряжский: не знаю, помните ли Вы его? Он бывал у Майковых. Жена его умерла, с любовницей он расстался, а теперь увез у кого-то жену, нашел пьяного попа, который обвенчал его на ней, и вчера сидят себе в ложе, где я и наткнулся на него. Боюсь, не попросил бы денег займы; он мастер на это, да я тоже мастер отказывать».²⁶

След Загряжского остался и в творчестве Гончарова. В вышеупомянутом очерке «На родине» (который Гончаров отказывался признавать только мемуарным) Углицкий (Загряжский) является одним из главных героев. В «Обрыве» упоминание Райским в качестве своей потенциальной невесты «какой-нибудь Голендухи Парамоновны»,²⁷ возможно, восходит к устному наставлению Загряжского, который рисовал молодому Гончарову такую перспективу: «Женят вас на какой-нибудь Голендухе Поликакиевне, и вы загубите век свой в глуши, среди чиновной челяди, взяточников, тупоумных помещиков...» (VII, 298). Очень вероятно, что и упоминания в «Обрыве» о том, как благородно доблестные русские победители вели себя в покоренном Париже, тоже восходят к рассказам Загряжского, который был участником войны 1812—1814 годов.

²⁴ Там же. С. 222.

²⁵ Русская старина. 1879. Т. 24. № 1. С. 174.

²⁶ Тридцать четыре письма Гончарова к Ю. Д. Ефремовой (1849—1874) / С предисловием и прим. Б. Модзалевского // Невский альманах. Пг., 1917. Вып. 2. С. 32—33.

²⁷ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7. С. 308.

© М. В. ОТРАДИН

«МАНИЛА» НА ПУТИ АВТОРА «ФРЕГАТА „ПАЛЛАДА”»

Б. М. Энгельгардт считал «Фрегат „Паллада”» «наиболее совершенным и законченным произведением писателя».¹ Позже А. В. Чичерин писал об этой книге как о «наиболее цельном и поэтически строгом произведении Гончарова».² Не решая вопрос о том, какое творение автора «Обломова» может считаться наиболее значительным, отметим, что своеобразие поэтики, «эстетическая организованность» (Л. Я. Гинзбург) этой книги нуждается в дополнительном изучении.

¹ Энгельгардт Б. М. «Путешествие вокруг света И. Обломова»: Главы из неизданной монографии // Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 74.

² Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. М., 1977. С. 163.

В начале книги Гончаров заметил: «...путешествовать с наслаждением и с пользой — значит пожить в стране и хоть немного слить свою жизнь с жизнью народа, который хочешь узнать».³ Даже по современным меркам Гончаров принял участие в гигантском, как говорили его спутники, «походе». Путешественник, отправившийся в кругосветное плавание, как заметил автор «Фрегата „Паллада”», меняет «ежемесячно климаты, небеса, моря и государства» (II, 11). Писатель должен был в стремительном движении увидеть и понять главное и передать в слове. Художественная модель этой увлекательной и трудной творческой проблемы представлена в главе «Манила», о которой прежде всего и пойдет речь. Но не только о ней. Ведь эта и другие составившие книгу главы должны прочитываться не только в их синтагматической последовательности, но и с учетом парадигматических и ассоциативных связей. По ходу фабульного движения, синтагматического развертывания текста обнаруживаются интратекстуальные и интертекстуальные связи, которые вносят существенные дополнительные смыслы в сюжет главы. И в этом отношении глава «Манила» изоморфна всей книге.

Внимание к ассоциативным отсылкам позволит развернуть точное замечание В. А. Туниманова, одного из авторов комментария к книге: «Единство ее обусловлено (...) присутствием в ней постоянных мотивов, идеологических линий, параллелей и сопоставлений, сквозных образов» (III, 500).

Глава «Манила» обладает относительной сюжетной завершенностью. «Манила! Манила! вот наша мечта, наша обетованная земля, куда стремятся напряженные наши желания. Это та же Испания, с монахами, синьорами, покрывалами, дуэньями, боем быков, да еще вдобавок Испания тропическая!» (II, 491) — это эмоциональное признание, предшествующее главе, имеет если не универсальный, то обобщенный смысл. Ведь в голове путешественника «на пороге» страны, в которой он еще не бывал, чаще всего уже есть некое предзнание: художественный, порой даже мифологизированный образ ее. Автору надо или найти подтверждение этим ожиданиям, или скорректировать, или даже опровергнуть их.

«Если путешествуешь не для специальной цели, — писал Гончаров, — нужно, чтобы впечатления нежданно и незванно сами собирались в душу, а к кому они так не ходят, тот лучше не путешествуй» (II, 41). В этом заявлении есть что-то загадочное и в то же время принципиально важное для автора «Фрегата...». Нужно как бы бездумно отдаться впечатлениям, включить какие-то неподвластные рассудку возможности, улавливать не только то, что видишь, но и то, что «видится».

Глава «Манила» построена на быстрой, часто стремительной смене повествовательных эпизодов: перемещение путешественника в пространстве, меняющийся на «авансцене» состав действующих лиц. Композицию самой напряженной части повествования в главе определяет описание поездки героя по городу и его окрестностям. Коляска мчится с какой-то ошеломляющей и даже пугающей седока скоростью: кучер «погнал лошадей», «мы доскакали до большой площади», «сколько мостов и речек перемахнули мы», «мы мчались из улицы в улицу так, что предметы рябили в глазах», «в глазах мелькнет вывеска лавки, отворенное жалюзи и заспанное лицо старого испанца; там арфа у окна; там детская головка; солдат на часах» (II, 535—538). Путешественник в цейтноте, у него почти нет времени, чтобы разглядеть и тем более осмыслить увиденное: идет поток впечатлений, кото-

³ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 2. С. 41—42. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома римскими цифрами и страницы арабскими.

рые не подчинены причинно-следственной упорядоченности. Синтагматическое их прочтение мало обогащает сюжет. В другой главе путешественник замечает, что пишет «о том только, что мелькнуло (...) в глазах» (II, 34—35). Еще одно признание в этом же ключе: «...не заметили, как миновали Францию, а теперь огибали Испанию и Португалию (...)» фрегат мчится — едва только дед (старший штурманский офицер на «Палладе» А. А. Халезов. — М. О.) успевает доносить начальству: 40, 38, 35 градусов, параллель — Сан-Винцента, Кадикса... Прощай, Испания, прощай, Европа!» (II, 83—84). Настойчивое повторение мотива наводит на мысль: это не просто подробности путешествия, а метафора, образ стремительного преодоления пространства. На этот вывод наводит и анонимное «Предисловие от издателя» к гончаровским «очеркам путешествия», написанное близким другом Гончарова И. И. Льховским, в котором он утверждает, что «...автор (...) мог сделать только то, что он сделал (...) в своем быстром и случайном пути взглянуть на разнообразные картины беспрестанно сменявшейся перед ним панорамы, на мелькавшие перед ним явления чужой жизни с точки зрения поэта», и вместе с тем, что «голос поэта эпического, романиста, постоянно слышится в рассказе путешественника», и что эта книга «непохожа ни на какое другое произведение этого рода». ⁴ Прочитав «Предисловие», Гончаров написал Льховскому: «Вы лучше всех поняли, как надо смотреть на мои путевые записки...» ⁵

Итак, переход от описания «мелькавших перед ним явлений чужой жизни» к эпическому, романному изображению. Как осуществляется этот переход? Думается, это и есть одна из важнейших проблем поэтики «Фрегата „Паллада“».

В главе «Манила» более явно представлены приемы и принципы построения сюжета, которые можно обнаружить и в других частях книги. Речь идет прежде всего о тематических ассоциативных сопряжениях, которые, так сказать, гасят скорость фабульного движения. Парадигматические переклички с другими главами не только раздвигают рамки сюжета, но и выполняют интерпретирующую роль. Несколько упрощая картину, можно сказать: там, где в организации текста господствует «присоединительная» логика, используется прием монтажа для создания образа Манилы. Парадигматические связи необходимы для того, чтобы выявить сюжетные смыслы, объединяющие главы в книгу.

Если в этой главе увидеть монтажную конструкцию, тогда совершенно естественной представляется и смена планов в описании Манилы. Картина может вдруг резко укрупняться. Так, из мчащейся кареты путешественник успевает заметить: «Быстроглазые тагалки (...) вдруг поднимают на проезжих глаза и непременно что-нибудь высказывают ими: или вопрос, или насмешку, или другое, но во всяком случае красноречиво» (II, 538). Или вот в «кадре» появились «в праздном созерцании чудес природы, заспанные, худощавые фигуры испанцев de la vieille roche, ⁶ напоминающих Дон Кихота, (...) с выражающим одно и то же взглядом тупого, даже отчасти болезненного раздумья, как будто печати страдания, которого, кажется, не умеет эта голова высказать, за неумением грамоте. На всех картинках испанской школы увидите такие лица» (II, 538). Глава «Манила» наглядно показывает, что автору «Фрегата» приходится как данность принимать эмпирическую пестроту и неупорядоченность мира. Путешествие как жанр «открыто» случай-

⁴ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия: В 2 т. СПб., 1858. Т. 1. С. I, IV, V.

⁵ Литературный архив. Л., 1951. Т. 3. С. 136.

⁶ старого закала (фр.)

ному, не может обойтись без случайного. В случайном, в обрывках жизни можно и нужно уловить что-то существенное. Едущий в карете путешественник застаёт различные проявления манильской жизни, так сказать, врасплох.

Гончаров хочет показать мир в его каждодневном, будничном состоянии. Карамзина, автора писем «Русского путешественника», уличная толпа интересует потому, что в ней выделяются незаурядные, яркие личности: по их поведению и выступлениям можно, например, судить о предстоящих выборах в Англии. Героя «Фрегата „Паллада“» уличная толпа привлекает как некий стихийный организм, подчиняющийся скрытым для внешнего взгляда импульсам. Если есть зависимость толпы — от приказа, какого-то распоряжения — она для Гончарова неинтересна, как лондонская толпа в день торжественных похорон Веллингтона: «...я нехотя купался в этой толпе <...>. Я был один в этом океане и нетерпеливо ждал другого дня, когда Лондон выйдет из ненормального положения и заживет своею обычною жизнью» (II, 40).

Пример прямо противоположного восприятия толпы можно увидеть в «Письмах с кругосветного плавания», в которых спутник Гончарова капитан-лейтенант К. Н. Посьет написал: «Как, по указу парламента все мастерские и фабрики были закрыты, то в массе были налицо все классы английского народа — прекрасный случай для наблюдательного путешественника».⁷

Интерес к стихийной жизни толпы — в этом Гончарову близок Гете. Его «Итальянское путешествие» присутствовало в творческом сознании автора «Фрегата „Паллада“»: судя по черновикам, он даже хотел Обломова заставить читать это произведение (V, 222). Вспоминая Венецию, Гете пишет: «...прежде всего мое внимание привлекает народ, большие массы людей, их необходимое, непроизвольное существование».⁸

Парадигматические связи позволяют понять, как охотно Гончаров обращается к мотиву «ложный сюжет». «На одном балконе, — видит путешественник из кареты, — сидела молодая женщина с матовым лицом, черными глазами <...>. Вот вечером тут, пожалуй, явится кто-нибудь с отвагой и шпагой, а может быть с шелковыми петлями» (II, 536). Цитатная отсылка к стихотворению Пушкина «Я здесь, Инезилья...» напоминает, что именно автор «Путешествия в Арзрум» показал, как важно не увлечься ложными сюжетами, которые постоянно преподносит жизнь.⁹ Гончаровский герой в разных странах натывается на сюжетные «ловушки». Например, в Капштате, в гостинице за обедом он познакомился со старым англичанином: «важный чиновник, весьма благородный, совсем седой». «Как бы он годился, — предполагает путешественник, — быть дядей, который возвращается из Индии, с огромным богатством, и подспекает кстати помочь племяннику жениться на бедной девице, как бывало, писывали в романах!» (II, 232). Но скучная беседа со старым джентльменом не обогатила (да судя по всему и не могла обогатить) путешественника никакой романтической историей.

Но литературная «ловушка» может привести к настоящей творческой удаче. Там же, в Капштате, «высокий, стройный джентльмен, очень благо-

⁷ Отечественные записки. 1855. № 3. Т. XCIX. Отд. VI. С. 4.

⁸ Гете И. В. Собр. соч.: В 13 т. М., 1935. Т. XI. С. 78.

⁹ О сочетании очерковой документальности и проступающей сюжетности в пушкинском произведении сказано в известных работах: Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 200—208; Шкловский В. «Путешествие в Арзрум» как преодоление очерка-путешествия // Шкловский В. Повести о прозе. М., 1966. Т. 2. С. 18—28.

образной наружности» представился русским путешественникам: «Вандик». Герой Гончарова готов развить увлекательный сюжет: «Вандик — конечно, потомок знаменитого живописца: дед или прадед (...) оставил Голландию, переселился в колонию...» (II, 148). Увы, это всего лишь однофамилец художника. Но новый знакомый и сам по себе достоин внимания: «Он знал все в колонии: горы, леса, даже кусты, каждую ферму, фермера, их слуг, собак, но всего более лошадей» (II, 176). Ожидания путешественника не оправдались, но в книге появился очень колоритный, запоминающийся персонаж.

В связи с еще одним мотивом ассоциативные параллели получают глубокий интерпретирующий смысл. Герой описывает (теперь его карета медленно едет среди экипажей) знаменитое манильское гуляние вдоль моря — «кальсадо»: «Многие мужчины — в белом, исключая львов: те — в суконном платье и черных шелковых шляпах. Весь шик заключается в том, чтоб — хоть задохнуться, да казаться европейцем» (II, 541). Эпизод связан с одним из главных мотивов книги. Герой Гончарова разочарован увиденным: «Где это я? Под Новинским или в Екатерингофе 1-го мая?» (знаменитые гуляния в российских столицах. — М. О.). Возникает образ жестко организованной («Порядок строгий; ни одна коляска не смеет обогнать другую»), внациональной (это та же Москва, Петербург, Берлин, Париж и т. д.),¹⁰ не вызывающей познавательного интереса и сердечной привязанности («Кальсадо не уйдет; да хоть бы и ушло — не беда») жизни (II, 541). Инертное, механистическое, лишенное творческого начала существование обозначается в книге Гончарова словом «скука».¹¹ Скука представлена во «Фрегате» не только в бытовом, каждодневном облике, но и в абсолютном, онтологическом смысле, как некое мировое зло. Она обнаруживается и в существовании «запершейся от всех» и «в детство впавшей» Японии (II, 344, 322), и в жизни «дремлющего» Китая (эта цивилизация «одряхла и разошлась с жизнью» — II, 601). Этой «болезнью» отмечены даже поражающие мир своей энергичной цивилизаторской деятельностью англичане, ведь они «всюду умеют внести свою чопорность, негибкие нравы и скуку» (II, 426).

В начале «Фрегата „Паллада“» стремление героя вырваться из Петербурга подается как попытка спастись от скуки: «...жизнь грозила пустотой (...) Зевота за делом, за книгой, зевота в спектакле, и та же зевота в шумном собрании и в приятельской беседе» (II, 10). Это признание нельзя воспринимать как реальные бытовые подробности автобиографического героя книги. Ассоциативные поля, формирующиеся в тексте, размывают биографические подробности в образе героя.

В читателе «Фрегата...» предполагается готовность воспринимать описываемый мир, события, людей в своеобразном преломлении, его внимание будет часто смещаться с события путешествия на событие рассказа о нем. На глазах у читателя происходит то, что Б. М. Энгельгардт назвал «творческим становлением художественного произведения».¹² Мы обнаруживаем, что в зависимости от меняющихся художественных «заданий» повествователь предстает как носитель различных знаний, взглядов, стилей поведения. Та-

¹⁰ Ущербность манильской жизни путешественник видит в том, что здесь «индеец (...) старается походить на метиса, метис на испанца, испанец на англичанина» (II, 574).

¹¹ Эту проблему творчества Гончарова в научном плане выявил W. Rehm. См.: *Rehm W. Goncharov oder die Langeweile // Rehm W. Experimentum medietatis: Studien zur Gastes- und Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts.* Munich, 1947. S. 96—261. Позже об этой проблеме писали: В. Сечкарев, А. А. Краснощекова, А. А. Фаустов.

¹² *Энгельгардт Б. М. «Путешествие вокруг света И. Обломова».* С. 59.

кая многоликость главного героя в психологическом романе воспринималась бы, очевидно, как авторский просчет. Вот, скажем, в начале главы «Манила» повествователь вдруг с интонацией бывалого моряка сообщает: «...подул чересчур свежий НО. Началась качка. У марселей взяли три рифа и спустили брам-стенги. Неслись по одиннадцать узлов на фордевинд. Не люблю я фордевинда...» (II, 521—522). Комический эффект в том, что это не столько сообщение о действиях команды, сколько демонстрация *такого* рассказа о них. Конечно, это автобиографический образ. Но путешественник-рассказчик в книге Гончарова многолик.¹³

Отплытие из Петербурга, попытка, так сказать, выпутаться из сетей скуки, осмыслено в книге как возможность преодолеть кризис и ввести себя в творческое состояние. И тогда внутренний сюжет книги — как нужно писать, как пишется «путешествие», как рассказать о далеких, наполненных экзотикой мирах — обретает и такой смысл: это выявление скуки через творческое усилие и начало одоления этого зла.

Вопрос о том, когда у русских путешественников появилось эстетическое отношение к экзотическому нуждается в дальнейшем изучении.¹⁴ Что касается «Фрегата „Паллада”», то в книге А. В. Чичерина находим неожиданное заключение о Гончарове: «он нигде не видит экзотики».¹⁵ Думается, это не так. Важно то, как реакция на экзотическое проявляется у этого автора в художественном плане.

«Чуждость чужой страны» (М. М. Бахтин) в книге Гончарова представлена в полной мере. Путешественник и его спутники буквально «купаются» в экзотическом. Непривычное ждет их на каждом шагу: «Собака залаяла, и то не так, отдает чужим, как будто на иностранном языке лает» (II, 130). Умеренная доза экзотики вызывает у путешественника определенную реакцию и «нейтрализуется» отработанным приемом: «Увижу новое, чужое и сейчас в уме прикину на свой аршин» (II, 66—67). Гончаров советовал отпавлявшемуся в дальнее плавание И. И. Лъховскому, как обходиться с экзотикой: «Свести все виденное <...> в один образ и одно понятие, такой образ и понятие, которое приближалось бы более или менее к общему воззрению, так, чтобы каждый <...> узнавал в Вашем наблюдении нечто знакомое».¹⁶

В главе «Манила» Гончаров описывает мужчин-тагалов, мимо которых герой проезжает в карете: «смотрят на вас с равнодушным любопытством, медленно почесывая грудь, спину или что-нибудь другое, как делают и у нас мужики в полях, отрываясь на минуту от плуга или косы, чтобы поглядеть на проезжего» (II, 538). Путешественник старается «одомашнить» экзотику.

Пример удивительного лаконизма и убедительности — о жаре в Сингапуре сказано так: «На вас <...> как будто наденут в бане шубу» (II, 259).

Нередко сквозь экзотическое в увиденном человеке проступает узнаваемое, даже универсальное. Вот старый японский дипломат, так называемый «полномочный». Сперва он предстает как один из японских чиновников, облаченных в странные, даже нелепые наряды: «...шевелиться в этой одежде

¹³ См.: Максимов В. В. Тип повествователя во «Фрегате „Паллада”» И. А. Гончарова (Глава «От Кронштадта до мыса Лизарда») // Проблемы метода и жанра. Томск, 1990. Вып. 16. С. 111—119; *Отрадин М. В.* Между «созерцанием» и «действием»: Повествование в книге И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада”» // Гончаров: живая перспектива прозы: научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely, 2013. С. 469—476 (Bibliotheca slavica savariensis; Т. XIII).

¹⁴ См.: Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешественников 1790—1840. СПб., 2004. С. 245.

¹⁵ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. С. 165.

¹⁶ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 264.

мудрено. Она выдумана затем, чтобы сидеть и важничать в ней» (II, 457). Но вот дипломат заговорил и «чуждость» исчезла: «Мы так и впились в него глазами: старик очаровал нас с первого раза; такие старички есть везде, у всех наций. Морщины лучами окружали глаза и губы; в глазах, в голосе, во всех чертах светилась старческая, умная и приветливая доброта — плод долгой жизни и практической мудрости. Всякому, кто ни увидит этого старичка, захотелось бы выбрать его в дедушки» (II, 457).

В своей книге Гончаров дважды с помощью немецкого крылатого слова *Dahin!* (Туда!) отсылает читателя к знаменитому гетевскому рефрену из песни Миньоны («Годы учения Вильгельма Мейстера»), песни, которая в русской поэтической практике стала «традиционной формулой романтического томления».¹⁷ Гончаров напрямую связал мотив желанной страны искусства и блаженства с Испанией, «где так умно и изящно путешествовал эпикуреец Боткин» (II, 83). Намеченная с легкой иронией параллель — герой «Фрегата „Паллада“», путешествующий «по казенной надобности», и свободный автор «Писем об Испании», «умевший вытянуть до капли всю сладость испанского неба и воздуха, женщин и апельсинов» (II, 83), — получает развитие в главе «Манила». От страницы, где говорится о желании путешественника и его спутников увидеть Манилу с ее «синьорами», «монахами», «боем быков», так сказать, веет Испанией Боткина.¹⁸ Синьоры и монахи будут. А вот боя быков герой Гончарова не увидит. Как объяснит путешественнику знакомый француз, в Маниле — «пародия на испанские бои. Здесь тореадоры — унтер-офицеры, дерутся с дрянными, измученными быками...» (II, 566). Думается, дело не только и не столько в манильских быках: тему «застолбил» автор «Писем об Испании» и сделал это с блеском. Ответный шаг Гончарова — несколько страниц, посвященных петушиным боям. В середине эпизода — попытка в очередной раз «одомашнить» экзотику: «Это всё и у нас увидишь каждый день в любой деревне» (II, 565). Но рассказ о кульминации кровавого боя опровергает эту поспешную реплику: «...когда побежденный (петух) побежал, толпа завывала дико, неистово, продолжительно, так что стало страшно. Все привстали с места, все кричали. Какие лица, какие страсти на них! и всё это по поводу петушьей драки!» (II, 565).

В отрывке о поездке в карете по Маниле, состоящем из однородных событийных эпизодов, Гончаров комически обыгрывает традицию, в соответствии с которой «кумулятивная интрига становилась направляющей читательского интереса авантюрно-приключенческих сюжетов».¹⁹ Путешественник видит в соседней карете монаха августинца и китайца, у которого «светло-русые волосы, голубые или, по крайней мере, серые глаза». Его размышления утопают в таинственных подробностях: «Зачем у этого китайца большой золотой крест на груди? Если он христианин <...> зачем он в китайском платье? — боится своих, прячется? <...> Потом отчего они все молчат и смотрят в разные стороны?» (II, 539). Текст начинает обретать черты детектива. Но все тайны раскроются через несколько страниц. Никакого криминала. Однако читатель заинтригован и скорее всего запомнит, что при встрече с русским путешественником сказал «китаец» — епископ Динакур, проживший двадцать лет в Китае: «Заведывает христианскою паствою в провинции Джеджиан, в которой считается до пятнадцати миллионов жителей» (II, 557). Объясняя почему так медленно идет обращение китайцев

¹⁷ *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1982. С. 112.

¹⁸ М. П. Алексеев считал, что в стиле гончаровской книги чувствуется влияние манеры автора «Писем об Испании», см.: *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 191.

¹⁹ *Тюпа В. И.* Введение в сравнительную нарратологию. М., 2016. С. 65.

в христианскую веру, он был категоричен: «Главное препятствие встречается в буддийских бонзах и в ученых. На них ничто не действует: одни — слепые фанатики, другие — педанты, схоластики: они в мертвой букве видят ученость и свет» (II, 557).

Беседа с епископом станет событием в сюжете книги потому, что она парадигматически связана с выводами и комментариями самого путешественника, данными в других главах. В суждениях о религиях Востока герой Гончарова порой безапелляционен и также категоричен. Духовная жизнь этих стран, в частности буддизм, интереса, даже туристического, почти не вызывает. Более того: в высказываниях, связанных с именем Будды, появляется ирония: «Мало толку правительству, — читаем в главе «Китай», — и от здешней таможни, даром, что таможенные чиновники заседают в том же здании, где заседал прежде Будда, то есть в кумирне» (II, 431). В главе «Сингапур» буддийская кумирня и индийское капище увиденны глазами «чужого», для которого действия попавших в его поле зрения людей механистичны и бессмысленны: «На коленях перед жертвенником стоял бонз: ударяя палочкой в маленький, круглый барабан, он читал нараспев по книге, немного в нос (...) Я заглянул ему в лицо: бледен, худ, глаза закрыты (...) Между идолами стоит Будда, с своими двумя прислужниками, и какая-то богиня, еще два другие идола — все с чудовищно-безобразными лицами (...) мы поехали в индийское капище, к поклонникам Браммы (...) нас остановил индеец, читавший нараспев книгу (...) В галерее (...) стоял деревянный конь, похожий на наших балаганных коньков (...) Мы пошли назад; индеец принялся опять вопить по книге» (II, 275—276).

Если мера экзотического возрастает, то Гончаров охотно использует прием остранения. В. Шкловский, говоря об остранении, предположил, что «традиция этого толстовского приема идет от французской литературы, может быть, от „Гурона, по прозвищу Наивный” Вольтера».²⁰ По мысли Карло Гинзбурга, Толстой научился у Вольтера «применять остранение в качестве средства делегитимации, работающей на любом уровне — политическом, социальном, религиозном».²¹ Думается, пример из Вольтера, который приводит итальянский исследователь («По определенным дням зачем-то собираются в каком-то амбаре и участвуют в обрядах, значение которых им неизвестно, причем, слушают непонятные речи какого-то человека, одетого иначе, чем они») позволяет нам предположить, что и автор «Фрегата „Паллада”» учитывал опыт французского писателя.

Классический пример остранения: непонятное в японской жизни подается Гончаровым так, как будто это увидено ребенком (II, 458—459). Это отметила в своей книге Е. А. Краснощекова.²²

Художественный эффект от приема, о котором сейчас идет речь, может быть показан на примере прямо противоположном по смыслу: с помощью остранения художник дает возможность читателю взглянуть на русских людей глазами японцев. На этот раз действия русских — пляска матросов — изображены как механистичные, не как веселье, а как трудное, лишенное эмоционального наполнения дело: «С лодок набралось много простых японцев, гребцов и слуг; они с удивлением, разинув рты, смотрели, как двое, рулевой, с русыми, загнутыми кверху усами и строгим, не улыбающимся лицом, и другой, с черными бакенбардами, пожилой боцман, с гремушками в руках, плясали долго и неистово, как будто работали трудную работу. Один,

²⁰ Шкловский В. О теории прозы. М., 1929. С. 80.

²¹ Гинзбург К. Остранение: Предыстория одного литературного приема // Новое литературное обозрение. 2006. № 80. С. 23.

²² Краснощекова Е. Иван Александрович Гончаров. Мир творчества. СПб., 1997. С. 185.

улав, останавливался как вкопанный; другой в ту же минуту начинал припрыгивать <...> хор пел: прочие все молча и серьезно смотрели. Японцы не отходили. По окончании и они также молча, без улыбки разошлись, как и самые певцы и плясуны» (II, 608).

Это, конечно, не бытовая зарисовка. Теперь взгляд «чужого» — это взгляд японцев. Ведь итог русской экспедиции в Японию может быть выражен метафорически: две цивилизации успели лишь с удивлением и недоумением взглянуть друг на друга. Путешественник-идеолог, который порой так резок в суждениях о Востоке, и путешественник-художник не совпадают, вступают, так сказать, в спор друг с другом.

Если в главе «Манила» отбросить последние две страницы (историко-географическая справка о Филиппинских островах), то мы увидим: она заканчивается мотивом очень важным для гончаровского мировосприятия. Природа и человек предстают в книге как два неразрывно связанных друг с другом начала. Во всех земных краях природа проявляет себя творчески, но на севере она «кладет бездну сил, чтоб вызвать в какие-нибудь три месяца жизнь из мертвой земли <...> она дает пир, как бедняк, отдающий все до копейки на пышный праздник, который в кои-то веки собрался дать» (II, 576).

Подобными антропоморфными описаниями природы отмечены все главы книги. Общий язык для жизни человека и явлений природы характерен и для «Сна Обломова»: дождь — «слезы внезапно обрадованного человека», луна — «круглолицая деревенская красавица» и т. д. Конечно, антропоморфное описание природы не делает прозу Гончарова чем-то исключительным. Скажем, можно провести вполне обоснованные параллели с поэтическими произведениями Тютчева и Фета. Но сейчас нам важно показать, что автор «Очерков путешествия» с помощью этого поэтического хода стремился представить образ мира как единое целое. И поэтому на первый план выходит сопоставление «Фрегата» с книгой Александра Гумбольдта «Космос».

Перевод первого тома «Космоса» вышел в России в 1948 году.²³ Из письма Гончарова кн. В. Ф. Шаховской известно, что этот перевод был в его личной библиотеке и что он «дорожил» им.²⁴

Популярность и даже слава «Космоса» Гумбольдта были обусловлены не только научным содержанием книги, но и в значительной степени ее литературными достоинствами. Еще до появления «Космоса» Гете в одном из писем заметил: «Я уверяю: наш завоеватель мира является, быть может, величайшим мастером живого слова».²⁵

Начиная работу над «Космосом», немецкий ученый так обозначил необычность своего творческого замысла: «Я имею безумное намерение изобразить весь материальный мир, все, что мы знаем о явлениях небесных пространств и земной жизни, от туманных звезд до мхов на гранитных скалах, — изобразить все это в одной книге, написанной притом живым, действующим на чувство языком».²⁶

Когда в России вышел перевод «Космоса», ряд газет и журналов поместил рецензии на книгу. В «Отечественных записках» появилась большая статья Н. Я. Данилевского, естествоиспытателя, философа, публициста, в будущем автора знаменитой книги «Россия и Европа». Он, в частности, пи-

²³ Гумбольдт А. фон. Космос. Опыт физического миропонимания / Пер. Н. Фролова. СПб., 1848. Ч. I.

²⁴ Лит. наследство. Т. 102. С. 377.

²⁵ Цит. по: Скурла Г. Александр Гумбольдт. М., 1985. С. 208.

²⁶ Цит. по: Энгельгардт М. А. А. Гумбольдт, его жизнь, путешествия и научная деятельность. СПб., 1891. С. 70.

сал, что «Космос» — «художественное изложение (...) физической космографии», подчеркнул «важность эстетического сознания единства природы, ибо не одно добро, не одна истина, но и красота должны царить в благоустроенном порядке земном».²⁷

Тема «„Космос” Гумбольдта в восприятии Гончарова» была введена в научный оборот С. Н. Гуськовым («Примечания» к книге «Фрегат „Паллада”» (III, 542, 765, 771—772).

Общность природного мира и внутренней жизни человека может быть выражена с помощью образного слова; блестящий пример того, по мысли Гончарова, книга немецкого ученого. Поэтому Гумбольдт в «Фрегате „Паллада”» назван «мудрецом и поэтом»: «Он внес жизнь, разум и опыт в каменные пустыни, в глушь лесов и силою светлого разума указал путь тысячам за собою» (II, 10). Для русского автора вселенная до Гумбольдта — «тайны мира», а после его книги — «живой космос» (II, 10).²⁸ «Есть в мире чудеса, которые не покорились никаким выкладкам, цифрам, грубым прикосновениям науки и опыта» (II, 121), — решая эту творческую проблему, Гончаров мог опереться на пример Гумбольдта, который писал, что природу нельзя ставить «в противоположность к духовной области», «нельзя противопоставлять ее искусству», ибо «наука есть дух в приложении его к природе».²⁹

В лингвистической работе о «Фрегате...» точно сказано: «...по мере целенаправленного применения антропоморфных форм, сравнений, сопоставлений складывается поэтический „язык аналогий” между бытием природы и человека и формируется единая семантико-стилистическая система, воплощающая образ „живого космоса” как онтологически целостного явления».³⁰

Книга Гончарова отмечена стремлением представить открывшийся мир как космос, в котором человек и природный мир — «два равноправных бытия» (А. А. Фет), заинтересованных друг в друге, — находятся как бы накануне диалога: «Все кажется, что среди тишины зреет в природе дума, огненные глаза сверкают сверху так выразительно и умно, внезапный, тихий всплеск воды как будто промолвился ответом на чей-то вопрос; все кажется, что среди тишины и живой, теплой мглы раздастся какой-нибудь таинственный и торжественный голос» (II, 254).

Мысль о единстве мира, о бесконечном перетекании жизни из одной земной формы в другую (природа, животный мир, человек) получила в главе «Плавание в Атлантических тропиках» удивительно емкое, пластичное и в то же время образное выражение: «На этом пламенно-золотом, необозримом поле лежат целые миры волшебных городов, зданий, башен, чудовищ, зверей — все из облаков. (...) Не успело воображение воспринять этот рисунок, а он уже тает и распадается, и на место его тихо воздвигся откуда-то корабль и повис на воздушной почве; из огромной колесницы уже сложился стан исполинской женщины; плеча еще целы, а бока уже отпали, и вышла голова верблюда» (II, 122). Этим небесным трансформациям уподоблено творческое «брожение» в голове человека: «Мечты тянутся в дремлющей

²⁷ [Данилевский Н. Я.]. «Космос». Опыт физического мироописания Александра фон Гумбольдта. Перевод Н. Фролова. СПб., 1948 // Отечественные записки. 1848. № 6. Отдел V: Критика. С. 15, 17.

²⁸ Ср.: Котельников В. А. *Ποιτοπορεία Ιβανα Гончарова* // *Sub Specie Tolerantiae*. СПб., 2008. С. 522—531.

²⁹ Гумбольдт А. фон. Космос. Опыт метафизического описания. С. 46.

³⁰ Юркина О. В. Жанровые нормы «Путешествия» и идеостиль писателя: «очерки путешествия» И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада”»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. С. 15.

душе, слагаясь в пленительные образы» (II, 122). Речь не о ясновидении великого поэта, как, например, в стихотворении Е. Баратынского «На смерть Гете», а о внутреннем средстве творящей природы и человека.

Как нередко бывает у Гончарова, высокий мотив может быть образно представлен в комическом сюжете. На кусте сидят аист и сойка. «Зачем они собрались — неизвестно; может быть, разыгрывали какую-нибудь ненаписанную Крыловым басню» (II, 615).

В начале книги Гончаров заметил: «Без идеи путешествие, конечно, только забава» (II, 42). Его идея была в том, чтобы «вместить вдруг, неожиданно развивающуюся картину мира» (II, 12). В конце книги, на одной из сибирских страниц, вновь ссылаясь на пример Гумбольдта, Гончаров, назвав себя «живым заезжим свидетелем» «химически-исторического процесса», который изменяет и природный мир, и существование человека, с уверенностью говорит о том, что познание мира может быть адекватно передано в художественном слове (II, 677).

Пример главы «Манила» позволяет увидеть, что лежит в основе его метода. Каждая часть повествования должна быть постоянно подключена к главным семантическим полям книги, стремительное фабульное движение будет обогащаться новыми и новыми смыслами благодаря ассоциативным связям и аналогиям. Творческое сознание способно вобрать в себя это стремительное движение в этом, казалось бы, бесконечном пространстве.

© АНГЕЛИКА МОЛНАР (Венгрия)

«РУСАЛКИ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. А. ГОНЧАРОВА И М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В нашей книге «Поэзия прозы в творчестве Гончарова» упоминалось о том, что в романе «Обрыв» не только канон донжуанизма, но также и лермонтовская традиция демонстрируется на уровне мужских и женских образов.¹ Теперь нас занимает разработка последнего вопроса: мы рассматриваем метафору «вода-женщина» с точки зрения языковой креативности,² а также поэтику снов женских персонажей в метафорическом ракурсе.³

¹ Молнар А. Поэзия прозы в творчестве Гончарова. Ульяновск, 2012. С. 346—354. Об интертекстуальных связях творчества Лермонтова и Гончарова см. также: Попов А. В. И. А. Гончаров и М. Ю. Лермонтов // Материалы юбилейной Гончаровской конференции 14—15 мая 1962 г. Ульяновск, 1963. С. 315—318; Глухов В. И. Традиции Лермонтова в романе Гончарова «Обыкновенная история» // Лермонтов и литература народов Советского Союза. Ереван, 1974. С. 148—171; Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб., 1994. С. 18—21, 111—112; Мельник В. И. 1) «Свою Тамару не брани...» (Лермонтовская тема в романе «Обрыв») // Гончаровские чтения, 1995—1996. Ульяновск, 1997. С. 3—14; 2) М. Ю. Лермонтов в восприятии И. А. Гончарова: (к вопросу об отзвуках «демонической» темы в романе «Обрыв») // М. Ю. Лермонтов и православие. М., 2010. С. 457—473; Калинин Н. В. Лермонтов в прочтении Гончарова // Лермонтов и история: Сб. научных статей. Великий Новгород; Тверь, 2014. С. 247—257; Рипинская Е. В. Райский, Рудин и романтический портрет: (к вопросу о структуре характера и конфликта в романе) // Гончаров после «Обломова»: Сб. статей. СПб., 2015. С. 368—393.

² См. наш доклад: «Метафора „вода-женщина“ у Лермонтова и Гончарова в аспекте языковой креативности» на Первых Григорьевских чтениях («Языковое творчество и креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты»). Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 12—14 марта 2015 года.

³ Молнар А. Сон женщины и его рамка в «Обрыве» Гончарова // Новый филологический вестник. 2015. № 2 (33). С. 71—82.

В данной статье мы обращаемся к эксплицитной цитате из поэмы «Демон» М. Ю. Лермонтова в романе И. А. Гончарова «Обрыв» через имплицитные интертекстуальные переключки с романом Лермонтова «Герой нашего времени». Одна из второстепенных героинь «Обрыва», Ульяна Андреевна, в разговоре приводит строки из лермонтовской поэмы: «...оставь угрозы, / Свою Тамару не брани». Может показаться странным, что необразованная героиня вдруг заговорила литературным языком, ссылаясь на поэтический текст, более того, на слова ищущей успокоения в монастыре Тамары из поэмы «Демон». Неожиданное сближение столь разных персонажей все же глубоко мотивировано и является предметом нашего анализа.

Начнем наш разбор с «русалкоподобных» женских образов романов и продолжим его интертекстуальным анализом отмеченной цитаты. В сопоставлении текстов мы будем опираться на известные теории межтекстовых связей.

Межтекстовый диалог

Согласно М. М. Бахтину, роман является не только изнутри диалогизированным жанром (диалог на уровне слова, своего и чужого голоса, автора и героя и т. д.), но и вступает в диалог с литературой вообще.⁴ Ю. М. Лотман также на примере «Евгения Онегина» применил эту бахтинскую идею в рамках своей теории,⁵ которая впоследствии получила развитие в понятии «динамическая система». Вводится им в труды и понятие «контекста» в форме «культурной памяти», которую исследователь определяет как третью функцию текста (помимо передачи информации и смыслопорождения). Лотман подчеркивает, что имеет значение не только количество других текстов, на которые так или иначе ссылается автор произведения, но и «культурная память» читателя, способного опознать реминисцентные вкрапления и, по возможности, указать на новые имплицитные переключки. Так как эти функции (авторская позиция по отношению к предшественникам, преломленная воспринимающим сознанием читателя) являются частью общего смыслопорождения, их следует принимать в неразрывном единстве.⁶

В нашем толковании это означает, что акт чтения требует нашего соучастия, как в обнаружении потенциальных контекстов, так и в прослеживании языковых и смысловых инноваций текста. Другими словами, опыт понимания поэтического текста означает восприятие не только интертекстуальных, но и языковых особенностей. Исходя из сказанного, мы считаем, что указанные выше произведения Лермонтова и Гончарова, будучи шедеврами русской литературы, явно откликаются на предшествующую традицию и в то же время новаторски преобразуют ее.

Общеизвестно, что образ ундины, один из излюбленных образов романтизма, был неоднократно использован Лермонтовым. Обращение к этой традиции было проведено многими исследователями его творчества.⁷ О фольклорном образе «русалки» и о женских образах Гончарова тоже много написано.⁸

⁴ Бахтин М. М. Из предистории романного слова // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2012. Т. 3. С. 513—552.

⁵ Лотман Ю. М. Роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Тарту, 1975.

⁶ Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 148—161.

⁷ Виноградов В. В. Стиль прозы Лермонтова // Лит. наследство. 1941. Т. 43—44. С. 594—597; Эйхенбаум В. М. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М., 1962. С. 125—162.

⁸ Фаустов А. А. Об одном неявном способе авторского подключения к традиции: «Русалочий» миф в «Обрыве» Гончарова // Проблема автора в художественной литературе. Ижевск,

Однако диалог именно этих текстов раньше не рассматривался в научной литературе, хотя он проводится в плане многочисленных метафорических и мотивных совпадений, в результате которых устойчивые образы, сохраненные в культурной памяти, непрерывно обновляются. Чтение данных произведений побуждает читателя искать общность в «водных» метафорах. Мы же связываем эти образы в плане литературной преемственности, акцентируя при этом новизну переработок русских писателей.

Русалка Печорина

Первый эпизод из дневника Печорина построен на событии — попытке безымянной девушки утопить героя на взморье у городка Тамань, «самого скверного городишки из всех приморских городов России».⁹ Как отмечает Жофия Силади, Печорин в качестве актанта действия интерпретирует образ, сущность (тайну) девушки сквозь призму литературных образцов (ср.: «ундина», «Юная Франция», «Гётева Миньона» и т. п.), но впоследствии, в статусе автора дневника, уточняет и обнажает неадекватность своей установки на книжность. При этом обнаружение русалочьих черт тоже имеет место: «...девушка в полосатом платье с *распущенными косами*, настоящая русалка (...) пристально *всматривалась* вдаль, то *смеялась* и рассуждала сама с собой, то *запевала* снова песню. Я запомнил эту песню от слова до слова: „(...) *Промеж тех корабликов / Моя лодочка, (...) Буря ль разыграется — / Старые кораблики / Приподымут крылышки, / По морю разметчутся. / Стану морю кланяться...*” (IV, 230).¹⁰

В тексте песни выстраиваются оппозиции старых кораблей и маленькой лодки, белых парусов и темной ночи, а также антитеза «вольной волюшки» и «буйной головушки» владельца лодочки (все в уменьшительно-ласкательных формах) и вместо спокойного «зеленого» — грозного, «бурного», «злого» моря. Одушевляя море, субъект стихотворения спрашивает его не вредить лодке. Самый естественный смысл метафорических слов стилизованной Лермонтовым народной песни в контексте романа — это проекция на собственную судьбу девушки, мечтающей благополучно проводить контрабандистские операции со своим возлюбленным — удальцом Янко, чтобы их лодка спокойно плыла по морю жизни как в буквальном, так и в переносном смысле. Смысл этой параллели становится окончательно понятен в финальной сцене, когда Янко и девушка уплывают после вторжения «бурного» Печорина в их жизнь и разоблачения им их деятельности.

Не только внешность, но взгляд, поведение и жесты девушки напоминают о русалке, как видно из следующего описания: «...целый день она *вертелась* около моей квартиры; *пеньё и прыганье* не прекращались ни на минуту. (...) глаза ее с *бойкою пронизательностью* останавливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то *магнетической властью*, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса. Но только я начинал говорить, она *убегала, коварно улыбаясь*» (IV, 231).

1993. С. 105—113; Балакин А. Ю. Пушкинские мотивы в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // «Он видит Новгород Великой...»: Материалы VII Международной Пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». СПб., 2004. С. 192—197.

⁹ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1981. Т. 4. С. 188. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома римской цифрой и страницы арабской. Курсив в цитатах везде наш. — А. М.

¹⁰ См.: Szilágyi Zs. «Volt benne valami különös». M. Ju. Lermontov: Korunk hőse című regénye. Veszprém, 2002. S. 103.

Печорин в своем дневнике переосмысливает романтические штампы красоты: «Она была далеко не красавица, но я имею свои предубеждения также и насчет *красоты*. В ней было много породы... *порода* в женщинах, как и в *лошадях*, великое дело; это открытие принадлежит Юной Франции. (...) *Правильный нос* в России реже маленькой ножки. (...) Необыкновенная *гибкость* ее стана, особенное, ей только свойственное *наклонение головы*, длинные *русые* волосы, какой-то *золотистый* отлив ее слегка *загорелой* кожи на шее и плечах и особенно *правильный нос* — все это было для меня *обворожительно*» (IV, 231).

Субъект, пишущий дневник, делает метапоэтическую отсылку на «маленькие ножки», воспетые Пушкиным в «Евгении Онегине», но вместо них утверждает красоту «правильного носа». Печорин называет спровоцированный девушкой ряд событий «комедией», однако его можно воспринимать и в прозаической традиции с предложением чая — характерного атрибута семейных романов. Но страстный жест девушки (она делует героя и опрокидывает чайник и свечу) препятствует ожидаемому им исходу: «Эта *комедия* начинала мне надоедать, и я готов был прервать молчание самым прозаическим образом, то есть предложить ей стакан *чая*, как вдруг она вскочила, *обвила* руками мою шею, и *влажный, огненный поцелуй* прозвучал на губах моих. В глазах у меня *потемнело*, голова *закружилась*, я сжал ее в моих объятиях со всею силою юношеской *страсти*, но она, как *змея*, скользнула между моими руками, шепнув мне на ухо: „Нынче ночью, как все уснут, выходи на берег“, — и *стрелю* выскочила из комнаты. В сенях она *опрокинула чайник и свечу*, стоявшую на полу. „Экий *бес* девка!“ — закричал казак» (IV, 232—233).

Поцелуй героини, одновременно влажный и огненный, соответствует основным мотивам, сопровождающим женщин и страсть в романе Лермонтова в целом. Хотя в этом фрагменте автор дневника оперирует негативными коннотациями, в том числе и вводя образ «искушающей» змеи, чем предвещает последующие события. В таком ракурсе девушка-контрабандистка и представляется Печорину своеобразной русалкой, пытающейся утопить его. Этот фрагмент текста также пронизывают мотивы борьбы огненной страсти и холодной воды. Вводятся образы луны, волны, обрыва и змеи: «„Взойдем в *лодку*“, — сказала моя спутница; я колебался, я не охотник до *сентиментальных* прогулок по *морю*; но отступить было не время. Она прыгнула в лодку, я за ней, и не успел еще опомниться, как заметил, что мы плывем. „Что это значит?“ — сказал я сердито. „Это значит, — отвечала она, сажая меня на скамью и *обвив* мой стан руками, — это значит, что я *тебя люблю*...“ И щека ее прижалась к моей, и я почувствовал на лице моем ее *пламенное* дыхание. Вдруг что-то шумно *упало* в воду: я хватъ за пояс — пистолета нет. О, тут ужасное подозрение закралось мне в душу (...) я не умею *плавать*! Хочу ее оттолкнуть от себя — она как *кошка* вцепилась в мою одежду, (...) и между нами началась *отчаянная борьба*; бешенство придавало мне силы, но я скоро заметил, что уступаю моему *противнику* в ловкости... (...) ее *змеиная* натура выдержала эту пытку. (...) и я мгновенно *сбросил ее в волны*. (...) Пробираясь берегом к своей хате, я невольно всматривался (...); *луна* уже катилась по небу, и мне показалось, что кто-то в *белом* сидел на берегу; я *подкрался, подстреканный любопытством, и прилег в траве над обрывом берега*; (...) почти обрадовался, узнав мою *русалку*. Она выжимала морскую пену из длинных волос своих; *мокрая* рубашка обрисовывала гибкий стан ее и высокую *грудь*» (IV, 233—234).

Впоследствии Печорин поймет ошибочность романтического восприятия героини. Перечитывание своего дневника обнажает книжность его дис-

курса и побуждает автора к пересмотру и обновлению этого дискурса, что параллельно служит переосмыслению событий, их новому пониманию.

Попытка утопить Печорина имеет эксплицитные переклички с эпизодами о жёнщинах-русалках в «Обрыве», поэтому следует сравнить этот эпизод у Лермонтова с соответствующими фрагментами в романе Гончарова. Наиболее наглядный пример — встреча Райского с женой Козлова, однако в дальнейшем мы отметим и другие случаи использования общих мотивов.

Жена Козлова Ульяна Андреевна

Для главного героя романа «Обрыв», художника Райского, фигуры, принадлежащие окружающему миру, в том числе и Козлов, являются предметом художественного воспроизведения. Только когда Райский попытается вмешаться в жизнь своего друга, чья история разворачивается трагически, он принимает его уже за полноценную фигуру своего будущего романа. Общность этой истории с другими сюжетными линиями, например с историей любви Веры, вполне очевидна. Напомним также, что в образе Ульяны Козловой не менее явно репродуцируются и черты лермонтовской девушки-контрабандистки. Более того, в художественном мире романа «Обрыв» также доминирует предвзятость медиаторского взгляда героя, «конкурирующего» с автором. Это проявляется, в частности, в том, что облик и поведение неверной жены в восприятии окружающих ее мужчин ассоциируются с образом русалки. Разница с лермонтовской «ундиной» заключается в том, что, несмотря на общие атрибуты и предикаты, страстность Ульяны Андреевны сильнее выражается посредством метафоризации ее «рыжеватости», означающей «горение, пламя». Господствующей чертой ее образа вместо «воды» становится «огонь»: «...чрезвычайно бойкая, всегда порхавшая, быстроглазая девушка. У ней был прекрасный нос и грациозный рот, с хорошеньким подбородком. Особенно профиль был правилен, линия его строга и красива. Волосы рыжеватые, немного потемнее на затылке, но чем шли выше, тем светлее, и верхняя половина косы, лежавшая на маковке, была золотисто-красноватого цвета: от этого у ней на голове, на лбу, отчасти и на бровях, тоже немного рыжеватых, как будто постоянно горел луч солнца. Около носа и на щеках роились веснушки и не совсем пропадали даже зимою. Из-под них пробивался пунцовый пламень румянца. Но веснушки скрадывали огонь щек и придавали лицу тень, без которой оно казалось как-то слишком ярко освещено и открыто. Оно имело еще одну особенность: постоянно лежащий смех в чертах, когда и не было чему и не расположена она была смеяться. Но смех как будто застыл у ней в лице и шел больше к нему, нежели слезы, да едва ли кто и видал их на нем. (...) все влюблялись в нее. Она всех водила за нос».¹¹

Итак, в подчеркнутых нами определениях заметно сходство гончаровского персонажа с центральным женским образом «Тамани» Лермонтова. Наряду с «русалочными» чертами (особая красота, русые волосы, улыбка) самым значительным элементом сходства является правильный нос. Правда, в тексте Гончарова «правильный нос» лермонтовской «ундины» превращается в «прекрасный нос» и «правильный профиль» Ульяны Козловой, и кроме того словосочетание со словом «нос» применяется в переносном значении, выражая ее главное свойство — водить всех за нос.

¹¹ Гончаров И. А. Обрыв // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7. С. 192. Далее ссылки на это издание романа даются в тексте с указанием в скобках номера страницы арабской цифрой. Курсив в цитатах везде наш. — А. М.

Со студентом Козловым Улинька заигрывает из любопытства, потому что он единственный, кто вначале не обращает на нее внимания (взгляда): «„Насилу разглядел!“ — подумала она и надела на него фуражку» (с. 195). Приземленность, «простонародность» образа героини проявляется также в том, что акт пришивания (пуговицы) тоже становится нехитрой «приманкой». С одной стороны, подчеркивается хозяйственность Ульяны, — она может заботиться о мужчине, а с другой, она как бы запутывает его в собственных «сетях», заставляя его глядеть на нее, терять воздух («утопать») и потеть («испускать воду»): «...живо начала сновать взад и вперед иглой мимо носа Леонтия. Щека ее была у его щеки, и ему надо было *удерживать дыхание*, чтоб не дышать на нее. (...) даже его немного *бросило в пот*. Он не *спускал глаз* с нее» (с. 196).

В народных поверьях русалки заманивают и губят мужчин пением, у Гончарова же — взглядом (ср.: русалка в одноименном стихотворении Лермонтова уже не может своим пением расшевелить загубленного мужчину). Влюбленный Козлов, например, не видит ничего, кроме красоты жены. Его добровольная слепота подчеркивается в следующем замечании: «К моей Улиньке, как к жене кесаря, не смеет коснуться и подозрение!..» (с. 499). Взгляд, зрительное впечатление вызывает сильное чувство, так же, как и книги о древнем мире. Этим они ставятся в новую эквивалентность: «Леонтий *взглянул* на нее еще раз и потом уже никогда не забыл. В нем *зажглась* вдруг сильная, ровная и глубокая *страсть*» (с. 197). Он «*не видал*, не замечал и не подозревал ничего, что делала она, что делали другие, что делалось вокруг» (с. 198). «Он видел только ее *римский чистый профиль*, чувствовал веющий от нее на него *жар* и запах каких-то *цветов*, да часто потрогивал себя за пришитую ею *пуговицу*. (...) точно вчитывается в новую, незнакомую еще ему *книгу*, в ее немое, вечно насмешливое лицо» (с. 198).

Итак, Ульяна Андреевна влияет на Козлова подобно книгам, что подключает дополнительный ассоциативный ряд, связанный с античностью: «Он любил жену свою, как любят *воздух* и *тепло*. (...) погруженный в созерцание жизни древних, в их мысль и искусство, умудрился видеть и любить в ней какой-то блеск и *колорит древности*, античность формы. Вдруг иногда она *мелькнет* мимо него, сядет с *шитьем* напротив, он нечаянно из-за книги поразится *лучом* какого-то света, какой играет на ее профиле, на рыжих висках или на белом лбу. Голова ее казалась ему похожей на головы римских женщин на классических барельефах, на *камнях*: с строгим, чистым профилем, с такими же *каменными волосами*, немигающим взглядом и *застывшим* в чертах лица сдержанным *смахом*» (с. 198—199).

Таким образом, в тексте романа метафора, сближающая образ героини с палящим лучом солнца, развивается в антитезу. Поскольку описание дается с учетом точки зрения Козлова, образ его жены проецируется на древних римлянок-аристократок, чье распутство игнорируется этим героем, но подспудно присутствует в авторском подтексте. Этот двойной взгляд на героиню наблюдается в одновременном маркировании «огненности» и «окаменелости» ее портрета и характеристики. Образ камеи и чистой дамы ставится в оппозицию с подвижностью женщины-русалки, имеющей любовников.

Коннотация с русалкой действует не только в описании внешности героини, но и ее обманывающего взгляда: «„Не верьте — это глупости, ничего нет...“ — Она смотрела каким-то *русалочным, фальшивым взглядом* на Райского, говоря это» (с. 202). Ульяна заигрывает с Райским, приглашая его в сад, затем внезапно взамен принадлежности туалета Райского (головного убора) предлагает себя. Искра страстности туалета героини становится невыносимой для повзрослевшего героя: «Пойдемте в сад... Помните

наш сад?..» (с. 203). «„Отдай: я пойду — возьмите меня!“ — сказала она, вдруг сверкнув Райскому в глаза взглядом, как будто *огнем*» (с. 205).

Нравоучительная установка Райского в отношении этой женщины недействительна. Эпизод с Ульяной Андреевной (соблазнение Райского — его «обрыв») служит очередным доказательством того, что представления главного героя о страсти далеки от реальности. Один раз он приходит к Козлову с намерением «открыть ему глаза» на недостойное поведение жены, затем собирается читать мораль самой жене. В метафоре, приписываемой герою, используются водные образы: «...дать Ульяне Андреевне урок наедине: бросить ей громы на голову, *плеснуть на нее волной* чистых, неведомых ей понятий и нравов!» (с. 334). Осуществление намерения кажется высокой задачей: «„Это уже не *мираж*, а истинно честное, даже *святое дело!*“ — думалось ему» (с. 334), однако получается только пустое времяпрепровождение от безделья: «...он просто искал какого-нибудь развлечения, чтоб не чувствовать тупой скуки и вместе также, чтоб не сосредоточиваться на мысли о Вере» (с. 335). Попытка реализации возвышенных планов в отсутствие мужа приносит прямо противоположный результат.

Поведение Ульяны Андреевны по отношению к Райскому буквально повторяет ее действия с мужем и другими мужчинами и отсылает к поведению девушки из «Тамани», увлекающей Печорина (ср. основные мотивы): «И она *вертела* его за руки по комнате. Ему легче казалось сносить тупое, бесплодное и карикатурное кокетничанье седеющей Калипсо, все ищущей своего Телемака, нежели этой простодушной нимфы, ищущей встречи с сатиром...» (с. 437). Райский также воспринимает поведение жены Козлова сквозь призму своих литературных — античных — чтений, принимая Полину Карповну Кривую за Калипсо и отождествляя Ульяну Андреевну с нимфой. Однако в описании внешности последней господствует красный цвет, символизирующий «горячий» характер героини. Это свойство чуждо как лесной и легкой нимфе, так и водной русалке, но общность заключается в их соблазняющем поведении: «А она, с *блеском на рыжеватой* маковке и бровях, с *огнистым румянцем*, ярко проступавшим сквозь веснушки, смотрела ему прямо в лицо *лучистыми, горячими* глазами, с беспечной *радостью*, отважной решимостью и *затаенным смехом*» (с. 437). «Он попал будто в *клетку тигрицы*, которая, сидя в углу, *следит* за своей жертвой: и только он брался за ручку *двери*, она уже стояла перед ним, прижавшись спиной к замку, и глядя на него своим *смеющимся взглядом без улыбки*. (...) Он видел, что мягкость тут не поможет: надо *бросить „гром“* на эту играющую позором женщину, *назвать по имени стыд*, который она так щедро льет на голову его друга. „Нет, — думал он, — в другой раз, когда Леонтий будет дома в углу, в саду, дам ей *урок*“» (с. 438).

Между Ульяной Андреевной и Райским тоже завязывается борьба, как в случае Печорина и «русалки», однако она заканчивается победой Улиньки и успешным соблазнением героя. Жена Козлова как тигр (ср. с метафорой страсти) парализует волю Райского. Она перегораживает мужчине дверь — границу, выход к «спасению», используя любое орудие для поражения мужчины. Это открыто называется «заманиванием». В сцене с Райским дублируется сцена знакомства с Козловым: Улинька снова заставляет взглянуть на нее, украв шляпу. Таким образом, материальные объекты становятся вещами, действующими вместо человека. «И я хочу быть — вся ваша... вся! — страстно шепнула она, кладя голову ему на грудь. — Я ждала этого, видела вас во сне, бредила вами, не знала, как *заманить*» (с. 439); «*Шляпа* очутилась у ней в руке — (...). Он хотел схватить шляпу, но Ульяна Андреевна была уже в другой комнате и протягивала шляпу к нему, *маня за собой*.

⟨...⟩ Он вошел к ней в комнату и бросился к шляпе, а она бросилась к двери, *заперла* и положила ключ в карман. Они смотрели друг на друга: Райский — с *холодным любопытством*, она — с дерзким торжеством, *сверкая* смеющимися глазами. Он молча дивился *красоте ее римского профиля*» (с. 439).

Объяснение женой своего поведения по отношению к мужу переводится через посредство нарративной трансформации ее взгляда в «русалочный». Отметим, что в тексте романа такому бесчувственному взору противопоставляется влюбленный взгляд «онемевшего» Козлова. Героиня высказывает свое мнение о любви и браке, в котором различается страстное, плотское чувство и вещественная, материальная забота о муже-ребенке. Словоохотливость и прозрачный взгляд скрывает отсутствие чувств, в то время как онемение выражает страсть: «И у ней лицо стало как *маска*, и глаза перестали искриться, а сделались *прозрачны, бесцветны* — „как у Веры тогда...” — думал он. „Да, да, да — вот он, этот взгляд, один и тот же у всех женщин, когда они лгут, обманывают, таятся... *Русалки!*»» (с. 441); «„Он даже и *слова о любви* не умеет сказать: *выпучит глаза* на меня — вот и вся любовь! ⟨...⟩ Далась ему книги, уткнет нос в них и возится с ними. Пусть же они и любят его! Я буду для него исправной женой, а любовницей (она сильно потрясла головой) — никогда!” — „Да вы новейший философ, — весело заметил Райский, — не смешиваете любви с браком”» (с. 441); «„А любовь... вот кому!” — сказала она — и вдруг *обвилась* руками около шеи Райского, *затворила ему рот крепким и продолжительным поцелуем*. Он остолбенел и даже зашатался на месте. А она не выпускала его шеи из *объятий*, обдавала *искрами глаз*, любуясь действием поцелуя» (с. 442).

Обратим внимание, что образу гончаровской героини присваиваются жесты и движения, характерные для девушки-контрабандистки из «Тамани». Однако лермонтовская героиня не осознает своей греховности, тогда как на героиню Гончарова наименование позора («стыда») воздействует ошеломляющим образом, она начинает осмысливать свое положение. Это определяется как превращение нимфы / русалки в «обезумевшую» женщину. Райский пугается результатов своих действий, призванных «будить женское заснувшее чувство». Внезапность реакции героини приводит к «падению» («утопанию») Райского, который совершает именно тот акт, от которого хотел ее остеречь. Вместо «урока» выходит только недостойный героя поступок: «Вы мой... мой!.. Не говорите мне *страшных слов*... „*Оставь угрозы, свою Тамару не брани*”, — повторила она лермонтовский стих — с томною улыбкой. ⟨...⟩ *римская камая* лежала у него на ладони во всей прелесть этих молящих глаз, полутоткрытых, *горячих губ*... Он *не отводил глаз* от ее *профиля*, у него *закружилась голова*... *Румяные и жаркие щеки* ее *запылали ярче и жгли* ему лицо. Она поцеловала его, он отдал поцелуй. Она *прижала* его крепче, прошептала чуть слышно: „*Вы мой* теперь: никому не отдам вас!..” Он *не бранил*, не сказал больше ни одного „страшного” слова... „*Громы*” умолкли...» (с. 444).

Речь, намеренно «громовая», метафорически заглушается «огнем страсти», «гроза» в страсти разряжается и утихает. Акцентируется «русалочное» оживление и «падение» женщины, сравниваемой с античной «женой кесаря». Метафоры «воды» и «огня» меняются местами, занимая обратное смысловое положение в тексте.

Поступок Райского на мотивном уровне повторяет действие Веры в обрыве. Более того, восхождение из обрыва и осознание своей вины представляется в произведении посредством подобных же мотивов, за исключением детализации самообвинения, так как Вера, в отличие от Райского, никак не

старается себя оправдать: «Исполнив „дружескую обязанность“, Райский медленно, почти бессознательно шел по переулку, *Райский глядя* на крапиву в канаве, на пасущуюся корову на пригорке, на роющуюся около плетня свинью, на пустой, длинный забор. Оборотившись назад, к домику Козлова, он увидел, что Ульяна Андреевна стоит еще у окна и машет ему платком. „Я сделал все, что мог, все!“ — говорил он, отворачиваясь от окна с содроганием, и прибавил шагу. Взойдя на гору, он остановился и в непритворном ужасе произнес: „Боже, Боже мой!“» (с. 444).

При этом книжная модель пережитого события в отношении героини вновь оказывается несостоятельной: «Гамлет и Офелия! Вдруг пришло ему в голову, и он закатился смехом от этого сравнения, так что даже ухватился за решетку церковной ограды. „Ульяна Андреевна — Офелия!“ Над сравнением себя с Гамлетом он не смеялся» (с. 444).

Как мы отметили в начале нашей статьи, поступок соблазнения как событие «падения-обрыва» связывает интертекстуально роман Гончарова и поэму «Демон» в процитированной фразе (с. 444). Тамара опасается предстоящей свадьбы. Подчеркивается ее боязнь потери свободной жизни, что в тексте определяется как *«судьба печальная рабыни»*. Определение отсылает к началу поэмы, где сам Демон называется «печальным». В этом намечается их скрытая связь. Темное, *«тайное сомненье»* героини скрывается под ее светлым танцем, которому придаются черты грациозности и простоты: например, стройные «движенья», что рифмуется с *«полны выраженья»* (II, 378). Контрастно репрезентированная фигура Тамары (терзаемой внутренними сомнениями, но умеющей управлять ими с помощью своей артистичности) могла бы противостоять демоническому искушению, и тогда Демон даже не пытался бы соблазнить девушку. Однако смерть жениха делает ее беззащитной против искушения. Испытание Тамары обозначается как наказание за ее сомнения. Созвучие в рифмовой позиции имени и наказания позволяет вычленил эти дополнительные смысловые соотношения: *«Как гром, слетела божья кара! / Упала на постель свою, / Рыдает бедная Тамара»* (II, 382). Звуковая упорядоченность порождает новый смысл. Поэтическая семантика образуется не на уровне повествовательного слова, а на уровне сверхфразовых элементов построения текста (рифмовки).

Демон искушает героиню своим голосом, обещающим, что будет к ней по ночам прилетать и *«Сны золотые навевать...»* (II, 383). Этот звук вызывает в ней страстные чувства и потребность свободы, чего не хватало в отношениях с женихом: *«Все чувства в ней кипели вдруг; / Душа рвала свои око-вы, / Огонь по жилам пробегал, / И этот голос чудно-новый, / Ей мнилось, все еще звучал»* (II, 384). Голос, порождающий тоску, становится темой. К тому же, отрицается как ангельский, так и демонический характер Демона, эти черты сплетаются и уравниваются: *«Он был похож на вечер ясный: / Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!»* (II, 384). Когда же Демон открывается в своем настоящем виде, героиня отказывает ему, отвергая возможность его полюбить.

Тамара исповедуется своему родителю, который требует замены умершего жениха на другого, потому что героиня в позиции пассивно сопротивляющейся жертвы подвергается двойному искушению («неотразимая мечта»). Но для изменившейся героини перспектива вновь стать невестой уже неприемлема, она желает сохранить непорочность и чистоту. Мотив слез теперь обозначает не плач по погибшему жениху, а страх стать женой, в том числе и Духа. Трансформации образа героини вызывают внутреннюю речь ее души: *«Отец, отец, оставь угрозы, / Свою Тамару не брани; / Я плачу: видишь эти слезы, / Уже не первые они. <...> А мне не быть ничьей женою!..*

⟨...⟩ Ты сам заметил: день от дня / Я вяну, жертва злой *отравы!* / Меня терзает *дух лукавый* / Неотразимо мечтой; / Я гибну, сжался надо мной! / Отдай в священную обитель / Дочь безрассудную свою; / Там защитит меня Спаситель, / Пред ним тоску мою пролью. / На свете нет уж мне *вещелья...* / Святыни миром *осеня*, / Пусть примет сумрачная *келья*, / Как гроб, заранее меня...» (II, 384—385).

Во избежание соблазна Тамара обращается к своему отцу с просьбой перевести ее в сакральное место. Переезд в монастырь равнозначен прижизненному погребению девушки как единственному спасению от так называемого «падения».

В поэме Лермонтова процитированная в «Обрыве» фраза стоит на переходе ко второй части текста как композиционная цезура. В действии же успешное соблазнение происходит как раз в обители, кажущейся безопасной, но внутренняя установка к покаянию позволяет вторжение божественной воли в судьбу героини ради спасения ее души. Если сопоставить этот фрагмент с соответствующим отрывком из «Обрыва», то легко заметить как общность ситуаций раскаяния героинь, так и важнейшее их отличие. В романе Гончарова не отец бранит свою дочь за ее тайную любовь к Демону, а друг мужа читает мораль заблудшей жене и впоследствии вступает с ней в непристойную связь. Ульяна Андреевна не страшится «падения», она сама выступает в роли соблазнительницы, утверждая потребность любви вне брака. Правоучение Райского влияет на нее только временно, и в конце концов она бросает своего мужа, чтобы уехать с мосье Шарлем в Москву. На уровне мотивов, обуславливающих цитацию, разница заключается в противопоставлении «света», «воды» (слезы) и «огня» (страсть).

Анализируемый нами интекст имеет и другие связи с романом Гончарова, так как сходная ситуация разворачивается в связи с историей главной героини, Веры.

Вера — трагедия

Для Райского параллелизм образов Ульяны Андреевны и русалки вполне естественен, тем более, что такие черты он замечает не только у нее. Для разрешения непонимания таинственных женщин, увлекающих мужчин, вступает в силу книжный подход, устанавливающий многомерные межтекстовые связи. «Русалочное» поведение девушки из «Тамани» и модель искушения Тамары Демоном отражаются и на Vere, испытывающей страсть. В. И. Мельник в своей книге рассматривает тематические взаимосвязи положений гончаровской Веры и лермонтовской Тамары (как Марк соблазняет Веру, так и Демон — Тамару).¹² Добавим следующее. Вера раскаивается в своем поступке на дне обрыва так же, как и героини, речь о которых шла выше, и в нашем ракурсе это репрезентируется в тексте в рамках единого мотивного комплекса «вода-мрак-тайна». Некоторые атрибуты и жесты (например, затаенный смех), роднят Веру с неверной женой Козлова, словно все женские образы «Обрыва» являются частью (или сниженным вариантом) его главной героини. В то же время в тексте, отражающем точку зрения героя, Вера представляется не потопляющей мужчину русалкой, а хищной птицей и убийцей. Контекст отсылает к эпизоду с девушкой-контрабандисткой, пытающейся утопить Печорина: Вера тоже предлагает спуститься к Волге и покататься в лодке. Атрибутика здесь построена не на оппозиции

¹² Мельник В. И. Гончаров. М., 2012. С. 277—279 (сер. «Великие исторические персоны»).

воды и огня, а на действиях темной ночи и белого привидения, что коррелирует с лунным светом. образу героини, выполняющей губительные движения, присваиваются также черты «зверя»-Марка и кикиморы. Знаки-индексы преобразования Веры порождаются посредством звуковых повторов *рж / жд*: «Вдруг в плечо ему слегка впились чьи-то тонкие пальцы, как когти хищной птицы, и в ухе раздался сдержанный смех. (...) — „Ты колдунья, Вера“. (...) „Побожитесь еще!“ — говорила она, торжествуя и наслаждаясь его волнением, и опять засмеялась раздражительным смехом (...), шала и заигрывая с ним. (...) он вывел было ее на лунный свет» (с. 573); «Луна светила ей прямо в лицо. — Он не узнал прежней Веры. Лицо бледное, исхудалое, глаза блуждали, сверкая злым блеском, губы сжаты. С головы, из-под косынки, выпадали в беспорядке на лоб и виски две-три пряди волос, как у цыганки, закрывая ей, при быстрых движениях, глаза и рот. На плечи небрежно накинута была атласная, обложенная белым пухом мантилья, едва державшаяся слабым узлом шелкового шнура» (с. 578).

Игра светотени в именологии вступает в силу в попытках осветить образ Веры, который олицетворяет для Райского сначала языческий образ женщины («русалка»), затем культ («идол-статуя»), потом реализацию имени («идеал»): «Она столько вносила перемены с собой, что с ее приходом как будто падал другой свет на предметы; простая комната превращалась в какой-то храм, и Вера, как бы ни запрятывалась в угол, всегда была на первом плане, точно поставленная на пьедестал и освещенная огнями или лунным светом»; «но нравственная фигура самой Веры оставалась для него еще в тени» (с. 301—302).

В сновидении Марфиньки тоже вырисовывается совершенно контрастный образ сестры. Вера — это ожившая статуя не только Венеры, но и Дианы, загадочной девственной богини, связанной с луной. (Луна и ночь — метафорические атрибуты образа Веры.)¹³ На протяжении почти всего романа она остается загадкой для всех, в том числе и для Райского, не сумевшего добиться ответного увлечения на свою страсть. Марфинька же в своем сне боится переступить границу, ведущую в царство «ночи» и «страсти».

Сходным образом слово «любовь» / «страсть» обрушивается также и на бабушку Бережкову. Она предчувствует трагический исход приближающегося поступка Веры. Спасением от этой катастрофы может стать только христианская вера: «„Не влюблена ли?“ — вполголоса сказал Райский — и раскаялся: хотелось бы назад взять слово, да поздно. В бабушку точно камнем попало. „Господи спаси и помилуй!“ — произнесла она, перекрестившись, точно молния блеснула перед ней, — этого горя только не доставало!» (с. 432).

После событий в обрыве Вера долгое время находится в состоянии так называемой «временной смерти». Об этом свидетельствует и то, что ее именины должны проходить незаметно (с. 678). Соответствующая метафорическая игра тематизируется в повествовании. В поведении и словах Веры к бабушке, когда еще не пришло время открыться перед ней, в переносном смысле звучит не поверхностное значение слова, а его глубинная мифологическая семантика — грядущее, пока еще не свершившееся становление и воскресение героини. Возрождению Веры предшествует мертвое состояние «немоты и дремоты ума, всех сил» (с. 640). Бережкова правильно замечает скрытое состояние внучки: «„Что у тебя, Верочка: нездорова?“ — спро-

¹³ И конечно, этот подтекст имплицитно включает и любимую арию «Casta Diva» Обломова.

сила она и остановила испытующий взгляд на лице Веры. „Поздравляю с новорожденной!” — заговорила Вера развязно, голосом маленькой девочки, которую научила нянька, что сказать мамаше утром *в день ее ангела*, поцеловала руку у бабушки, — и сама удивилась про себя, как память подсказала ей, что надо сказать, *как язык выговорил эти слова!*» (с. 641); «...пуще всего мертвая улыбка Веры поразила ее» (с. 645); «Вера была бледна, лицо у ней как камень: ничего не прочтешь на нем. Жизнь точно замерла» (с. 656).

Как для артиста творчество, так для женщины неотъемлемой частью жизни является семья, без нее наступает скука. Отказ от своей сути, поэтому и называется «пропастью», «обрывом»: «„Жизнь кончена!” — шептала она с отчаянием и видела впереди одну голую степь, без привязанностей, без семьи, без всего того, из чего соткана жизнь женщины»; «перед ней — только одна глубокая, как могила, пропасть» (с. 640).

Это позволяет нарратору раскрыть настоящей облик Веры, скрытый от Райского. Теперь становится ясным, как тепло Вера относилась к Райскому и другим близким, как она сильно привязана к бабушке и почему она не выносит ее сожалеющего взгляда (с. 646), воспринимая его не как сочувствие, а как «христианское милосердие» (с. 709). Она успокоится только тогда, когда станет известна греховная общность ее и бабушкиной судеб. Раньше она называла своим двойником подругу-попадью, которая оказывается «бессильною, когда загремел сильный гром над головой Веры» (с. 672). «Гроза» и «обрыв», если пользоваться метафорами романа, раскрывают по-настоящему близких Вере лиц. Характер героини имеет много общего не только с бабушкой, но и с Райским. Она такая же страстная, любопытная и нервная, но она не рисует и «рисуется», а чертит: «Она не теряла из вида *путеводной нити* жизни. (...) Она, по этой простой канве, умела *чертить широкий, смелый узор* более сложной жизни» (с. 657); «Соглашаясь в необходимости труда, она винила себя первая за бездействие и *чертила* себе, в недалеком будущем, образ простого, но действительного дела» (с. 663).

Новое рождение Веры символически обозначено ее перевоплощением в ребенка. Метафорическая реализация этого образа проводится в отсутствии слов, посредством слез (ср.: мотив воды). Вера и бабушка обретают понимание, что они сироты друг без друга, как и Райский без них. Во всеобщем раскаянии образуется новая семья. Письмо Марка теперь означает не внутреннюю угрозу ее души, а враждебный удар извне. Перелом наблюдается и в языке Веры. Кроме этого, у нее появляется новая, выражающая изменение личности, пластика движений — она уже не «змеянина»: «Вера, очнувшись на груди этой своей матери, в потоках слез, без слов, в судорогах рыданий, *изливала* свою исповедь, *раскаяние*, горе, всю вдруг прорвавшуюся силу страданий» (с. 676—677); «...работой всех сил, ума и сердца, не воротила бы себе права на любовь этой матери» (с. 709); «Не могу рассказать, сил нет, дух захватывает... Я лучше прочту» (с. 707); «Она подошла к нему, не прежним ползучим шагом» (с. 712).

Видно, что в тексте каждое из бывших утверждений и характеристик автора повторяется в другом контексте и с обратным знаком (при этом многословие не означает пустословия, но требуется для всестороннего освещения предмета). Для моделирования бытийной трансформации вместо нарративного описания вступает в силу метафорическая семантика. Таковым и является «обрыв» не как элемент пейзажа, а как коренная метафора «падения», вбирающая в себя все смысловые единицы художественного текста. Ее части-детали равнозначны с целым, охватывая такие элементы, как «руссалочный» мотив или потребность в раскаянии.

Марина — очерк народной драмы

Если в Малиновке, представляющей райский топос, история Веры является трагедией, то сюжетная канва Марфиньки выражает пастушескую идиллию, поэтому перечисленные выше мотивы применяются в связи с ней только в сглаженной форме. Границы идиллического хронотопа оказываются проницаемыми для «новой», враждебной силы, угрожающей складывавшемуся веками традиционному укладу. Намек на эти процессы содержит сюжетная линия Марины и Савелия, крепостных слуг Бережковой. Их история может быть оформлена в жанре народной драмы, и, соответственно, ведущие мотивы имеют подчеркнуто фольклорную смысловую окраску. Даже имя служанки (Марина — морская) отражает связь с образами моря, грозы, воды и русалки: «...в нее всю как будто вложена какая-то *молния*» (с. 236); «она вечно *двигалась* {...} границ и пределов ее *любвям* не было» (с. 237).

Нельзя определить, что именно «привлекало к ней многочисленных поклонников: не то *скользящий* быстро по предметам, ни на чем не останавливающийся взгляд этих изжелта-серых, лукавых и *бесстыжих* глаз, не то какая-то *нервная дрожь* плеч и бедр, и подвижность, *игра* во всей фигуре, в щеках, в губах, в руках; легкий, будто *летучий, шаг*, широкая ли, внезапно все лицо и ряд белых зубов *освещавшая улыбка*, как будто к нему вдруг поднесут в темноте *фонарь*, так же внезапно пропадающая и уступающая место слезам, даже, когда нужно, воплям, — Бог знает что! Только кто с ней поговорит, *поглядит* на нее, а она на него, даже кто просто встретит ее, тот поворотит с своей дороги и пойдет за ней» (с. 238).

Уподобление движений героини скольжению змеи, подвижность, веселость и манящий взгляд, жесты — все является типичными чертами, присущими образу русалки. Многие особенности, свойственные жене Козлова, свойственны и Марине, что также усиливает родство образов. Как Ульяна Андреевна неотразимо действует на Козлова, подчиняя его своей воле, так и Савелий сразу же женится на Марине. Это образует параллелизм их сюжетных линий, в том числе и конкретных эпизодов. Мужские персонажи влюбляются в женщину-русалок, едва взглянув на них: «С Савельем случилось то же, что с другими» (с. 238). Мотив взгляда повторяется в сходных контекстах, однако ситуация оформляется каждый раз соответственно избранному жанру: «народной драмы» и «античной комедии».

В роли элементов, соединяющих отдельные компоненты текста в единый комплекс, сюжетные переключки связывают не только образы Улиньки и Марины, но и Веры: ревнивый Савелий так же подстерегает жену и ее любовника, как Райский — Веру с Марком, и в обоих случаях решительное свидание происходит по ту сторону плетня-«границы»: «Савелий *падал* духом, молился Богу, как *бирюк*, в клетушке, тяжело побрякивая» (с. 240). Соблазнитель Веры Марк и Райский «прошли ворота и подошли к *плетню*, чтоб перелезть через него в огород» (с. 266).¹⁴ Им удается поймать Марину и садовника (ср.: свидетелем любовной истории Бережковой был садовник). Резюмируя ситуацию, Райский приводит литературный образ из «Цыган», чем проецирует пушкинский любовный треугольник на сюжетный мотив преодоления границы-плетня в «Обрыве»: «„Ну, беги же, «Земфира», да не попадись ему, смотри!” {...} Она засмеялась своей широкой улыбкой во весь рот, глаза блеснули, как у кошки, и она, далеко вскинув ноги, *перескочила*

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Истомина Е. П.* Мотив границы в художественном сознании И. А. Гончарова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2011.

через плетень, юбка задела за сучок» (с. 268). Садовник же «перескочил через канаву и пропал в темноте» (с. 268).

Марина так же издевается над своим мужем, как Ульяна Андреевна над Козловым или Вера над Райским. Она называет Савелия лесным царем, лесным и домовым, т. е. в своей речи употребляет демонологические образы так же, как и повествователь в связи с ее образом: «„Что тебе, *леший*, не спится? — сказала она и, согнув одно бедро, *скользнула* проворно мимо его, — бродит по ночам! Ты бы хоть лошадям гривы заплетал, благо нет *домового!* <...>” — ворчала она, несясь, как *сильф*, мимо его» (с. 269).

Неверность жены приводит к физическому наказанию: Савелий «начал отвешивать медленные, но тяжелые *удары* по чему ни попало» (с. 239). Простолудин-слуга понимает свое действие в качестве назидательного акта — это выясняется из повествовательного примечания, определяющего жену «жертвой супружеского гнева»: «Марина выказала всю данную ей природой ловкость, извиваясь, как *змея*, бросаясь из угла в угол <...>. Но этот *урок* не повел ни к чему» (с. 239). Отметим, что в дворянском кругу тот же характер носит чтение Бережковой назидательной книги для Веры и «нравственные удары», «громы» и «уроки» Райского. А поведение Марины становится сниженным вариантом гендерных стереотипов, характерных для семиотики поведения образованного сословия, что проявляется как в параллелизме историй «падения», так и последующего ему «мертвого состояния»: «Прочие люди все спрятались по углам и глядели из щелей, как барыня, точно помещанная, бродила по полю и по лесу. Даже Марина, и та ошалела и ходила как одичалая» (с. 671).

Она, как Вера и бабушка, тоже заболевает после своего проступка и побоев Савелия, правда ее болезнь объясняется не нравственным потрясением, а чисто медицинскими причинами: «...потом слегла, объявив, что нездорова, встать не может. — „Бог карает!” — говорил Савелий, кряхтя и кутая ее в теплое одеяло. <...> Ее отправили в клинику, в соседний город, за двести верст. Сам Савелий отвез ее и по возвращении, на вопросы обступившей его дворни, хотел что-то сказать, но только поглядел на всех, поднял выше обыкновенного кожу на лбу, сделав складку в палец толщиной, потом плюнул, повернулся спиной и шагнул за порог своей клетушки» (с. 695).

Сигналами семантического сближения служат также общие сравнения, выявляющие зооморфный характер героинь. О Марине: «Она была живуча как *кошка* и быстро оправлялась от побоев», «она засмеялась своей широкой улыбкой во весь рот, глаза блеснули, как *у кошки*, <...> засмеялась опять и, нагнувшись, *по-кошачьи* промчалась между двумя рядами капусты» (с. 239, 268). О Вере: «Он заметил еще <...> не слишком тонкий, но стройный, при походке волнующийся стан, наконец, мягкий, неслышимый, будто *кошачий*, шаг», «шагнула, как *кошка*, вон», «ты, как *кошка* с мышью, играешь со мной!» (с. 287, 471, 584).

Общность женских персонажей проявляется и на фонетическом уровне организации повествования, например, при описании переживаний Райского, когда ведущим компонентом построения эпизода становится звуковой состав имени Веры, повторяющийся в его различных рекомбинациях: «Он подозрительно смотрел <...> пуще всего на *Марину*, как на *поверенную* и ближайшую *фрейлину Веры*» (с. 408).¹⁵

Осознает главный герой и общность своего положения с судьбой Савелия. Сходство в поведении мужчин наглядно обнажается в следующих пас-

¹⁵ Ср. повторение того же приема при описании противоположного состояния героя: «Он охмелел от письма, вытвердил его наизусть — и к нему *воротилась уверенность* в себе, *вера в Веру*» (с. 539).

сажах: «„Врешь все! — с досадой продолжал Райский, — ты *подглядываешь* за Мариной: это... скверно”, — хотел он сказать, но не договорил и пошел» (с. 515); «„Да не подсматривал! это... *скверно*...” — сквозь зубы проговорил он, взглянув на окно *Веры*» (с. 516); «Тоже страсть! — думал Райский. — Бедный Савелий! бедный — и я!» (с. 425).

Последнее определение могло бы коррелировать с художественными принципами сентиментализма, однако Райский замечает неадекватность такого подхода. История Марины и Савелия, являющаяся частью фиктивного мира романа, становится предметом фикции и в восприятии героя-автора Райского, избравшего для ее воплощения более актуальный жанр: «И сейчас в голове у него быстро возник *очерк народной драмы*. Как этот угрюмый, сосредоточенный характер мужика мог сложиться в цельную, оригинальную и сильную фигуру? Как устояла страсть среди этого омута разврата? Он надивиться не мог и дал себе слово глубже вникнуть в источник этого характера. И Марина улыбалась ему в художественном очерке. Он видел в ней не просто распущенную дворовую женщину вроде горьких, безнадежных пьяниц между мужчинами, а бескорыстную жрицу культа, „*мать наслаждений*”...» (с. 240).

Художник-Райский идеализирует жизненные фигуры своих персонажей, рассматривая их сквозь призму разных, в основном языческих образов, что, в свою очередь, переводит уровень его понимания в сферу романного жанра, и перемещает самого героя из участников действия в наблюдателя. Для «сочинителя судеб» жизненная драма остается только предметом художественного интереса так же, как история его друга, преподавателя Козлова:

«— Что же с ними делать? — спросила бабушка, (...).

— Ах, нет, не трогайте, не мешайте! — с испугом вступился он. — Вы мне испортите эту *живую натуральную драму*...

— Ну, скажите на милость: не трогать! Он убьет ее.

— Так что же! У нас нет жизни, нет драм вовсе: убивают в драке, пьяные, как дикари! А тут в кои-то веки завязался настоящий человеческий интерес, сложился в драму, а вы — мешать!.. Оставьте, ради Бога! Посмотрим, чем разрешится... кровью, или...» (с. 240).

Наиболее явно артистический характер Райского проявляется в его установке не сочинять сюжеты, а наблюдать за их изворотами в ракурсе не жизненных, а литературных историй, посвященных женщинам. В результате нашего анализа становится ясным, что образы женщин являются не только важными компонентами романов Гончарова и Лермонтова, но и мотиваторами смыслопорождения, развертывающегося в тесные интертекстуальные связи между произведениями.

© А. Г. ГРОДЕЦКАЯ

«ОБРЫВ», ПРОЧИТАННЫЙ В ДРУЖЕСКОМ КРУГУ

(ДВА ПИСЬМА И. А. ГОНЧАРОВА К Е. А. ЯЗЫКОВОЙ)

Не публиковавшиеся письма Гончарова к Е. А. Языковой позволяют прояснить ряд подробностей, связанных с реакцией писателя на критику «Обрыва».

Екатерина Александровна Языкова (урожд. Белавина, ум. 1896) — художница, автор предсмертного акварельного портрета В. Г. Белинского,¹ в 1843 году ставшая женой Михаила Александровича Языкова (1811—1885). И прежде чем говорить о ней, нельзя не сказать хотя бы коротко о ее муже. Как правило, при упоминаниях М. А. Языкова (в письмах Белинского, Герцена, Огарева, Некрасова, Тургенева, Толстого, Достоевского, в мемуарах и дневниках И. И. Панаева и А. Я. Панаевой, Григоровича, Дружинина, Кавелина, Анненкова, Никитенко, Фета и других) из комментария в комментарий переходит информация о том, что он был другом Белинского и входил в круг литераторов «Отечественных записок» и «Современника». Позднее основал общественные библиотеки в Калуге и Новгороде. И это, пожалуй, все. Сведения о Языкове в справочно-биографических изданиях, немногочисленные и однотипные, основаны главным образом на данных некролога, написанного А. Ф. Кони.² Языков между тем заслуживает обстоятельного биографического очерка.³ Как писал Кони, «вся история русской литературы, с начала сороковых годов, прошла в живых образах ее лучших представителей пред глазами М. А. Языкова; в личной жизни многих из них он играл разнообразную, но всегда симпатичную роль — и воспоминания о великом русском критике, о молодой редакции „Современника“, о первых литературных опытах людей с знаменитыми впоследствии именами — сливаются с памятью о нем. Восторженный поклонник таланта, услужливый друг, практический советник, занимательный и остроумный рассказчик, без всякого оттенка самохвальства или лицемерной преданности, из прорех которой сквозит иногда худо скрытая зависть, Языков тесно слился с интересами литературы и оставался им верен до конца».⁴

Гончарова с М. А. и Е. А. Языковыми, с которыми он познакомился в первой половине 1840-х годов, на несколько десятилетий связала дружеская близость. Вспоминая в «Необыкновенной истории» кружок Белинского, Гончаров признавался: «Я (...) не сближался сердечно со всем кружком (...) чуждался (между прочим, по природной дикости своего характера) тесного сближения с тем или другим, кроме семейства доброго Мих(аила) Языкова, где меня любили как родного, и я платил тем же».⁵ Во время плавания на фрегате «Паллада» Гончаров пишет М. А. и Е. А. Языковым регулярно, всякий раз, когда была возможность отправить в Петербург почту, пишет подробно, доверяя дружеским письмам как значительные, так и малозначащие впечатления путешествия.⁶ Признания в письмах говорят о той степени душевной открытости в общении с «семейством доброго Языкова», которая

¹ Об этом портрете И. И. Панаев писал: «У Языкова (М. А.) хранится портрет карандашом, как он (Белинский. — А. Г.) был за несколько дней до смерти: исхудалый, с горящими, лихорадочными глазами, с всклокоченными волосами, обросший бородой. Портрет этот сделан женой Языкова... Лицо умирающего так поразило ее и так взрелось ей в память, что она тотчас по приезде домой набросала его на бумагу...» (Панаев И. И. Воспоминание о Белинском // Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 314). Известен и рассказ М. А. Языкова об этом портрете, проданном им в 1880 году П. М. Третьякову (Там же. С. 433). Ср. также: Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876. С. 338.

² См.: А. К. [Кони А. Ф.] М. А. Языков // Неделя. 1885. 6 фев. № 5. С. 194—195. Текст некролога в расширенной редакции вошел в издание: Кони А. Ф. Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 809—812.

³ См.: Гродецкая А. Г. «...Со всеми литераторами на дружеской ноге»: Михаил Александрович Языков (в печати).

⁴ А. К. [Кони А. Ф.] М. А. Языков. С. 194.

⁵ Гончаров И. А. Необыкновенная история (Истинные события) // Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 205.

⁶ Известны 15 писем Гончарова к М. А. Языкову и его семье из экспедиции на фрегате «Паллада»; см.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2016. Т. 15: Письма: 1842 — январь 1855 (в печати).

отличает немногие корреспонденции Гончарова. Екатерина Александровна, судя по лично ей направленным письмам, была одним из адресатов гончаровских эпистолярных исповедей (как позднее С. А. Никитенко). Ей, например, накануне экспедиции он признавался в письме от 23 августа 1852 года: «Хандра моя, как я Вам, кажется, уже писал, есть не что иное, как болезненное состояние, которому причиной нервы. (...) От этого я и стараюсь прятаться и, кроме Майковых да Вас, ни к кому не хожу».⁷ У Языковых Гончаров чувствует себя «в тихой пристани среди добрых друзей». Думая во время плавания о возвращении в Петербург, он представляет, как, приехав, «опять найдет тотчас свое местечко в сердце у них и за круглым столом».⁸

Для писателя, всю жизнь «гревшегося у чужой печки и самовара», дом Языковых, как и дом Майковых, стал воплощением подлинной семейственности, не только открытой, теплой и дружелюбной, но и, что немаловажно, артистической, художественно-творческой. Небезразлично было для Гончарова и присутствие в семье молодых женщин, которыми он, как свидетельствуют мемуаристы, всерьез увлекался. Одна из них — незамужняя сестра Екатерины Александровны, жившая в ее семье, Элликонида Александровна Белавина (?—1894). Как вспоминал современник, «Элликонида Александровна была преоригинальная личность. Девушка лет двадцати, бойкая и подвижная, с большими живыми черными глазами и свежим смехом в минуты веселого настроения, она легко могла бы сделать хорошую „партию“, если бы мысли ее были направлены в эту сторону. Не один из молодых людей, бывавших в доме Языкова, втайне питал нежное чувство к этой девушке (...); говорят, даже степенный и вялый Ив. Ал. Гончаров увлекся ею настолько, что едва не сделал ей предложение».⁹ Другая родственница Языковых, которой в 1850-е годы был увлечен Гончаров, — их племянница Авдотья (Евдокия) Андреевна Ростовская (урожд. Колзакова, 1822—1899), дочь сестры Екатерины Александровны — Александры Александровны Колзаковой (урожд. Белавиной; 1802—1880). Приветы и поклоны Авдотье Андреевне Гончаров посылает почти в каждом письме Языковым с борта фрегата «Паллады», каждый раз акцентируя ситуацию любовной интриги. Увлечение продолжалось и позднее, и в частности, в письмах 1857 года к посвященному в эту сердечную историю И. И. Лъховскому писатель делился с ним ее подробностями, скрывая А. А. Ростовскую за инициалами «А. А.».¹⁰ Она упоминается и в одном из публикуемых ниже писем.

В конце 1850-х годов Языков определился на службу в Департамент подаей и сборов Министерства финансов и с июля 1862-го состоял управляющим питейно-акцизным управлением в Тульской губернии. Необходимо по-

⁷ Гончаров И. А. Письма // Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах. Л., 1986. С. 615 (сер. «Литературные памятники»).

⁸ Там же. С. 616, 624.

⁹ А. Р. [Редкин А. П.] Былое. Из воспоминаний о пятидесятих и шестидесятих годах // Русская старина. 1901. Т. 108. № 10. С. 153.

¹⁰ См.: Гончаров И. А. Письма к И. И. Лъховскому (1857—1860) / Публ. и комм. А. И. Груздева // Литературный архив. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 99, 119. В примечаниях дана ошибочная информация об Августе Андреевне Колзаковой, несуществующей сестре генерал-майора, члена Совета военно-учебных заведений Андрея Андреевича Колзакова (1780—1853) (см.: Там же. С. 104, 125). На самом деле речь шла о его дочери — Авдотье Колзаковой, бывшей замужем за Михаилом Александровичем Ростовским (1817—1859), чиновником Министерства внутренних дел. Ошибка восходит к неверной конъюктуре (Ав(густа) А(ндреевна) вместо: Ав(дотья) А(ндреевна)) в публикации: Путевые письма И. А. Гончарова из кругосветного плавания / Публ. и комм. Б. Энгельгардта // Лит. наследство. 1935. Т. 22—24. С. 348, 374. Ошибочно («Августа Андреевна») дано также в изд.: Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия. С. 647.

яснить, что на этом посту, мало о чем современному читателю говорящем, Языков стал участником важнейших преобразований, предпринятых в финансовой сфере страны. Реформа винных откупов была одной из центральных в комплексе реформ 1860-х годов. Начатая в конце 1850-х и имевшая задачей замену откупов акцизными сборами, реформа развернулась именно в 1862 году. К 1 января 1863 года акцизная система должна была полностью заменить откупную.¹¹ Из Тулы Языков писал П. В. Анненкову 29 октября 1862 года: «Я приехал в июле и сел управлять 15-ю заводами. Теперь я их насчитываю 27».¹²

С весны 1869 года Языков возглавлял питейно-акцизное управление в Калужской губернии. «Я очень рад, — писал ему Гончаров 11 апреля 1869 года, — что Калуга выбрала и приставила к этому делу Вас как примерного ревнителя всякой общественной пользы».¹³

К первым месяцам жизни семьи Языковых в Калуге относятся публикуемые ниже письма Гончарова к Е. А. Языковой. «Дружеские, теплые строки» из ее несохранившихся писем, на которые Гончаров отвечает, высказанная в них поддержка его роману были ему чрезвычайно дороги, особенно на фоне резко недоброжелательной критики, которой был встречен «Обрыв».

О том, как тяжело действовала на него критическая «вражда», Гончаров признавался в письме к Михаилу Александровичу от 21 декабря 1869 года. «Посмотрите, — писал он, — как дурно приняли меня новые люди, приняв портрет Марка Волохова на свой счет! А напрасно: не понимают они это лицо или сами не понимают хорошо себя! Разве Марк Волохов — новое поколение, а Райский — старое? Ни то, ни другое. — Всякий из них представляет дурную сторону одной и той же эпохи, только двух разных воспитаний и натур — и в сущности оба — уроды. За Райского не бранят, что я его не пощадил: отчего же так заступились за Марка. Ведь я отрицательно отнесся к крайностям и того, и другого: отчего же об одном можно, а о другом нет? Тут, в этой досаде на меня есть какая-то затаенная ложь.

Словом, ласки и одобрения вижу я и слышу мало — со всех сторон, а ведь это только и может подстрекать писать, а вражда выбивает перо из рук — и выбила.

Впрочем, я печатаю „Обрыв“ отдельно — и когда выйдет, пришлю Вам экземпляр».¹⁴

Письма Гончарова к Е. А. Языковой публикуются по подлинникам — ИРЛИ. № 8952. Л. 34—35, 36—37. Год написания первого письма устанавливается на основании почтовых штемпелей, а также по содержанию, поскольку речь в нем идет о публикации в «Вестнике Европы» (1869. № 1—5) романа «Обрыв». Тем же годом датируется и второе письмо.

¹¹ См.: Крылов А. Д. К истории отмены винных откупов в России. 1858—1862 // Русская старина. 1880. Т. 27. № 3. С. 573—586.

¹² ИРЛИ. Ф. 7. № 119. Л. 1. В письме без даты (предположительно 1863 год) тому же адресату он сообщал, что «весь утопает в винных вопросах» (Там же. Л. 4).

¹³ ИРЛИ. № 8952. Л. 33.

¹⁴ Там же. Л. 28 об. Об отдельном издании «Обрыва» см. прим. 6 к письму 1.

1

25 апреля.

Старый друг и добрая кума¹ Екатерина Александровна!

Я с особенной радостью увиделся с Мих(айло) Алекс(андровичем), который вручил мне Вашу фотографическую карточку, с припиской двух ласковых слов по поводу нового моего сочинения.² Я знаю, что Вы дружелюбны ко мне и как к автору, и еще более как к старому своему приятелю. Я берегу как дорогой трофей давно подаренную мне Вами синюю фарфоровую вазочку за «Обломова».³ Буду беречь также и Вашу карточку, которая, хотя изображает Вас гораздо старше, но зато напоминает как живую — и притом сделана мастерски.

Мих(айло) Алекс(андрович) показался мне на этот раз таким молодым и веселым, как, бывало, лет двадцать назад. Он стал напоминать все смешные места в романе — и мы хохотали с ним как сумасшедшие, нужды нет, что я устал от работы и нездоров от скверной погоды.

Вы, конечно, знаете, что Авдотья Андреевна потеряла Мишу от скарлатины:⁴ плакать хочется за нее. Я никуда не хожу, но на днях, когда она успокоится немного, найду к ней.

Я собираюсь понемногу за границу,⁵ но не так охотно, как всегда. Мне крайняя надобность — полечиться и отдохнуть, а то бы, пожалуй, не поехал.

Если к зиме напечатаю роман отдельно,⁶ то, конечно, пришлю Вам экземпляр. Но не знаю: буду ли печатать: как-то охоты мало возиться мне с этим.

Поцелуйте за меня моего крестника и не забывайте меня, как я не забываю всех вас.

Всегда Ваш верный кум и приятель

И. Гон(чаров).

На конверте:

В г. Калуге.

Ее высокоородию

Екатерине Александровне Языковой.

В доме Акцизного управления.

Почтовые штемпели: С.-Петербург, 26 апр. 1869; Москва, 27 апр. 1869; Калуга, 28 апр. 1869.

¹ Крестника Андрюшу Гончаров упоминает в неопубликованных письмах к семье Языковых от 16 октября и от 24 ноября 1862 года, Екатерину Александровну называя в них кумой (см.: ИРЛИ. № 8950. Л. 25 об., 24 об.). Цитировавшееся выше письмо к М. А. Языкову от 11 апреля 1869 года, адресованное в Калугу, он заключал словами: «Кланяюсь дружески Вам, Екатерине Александровне, детям вообще — и крестнику моему Андрюше в особенности» (Там же. Л. 33 об.). Известна также дарственная надпись Гончарова на экземпляре «Фрегата „Паллады”» (издание 1879 года): «Любезному моему крестнику Андрюше Языкову с крестным благословением — на благополучное плавание по волнам житейского моря от крестного отца и автора» (воспроизведена в издании: Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия. С. 635). Дату рождения Андрея Языкова установить не удалось. В двух опубликованных письмах Гончарова к Е. А. Языковой (из четырех известных), от 12 августа 1852 года и от 12 мая 1859 года, она не была названа кумой и речь о крестнике в них не шла (см.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15 (в печати); Модзалевский Б. Л. Из переписки И. А. Гончарова // Временник Пушкинского дома на 1914 год. Пг., 1915. С. 103—104).

² Имеется в виду роман «Обрыв».

³ Об этой вазочке Гончаров писал Е. А. Языковой 12 мая 1859 года (см.: Модзалевский Б. Л. Из переписки И. А. Гончарова. С. 103).

⁴ Об А. А. Ростовской (урожд. Колзаковой) см. во вступ. заметке. Речь, видимо, идет о смерти ее сына Михаила; муж А. А. Ростовской умер десятью годами раньше.

⁵ Гончаров выехал за границу 12 мая 1869 года и до конца июня находился в Киссингене (см.: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 182—186).

⁶ Переговоры о печатании отдельного издания «Обрыва» в типографии Морского министерства Гончаров начал в мае 1869 года, издание вышло в свет в феврале 1870 года. См.: Там же. С. 182, 187—192; *Вдовин А.* Издательская экономика Ивана Гончарова: (писатель и Морское министерство) // Новое литературное обозрение. 2013. № 6 (124). С. 111—129.

2

1 мая.

Этот весенний день начался для меня самым приятным образом, милая кума Екатерина Александровна. Мих(айло) Алекс(андрович) прочел мне Ваши дружеские, теплые строки, в которых сказано много нежного и трогательного чувства по поводу 4-й части «Обрыва».¹

Ничем лучше не могу отблагодарить Вас, как посылкой немедленно к Вам отдельного оттиска 5-й части:² не пренебрегайте этим подарком — он в настоящую минуту имеет ту цену, что этих оттисков сделано всего шесть — и один из них теперь у Вас в руках. — Я желал бы, чтобы эта 5-я часть понравилась больше 4-й, и я сам предпочитаю ее прочим — может быть — и потому, что с нею кончаются мои хлопоты.

Сейчас пороюсь, и если найду порядочную карточку — то и пришлю.

Будьте здоровы — и не забывайте в молитвах о *плавающих и путешествующих* — и меня. Не знаю, буду ли я *плавать*,³ а путешествовать собираюсь в половине мая, к водам и еще куда-нибудь — отдохнуть и полетиться.⁴

Если б я оставался лето в России, то посетил бы в Москве сестру,⁵ а потом приехал бы и в Калугу.

Всегда Ваш старый друг И. Гонч(аров).

Я посылаю Вам эту 5-ю часть, чтобы Вы раньше всех имели ее в руках в Вашей уединенной Калуге. Мих(айло) Ал(ександрович) уверяет, что туда едет кто-то и доставит книгу Вам дня через три.

¹ Четвертая часть романа «Обрыв» опубликована в № 4 «Вестника Европы» (вышел в свет 1 апреля 1869 года).

² Пятая часть «Обрыва» опубликована в № 5 «Вестника Европы» (вышел в свет 1 мая 1869 года).

³ Молитва «о плавающих и путешествующих» — одна из православных богослужебных молитв. Вероятно, имеются в виду молитвы о «путешествовавшем» по Калужской губернии по делам питейно-акцизных сборов М. А. Языкове. Вместе с тем Гончаров напоминает и о своем плавании на фрегате «Паллада».

⁴ См. прим. 6 к предыдущему письму.

⁵ Анна Александровна Музалевская (урожд. Гончарова, 1818—1902); до 1865 года жила в Симбирске, позднее в Москве.

© А. Ю. БАЛАКИН

И. А. ГОНЧАРОВ В НЕИЗДААННЫХ ПИСЬМАХ А. Ф. КОНИ К М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Переписка юриста Анатолия Федоровича Кони с историком и журналистом Михаилом Матвеевичем Стасюлевичем и его женой Любовью Исааковной продолжалась более тридцати лет. Около ста писем было опубликовано

с купюрами еще в 1912 году,¹ еще пять небольших писем Кони вошло в заключительный том его Собрания сочинений,² по одному письму Кони и Стасюлевича напечатано в 1997 году в сборнике «Гончаров в кругу современников».³ Подлинники писем ныне хранятся в двух архивохранилищах: в Рукописном отделе Пушкинского Дома находится небольшая часть писем за поздние годы, подавляющее же большинство писем отложилось в Государственном архиве Российской Федерации.

Все трое корреспондентов были близкими друзьями Гончарова, и в их переписке постоянно встречается его имя. Некоторые из этих упоминаний были учтены гончаровскими биографами,⁴ другие до сих пор не введены в научный оборот. Задача настоящего сообщения — представить фрагменты о Гончарове в письмах Кони и Стасюлевича, хранящихся в ГАРФ, и дать к ним краткий комментарий.

* * *

Летние месяцы 1883 года Гончаров и Кони проводили в Дуббельне. 6 июля Кони пишет два письма — Михаилу Матвеевичу и Любви Исааковне. В первом он иронически сообщает: «Наш Гомер здесь немножко ожил, много ходит и в душевном отношении гораздо приятнее, чем три года назад. Он проникнут примирением и прощением, точно не хочет унести в недалекий гроб свой какие-либо дурные чувства. Мы много гуляем вместе, и я наслаждаюсь его взглядами на задачи искусства, освещенные последними вспышками душевного света большого художника. — Но зато здесь есть и *ОН*, со своим гамом, треском и фейерверком ⟨нрзб.⟩ — душой француз, которого Вы зло и верно охарактеризовали словом „малый добрый”. Забавно видеть, как сжимается при нем наш старик, изображая из себя „*timosa ridicu*» (л. 15—16).⁵ О «добром малом» П. Д. Боборыкине Кони упоминает и в письме к Любви Исааковне: «Здесь вездесущий Боборыкин, который вечно кипит и волнуется, как содовый порошок — и наш милый старик. Эти дни он особенно трогателен. Его городской хозяин вздумал переделывать его квартиру и строит в ней коридор — и он здесь чрезвычайно разволновался и даже решил откомандировать в Петербург свою Александру Ивановну,⁶ — чтобы, — на месте, отстаивать унылую неприкосновенность обитаемых им пещер. Но зато теперь он один, добрый и спокойный, со всеми примиренный и тихий. Маленькая Саня⁷ хозяйничает очень успешно, и наш старик угасает (да! угасает) очень трогательно. Тело видимо сокрушается, но душа тверда и свежа, — даже свежее прежнего. Его видимо трогает то общее уважение, которым он здесь окружен. Иногда мы долго ходим по берегу и говорим о Вас. Он с большою теплотою вспоминает Вас и ценит Вашу ласку и внимание» (л. 17—18).

¹ См.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1912. Т. 4. С. 424—484.

² См.: Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 86—87, 119—121, 202, 219—220.

³ См.: Гончаров в кругу современников: Неизданная переписка / Сост., подг. текста и комм. Е. К. Демиховской и О. А. Демиховской. Псков, 1997. С. 407—411; письмо Кони напечатано с ошибками и неточной датой (дата стоит в подлиннике: 12/24 июля 1884 года).

⁴ См., в частности: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 242, 272.

⁵ ГАРФ. Ф. 562. Оп. 1. № 876; далее указания на страницы будут приводиться в скобках в тексте. В подготовке текста писем к публикации принимала участие А. С. Бодрова.

⁶ Александра Ивановна Трейгут — экономка Гончарова.

⁷ Александра Карловна Трейгут — дочь А. И. Трейгут, воспитанница и любимица Гончарова.

Спустя почти месяц, 11 (23) августа, Кони пишет Стасюлевичу про Гончарова: «Он очень ободрился, много ходит и сравнительно весел. Его ласкает весь Дуббельн, хотя он и дичится его, и чурается. Разные незнакомые личности шлют ему цветы и букеты — и почтительно смотрят на нашего бедного старика при встречах. Он мил, и добр и трогателен, но надо *уметь* его видеть: слишком уж сложный психический он организм. Его домашняя жизнь — это прозаическая идиллия с временными проблесками буржуазной драмы. — Но вообще ему живется недурно здесь, если бы его не тревожили комары в прямом (их масса!) и в переносном смысле, в лице П. Д. Б(оборыкина) — с его вечным жужжаньем, от которого старик никакую кисею защититься не может» (л. 20—20 об.).

В письме от 10 ноября 1884 года нет упоминания о Гончарове, но оно интересно откликом на выход тома писем недавно умершего И. С. Тургенева. Нет сомнения, что Кони разговаривал со своим старшим другом о публикации частной переписки известных людей, и что эти беседы позднее отразились в статье «Нарушение воли»: «А письма Тургенева изданы напрасно! Можно бы выбрать жемчужные зерна в этой куче мелочей чисто личного (слишком личного!) характера и напечатать их в отдельном извлечении и своде» (л. 35 об.). Сравним это с мнением самого Гончарова о том, как следует печатать письма: «...есть средство (...) удовлетворить поклонников таланта и приобрести вклад в литературу из крупниц, падающих от богатой трапезы такого таланта, как Пушкин. Это — печатать не все сплошь да рядом, целиком, а с строгим, добросовестным выбором того, что ценно, веско, что имеет общий интерес, значение, как мысль, как авторитетный взгляд писателя на те или другие вопросы науки, искусства, общественной жизни и т. д., словом, что достойно дополняет его сочинения».⁸ Эти условия, по его мнению, не были выполнены редакторами писем Тургенева: «Группа издателей его писем, вероятно, (...) увлеклась, из участия к автору и его перу, желанием поделиться неизданными произведениями этого пера с многочисленными его почитателями и, исключив, по слухам, очень многое, оставила, однако, кое-что немногое, не совсем удобное для оглашения. (...) ...Много есть таких, которые лишены содержания, не имеют ничего общего с литературой (...). Они загромождали и засорили, так сказать, переписку, которая могла бы быть интереснее, если выкинуть лишнее».⁹

23 августа 1886 года, приехав из сгоревшего Гунгербурга, Кони пишет Стасюлевичу: «Старца Гончарова пойду разыскивать завтра».¹⁰ Нам неизвестно, исполнил ли он свое намерение, но спустя месяц, 24 сентября, сообщил своему корреспонденту: «Кстати — а каков старый Гончаров? Как он опустился умственно — и очерствел душевно! Невольно вспомнишь нашего незабвенного К. Д. (Кавелина)» (л. 67—67 об.). Кавелин пришел на память Кони потому, что в 1886 году в «Вестнике Европы» из номера в номер печаталась книга Д. А. Корсакова «Константин Дмитриевич Кавелин: Материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний»; об этой книге и о ее герое Кони высоко отозвался в письме к Стасюлевичу от 15 августа.¹¹

⁸ Гончаров И. А. Нарушение воли // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 170. Ср. с заметками на полях черного автографа статьи: «Выдержки, извлечения», «оговориться, что есть письма о науке, об искусстве и проч., назнач(енные) для печати — или интересные в другом отношении свидет(ельства) о нравах эпохи, быта и т. п.» (РГАЛИ. Ф. 135. Оп. 1. № 12. Л. 3 об.).

⁹ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 172—173.

¹⁰ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 440.

¹¹ «Последняя книжка В. Е. превосходна — и нельзя без некоторого волнения читать статью о Кавелине. Как я рад, что лично знал этого светлого человека!» (Там же. С. 439).

Следующий эпизод переписки относится ко времени болезни Гончарова. Утром 15 января 1889 года многолетний друг и секретарь Гончарова С. А. Никитенко пишет Кони: «Многоуважаемый Анатолий Федорович, вчера под вечер Ивану Александровичу Гончарову сделалось дурно, и он упал. Сегодня ему не лучше. Доктор говорит, что пока не может сказать ничего определенного, но что это прилив на голове, и в дурном случае может сделаться кровоизлияние мозга. Сообщаю Вам об этом, потому что считаю необходимым известить о положении Ивана Александровича кого-либо из ближайших друзей, а Вы к тому же и не поднимете лишнего шума — чего он так боится. Я сама больна, не выхожу и поэтому решительно не могу ничего предпринять. Сестра была там и принесла мало утешительного. Искренне преданная Вам Софья Никитенко» (л. 108—108 об.). Получив это письмо, Кони в 10 часов утра отсылает его к Стасюлевичу, сделав приписку: «Сейчас еду к нему. Не заедете ли и Вы?». Вероятно, редактор «Вестника Европы» не смог посетить своего постоянного автора, поскольку в 8 часов вечера Кони пишет ему новое письмо: «Я сейчас был у старца, который спит и бредит. Ал(ексан)дра Иван(овна Трейгута) заявляет, что у ней нет денег и просит выдать ей из денег Ив(ана) Алекс(андровича), но я не считаю себя на это вправе. С его мнительностью Бог знает что может из этого выйти. Не признаете ли возможным выдать ей в счет следующего ему гонорара (если его рукопись подлежит печатанию¹²) — или просто займы „на лечение и сопряженные с ним расходы“ при чем расписка в этом смысле может послужить основанием тех будущих расходов, которые — увы! — будут временно лежать на Вас как *душеприказчике* впредь до утверждения завещания к исполнению, если наш бедный старик нас покинет» (л. 110—110 об.). На следующий день, 16 января, Кони сообщает своему корреспонденту, что «старцу сегодня сравнительно лучше. Он капризничает по поводу Боткина, но под конец смирился и принял его дружелюбно. Боткин находит его страдание (закупоривание артерий мозга под влиянием склероза, сиречь окостенения) *само по себе* не опасным, но опасным *возраст* и не предсказывает особенно радужного ближайшего будущего. Я запечатал ключ, представленный мне Ал(ек)с(ан)дрю Ивановною. Сегодня я побыл за кулисами домашней жизни старика: какая нравственная пустыня!» (л. 111—111 об.).

Упомянутая статья «Нарушение воли» вскоре была набрана для «Вестника Европы», и в письме к Кони от 1 февраля Гончаров сообщал: «Завтра в два часа приедет г. Стасюлевич; мне будет очень приятно, если Вы найдете возможность прослушать корректуру, которую он привезет».¹³ Вероятно, Кони не смог посетить Гончарова, поскольку 4 февраля писал Стасюлевичу: «Что старик? я все у него не мог быть...» (л. 114). Однако Стасюлевич, по всей видимости, отправил ему корректуру статьи, поскольку ниже в том же письме читаем: «Если письмо И. А. Г(ончарова) Вам не нужно — будьте добры возвратить его. А статья его очень недурна и заключает много правды» (л. 114 об.); вероятно, здесь упомянуто то самое письмо Гончарова, о котором говорилось выше.

Немного ранее, 7 января, вышел в свет девятый, дополнительный том Полного собрания сочинений Гончарова, и писатель попросил Кони передать экземпляры некоторым близким людям. 12 февраля Кони сообщал Ста-

¹² Рукопись — статья «Нарушение воли», которую Гончаров готовился передать Стасюлевичу за день до того, как с ним случился удар (см.: Там же. С. 208—209).

¹³ Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 526. Письмо написано рукой А. К. Трейгута; на нем две приписки — Кони («Вот оно!! ведь это начало конца!») и Стасюлевича («Увы! весьма вероятно!»). Публикаторы письма в «Литературном наследстве» ошибочно атрибутировали первую — Гончарову, а вторую — Кони.

сюлевичу: «По поручению старца (я испил чашу его суесловия в пятницу) спешу препроводить к Вам 4 экземпляра IX тома — один, в золотом обрезе, для Любови Исаковны — и три для Вас, А. Н. Пыпина и К. К. Арсеньева» (л. 115). Местонахождение этих книг ныне неизвестно; лишь экземпляр Л. И. Стасюлевич экспонировался на Симбирской выставке к 100-летию со дня рождения Гончарова.¹⁴

¹⁴ См.: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 300.

© С. В. ДЕНИСЕНКО

«НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ» И. А. ГОНЧАРОВА. РЕЦЕПЦИЯ ТЕКСТА

«Необыкновенную историю» И. А. Гончарова, имеющую сложную историю публикации и восприятия, можно считать уникальным произведением в русской литературе XIX века. Сейчас, в преддверии издания этого текста отдельным томом (т. 12) в подготавливаемом в Пушкинском Доме Полном собрании сочинений и писем писателя,¹ следует определиться в оценке его места в творчестве Гончарова.

Рукопись «Необыкновенной истории»² не предназначалась автором для печати: этот завершённый³ текст с заглавием и подзаголовком («истинные события / истинное происшествие» — в первоначальной редакции), за подписью и с датой, был положен автором в конверт, запечатан именной сургучной печатью, снабжен надписью.⁴ Рукопись сопровождается авторским «Примечанием», содержащим завещательное распоряжение Гончарова по поводу дальнейшей ее судьбы. Подобное распоряжение, в краткой форме повторяющее смысл «Примечания» и со ссылкой на него, предваряет рукопись: «НВ. Из этой рукописи, [через <двадцать пять лет?>], после моей смерти, может быть извлечено, что окажется необходимым, для оглашения, только в том крайнем случае, который указан в *Примечании* (помещенном в конце рукописи, на 50-м листе), то есть если бы в печати возникло то мнение, [что слухи] те слухи и та ложь, которые я здесь опровергаю! В противном случае — прошу эти листы, по воле умирающего, предать огню, [январь 1876 года. И. Гончаров] или же хранить в Императорской Публичной Библиотеке, как материал для будущего историка русской литературы, июль 1878 года. И. Гончаров».⁵

Отношение самого автора к охранению рукописи от посторонних глаз было обусловлено щепетильностью темы: речь в ней шла о взаимоотношении

¹ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997 (издание продолжается).

² РНБ. Ф. 209. № 5. Л. 1—99 об.

³ О «завершённости» можно судить по датам в конце текста и подписи Гончарова, указывающим на волю автора. Позднейшие дополнения к тексту (по сути, его продолжения) снабжены датами и подписями автора. По характеру текст беловой, с незначительной правкой, местами переходящий в черновой. Иногда в тексте встречаются значительные вымарки, возможно, сделанные другим лицом.

⁴ «Вверяю заключающиеся в сем пакете простые, лично до меня касающиеся бумаги, Софье Александровне Никитенко для распоряжения с ее стороны таким образом, как я ее просил. Иван Гончаров. 19 мая 1883 года» (Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 278).

⁵ Там же. С. 196.

ях с И. С. Тургеневым и о плагиате последнего. В 1883 году Гончаров передал конверт с рукописью Софье Александровне Никитенко (1840—1901). Первоначально Никитенко отдала рукопись в распоряжение А. Ф. Кони, другу и одному из душеприказчиков Гончарова. Как позднее писал Кони, «прочитав этот поток подозрений Тургенева в своеобразном плагиате сюжетов, злобных инсинуаций по его адресу и ругательных характеристик, я пришел в мое время к выводу, что это большой бред (Гончаров, несомненно страдал «навязчивыми идеями», в чем по отношению к Тургеневу я имел случай лично и много раз убедиться, о чем, при удобном случае, могу Вам подробно рассказать). Лучше всего, согласно надписи, сделанной самим Гончаровым на рукописи, ее уничтожить. С этим был согласен и Н. А. Котляревский, который прочел рукопись Гончарова».⁶ Не решившись уничтожить рукопись, Кони возвращает ее Никитенко. Та завещает архив имевшихся у нее рукописей писателя своему поверенному, Александру Ивановичу Старицкому (1858—1940). Перед отъездом в эмиграцию, в 1920 году, последний продал гончаровский архив частично в Пушкинский Дом, частично — в Публичную библиотеку.⁷ В сопроводительном письме к рукописи «Необыкновенной истории» Старицкий особо отмечает: «Убедительно прошу обратить особое внимание на пожелания, выраженные покойным как на первой странице рукописи, так и на последней странице 50 листа и уверить, что Публичная библиотека в точности исполнит волю умершего».⁸

Кони в письме к директору Публичной библиотеки Э. Л. Радлову от 1 августа 1920 года достаточно категорично высказал свое мнение о невозможности публикации: «...при нравственной неразборчивости рукопись Гончарова может дать обильный материал для выводов, недостойных ни памяти Гончарова и Тургенева, ни их громадных заслуг для родины».⁹

Вопреки заявленной позиции Кони, дирекция библиотеки решает опубликовать «Необыкновенную историю». В письме к Кони от 14 августа 1923 года, когда рукопись уже была подготовлена к печати, Радлов пытается аргументировать это решение: «Ведь Библиотека приобрела рукопись от г. Старицкого за большие деньги и без всяких ограничений ее прав владения, к тому же воля самого Гончарова, как это видно из двух записей, сделанных его рукою, клонилась к тому, чтобы рукопись была опубликована ввиду ее историко-литературного значения. Ничто не мешало Гончарову сжечь рукопись, если он этого желал; но он этого не сделал, следовательно, имел в виду возможность появления ее в печати; ценил он свое произведение как характеристику литературных нравов известной эпохи. (...) Хотя в рукописи и встречаются резкие, грубые и злые выражения, свидетельствующие о неуравновешенном состоянии писавшего, но, в сущности, она не прибавляет ничего нового по отношению к противнику и не может особенно повредить его памяти: отношение Гончарова к Тургеневу было — как это Вам, конечно, хорошо известно — предметом обсуждения как в печати, так и в разных докладах, между тем самая рукопись представляется важной не только со стороны чисто биографической, но, главным образом, как весьма ценная характеристика приемов творчества (...)».¹⁰

⁶ Там же. С. 307.

⁷ См.: Лобкарева А. В. К вопросу об истории архива И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 297—298.

⁸ Лит. наследство. Т. 102. С. 308.

⁹ Там же. С. 306. Ответное письмо не сохранилось.

¹⁰ Там же. С. 307.

Рукопись «Необыкновенной истории» была опубликована в 1924 году¹¹ (подготовивший ее Д. И. Абрамович собственно и не нарушил воли писателя — прошло более 25 лет). С этой даты и начинается бытование текста «Необыкновенной истории».

В момент выхода в свет «Необыкновенной истории» о негативном отношении Гончарова к Тургеневу было уже известно из заметок Л. Н. Майкова «Ссора между И. А. Гончаровым и И. С. Тургеневым в 1859 и 1860 годах»,¹² воспоминаний П. В. Анненкова¹³ и книги Б. М. Энгельгардта, недавно вышедшей.¹⁴ Сам публикатор «Необыкновенной истории», повторяя, по сути, неофициальное мнение Радлова, оценивал текст следующим образом: «Написанная крайне резко, грубо и злобно, в явно патологическом состоянии, „Необыкновенная история“, тем не менее, заключает в себе не только ценнейший „человеческий документ“, помогающий несколько разобраться в сложной духовной природе Гончарова, но и дает исключительной важности материал для понимания процесса творчества и литературных мнений писателя, а также его взглядов по разным вопросам общественного и политического характера».¹⁵

Такое мнение публикатора во многом повлияло на восприятие читателей и исследователей «Необыкновенной истории», задавало определенный тон. Текст Гончарова воспринимался именно в «патологическом» его аспекте. Публикация «Необыкновенной истории» вызвала однозначно негативную реакцию по отношению к ее автору. И это понятно: в истории русской литературы подобного прецедента не было.

Известны несколько отзывов в прессе. Так, в короткой рецензии в журнале «Печать и революция» Н. Л. Бродский отмечает, что гончаровский текст представляет отношения писателей «в столь необычном освещении, что психологу, вернее, психопатологу отныне не обойтись без этой поистине „необыкновенной истории“».¹⁶ Рецензент пишет: «Маниакальное состояние Гончарова, больного манией преследования, временами роднит его со многими персонажами Достоевского». «Необыкновенная история» «выдвигает проблему гончаровского творчества, как сложнейшего продукта тяжелой наследственности, индивидуальной душевной аномалии (...). Мне кажется, фрейдистам открыта благодарная почва в изучении Гончарова».¹⁷ В более мягкой форме то же сказано и в библиографическом обзоре журналиста «Русского современника» (за подписью «И. А.»): «Необыкновенная история» «раскрывает перед нами — страница за страницей — всю глубину душевной трагедии. (...) Эта мнительность перешла в душевную болезнь (...). Оригинал „Необыкновенной истории“ является прямым дополнением к недавно вышедшей в „Трудах Пушкинского Дома“ книге Б. М. Энгельгардта о Гончарове и Тургеневе, в которой автор, путем исследования жизни Гончарова, на основании неопубликованных материалов, пытался дать объяснение ссоры двух замечательных русских писателей».¹⁸

¹¹ Гончаров И. А. Необыкновенная история // Сборник Российской публичной библиотеки. Пг., 1924. Т. 2: Материалы и исследования. Вып. 1. С. 7—173.

¹² Русская старина. 1900. Т. 101. № 1. С. 5—23.

¹³ Анненков П. В.: 1) Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым // Вестник Европы. 1885. № 3. С. 39—40; 2) Литературные воспоминания. СПб., 1909.

¹⁴ И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома / С предисловием и прим. Б. М. Энгельгардта. Пг., 1923.

¹⁵ Гончаров И. А. Необыкновенная история. С. 178. Курсив мой. — С. Д.

¹⁶ Печать и революция. 1924. № 1. С. 262.

¹⁷ Там же. С. 263. Поскольку фрейдизм в СССР в 1930-е годы был запрещен, «Необыкновенная история» не успела подвергнуться предсказанному в рецензии Бродского психоаналитическому исследованию.

¹⁸ Русский современник. 1924. № 1. С. 323—324.

В пражской газете в 1924 году была напечатана заметка Н. Коптева. Автор «поражается» «неожиданностью и порой чудовищностью тех фантастических фактов и обвинений, на которые отваживается автор „Обломова“, чтобы в глазах потомства очернить своего противника».¹⁹ Далее приводится ряд наиболее «сенсационных» цитат из текста Гончарова, которые, безусловно, не могут оставить читателей равнодушными. В конце заметки автор называет Гончарова Сальери, кропотливо и медленно идущим этим путем, — при том, что Тургенев по-моцартиански «творил легко и работал плодотворно. Он не всегда вынашивал свои творения, но пульс эпохи в его произведениях бился живее, чем в романах Гончарова, и слава его была прочнее, чем слава его литературного собрата. Гончаров мучительно этой славе завидовал, считая, что она Тургеневу досталась не по праву...»²⁰ Любопытно, что Гончаров в своем тексте обвинял в зависти как раз Тургенева. Этот сюжет найдет отражение в одной из последних по времени работ о «Необыкновенной истории» (см. ниже).

А. Ф. Кони 17 ноября 1924 года выступил в ленинградском Доме ученых с лекцией о «Необыкновенной истории» — сообщение об этом появилось в «Красной газете». «Лекция почетного академика А. Ф. Кони о Гончарове, прочитанная вчера в Доме ученых, неожиданно выросла в чрезвычайно интересные воспоминания о знаменитом писателе, расцвеченные целым рядом ярких деталей, выдержками из бесед, писем и т. п. (...) Анатолий Федорович всесторонне осветил историю необычайной вражды Гончарова к Тургеневу. Об этой вражде красноречиво говорит недавно опубликованная „Необыкновенная история“. На протяжении 12 печатных листов этой книги большой Гончаров всячески поносит Тургенева, не останавливаясь перед такими эпитетами, как „бархатный плут“, „сентиментальный шулер“ и т. п. Тургеневу инкриминируется здесь присвоение литературных замыслов Гончарова, перлюстрация, подслушивание и даже производство тайных обысков у автора „Обломова“. Гончаров утверждает также, что его сюжетами, благодаря Тургеневу, воспользовались Флобер, Золя и Ауэрбах. (...) Анатолий Федорович убедительно доказал, что „Необыкновенная история“ — плод тяжелого болезненного состояния Гончарова. Книга эта не может дать ничего ни исследователю, ни читателю. Она дает только обильный материал для психиатрического диагноза».²¹

Итак, по выходе в свет «Необыкновенной истории» в 1920-е годы формируется устойчивое мнение о «патологичности» этого текста, и это на многие десятилетия делает его неприемлемым для историко-литературного анализа. Наиболее резко это было высказано Б. В. Томашевским: в «Необыкновенной истории» «Гончаров выступает уже как определенный маниак, помещавшийся на том, что всю жизнь все его литературно обкрадывали».²²

Мнение Р. В. Иванова-Разумника в примечаниях к «Обрыву» (1930) осталось незамеченным исследователями: «Весь позднейший рассказ Гончарова в „Необыкновенной истории“, который всеми исследователями считается плодом болезненного воображения и даже душевной болезни Гончарова — вовсе не является таковым».²³

¹⁹ Коптев Н. Новое о Гончарове и Тургеневе // Воля России (Прага). 1924. № 18/19. Цит. по: Мастер русского романа: И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья: Сб. статей и материалов. М., 2012. С. 147.

²⁰ Там же. С. 155.

²¹ А. Ф. Кони о Гончарове // Красная газета (веч. вып.). 1924. 18 нояб. № 263. С. 3.

²² Юров Б. [Томашевский Б. В.] Как работал Гончаров // Литературная учеба. 1931. № 9. С. 114.

²³ Гончаров И. А. Соч.: в 4 т. / Ред. Б. В. Томашевского, К. Халабаева. М., 1930. Т. 4: Обрыв. С. 419.

Публикация Л. С. Утевским в 1935 году черновых заметок Гончарова, где сравниваются «Дача на Рейне» Б. Ауэрбаха и «Обрыв»²⁴ на предмет плагиата, окончательно оформляет означенную репутацию «Необыкновенной истории».

Гончаровский текст практически не попадает в поле зрения исследователей. В 1950 году А. Г. Цейтлин в своей обширной монографии уделил «Необыкновенной истории» две страницы.²⁵ Вслед за своими предшественниками исследователь повторяет, что «мнительность, которую Гончаров считал своим природным и наследственным недугом, превратилась у него в старости в настоящую болезнь», что все «утверждения Гончарова ложны и являются плодом его болезненного воображения и давнего недоброжелательства к Тургеневу».²⁶

В 1952 году в восьмом томе Собрания сочинений писателя в разделе «Автобиографии» из «Необыкновенной истории» «перепечатываются лишь некоторые отрывки, представляющие биографическую ценность или же характеризующие взгляды Гончарова».²⁷ Подобный «выборочный» подход с интересом только к биографическому аспекту текста характерен для рецензии этого времени и ориентирован на оценку первого публикатора, Д. И. Абрамовича (см. выше).

Именно на автобиографические реалии «Необыкновенной истории» ссылаются в своих комментариях публикаторы текстов Гончарова и Тургенева, в том числе и в собраниях сочинений. Биографичность гончаровского текста важна и в работах, посвященных взаимоотношениям двух писателей.²⁸

Мнение о «Необыкновенной истории» меняется много позднее. В 1976 году О. А. Демиховская, еще раз описывая конфликт, публикует два гончаровских «дополнения» к «Необыкновенной истории» под условными редакторскими заголовками, которые даны А. Д. Алексеевым:²⁹ «Сопроводительная записка к рукописи „Необыкновенная история“» и «Дополнение к „Необыкновенной истории“».³⁰ Позднее они будут републикованы в томе «Литературного наследства».³¹ Н. Ф. Буданова высказала следующую гипотезу: «Что касается ⟨Записки⟩ и ⟨Дополнения⟩, то их содержание и даты позволяют предположить, что они в свое время находились в одном конверте с основным текстом „Необыкновенной истории“».³² В свою очередь, позднее нами был сделан вывод, что ⟨«Дополнение к „Необыкновенной истории“»⟩ надо считать продолжением основного текста, поскольку обозначенная в этой рукописи авторская пагинация «54» следует за авторской пагинацией рукописи основного текста (она завершается цифрой «53»)³³.

²⁴ Утевский Л. Вокруг «Обрыва» // Лит. наследство. 1935. Т. 22—24. С. 758—763. Исследователь пишет, что Гончаров «оказывается во власти жестокой мании преследования, схватившей его в тиски» (с. 755) и «приходит к психопатической идее о том, что роман его, в результате махинаций Тургенева, послужил материалом для нескольких иностранных романов» (с. 758).

²⁵ Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950. С. 305—307.

²⁶ Там же. С. 306.

²⁷ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1952. Т. 8. С. 522 (сер. «Библиотека „Огонек“»). Собственно, этим и ограничивался комментарий А. Г. Цейтлина к данной публикации.

²⁸ См., например, главу «Тургенев и Гончаров» в книге А. И. Батюто «Тургенев-романист» (Л., 1972. С. 326—349).

²⁹ См.: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 232, 236.

³⁰ Демиховская О. А. И. А. Гончаров и И. С. Тургенев // И. А. Гончаров: Новые материалы о жизни и творчестве писателя. Ульяновск, 1976. С. 85—98.

³¹ Лит. наследство. Т. 102. С. 280—290.

³² Там же. С. 195.

³³ Денисенко С. В. Из наблюдений над рукописью «Необыкновенной истории» И. А. Гончарова // Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова: Сб. статей. Ульяновск, 2012. С. 304.

Говоря о тексте Гончарова, Демиховская впервые отходит от общепринятого клише о «патологичности» и даже пытается в какой-то мере «оправдать» автора (впрочем, подвергая сомнению «безупречную» репутацию Тургенева). Проблему взаимоотношений писателей, по ее мнению, «нельзя трактовать упрощенно, объясняя болезненным самолюбием, мнительностью, даже завистью И. А. Гончарова к литературным успехам И. С. Тургенева. Необходимо обратить внимание и на взаимоотношения Тургенева с другими двумя великими корифеями русской литературы — Л. Н. Толстым и Ф. М. Достоевским. Другие поводы и причины обусловили 17-летний разрыв Тургенева с Толстым, резко отзывавшимся и относившимся к нему с гневом и ненавистью, иные обстоятельства сопровождали резкое и долговременное расхождение Тургенева с Достоевским, обвинявшим первого в „генеральстве“, в аристократическо-фарисейском отношении, однако само существование этих отношений показывает, что голос Гончарова, обвинявшего Тургенева в неискренности, не был одиноким среди современников. Невозможно, по всей вероятности, преуменьшать значение исповеди „Необыкновенная история“ (...)».³⁴

В 1980 году В. А. Недзвецкий в седьмом томе Собрания сочинений Гончарова печатает текст по первой публикации, опять же с сокращениями, но не столь значительными, как у Цейтлина; гончаровские «дополнения», опубликованные Демиховской, сюда не входят. «Помимо многочисленных повторов, были опущены те, нередко обширные, места, в которых рассказ Гончарова не опирается на сколько-нибудь определенную фактическую основу и представляет в своей значительной части предубеждения, наваянные, по единодушному мнению исследователей, болезненным душевным состоянием писателя. (...) Изъятия не коснулись „печальной летописи“ отношений Гончарова с Тургеневым, побудивших автора „Обрыва“ к написанию „истории“ и положенных в ее основание».³⁵ Комментатор характеризует «Необыкновенную историю» как «ценнейший документ биографического характера, значительно пополняющий наши знания о сложной духовной природе, взглядах, симпатиях и антипатиях одного из крупнейших реалистов минувшего столетия».³⁶ И позднее, в статье 1986 года В. А. Недзвецкий рассматривает конфликт писателей.³⁷ Исследователь, предлагая свой метод, с сожалением констатирует, что в этом вопросе, как и по поводу «Необыкновенной истории», в науке «по сей день господствующим остался подход психологический, или даже психопатологический»³⁸ и даже «появились попытки зайти к событию с другой стороны нравственно-психологических особенностей не Гончарова, а Тургенева»³⁹ (имелись в виду вышеназванная статья О. А. Демиховской и книга Ю. М. Лощица).⁴⁰ Истоки конфликта писателей В. А. Недзвецкий видит в «объективном типологическом средстве романно-

³⁴ Там же. С. 93—94.

³⁵ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 449—450.

³⁶ Там же. С. 458.

³⁷ Недзвецкий В. А. Конфликт И. С. Тургенева и И. А. Гончарова как историко-литературная проблема // Slavica (Debrecen). 1986. Т. XXIII. С. 315—332.

³⁸ Там же. С. 315.

³⁹ Там же. С. 316.

⁴⁰ Лощиц Ю. Гончаров. М., 1977 (сер. «Жизнь замечательных людей»; глава «Не сотвори себе врага»). Автор книги, рассчитанной на широкого читателя, пытается «примирить» двух писателей и «реабилитировать» Гончарова. «Перед нами, — заключает он, — не столько стенограмма душевного недуга писателя Гончарова, как, к сожалению, еще до сих пор судят о „Необыкновенной истории“, сколько диагноз болезней околотитулярной среды, извечно паразитирующей на больших именах. (...) В открытости этой исповеди, в ее постоянной обращенности к голосу и мнению будущего читателя-судьи уже содержится возможность снятия конфликта, не снятого, к сожалению, при жизни его участников» (Там же. С. 237—238).

го мышления и стоящих перед ними задач»⁴¹ и объясняет позицию Гончарова «не мнительностью и не завистью (...), но сознанием своего приоритета в разработке приемов романтической поэтизации».⁴²

В том же году Л. Суханек в статье «Тургенев и Гончаров, или о плагиате»⁴³ предлагает рассматривать факты, изложенные Гончаровым «в двух аспектах: в нелитературном — биографическом и психологическом, и имманентно-литературном — историческом и теоретическом. При первом подходе перед исследователями встает вопрос сальверизма, связанный теснейшим образом с мифом о завидующем Гончарове, который сложился еще при жизни писателя».⁴⁴ Исследователь считает, что «сходство между „Дворянским гнездом” и „Обрывом” можно рассматривать в так называемой филиации, т. е. параллелизма, обусловленного литературными процессами».⁴⁵

Итак, в 1980-е годы намечается поворот в оценке «Необыкновенной истории» и, собственно, определяется историко-литературный подход в анализе текста. Работ, рассматривающих произведение с этой точки зрения, весьма мало, но они свидетельствуют не только о нарастающем интересе ученых-филологов к почти забытому («неудобному» для репутации писателя) тексту Гончарова, но и о способности воспринимать его теперь без эмоций.⁴⁶

В 1994 году Н. Ф. Буданова публикует принципиально важную статью, в которой определяет исследуемый текст как «ценный источник историко-литературного характера, помогающий глубже понять биографию и творчество Гончарова» и отмечает, что «деликатное замалчивание этих трудных отношений (между Гончаровым и Тургеневым. — С. Д.) привело к боязни всяких сближений и сопоставлений» их творчества и «оказало отрицательное воздействие на сравнительно-типологическое изучение двух больших русских писателей».⁴⁷

В том же году была напечатана статья Л. С. Гейро «Судьба Гончарова: Эпизоды и размышления».⁴⁸ Исследовательница обращается «к осмыслению кризиса в отношениях между двумя главными фигурами литературного процесса тех лет».⁴⁹ Для нас принципиально важными представляются приведенные Л. С. Гейро факты, заставившие Гончарова не предавать рукопись огню и завещать ее для обнародования «в случае возникновения порочащих его слухов». «...своеобразные „оправдания” Тургенева появились в печати после его смерти, но при жизни Гончарова и без видимого повода»: ⁵⁰ речь идет, в частности, о заметках Л. Н. Майкова «Иван Сергеевич Тургенев

⁴¹ Недзвецкий В. А. Конфликт И. С. Тургенева и И. А. Гончарова как историко-литературная проблема. С. 321.

⁴² Там же. С. 327.

⁴³ Slavica. 1986. Т. XXIII. С. 305—313.

⁴⁴ Там же. С. 307.

⁴⁵ Там же. С. 310.

⁴⁶ Это подтверждается и докладом Н. Д. Старосельской на Гончаровской конференции в Бамберге в 1991 году, насколько мы можем судить по кратким тезисам. Исследовательница называет «Необыкновенную историю» «художественно-публицистическим документом, в котором по сей день остаются нераскрытыми многие черты творческого процесса, как понимал его И. А. Гончаров»; говорит о том, что текст остается «до сей поры непрочитанным завещанием потомкам» (*Старосельская Н. Д.* «Необыкновенная история»: к хронике творческих взаимоотношений И. А. Гончарова и И. С. Тургенева // Internationale Fachkonferenz «Ivan A. Gontcharov: Leben, Werk und Wirkung». Bamberg, 1991. С. 34).

⁴⁷ Буданова Н. Ф. Гончаров и Тургенев: Проблемы изучения взаимоотношений (по материалам «Необыкновенной истории») // И. А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 180-летию со дня рожд. И. А. Гончарова. С. 38.

⁴⁸ Ivan A. Gontcharov: Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der I. Internationalen Gontcharov-Konferenz. Bamberg, 8—10 October 1991. Köln; Weimar; Wien, 1994. С. 25—44.

⁴⁹ Там же. С. 27.

⁵⁰ Там же. С. 32.

на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г.» (1883).⁵¹ Тургенев в заметках Майкова упоминает о претензиях некоего господина к нему по поводу передачи сущности «еще только предполагаемых произведений» «французским романистам» и произносит: «Да, это полный недуг нервов, совершенная мономания и столь опасная, что она может привести к болезни и катастрофе. Дай Бог, чтобы этого не случилось с таким прекрасным писателем, как ***». ⁵²

На рубеже веков «Необыкновенная история» обретает вторую жизнь.⁵³ Во-первых, текст выходит отдельной книгой со вступительной статьей и с комментариями В. А. Недзвецкого (1999).⁵⁴ Ученый повторяет мысль, выраженную им ранее: конфликт писателей «коренился не в тех или иных личностных свойствах его участников, но в насущной творческой задаче, объективно поставленной перед ними развитием русской литературы. Задача эта — создание романа, который отвечал бы своеобразию русской действительности 50-х годов и духовно-эстетическим потребностям развитого современника». ⁵⁵

Во-вторых, в 2000 году в «Литературном наследстве» (Т. 102) Н. Ф. Буданова публикует «Необыкновенную историю» по рукописи с обширными комментариями.⁵⁶ Исследовательница обозначает подход, практически цитируя написанную ей статью 1994 года (см. выше). Принципиально важным представляется заявление о том, что «вопрос о возможном творческом воздействии Тургенева на Гончарова (также научно вполне правомерный) вообще не ставился в силу причин деликатного характера». ⁵⁷ Н. Ф. Буданова рассматривает типологическую близость центральных женских и мужских образов в творчестве обоих писателей и считает, что «сравнительно-типологическое сопоставление творчества Гончарова и Тургенева представляется нам наиболее плодотворным путем не только для понимания произошедшего между ними конфликта, но и для изучения вопроса о возможном творческом воздействии художников». ⁵⁸

Следует обратить внимание на контекст данного тома «Литературного наследства»: рядом с «Необыкновенной историей», помимо прочих материалов о Гончарове, напечатана статья Л. М. Розенблюм «Душевная драма Гончарова в свете психологических открытий Достоевского («Необыкновенная история»)», ⁵⁹ публикуется неизданная ранее статья М. Ф. Суперанского «Болезнь Гончарова» и материалы к ней.⁶⁰ В подобной подборке редакторов

⁵¹ Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 212—213. Напомним, что именно в этом году Гончаров запечатывает рукопись «Необыкновенной истории» и пишет распорядительную надпись на конверте.

⁵² Там же. С. 213.

⁵³ Об этом свидетельствует, например, следующая публикация: в журнале «Русская словесность», ориентированном на учителей, была напечатана популяризаторская статья А. В. Корнеева «Необыкновенная история о том, как поссорился Иван Александрович с Иваном Сергеевичем» (1997. № 1. С. 93—96). В ней, собственно, пересказывался сюжет «Необыкновенной истории».

⁵⁴ Недзвецкий В. А. «Печальная летопись» И. А. Гончарова // Гончаров И. А. Необыкновенная история. Истинные события. М., 1999. С. 3—23. Текст печатается по первой публикации и снабжен «дополнениями», ставшими известными позднее (см. выше).

⁵⁵ Там же. С. 10.

⁵⁶ Лит. наследство. Т. 102. С. 184—290. «Публикация полного, научно выверенного текста „Необыкновенной истории“ с основными разночтениями и вариантами — насущная задача нашего литературоведения», — пишет публикатор (Там же. С. 185).

⁵⁷ Там же. С. 193.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 308—316. Первый вариант данной статьи см.: Вопросы литературы. 1996. № 3. С. 128—156.

⁶⁰ Лит. наследство. Т. 102. С. 574—638.

тома (С. А. Макашин, Т. Г. Динесман), как может показаться на первый взгляд, отразилась традиционная оценка гончаровского текста как «болезненного», «патологического».

Однако статья Л. М. Розенблюм отражает как раз новый исследовательский подход к «Необыкновенной истории». Автор впервые очень точно оценивает научную рецепцию данного текста: «„Необыкновенная история“ вообще очень мало привлекала внимание как литературное произведение и преимущественно рассматривалась как человеческий, биографический документ», и подчеркивает, что «внимание исследователей по преимуществу сосредоточено на главной проблеме, которая задана самим содержанием исповеди Гончарова: имел ли писатель основания обвинять Тургенева в плагиате?»⁶¹ Насущной задачей современного исследователя, считает автор статьи, представляется изучение «Необыкновенной истории» как *литературного произведения*, «притом, самого крупного произведения Гончарова 1870-х годов и всего позднего периода его творчества».⁶² Л. М. Розенблюм основное внимание в своей работе уделяет рассмотрению общности «Необыкновенной истории» с творчеством Достоевского,⁶³ в первую очередь, с «Двойником». Но нам представляется важным, что исследовательница впервые пытается определить жанр гончаровского текста: «Это — и мемуарный очерк («памятная заметка», по слову Гончарова) с четким определением претензий к сопернику, с прямой апелляцией к читателям будущего, и публицистическое изложение общественных взглядов писателя, более стройное и полное, чем когда-либо прежде, и главным образом — взволнованная исповедь измученной души Гончарова».⁶⁴

Призыв Л. М. Розенблюм рассматривать «Необыкновенную историю» как литературное произведение не остался незамеченным. Работы последнего времени, пусть и немногочисленные, свидетельствуют об этом.

М. Б. Юдина в статье «Четвертый роман И. А. Гончарова»⁶⁵ предполагает, что «поэтика гончаровского текста — система образов, сюжет, композиция, стиль, пространственные отношения — сформировалась под определяющим влиянием гоголевских принципов, сложившись в „скверную, жалкую, грязную историю низкого падения человека“».⁶⁶ «Пушкинские ассоциации, возникающие при изображении начальной стадии конфликта» (т. е. ситуация «Моцарта и Сальери»), по мнению автора, «вытесняются слишком явным присутствием Гоголя в гончаровском тексте. (...) и фактография выглядит не воспроизведением событийной канвы писательских отношений, но переложением известного гоголевского сюжета».⁶⁷

⁶¹ Там же. С. 309.

⁶² Там же. С. 310.

⁶³ «В самом стиле „Необыкновенной истории“, в интонации повествователя (...), есть заметная близость к исповедям героев Достоевского, эмоциональным, нестройным, запальчиво-полюемическим, обращенным к какому-то чужому мнению и в принципе бесконечным, как бесконечны обиды и одиночество» (Там же. С. 324).

⁶⁴ Там же. С. 310.

⁶⁵ И. А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2003. С. 302—310. Автор статьи определяет «Необыкновенную историю» как «документальный источник», как «летопись» и пытается «по-новому оценить место этого произведения в творческом наследии писателя» (с. 302).

⁶⁶ Там же. С. 310.

⁶⁷ Там же. С. 305. Эта же мысль развита в диссертации: Юдина М. Б. «Пушкино-гоголевская» школа в романистике И. А. Гончарова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. С. 11—16 (глава «Образ литературного пространства в творчестве Гончарова 1870-х гг.»). Исследовательница интерпретирует «Необыкновенную историю» как «художественную концепцию литературного столетия, постепенно вызревающую в недрах гончаровской романистики, начиная со „Стариков“. Гоголь является в его романистике как отрицание Пушкина, а Достоевский приходит с „поправкой“ Гоголя» (с. 16).

Е. И. Пинженина в статье «Образ Тургенева в „Необыкновенной истории” И. А. Гончарова: персонафицированный комплекс писателя»⁶⁸ рассматривает героев произведения, Тургенева и Гончарова именно как литературных персонажей. По замечанию исследовательницы, Гончаров «отходит от реального Тургенева и начинает конструировать образ своего „врага”, наделяя его множеством человеческих пороков»,⁶⁹ и пытается за счет разоблачения «врага» утвердиться в собственных достоинствах.⁷⁰ Автор статьи отмечает, что отношение гончароведов и тургенеvedов к «Необыкновенной истории», претерпев некоторую эволюцию, по сути все же остается неизменным. Полагаем, что данная установка не верна, поскольку (как продемонстрировано в тексте настоящей статьи) рецепция «Необыкновенной истории» претерпела как раз не «некоторую эволюцию», а значительную трансформацию: от неприятия текста как «патологического» — к восприятию его как художественного произведения.

Автор этих строк посвятил «Необыкновенной истории» две статьи. Одна из них касается текстологии произведения;⁷¹ в ней сделана попытка доказать, ориентируясь на характер рукописи, что «с текстологической точки зрения — автор рукописи представляется весьма аккуратным и уравновешенным человеком».⁷²

Во второй статье «Прошлое и будущее в сюжете о настоящем: „Необыкновенная история” И. А. Гончарова»⁷³ поднимается вопрос о жанровой принадлежности данного текста, до сих пор так и не определенной. Немногочисленные исследователи и публикаторы практически не озадачивались этим вопросом (за исключением Л. М. Розенблюм — см. выше) в силу нетрадиционности и некоторой сомнительности тематики текста.⁷⁴ По мнению автора статьи, скорее всего, мы имеем дело с многожанровой структурой: это инвектива (обличительная речь) с элементами апологии (защитительная речь) и «завещания» (обращения к потомкам, к «будущему защитнику литературы»)⁷⁵.

Рецепция «Необыкновенной истории» за почти вековой период с года первой публикации, как показывает приведенный материал, весьма изменилась: воспринятый изначально как «патологический» текст душевно больного писателя, он постепенно приобретает статус «художественного произведения» великого Гончарова, его «четвертого романа».

⁶⁸ Спасский вестник. Тула, 2008. Вып. 15. С. 87—94.

⁶⁹ Там же. С. 91.

⁷⁰ Там же. С. 92. Эта же мысль подчеркнута и в другой статье: Пинженина Е. И. «Необыкновенная история» И. А. Гончарова: драма необретенной любви // Материалы XLV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс: Литературоведение». Новосибирск, 2007. С. 26—28.

⁷¹ Денисенко С. В. Из наблюдений над рукописью «Необыкновенной истории» И. А. Гончарова. С. 299—302.

⁷² Там же. С. 302.

⁷³ Настоящее как сюжет: Материалы Международной научной конференции. Тверь, 2013. С. 290—293.

⁷⁴ В. А. Туниманов называет в одной из своих статей «Необыкновенную историю» «памфлетно-литературной исповедью» (Туниманов В. А. Шекспировские мотивы в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений: Избранные статьи. СПб., 2013. С. 451). Думается, ученый имел в виду скорее психоэмоциональную рецепцию, а не жанровую характеристику произведения. Позднее Анри Труайя в эссеистической биографии писателя называет «Необыкновенную историю» «мстительным автобиографическим сочинением» (Труайя А. «Милльон терзаний» Ивана Александровича Гончарова. М., 2012. С. 139).

⁷⁵ Настоящее как сюжет. С. 291. Обращение к терминам, принятым в юриспруденции, относительно гончаровского текста представляется вполне закономерным: писатель с неподдельным интересом наблюдал за деятельностью своего друга юриста А. Ф. Кони.

Еще раз отметим парадокс рецепции: при предвзятости отношения к этому «патологичному» тексту исследователи *всегда* на него ссылались как на достоверный источник. Так, например, в Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева несохранившиеся письма воспроизводятся именно по «Необыкновенной истории». ⁷⁶ Кроме того, подготавливая этот гончаровский текст для Полного собрания сочинений и писем, мы неоднократно убеждались в скрупулезной точности Гончарова: любой факт, приводимый им и, в силу обстоятельств, не раскрытый в примечаниях в публикации «Литературного наследства» (2000), всегда находит документальное подтверждение (незначительные ошибки случаются только в датах, которые Гончаров воспроизводит по памяти).

«Необыкновенная история» очень медленно, но все же входит в научный обиход. Думается, с публикацией данного текста в Полном собрании сочинений и писем писателя предстоит его дальнейшее переосмысление в истории русской литературы.

---

⁷⁶ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1982—2013. Т. 2. С. 370; Т. 3. С. 40—41, 107, 110.

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА

ПИСЬМА Д. С. ЛИХАЧЕВА К ИВ. М. КУДРЯВЦЕВУ*

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © Е. А. ШИНГАРЕВОЙ;
КОММЕНТАРИИ © И. М. СМИРНОВОЙ И © Л. В. СОКОЛОВОЙ)

Иван Михайлович Кудрявцев (1898—1966) — актер Московского Художественного театра, народный артист РСФСР (1948) — родился в семье сельского священника в селе Муравьище Московской губернии, учился в церковно-приходской школе, в училище при Донском монастыре, а затем в московской семинарии в Кремле. Уже с раннего детства имел много интересов: по его словам, он «довольно прилично рисовал», пел в церковном хоре, интересовался русской историей, шахматами. После окончания семинарии учился на историко-филологическом факультете Московского университета, но не окончил его, увлекшись театром. В 1918 году Кудрявцев поступил в драматическую школу М. А. Чехова, а в 1922 году после ее ликвидации перешел в школу при Вахтанговском театре. В 1924 году стал актером Московского Художественного театра, где сыграл значительные роли в ведущих спектаклях театра: Хворостинин («Царь Федор Иоаннович»), Николка («Дни Турбиных»), Мелузов («Таланты и поклонники»), Алеша (1931) и отец Зосима (1960) в «Братьях Карамазовых» и др. Важное место в деятельности актера занимала педагогическая работа: он преподавал в школе-студии МХАТ, в ГИТИСе и Московской консерватории.

С 1918 года и до конца жизни Кудрявцев вел дневник, который является уникальным источником по истории Художественного театра и ценнейшим документом XX века по широкому кругу вопросов, интересовавших автора: драматическое и оперное искусство, литературоведение, древнерусская история.

Иван Михайлович Кудрявцев был большим знатоком литературы, библиофилом, собирателем редких и ценных изданий. С 1930-х годов он увлеченно и глубоко изучал «Слово о полку Игореве», первое издание которого имел в своем книжном собрании. Особенный интерес он проявлял к творчеству А. С. Пушкина, собирал книги, имевшиеся в библиотеке поэта, приобретал раритетные издания, в чем «соревновался» с пушкинистом М. А. Цяловским.

Работая в течение двадцати лет (1937—1956) над «Словом о полку Игореве», Кудрявцев сделал много интересных наблюдений, на основе которых пришел к выводу, что «Слово» имеет новгородское происхождение. По его мнению, это произведение мог написать новгородский тысяцкий Миронег. Некоторые изыскания Кудрявцева были признаны ведущими учеными, прежде всего Д. С. Лихачевым, и вошли в научные комментарии к «Слову». Надо отметить, что Кудрявцев осуществил также ритмический перевод памятника, сохранившийся в трех редакциях (1955, 1958 и 1965 годов).¹

* Выражаем благодарность Музею МХАТ за предоставленные документы из фонда И. М. Кудрявцева.

¹ Кудрявцев И. М. Опыт реконструктивного перевода «Слова» // Музей МХАТ. Ф. 409 (И. М. Кудрявцев). Оп. 1. Ед. хр. 1237 (1955 год), 1238 (1958 год), 1239 (1965 год).

Кудрявцев начал переписку с Д. С. Лихачевым в мае 1947 года. В его личном фонде в Музее МХАТ сохранились черновики 15 писем и 1 телеграмма Дмитрию Сергеевичу (1947—1956). Оригиналы писем Кудрявцева хранятся в фонде Лихачева в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН.² Самое объемное письмо с обоснованием взгляда на возможность установления автора «Слова о полку Игореве» и «с изложением того пути, по которому он шел в своих изысканиях», датируется 17 июля 1947 года. Кудрявцев писал: «Я боюсь, что мои высказывания покажутся Вам слишком смелыми и весь мой тон — ну, несколько нескромным, что ли. Мне бы не хотелось, чтобы у Вас сложилось такое впечатление. Я хотел бы заверить Вас, что все те выводы, к которым я пришел, есть результат мучительных, напряженных поисков и сомнений!»³ В конце письма он просил Лихачева «со всей откровенностью и беспощадностью высказаться по поводу всех тех мыслей», которые он подробно изложил.⁴ В дальнейшем Кудрявцев скрупулезно изучал те замечания и предложения, которые высказал ему Лихачев. Свидетельством тому являются многочисленные пометы на полях и по тексту лихачевских писем, а также выписки из исторической литературы и памятников древнерусской письменности. Некоторые слова в письмах Лихачева Иван Михайлович заключал в рамки синим или красным карандашом, другие — подчеркивал синим, красным или простым карандашом. После большого письма от 17 июля 1947 года Кудрявцев в нескольких письмах сообщал о замеченных им опечатках в этом письме,⁵ а в других — более подробно останавливался на некоторых положениях своей гипотезы.⁶

Помимо своих исследований «Слова о полку Игореве» Кудрявцев рассказывал Дмитрию Сергеевичу при встрече и в нескольких письмах⁷ о своих маленьких открытиях в области пушкиноведения. Об одном из них актер написал в 1937 году в газете МХАТ «Горьковец».⁸ Лихачев содействовал публикации этого материала в пушкинодомском издании.

В дневнике Кудрявцева есть записи о знакомстве с Лихачевым. 11 октября 1947 года он пишет: «Уезжаю в Ленинград (2 спектакля «Талантов»). М(ожет) б(ыть) повидаю Лихачева». 13 октября 1947 года состоялась первая встреча И. М. Кудрявцева с Д. С. Лихачевым в квартире ученого на Лахтинской улице. На следующий день, 14 октября, Кудрявцев записал в дневнике: «Познакомился с Лихачевым, который оказался не седеньким маленьким желчным старичком, которого я ожидал встретить, а совсем молодым человеком (1906 года рож(дения)) приятной наружности. Я чуть ли даже не обиделся. Впрочем, он оказался милейшим человеком. Подарил мне свою книжку о Новгороде и статью о Шахматове. Милая жена — Зинаида Александровна, две девочки — близнецы, Вера и Людмилочка. Позавидовал я его книгам — у него полный комплект летописей. Роскошное фототипическое издание Радзивилловской летописи и т. д.»⁹

В одном из писем Кудрявцев предложил Лихачеву совместное написание работы о «Слове о полку Игореве»: «Я все больше и больше прихожу вот

² ИРЛИ. Ф. 769. Фонд не обработан полностью, поэтому указать номера, под которыми хранятся в нем письма И. М. Кудрявцева, невозможно.

³ Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 1228. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 54.

⁵ См. черновики писем от 22 июля, 2 и 10 августа 1947 года: Там же. Ед. хр. 100, 101, 105.

⁶ См. письма от 5, 7, 9 (не отправлено), 26 (не отправлено), 27 и 31 августа 1947 года: Там же. Ед. хр. 102, 104, 106, 109.

⁷ См. письма от 18 и 28 октября, 23 ноября 1947 года: Там же. Ед. хр. 110—112.

⁸ См. об этом прим. 1 к п. 4 настоящей публикации.

⁹ Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 1564. Сохранилась и другая запись Кудрявцева о личном знакомстве с ученым, в которой он коротко записал, о чем говорил с Лихачевым во время этой встречи. См.: Там же. Ед. хр. 110/1. Л. 1—1 об.

к какому соображению: *одному мне всего этого не поднять*. Как жаль, что Вы только допускаете возможность существования научного взгляда на новгородское происхождение „Слова о полку Игореве”, а сами в это не верите. Если бы Вы пришли к такому убеждению, я предложил бы Вам содружество, некий „альянс”: *И. М. Кудрявцев и Д. С. Лихачев*. „О новгородском происхождении «Сл(ова) о п(олку) Иг(ореве)»”.

Честное слово, я не шучу. Может быть, это в науке не принято, но в нашем деле содружество часто приносит великолепные результаты. Вспомнить хотя бы моих учителей — К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

Если Вас это не устраивает, то не согласитесь ли Вы быть моим издателем? Тогда Вы просто должны будете мне диктовать, что я должен делать. Поймите меня, ведь я не печатался никогда и совершенно не знаю, как это делается. И что самое главное: я катастрофически занят. Вот я сейчас печатаю это письмо потому, что запаздывает машина, которая должна отвезти меня на спектакль, иначе я не мог бы и этого сделать”.¹⁰

Лихачев с большим уважением относился к занятиям Кудрявцева древнерусской литературой, проявил большое внимание к его наблюдениям. Особенно заинтересовали ученого найденные Кудрявцевым в Софийской I летописи известия о том, что Изяслав Ярославич был захоронен в Святой Софии в Киеве, что совпадало с сообщением «Слова о полку Игореве» (в «Повести временных лет» местом захоронения Изяслава названа Десятинная церковь). Лихачев предложил Кудрявцеву опубликовать заметку на эту тему в «Трудах Отдела древнерусской литературы», и в конце ноября — начале декабря 1947 года Иван Михайлович прислал статью «„Слово о полку Игореве” как памятник культуры Новгорода Великого»,¹¹ которая затем была кардинально переработана при живейшем участии Дмитрия Сергеевича и опубликована в «Трудах» под названием «Заметка к тексту „С той же Каялы Святоплъкъ...” в „Слове о полку Игореве”». ¹²

Деловые отношения Кудрявцева и Лихачева вскоре после начала переписки стали дружескими. Летом 1949 года Лихачев и его семья отдыхали под Ригой, в Асари, туда из Дзинтари Кудрявцев приезжал с женой Маргаритой Владимировной (1911—1973) и дочерьми, которые были одного возраста с дочерьми Лихачева. Кудрявцев сохранил записки от Дмитрия Сергеевича за это лето, например: «Дорогой Иван Михайлович! Заходил — напрасно. Иду искать Вас всех на море. Привет! Лихачев». ¹³ С этого времени обращение «глубокоуважаемый» заменяется в письмах Лихачева на «дорогой».

Публикуется 21 письмо Д. С. Лихачева к И. М. Кудрявцеву (15 мая 1947 — 29 ноября 1956). См.: Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 443, 444, 445/1, 446—453, 462—464, 466, 467, 469, 470, 472, 476, 477. Многие письма напечатаны на машинке, в том числе и двухцветной лентой.

Авторские пометы, сделанные в публикуемых письмах Лихачева (подчеркивания, выделения цветом) и в письмах Кудрявцева (цитируемых в комментариях), воспроизведены в публикации курсивом. Выделения текста, сделанные на письмах Лихачева Кудрявцевым, отмечены подчеркиванием. В случаях, когда текст выделен и автором письма, и Кудрявцевым, он набран курсивом и подчеркнут. Записи Кудрявцева на полях и между строк писем Лихачева приведены в примечаниях.

¹⁰ Черновик письма от 28 октября 1947 года: Там же. Ед. хр. 111/1. Л. 2.

¹¹ См. п. 6 настоящей публикации.

¹² ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 407—409.

¹³ Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 460.

1

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

С удовольствием помогу Вам, чем могу.¹ Боюсь только, что помощь моя Вас разочарует — все эти вопросы сложные, а др(евне)русская литература очень мало изучена. Различия между «специалистом» по древнерусской литературе и просто интересующимся ею очень невелико.

Мой адрес: Ленинград, 136, Лахтинская, 9, кв. 12. Лихачев Дмитрий Сергеевич.

На днях я переезжаю на дачу: Сестрорецк, Полевая ул., дом 13.

Привет! Д. Лихачев
15. V. 47

¹ Это письмо Д. С. Лихачева является ответом на первое письмо к нему И. М. Кудрявцева, в фонде которого сохранился черновик письма:

«Многоуважаемый
тов(арищ) Лихачев!

Обращаюсь к Вам вот по какому поводу. После десятилетней работы над „Словом о полку Игореве“ я пришел к выводу, что биография его автора может быть восстановлена. Конечно, сейчас это имеет характер гипотезы, для целого ряда положений нужны документальные подтверждения, но мне кажется, что я „напал на верный след“. Я не принадлежу к людям науки, и мне нужна помощь научного деятеля. После того, как я прочел книгу Приселкова „История русского летописания XI—XV вв.“, я написал в Ленингр(адский) университет на его имя. Мне вернули мое письмо с извещением, что Приселкова уже нет в живых.

Теперь вышла Ваша книга „Русские летописи и их культурно-историческое значение“.

Книга эта сейчас передо мной, и для меня несомненно, что Вы — тот человек, к которому я должен обращаться (...» (Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 98).

Упомянутая в письме книга Михаила Дмитриевича Приселкова (1881—1941), историка, исследователя древнерусского летописания, в 1936—1941 годах профессора ЛГУ, вышла в свет в 1940 году, а исследование Лихачева о русском летописании — в 1947 году.

2

Глубокоуважаемый Иван Михайлович! Сегодня получил Ваше большое письмо и принимаюсь за его чтение. Напишу Вам через неделю-полторы.

Поздравляю Вас с получением Сталинской премии:¹ узнал об этом в свое время с приятным чувством.

Привет! Д. Лихачев
28. VII. 47

¹ И. М. Кудрявцев получил Сталинскую премию первой степени (1947) за роль лейтенанта Федорова в пьесе Б. Ф. Чирскова «Победители».

3

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Простите, что не сразу Вам ответил: надо было кончить одну срочную работу, к тому же и хворал. И в этом письме не смогу ответить Вам так, как бы хотел — я на даче и под рукой нет самых необходимых книг (нет, напр(имер), летописей, чтобы просмотреть Ваши построения «в тексте»). С нетерпением жду, когда смогу изучить Ваше письмо, пользуясь всеми необходимыми для того книгами.

В Вашем письме меня приятно поразили прекрасное знание летописей и настоящее историческое воображение. И то и другое — редкость даже среди

профессиональных историков. Чувствуется настоящая любовь к русскому прошлому, любовь, обходящаяся без громких фраз и питающая самый исторический интерес. Я представляю себе совершенно ясно, сколько напряженного внимания потребовалось Вам, чтобы доискаться до всех Ваших выводов. Ваша работа вся родилась на основе настоящего увлечения «Словом». Вы увлечены и Вашими выводами, самым методом Вашей работы. Вот почему мне очень неприятно подрывать в Вас это увлечение некоторыми сомнениями. В Вашей работе множество серьезных наблюдений (верных, свежих, намечающих новые открытия), но основной Ваш тезис не доказан: автор «Слова» еще не найден. Ваша гипотеза не только не хуже многих других (И. Новикова,¹ А. Югова² и пр.), но даже более обоснована, более, я бы сказал, остроумна. Однако те гипотезы совсем несостоятельны («вилами на воде писаны»), и поэтому на долю Вашей гипотезы — более обоснованной — приходится все же слишком много еще «необоснованности». В самом деле, постарайтесь взглянуть на Вашу гипотезу не глазами автора, а со стороны — какое обилие всяческих недоказанных допущений лежит в ее основе: если отождествить того-то и того-то, если допустить неправильное, искаженное написание там-то и там-то и т. д. Ведь с каждым новым допущением «проблематичность» увеличивается в геометрической прогрессии. Обычная научная гипотеза имеет в своей основе либо одно, либо (максимум) два допущения, у Вас же их гораздо больше, и при этом допущения эти все довольно однообразны (напр(имер), отождествление имен). Однообразие же Ваших допущений к тому же нехорошо действует на «психологию» читателя, заставляя его сразу против Вас настораживаться.

Я, однако, совсем не хочу Вас расхолаживать в Ваших поисках. Мне хотелось бы только Ваши поиски направить по другому направлению, где Вами уже сделаны интересные наблюдения. Найти автора «Слова» — это дело безнадежное, да в научном отношении не такое уж и важное. Важнее установить, где создано «Слово», чем кем. Важнее разгадать обстоятельства создания «Слова», раскрыть некоторые его темные места, неясные упоминания, наконец, доказать его подлинность (чтобы решительным жестом «утереть нос» бессовестному «французику из Бордо» Мазону³), чем узнать имя автора, как бы это последнее ни было приятно.⁴

Перехожу к некоторым замечаниям по порядку Вашего письма. Ваше предположение о новгородском происхождении «Слова» очень важно, интересно и вероподобно. Хотя я и не убежден в нем, но готов допустить возможность такого рода научного взгляда. Я бы считал, что эту часть Вашей гипотезы следовало бы развить, обосновать дополнительными соображениями и опубликовать. М. Д. Приселков, толкуя известное место «Слова» о похоронах отца Святополка в св. Софии в Киеве, только предположил (в «Ист(ории) р(усского) лет(описания)») о том, что об этом читалось *так* в черниговском летописании,⁵ а Вы *нашли* это в летописях новгородских.⁶ Дополнительную опору Вашим соображениям Вы могли бы получить, если бы проверили лексику «Слова». Например, слово «мысию» в значении «белкою» — новгородско-псковское (правда — это конъектура),⁷ «зегзица» — «кукушка» — новг(ородско)-псковское слово.⁸ Кажется, и денежный счет в «Слове» — новгородский (следовало бы это тщательно проверить).⁹ Автор «Слова» связывает Новгород с Ярославом¹⁰ — так связывали свой город только сами новгородцы.¹¹ В «Слове» упоминаются Дудутки — мелкая топографическая особенность.¹² Что Всеслав дал битву новгородцам на Дудутках, могло быть известно только лицу, бывавшему в Новгороде и знакомому с топографией Новгорода. В летописях же это сражение с Всеславом отмечено как сражение на Коземли (Гзени).¹³ В ближайшем выпуске «Трудов Отде-

ла древнерусской литературы» (V) я публикую статью,¹⁴ где, между прочим, доказываю, что в одном сборнике со «Словом» находилась Первая Новгородская летопись *младшего извода* и что в этом младшем изводе изобразилось «Слово» — под 1232 г., где к имени героя новгородско-псковской смуты Вячеслава¹⁵ прибавлено ироническое отчество «Гориславич»¹⁶ (посм(отрите) в изд(ании) 1888 г.¹⁷). Одним словом, Вам, я думаю, можно найти и еще материал для этой части Вашей гипотезы. Лексику «Слова» легко сейчас проверить по картотеке «Словаря древнерусского языка» Института русского языка АН СССР в Ленинграде (Тучкова наб., 2).¹⁸ Там несколько миллионов карточек, картотека превосходная. Если Вы то или иное слово найдете в этой картотеке только в новгородских памятниках, то Вы можете быть спокойны, что оно ни в каких других памятниках не встречается. Эта картотека — целый клад для Вас. Там же Вы сможете проверить и денежный счет. На неделю приехав в Ленинград, Вы проверите все основные слова «Слова» — всего следует проверить слов 20—30 (только редкие) — и, может быть, подтвердите свои выводы. Только косностью наших научных работников можно объяснить то, что они до сих пор мало пользуются этой картотекой — в ней заложена возможность больших открытий в самых различных областях изучения древней Руси.

Ваше предположение о надстрочном «ти» правомерно.¹⁹ Не стоило приводить столько примеров: это вещь обычная, частая. Ваше же сопоставление с некоторыми фразами из новгородского (Иконописного) подлинника²⁰ совершенно неубедительно. Уберите из работы его вовсе и забудьте. Так внешне сопоставлять отдельные места нельзя: места эти абсолютно различны по функциям;²¹ случайных же совпадений в построении фраз можно набрать сколько угодно — ими не пользуйтесь. Приводимые же Вами фразы диаметрально противоположны по выполняемым функциям в диаметрально противоположных по характеру произведениях.

Готский двор в Новгороде — мало вероятен: половцы скорее связаны с крымскими и азовскими готами.²²

Приводимые Вами на стр. 9 сопоставления — все в пределах обычных, повторяющихся шаблонных формул воинских повестей и совершенно не свидетельствуют об общей «школе» со «Словом»²³ (о традиционных формулах воинских повестей см. работу А. С. Орлова: «Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.)», М., 1902). Подобного рода примеров в др(евне)р(усской) литературе Вы могли бы набрать буквально сотни.

Для сопоставления имен пользовались ли Вы «Словарем древнерусских собственных имен» Тупикова?²⁴ Я по приезде в город проверю все приводимые Вами имена по нему.

В библейской характеристике Веселеила нет ничего о том, что он был живописец или иконописец.²⁵ «Художества» по-др(евне)русски означает различные ремесла²⁶ — в том числе зодчество, каменосечное дело и т. д. — боюсь, что к ремеслу иконописцев этот термин применялся крайне редко — может быть, и вовсе не применялся.²⁷

Позднейшие вставки в летописи и в «Сказании»²⁸ на основании литер(атурных) произведений возможны. Это сложное место Вашей работы хотел бы проверить по текстам. Возможно, что Вы правы, и тогда эта часть Вашей работы могла бы быть опубликована в качестве отдельного этюда.²⁹ Вообще все, что Вы пишете о «Сказании», очень интересно. Вам мешает только погоня за автором «Слова о полку Игореве». Если бы Вы отказались от его поисков, то Вы бы развязали себе руки. Я готов даже допустить, что автором вставок в «Сказании» был Миронег новгородский.³⁰

Связывать отчество «Нездинич» и имя «Незда» с галицкой рекой Нездой³¹ не следует, так как в Новгороде это имя встречается неоднократно.³² Вообще, все галицкое ответвление Ваших соображений и те отождествления, которые Вы делаете в этом направлении, очень неубедительны и, по существу, Вам не нужны. Ваше предположение, что «Жирослав» — ироническое прозвище³³ — остроумно. Остроумна и Ваша догадка о споре этого Жирослава со своим противником-летописцем. Но отождествление этого Жирослава с Мирославом — автором «Слова», автором вставок в «Сказание» выглядит очень неубедительно.³⁴

Раскопки в Юрьевом монастыре³⁵ производил М. К. Каргер.³⁶ Он варварски обошелся с погребениями (до сих пор могилы стоят раскрытыми, разломанными, засоренными). Каргера за его действия в Юрьевском монастыре даже судили. Отчет об этих раскопках появился только в 1946 г. («Советская археология», т. VIII, 1946, о погребениях — стр. 220).

Догадка об иконах-досках интересна,³⁷ однако, в XII в. иконы (особенно только что сделанные, — не почитаемые) драгоценностями не украшались.³⁸ Украшались драгоценностями крайне немногие иконы (вроде Владимирской) — чудотворные. Оклады — явление очень позднее.³⁹ Светское письмо на досках совершенно неизвестно (только фрески — на лестнице Киевской Софии).⁴⁰ Совершенно невероятно предположение, что Мирошка был иконописец. Посадник, тысяцкий — это лица светские по всему духу своей деятельности.⁴¹ Между тем иконописание требовало почти подвижнической жизни. Писание икон, особенно в XII в., когда эта работа не превратилась еще в обычное ремесло, было «подвигом», иконописец, прежде чем приняться за письмо, постился, совершал молитвенные правила и т. д. Иконниками были люди, посвятившие себя Богу,⁴² жившие либо при владычьем дворе в Новгороде (см. Грекова «Новгородский Дом св[ятой] Софии»),⁴³ либо при монастырях. Иконники — по большей части до XVI в. чернецы (Рублев, Дионисий, Алимпий⁴⁴ и пр.). Кроме того, до XVI в. иконник писал иконы крайне медленно — месяцами, годами. Только после того, как это занятие профессионализировалось, оно убыстрилось, и, соответственно, пало это искусство. Поэтому, если бы у Мирошки нашли доски с письмом (незаконченным) его работы, то этих досок было бы очень мало (3—5).⁴⁵ Мало вероятно, чтобы Всеволод⁴⁶ заказывал иконы в Новгороде (во Владимире определились уже к этому времени свои вкусы в живописи и в зодчестве, резко отличные от новгородских);⁴⁷ существовала и своя школа иконописи. О влад[имирской] школе см. сб[орник] «Вопросы реставрации», I и II. Статьи Грабаря о Рублеве и Анисимова о домонг[ольской] живописи.⁴⁸

Догадка о Верхуслане⁴⁹ как соавторе Моисея⁵⁰ в составлении летописной статьи 1199—1200 г. очень интересна, однако погоня за автором «Слова» помешала Вам подробнее остановиться на этой теме.

Ваша попытка истолковать отчество «Молович» как имеющее значение «сын сказителя» — слаба.⁵¹ Она грешит против духа др[евне]р[усского] языка. Ничего схожего Вы в древнерусском не найдете. Если бы Вы имели возможность пользоваться карточкой «Словаря др[евне]р[усского] языка», Вы тотчас бы оставили эту Вашу гипотезу. От «Молвы»⁵² нельзя образовать «Молович», да и слово «молва» никак не может означать «сказителя»!

Двойное имя Борис-Роман возможно,⁵³ но 1) следовало бы доказать, что княжеский обычай давать два имени — светское и христианское — существовал также и в среде посадников-тысяцких,⁵⁴ 2) следовало бы показать, что в конце XII в. имя Борис воспринималось еще как светское и 3) следовало бы показать (все это на двух-трех примерах), что существовал обычай спротождать имя Бориса именем Романа. Ведь, в самом деле, как себе конкретно

представить это двойное название ребенка? Мальчика обычно называли в честь деда — по языческому (светскому) имени деда — и этим именем не крестили, а крестили христианским именем — в честь того святого, в день которого мальчик родился. Как же здесь с Борисом-Романом? Неужели его крестили, скажем, Романом, а Борисом в честь деда? Или наоборот?

Ваше предположение о перестановке листа в протографе Ипатьевской летописи очень интересно.⁵⁵ Это опять-таки тема отдельного этюда, закончить который Вам помешал призрак автора «Слова». Такие перестановки сплошь и рядом в летописи. Случилась такая перестановка и в самом «Слове».⁵⁶ Вы могли бы привести конкретные примеры таких перестановок, например: путаница 1206—1204/5 гг. в Радзивилловском списке и Московско-академическом.⁵⁷ Допускает ли только эту перестановку текст Лаврентьевской летописи? — и по ходу событий, и по истории текста (рассказ Лаврентьевской и рассказ Ипатьевской — оба имеют в основе частично летопись Переяславля Русского). К сожалению, у меня нет здесь под рукой летописей, чтобы это проверить.⁵⁸

Мне крайне было бы неприятно, если бы мои некоторые сомнения расхолодили Вас в Ваших поисках. Наоборот, мне хочется побудить Вас к продолжению работы. Ваша любовь к летописи, Ваше знание летописи очень ценны и приводят Вас к очень интересным наблюдениям, многие из которых в виде небольших заметок можно было бы опубликовать в «Трудах ОДРЛ» или в каких-либо историчес(еских) журналах и сборниках. Я готов содействовать Вам в этом направлении. Я думаю, Вам, получившему полное признание в своей области, было бы приятно видеть признание своих трудов в области, соседней Вашему основному творчеству. Нам всем Ваши труды были бы только полезны. Ведь людей, по-настоящему занимающихся древностями, очень мало.

В то время, пока я отстукивал на машинке это письмо, почтальон принес Ваше письмо. Наша переписка превращается прямо-таки в беседу!

Меня очень обрадовала Ваша высокая оценка моей книжки.⁵⁹ Меня также очень обрадовало и Ваше желание посетить Новгород.⁶⁰ Новгород я люблю, как родной. Моя первая книжка была посвящена Новгороду. Если она Вам попадется — прочтите («Новгород Великий», Л., 1945). (...) ⁶¹непоправимо. Нет Вологова, нет Нередицы, нет Михайло-Сковородских росписей и многого другого.⁶² Фрески продолжают разрушаться (многие еще под открытым небом), поэтому спешите посмотреть хоть то, что есть. Имейте в виду, что в Новгороде очень трудно найти ночевку. Постарайтесь заручиться письмом в Горсовет или в Управление новгородских музеев.

С интересом буду ждать Ваших других работ. По поводу этой Вашей работы я Вам еще буду писать, когда перееду в город!

Для меня было очень приятно познакомиться с Вашей работой и через нее отчасти с Вами. Я искренне рад встретить в Вас такую любовь к старой русской письменности и такое глубокое, прочувствованное с ней знакомство. Я надеюсь, что мне удастся помочь Вам опубликовать Ваши работы. Автор «Слова о полку Игореве» уже тем хорош, что вывел Вас на дорогу целого ряда наблюдений, но дальше Вы за ним не идите.

Искренне к Вам и Вашим трудам расположенный

Д. Лихачев
10. VIII. 47

У меня прескверный почерк — поэтому извините, что пишу Вам на машинке.

¹ И. А. Новиков полагал, что «Слова о полку Игореве» было написано участником похода Игоря в плену, наиболее возможным автором произведения он считал упоминаемого в Ипатьевской летописи сына тысяцкого. По его мнению, этот, нигде не названный по имени, сын тысяцкого был сыном Рагуила, и «премудрый книжник Тимофей» есть не кто иной, как упомянутый сын Рагуила. Таким образом, автор «Слова», по Новикову, Тимофей Рагуилов (см.: *Новиков И. А.* 1) «Слова о полку Игореве» и его автор. М., 1938; 2) Сын тысяцкого: Повесть об авторе «Слова о полку Игореве» // *Новый мир.* 1938. № 5. С. 113—140).

² А. К. Югов был сторонником галицко-волынского происхождения «Слова» и высказал предположение о том, что его автором был «словутный певец Митуса», чье имя названо под 1241 годом в Галицко-Волынской летописи (см.: *Югов А.* Исторические разыскания об авторе «Слова о полку Игореве» // *Слова о полку Игореве* / Пер. и комм. А. Югова, вступ. статьи Б. Д. Грекова и А. С. Орлова. М., 1945. С. 171—179).

³ Мазон Андре (1881—1967) — французский филолог-славист, один из основателей славистического журнала «Revue des études slaves». В статьях, печатавшихся начиная с 1938 года на страницах основанного им журнала и объединенных впоследствии в книгу «Le Slovo d'Igor» (1940), он доказывал, что «Слова» было создано в окружении А. И. Мусина-Пушкина (или им самим) в конце XVIII века, утверждал, что в «Слове» обнаруживаются «модернизмы», «художественные штампы», извлеченные из памятников литературы нового времени. А. Мазон предлагал рассматривать «Слова» как подражание «Задонщине». Источниками «Слова» помимо «Задонщины» Мазон считал некоторые из русских летописей, изданных уже к концу XVIII века, а также труды историков В. Н. Татищева и М. М. Щербатова. Согласно Мазону, целью создания «Слова» было желание откликнуться на завоевательную позицию Екатерины II в Причерноморье. Позднее Мазон называл автором «Слова» Н. Н. Бантыш-Каменского, а в работе 1963 года — Иоила Быковского.

⁴ Слева на полях помета Кудрявцева: «То, что мог, — сделал».

⁵ Речь идет о толковании М. Д. Приселковым фразы «Слова» о том, что сын киевского князя Изяслава Святополк перевез в Киев тело отца, убитого в 1078 году в сражении на Нежатиной ниве, и похоронил его в соборе Святой Софии («Съ тоя же Каалы Святоплкъ повелья отца своего между угорскими иноходьцы ко святѣи Софїи къ Киеву»). Это известие в «Слове» считалось либо ошибочным, либо относящимся не к отцу Святополка — Изяславу Ярославичу (сыну Ярослава Мудрого), а к его тестю — половецкому князю Тугоркану, убитому под Переяславлем в 1096 году. Приселков предположил, что автор «Слова» пользовался не «Повестью временных лет» в известных списках, где местом погребения Изяслава называется Десятинная церковь, а каким-то неизвестным источником, скорее всего, черниговской летописью отца Игоря Святославовича — Святослава Ольговича. Поэтому автор «Слова» изложил факт погребения «в своем собственном толковании на черниговский лад: все князья Чернигова хоронились в главной церкви Чернигова, и отца хоронил старший сын; поэтому он заставляет Святополка погребать Изяслава в Софии, главной церкви Киева, не зная, что в Киеве во всех князей хоронили в главной церкви» (см.: *Приселков М. Д.* История русского летописания. М., 1941. С. 52).

⁶ Кудрявцев обнаружил, что сообщение о похоронах Изяслава именно в Святой Софии содержится в Софийской I летописи (под 1079 годом) и Новгородской V (под 1078 годом), что и побудило его сделать вывод о том, что автор «Слова» был новгородцем. «Должен признаться, — пишет Кудрявцев в черновике письма от 17 июля 1947 года, — что я долгое время не мог поверить этому. (До сих пор я вместе с большинством считал, что автором «Слова» был кто-то из дружины Святослава или Игоря) (...) Смущало то обстоятельство, что идеология „Слова“, определенно выраженная в призыве к объединению русских князей, была так далека от идеологии новгородцев, стремившихся во что бы то ни стало сохранить свою самостоятельность. Оставалось одно: считать, что среди новгородцев XII века был кто-то, думавший иначе, чем его сограждане» (Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 1228. Л. 5).

⁷ Слева на полях помета Кудрявцева: «Мысию. Конъектура. Догадка». Конъектура (от лат. *conjectura* — догадка, предположение) — здесь: исправление или восстановление испорченного текста на основании догадки.

⁸ В Послании Даниила Заточника и в «Задонщине» кукушка названа «зогзицей». Слово зегзица/зогзица нет оснований считать сугубо новгородско-псковским, исследователи реконструируют общеславянскую форму этого слова. См.: Зегзица // *Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»*. Л., 1967. Вып. 2. С. 121—122. См. также: *Белоброва О. А.* Зегзица // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*: В 5 т. СПб., 1995. Т. 2. С. 220—221.

⁹ В записке Кудрявцева, приложенной к этому письму, читаем текст, относящийся к данному фрагменту: «Денежный счет в „Слове“ тот же, что в „Русской Правде“. С. П. Обнорский считает протограф, к которому восходят акад(емический) и археограф(ический) списки краткой редакции „Русск(ой) правды“, — новгородским по своему происхождению («Очерки по ист(ории) рус(ского) лит(ературного) яз(ыка) ст(аршего) пер(иода)», (М.; Л., 1946), стр. 30). В краткой „Правде“ встречается „резана“ (не встречающаяся в пространной «Правде»). Проверить — в документах каких городов и местности еще встречается „резана“ («ногата» есть и в краткой) «Правде», и в про(странной)). «Ногата» есть и в Псков(ской) лет(описи)» (Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 445/2). В «Слове» упоминаются три денежные единицы Древней

Руси — «резана», «ногата» и «бела». «Резана» была более мелкой денежной единицей сравнительно с «ногатой»: одна «ногата» равнялась по стоимости 2 ½ «резанам». Упоминание «резаны» как денежной монеты встречается в новгородских берестяных грамотах. В 1985 году Лихачев в статье «Новгородские черты в „Слове о полку Игореве“» писал, что «в упоминаемых в „Слове“ „ногате“, „резани“ и „бели“ важны те устойчивые литературные формулы, в составе которых они фигурируют, а не их реальность в денежном обращении. Впрочем, сами формулы с участием упоминаемых в них денежных единиц могли сохраниться только в той стране, где они существовали когда-то, — в данном случае на Новгородском севере» (Лихачев Д. С. Новгородские черты в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 510).

¹⁰ Слева на полях помета Кудрявцева: «Отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу».

¹¹ Речь идет о толковании фразы «отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу». По мнению Лихачева, здесь имеется в виду Ярослав Мудрый, князь киевский, с чьим именем традиционно связывались новгородские волности. «Это представление о Ярославе автор „Слова“ не мог почерпнуть из „Повести временных лет“, — оно взято им из народных представлений, при этом по преимуществу новгородских» (Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 11). Скорее, однако, речь здесь идет о том, что Всеслав Полоцкий, напав в 1067 году на Новгород («отворив» его «врата»), отомстил Ярославу за поражение своего отца Брячислава, который после нападения в 1021 году на Новгород был разбит на обратном пути Ярославом (тем самым Всеслав «расшиб» славу Ярослава как победителя полоцкого князя). Поэтому вряд ли можно говорить о том, что эта фраза принадлежит автору-новгородцу.

¹² Долгое время считалось, что во фразе о полоцком князе Всеславе Брячиславиче речь идет о местности под наименованием «Дудутки»: «сючи влькомъ до Немиге съ Дудуток». В. Г. Анастасевич связывал с Дудутками место близ Пскова, В. В. Капнист — около Минска на реке Птичи, И. Д. Беляев — селение Дудичи в верховьях Немана. Но большинство ученых придерживалось точки зрения, что Дудутки — это название местности около Новгорода, где якобы существовал монастырь на Дудутках, хотя в исторической литературе такого географического названия не обнаружено (см.: Салмина М. А. Дудутки // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. С. 145—147). Судя по содержанию письма, эту гипотезу в 1940-е годы поддерживал и Лихачев. Позднее он склонялся к версии М. А. Салминой, предложившей раздельное написание Дудуток — «съ дуду. Токъ» и иное смысловое его наполнение: речь идет о «молотбе на току», а «дуда» — заимствованное из польской лексики слово «олух», «простак», встречающееся и в древнерусском источнике XVI века. Лихачев предлагал видеть в слове «дуду» скомороха или певца (см.: Лихачев Д. С. Скоморох Всеслава и ток на Немиге // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 138—140). В настоящее время более обоснованной считается версия Р. О. Якобсона, который еще в 1950-е годы предложил «съ Дудутокъ» Первого издания «Слова» читать как «съду токъ», предполагая диттографию (ошибочное повторение слога) переписчика, что подтверждается «появлением метафорического „на тоць“ в том же стихе и наличием боевой формулы „дуть ток“ в устной эпической традиции восточных славян» (Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 106).

¹³ В письме спутаны два события. Сражение Всеслава с новгородцами на Коземли («на Къземли») относится не к 1067, а к октябрю 1069 года, когда изгнанный сначала из Киева, а потом и из родного Полоцка, Всеслав 23 октября 1069 года попытался захватить Новгород. Новгородцы же, как сообщает Новгородская I летопись, «поставиша пълк противу их у Зверинця на Къземли, и пособи Бог Глебу князю с новгородци...» (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 17).

¹⁴ См.: Лихачев Д. С. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 139—141.

¹⁵ Слева на полях помета Кудрявцева: «Я отказался от упом(инания) его». Вячеслав упомянут в Новгородской I летописи. В 1232 году в отсутствие в Новгороде князя Ярослава (отца Александра Невского), воевавшего в Черниговском княжестве, псковичи и явившиеся в Псков новгородцы — противники Ярослава — схватили ярославова наместника в Пскове Вячеслава и заключили его в оковы. Ярослав вынудил псковичей выпустить Вячеслава, но вражда Новгорода и Пскова продолжалась до зимы. В младшем изводе Новгородской I летописи Вячеслав наделен отчеством «Гориславлич» (Полн. собр. русских летописей. М., 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 280—281).

¹⁶ В «Слове» прозвищем «Гориславлич» наделен Олег Святославич, князь черниговский (ум. 1115), родоначальник князей Ольговичей. В литературе к прозвищу Олега — «Гориславлич» приводились две параллели: одна в Лаврентьевской летописи под 1228 годом как прозвище полоцкого княжны Рогнеды — «Горислава», другая в «Молении Даниила Заточника»: «Кому ти есть Переяславль, а мне Гориславль». Лихачев в упоминаемой в письме статье указал, что это «отчество» встречается также и в Новгородской I летописи младшего извода (Богуслав Гориславлич под 1229 годом, Вячеслав Гориславлич под 1232 годом, Гавриил Гориславлич под 1240 годом).

¹⁷ Имеется в виду Комиссионный список, относящийся к группе Новгородской I летописи, изданный под редакцией П. И. Савvaitова в 1888 году в составе Синодального харатейного списка Новгородской летописи.

¹⁸ Имеется в виду картотека «Словаря древнерусского языка», решение о создании которой было принято в 1925 году. Картотека создавалась в Ленинграде, в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра (с 1952 по 1991 год — Ленинградское отделение Института языкознания Академии наук СССР, ныне — Институт лингвистических исследований РАН). К началу 1950-х годов картотека насчитывала 1 200 000 карточек. Осенью 1952 года картотека была переведена в Москву и в настоящее время хранится в Институте русского языка АН СССР. На ее основании в 1975 году был издан 1-й выпуск «Словаря русского языка XI—XVII вв.», всего к настоящему времени подготовлено и издано 30 выпусков (вып. 30 (Томь—Уберечися). М.; СПб., 2015). Институт размещался в Главном здании Академии наук в Ленинграде, на Университетской набережной, д. 5. Словарный отдел находился в здании Института русской литературы на Ручковой наб., д. 2 (с декабря 1952 года — наб. Макарова, д. 4).

¹⁹ Кудрявцев в черновике письма от 17 июля 1947 года писал, что первые издатели «Слова» не передали ни одного титла, под которыми подписывалась частица «ти», заканчивающая глаголы в неопределенном наклонении, и поэтому предложил читать слово «повель я» из фразы «С той же Калял.», как «повель яти», приведя примеры из летописей (см.: Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. кр. 1228. Л. 2—4).

²⁰ Речь идет о книге «Иконописный подлинник Новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI в.» (М., 1873). Кудрявцев, сопоставляя отдельные его места (например: «Иоаким риза дымчата, исподъ лазорь», «Или верх риза червлен, исподъ вохра» и др.) с фразами из «Слова» («Чрьлень стягъ, бѣла хорюговъ, чрьлена чолка, сребрено стружие — храброму Святославличю», «Гзакъ бѣжитъ сьрымъ влькомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому» и др.), делает вывод об их общей, схожей функции — наказ будущему иконописцу, как изобразить того или иного святого, то или иное событие (см.: Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. кр. 1228. Л. 6).

²¹ Слева на полях помета Кудрявцева: «Функции совершенно одинаковы».

²² Между строк вписано Кудрявцевым: «(Позже Д. С. Лихачев поменял свое мнение, см. след(ующее) письмо его)». По поводу того, какие готы упомянуты в «Слове», мнения ученых разделились. Согласно одной точке зрения, в «Слове» имеются в виду потомки готов, жившие в Крыму, Тмутаракани или на Дунае, по другой — это готы северные. Обитателями южного берега Крыма считали «готских дев» Д. Н. Дубенский, Н. М. Карамзин, Н. А. Мещерский и др. А. Куник высказал мысль, что под «синим морем» следует подразумевать Азовское море, куда половцы переселяли пленных готов. В. Г. Василевский, Е. В. Барсов, В. В. Мавродин полагают, что речь идет о готах, проживавших в Тмутаракани (см. подробнее: *Салмина М. А. Готы // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*. Т. 2. С. 52—55). Вероятно, Лихачев в это время больше склонялся к последней версии. Во всяком случае именно такую точку зрения Мавродина он воспроизвел в своем комментарии к «Слову» (см.: *Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве / Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 430*). Однако его последующие письма Кудрявцеву показывают, что Иван Михайлович привел весомые свидетельства в пользу определения «готских дев» как дев Готланда, т. е. жителей острова Готланд в Балтийском море, ведших обширную торговлю с Новгородом и Русью (см.: Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. кр. 1228. Л. 5—6). О существовании в Новгороде «Готского двора» с церковью святого Олафа, о котором Лихачев заметил как о «малOVERоятном», см.: *Рыбина Н. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 197—226*. Позже, в 1970—1980-е годы, видеть в «готских девах» «Слова» северных готов предложила М. А. Салмина, переводя слово «Бус» одновременно как имя собственное и как мореходное судно северных морей — бусу, на котором ходили в Новгород иностранные купцы. Таким образом, гипотеза о «готских девах» как «северных готах» по праву принадлежит Кудрявцеву.

²³ По мнению Кудрявцева, автор «Слова» должен был оказаться родоначальником целой литературной школы, создавшей ряд родственных по своему стилю, словарю и по целым даже выражениям произведений. И привел образцы такой «родственности» «Слова» с летописной записью под 1174 годом Ипатьевской летописи, началом Галицко-Волынской летописи, переводом «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, паремийным чтением святых мучеников Бориса и Глеба и летописной записью под 1216 годом, изложенной В. Н. Татищевым в его «Истории» (Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. кр. 1228. Л. 9—10).

²⁴ См.: *Туников Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903*. Ссылка на это издание в черновиках писем Кудрявцева нам не встретилось.

²⁵ Слева на полях помета Кудрявцева: «Нет, что он иконописец, но есть, что живописец. Найти в Библ(ии)». Веселел упомянут Кудрявцевым в связи с тем, что с ним в Ипатьевской летописи сопоставляется новгородский тысяцкий и зодчий Миронег (или Милонег), который, по предположению Кудрявцева, был автором «Слова». В 1185 году Миронег заложил в Новгороде на Прусской улице каменную церковь Вознесения, а также был строителем стен Михайловского Выдубицкого монастыря: Рюрик Ростиславич «изобрете бо подобна (т. е. подходящего). — *И. С., Л. С.*) делу и *ходожника* и во своих си приятелих именем Милонег, Петр же по крещению, аки Моисеи древле онаго Веселела, и приставника створи богоизволену делу и мастера не проста преже написанья (т. е. вышеупомянутой. — *И. С., Л. С.*) стены» (см.: Поля.

собр. русских летописей. Т. 2. С. 711). Веселеил же в Книге «Исход» характеризуется так: наполнен Духом Божиим, «премудрости, и мышления, и ведения, во всяком деле разумети, и архитектонствовати, делати злато, и серебро, и медь, и синету, и багряницу, и червленицу прядену, и висон сканный, и каменное дело, и различная древоделства делати во всех делех (...) творити всякое дело *художества* различны» (Исход. 31, 35, 36, 37). Слово «художество» Кудрявцев понял как «иконописание» (Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 1228. Л. 14—18), против чего и возражает Лихачев. Действительно, в Библии искусство, ремесла, *художества* нигде не ассоциируются с понятием иконописи.

²⁶ Вписано между строк Кудрявцевым: «Это перевод с еврейского». Внизу и слева на полях более поздняя его помета: «4. VI. 48 г. Но в „Сборн(ике) повестей скорописи XVII в.“ (Доклад Булгакова), Пам(ятники) др(евней) письм(енности) 1878—79 г., стр. 105: „Михаил пореклу Архангел первый и изрядный зограф в Риме во храме святых Апостол Петра и Павла писа святу ю икону, и поуже художество его особно и дивно — zelo множество духовных стехавшися зрети чудное художество и светлость образа...“ (см.: „О застраде“ — Булгаков Ф. И.) Сборник повестей скорописи XVII в. СПб. («Пам(ятники) др(евней) письм(енности)». (Вып. 1.) 1878—1879 гг., стр. 105)».

²⁷ Между строк и на полях внизу страницы помета И. М. Кудрявцева: «Д. С. Лихачев прав: см. у Некрасова: „Дионисий, художеством часовник“ (130 стр.), Ив. Некрасов: „Зарожд(ение) нац(иональной) лит(ературы) в сев(ерной) Руси“. (Ч. 1: О первичных редакциях жизнеописаний подвижников северной Руси XV, XVI и XVII века). Од(есса), 1870, стр. 130», — и далее: «но у Кедрина я см(отрел)». Георгий Кедрин — византийский хронист рубежа XI—XII вв., составитель компилятивного «Исторического синопсиса» (Σβουφισ ιστοριῶν), всемирной хроники — от Сотворения мира до начала правления императора Исаака I Комнина (1057).

²⁸ Слева на полях помета Кудрявцева: «Я говорю о вставке в „Чтении“» (в письме Д. С. Лихачева — в «Сказании»). Речь идет о древнерусских произведениях, посвященных культуре Бориса и Глеба (анонимное «Сказание, страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба» и «Чтение о житии и о погублении и о чудесех святому и блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба» Нестора).

²⁹ Изучая «Сказание о свв. Борисе и Глебе» и «Чтение о житии и о погублении и о чудесех святому и блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба» Нестора, Кудрявцев пришел к выводу, что в «Чтении» имеется вставка позднейшего происхождения, начинающаяся словами: «Но се уже отсюду начну исповедати яже *неперва* чудеса (...)», а заканчивающаяся греческими словами: «кафоликама иклияса», после которых следует несторовский текст: «Много же чудеса показа Бог на месте том (...)». Исторические лица, упомянутые в этой части «Чтения» и в соответствующей части «Сказания», — князь Ярослав, архиепископ Иоанн, митрополит Иоанн и «градник» Вышгорода, т. е. строитель Вышегородских стен Миронег. Если учесть, что речь идет о чудесах, произошедших у гробов Бориса и Глеба после их перенесения, то князь Ярослав не мог быть Ярославом Мудрым, который умер в 1054 году, за 18 лет до первого перенесения мощей, следовательно, делает вывод И. М. Кудрявцев, «комплекс этих имен (князь Ярослав, архиепископ Иоанн, митрополит Иоанн и Миронег) возможен только во второй половине XII в., и трое из них — новгородцы» (Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 1228. Л. 19).

³⁰ Кудрявцев высказал предположение, что вставка в «Чтении» Нестора с рассказом о выздоровлении сына Миронег и о «прозрении» (т. е. «крещении») некоего мужа сделана самим Миронегом. При этом он ссылался на сделанный О. М. Бодянским лексический анализ «Чтения» Нестора по Харатейному списку Московской Синодальной библиотеки, позволивший ему прийти к выводу о том, что и «весь сборник — извода новгородского» (см.: Бодянский О. М. Чтение о житии и о погублении и о чудесех святому и блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба, списание Нестора. По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки с разнословами по некоторым другим // ЧОИДР. М., 1859. Кн. 1. Разд. III. Материалы славянские. С. 13—14 (разд. паг.)). От себя Кудрявцев добавил, что полуязыческую фразу об огнях, зажигающихся над кадилами, вряд ли мог написать монах Киево-Печерской лавры (см.: Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 1228. Л. 20 об.).

³¹ Высказав предположение о тождественности личностей новгородских посадников Миронег и Мирошки Нездичича (см.: Там же. Л. 21—22), Кудрявцев стал выяснять биографию последнего и посчитал его за сына убитого в 1167 году новгородцами бирича Незды. При этом имя «Незда» он определял как прозвище от галицкой реки Незды, упомянутой в Галицко-Волынской летописи под 1208 годом, с которой бирич Незда мог быть родом (Там же. Л. 19).

³² Слева на полях помета Кудрявцева: «Все случаи мне известны, и все они восходят к Нездѣ, убитому в 1168 г.».

³³ Кудрявцев высказал мнение, что Жирослав, упомянутый в Галицко-Волынской летописи под 1226 годом, это не подлинное имя, а прозвище, и предположил, что так назван «дядька» великого князя Даниила Романовича Галицкого Мирослав, который, как полагал Кудрявцев, мог быть родственником новгородского посадника Мирошки Нездичича (см. черновики писем от 17 июля, 27 и 31 августа: Там же. Л. 23—25; Ед. хр. 108/1. Л. 2, 3; Ед. хр. 109/1. Л. 1—3). Эта гипотеза строится на цепочке предположений. По догадке исследователя, Мирослав был автором ряда записей в Галицко-Волынской летописи: он несколько раз оказывается в центре со-

битый, в которых участвуют только двое: Даниил Романович и он (под 1202 годом), он и мать Даниила (под 1202 годом), он и брат Даниила Василько (под 1209 годом). Жирослава с Мирославом И. М. Кудрявцев отождествляет на основании летописных записей под 1225 и 1226 годами. В первой речь идет о заключении Даниилом Романовичем мира со своими противниками — Мстиславом Мстиславовичем Удалим (с 1219 года князем галицким) и белзским князем Александром, а вторая запись начинается с упоминания некоего «льстивого Жирослава», ушедшего от князя Даниила и увлекшего за собой галицких бояр под предлогом якобы готовившейся выдачи их Мстиславом своему тестю — половецкому хану Котяну — «на избитье». По мнению Кудрявцева, Жирослав этот и есть Мирослав, названный так сменившим его галицким летописцем Тимофеем, духовником Мстислава Удалого. Подтверждает отождествление двух лиц, по мнению Кудрявцева, слово «джеименец», употребленное летописцем Тимофеем в адрес Жирослава (Там же. Л. 2 об.). Наконец, тождественность имен Жирослава с Мирославом вытекает якобы и из позднейшей вставки в летопись. Через год, вернувшись к Даниилу, Мирослав сделал на полях летописи против оскорбительной для себя записи приписку с возражением: «Ложь племян. Ложь» (позднее внесенную переписчиком в общий текст — «ложь, без нужды прибавляем») и возобновил свою летопись под 1227 годом.

³⁴ Слева на полях помета Кудрявцева: «Я не отождествлял (позднее Д. С. Лихачев поменял свое мнение — см. его след(ующее) письмо)». В черновом письме от 31 августа 1947 года Кудрявцев говорит о том, что Лихачев неверно его понял: «Я отождествляю Жирослава с Данииловым „кормильцем“ Мирославом, в котором предполагаю одного из авторов Галицко-Волынской летописи, но я не считаю Мирослава автором „Слова“ и автором вставки в Нестерово „Чтение“. (Я предполагаю в нем сына или внука автора «Слова»). Моя ошибка в том, что (...), боясь уклониться от основной темы, я не объяснил подробно своего взгляда на Мирослава» (Там же. Л. 1 и об.).

³⁵ Речь идет о Георгиевском соборе Юрьевского Новгородского монастыря, в котором в 1203 или 1204 году умер Мирошка Нездичич «в чернецком образе». Рядом с ним через 5 лет был похоронен его сын Дмитр Мирошкинич, тоже новгородский посадник, скелет которого обнаружили в 1932 году (см.: *Бернадский В. Н.* Господин Великий Новгород: Очерки по истории Новгорода. М.; Л., 1936. С. 25 (Библиотека по истории для средней школы)). Останки (вероятно, обоих) были утрачены в ходе Великой Отечественной войны (все найденное при раскопках в Георгиевском соборе было уничтожено во время оккупации Новгорода гитлеровскими войсками). «У меня, правда, — пишет Кудрявцев в черновике письма от 31 августа 1947 года, — теплится слабая надежда на то, что Мирошка был похоронен не в самом соборе, а на территории монастыря, и что при дальнейших раскопках еще, может быть, будет найдена его могила и плита с его монашеским именем, тем более, что определения захоронений, сделанные Каргером, не совпадают со сведениями о погребениях в Георгиевском соборе, сообщенными архимандритом Макарием в его книге „Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях“, Москва, 1860, <ч. I, > стр. 419—422» (Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 109/1. Л. 3 об.).

³⁶ Каргер Михаил Константинович (1903—1976) — археолог, искусствовед, доктор исторических наук, профессор ЛГУ (с 1949), заведующий Ленинградским отделением Института археологии АН СССР (с 1964). Археологическое изучение Георгиевского собора Юрьева монастыря Каргер начал в 1931 году. Летом 1933 — осенью 1934 года он руководил небольшой археологической экспедицией Государственной академии материальной культуры. В 1935 году Каргер занимался проведением исследования и реставрацией собора. См.: *Каргер М. К.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935) // Советская археология. М.; Л., 1946. Вып. 8. С. 175—222.

³⁷ В письме от 17 июля 1947 года Кудрявцев привел летописную запись 1209 года о разграблении дома Мирошки и его сына Дмитра новгородцами, поделившими богатство «по зубу, по три гривни по всему городу, и на щит». Найденные при этом доски (по Воскресенской летописи — доски с письмом) были отданы князю. Кудрявцев предположил, что это были доски, заготовленные для икон, недописанные и еще не освященные иконы, а может быть, и светские, полуязыческие изображения. Позднее Кудрявцев признал ошибочность этой точки зрения (после того, как на это указал ему Лихачев в ответном письме от 7 декабря 1947 года). 25 апреля 1948 года Кудрявцев сделал на полях черновика приписку: «Ясно (по I Новг(ородской) лет(описи)), что речь идет о досках при закладах, подобных тем, которые упоминаются в Псковской судебн(ой) грамоте» (Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 1228. Л. 27 об., 28, 30). Так называемые «доски» — это старинные русские записи и акты, отражавшие чаще всего долговые заемные обязательства. Название «доски» они получили потому, что в XII—XIII веках писались на деревянных досках. Доски делились на простые (без заклада) и закладные. По простым доскам совершался заем не свыше 1 руб., для большей суммы нужен был заклад (определенные виды имущества).

³⁸ Слева на полях пометы Кудрявцева: «см. Лет(опись) пер(вая) Сузд(альская) 83 стр., 90 стр.», «106 стр. „и иконы обрама“», «стр. 94 „и чудных икон золотом кованных и камением драгим и жемчугом великим“».

³⁹ *Оклады ... позднее.* — Приписка на полях рукой Лихачева.

⁴⁰ Вписано между строк Кудрявцевым: «Известно — см. у Макария о сивиллах, греч(еских) философах и т. д. II часть, 41 стр.». Имеется в виду издание: *Макарий, архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. II. С. 41.

⁴¹ Слева на полях помета Кудрявцева: «Мирошка кончил постригом».

⁴² Слева на полях помета Кудрявцева: «Это понятие (представление?) книжное, а в действительности нет больших язычников, чем служители культа (см. «Иконоп(исные) подлинники»)». Имеется в виду издание: «Иконописный подлинник новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI в.» (М., 1873).

⁴³ О владычных иконописцах см.: *Греков Б. Д.* Новгородский Дом святой Софии: (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). СПб., 1914. Ч. I. С. 52—53.

⁴⁴ Алимпий или Алипий (ум. ок. 1114) — инок Киево-Печерского монастыря, первый известный по имени иконописец. Андрей Рублев (1360—1370-е — ок. 1430) — русский живописец, крупнейший мастер московской школы. Считается, что Андрей — его монашеское имя. Преставился в Спасо-Андрониковом монастыре будучи иноком. Причислен к лику святых. Дионисий — русский живописец и иконописец второй половины XV века. В отличие от большинства иконописцев Древней Руси, которые были монахами, Дионисий был семейным человеком, известны имена его жены (Мария) и сыновей — Владимир и Феодосий, которые также были иконописцами и работали вместе с ним.

⁴⁵ Вписано между строк Кудрявцевым: «А их не так уж много и было. Мирошка был не один — еще Доможир».

⁴⁶ Имеется в виду Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212), великий князь владимирский, сын Юрия Долгорукова, внук Владимира Мономаха.

⁴⁷ Выделено Кудрявцевым и между строк вписано: «В конце XII в.? Ср. новг(ородскую) Передичу с пер(еяславль)-залес(ским) Сп(асо)-Преобр(аженским) (собором) у Воронина». Имеется в виду издание: *Воронин Н. Н.* Древнерусские города. М.; Л., 1945. См. с. 39 и рис. 16; с. 73 и рис. 42.

⁴⁸ *О влад(имирской) ... живописи.* — Приписка на полях рукой Лихачева. Имеются в виду следующие статьи: *Грбавь И.* Андрей Рублев: Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918—1925 гг. // Вопросы реставрации: Сб. Центральных государственных реставрационных мастерских. М., 1926. Вып. 1. С. 7—112; *Анисимов А.* Домонгольский период древнерусской живописи // Вопросы реставрации. М., 1928. Вып. 2. С. 102—182.

⁴⁹ Верхуслава — дочь великого князя Всеволода Большое Гнездо, в 1189 году выдана за муж за смоленского князя Ростислава Рюриковича. Анализируя записи Ипатьевской летописи под 1199 и 1200 годами, описывающие, в частности, церковные торжества по случаю завершения строительства отцом Ростислава Рюриковича — Рюриком Ростиславичем каменных стен вокруг Выдубицкого монастыря, Кудрявцев обратил внимание на тот факт, что их мог составить только участник события, лицо, прекрасно относящееся к Миронегу, знающее Библию, по-видимому, в греческом подлиннике, и, наконец, женщина. Вряд ли фраза: «отसे ле бо не на брезе ставше, но на стене твоего создания, *пою ти песнь победную, аки Мариам древле*» — скажет о себе мужчина. Поскольку Верхуслава принимала участие в торжествах, то, скорее всего, она и есть, по мнению Кудрявцева, автор летописных записей о нем (см.: Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 1228. Л. 35).

⁵⁰ Имеется в виду игумен Выдубицкого монастыря Моисей, отредактировавший и доведший до 1199 года Киевскую летопись — великокняжеский летописный свод.

⁵¹ При изучении записи Ипатьевской летописи о походе Игоря на половцев в 1185 году Кудрявцев обратил внимание на фразу: «Тоъ же веснѣ князь Святославъ посла Романа Нѣздиловича съ Берендичи на поганѣвъ половцѣ. Божию помощью взяша вѣжъ половецкѣи, много полна и коний». В Хлебниковском, Ермолаевском и Погодинском списках Ипатьевской летописи упоминаемое лицо названо «Роман Нездимолович», что Кудрявцев прочел как «Роман Нездиди Молович» и расшифровал как «Роман рода Незды, сын Молва (сказителя)» (Там же. Л. 36).

⁵² Внизу страницы помета Кудрявцева: «„Мѡлвъ“, а не „Молва“».

⁵³ «Как известно, — писал Кудрявцев, — св. Борис имел христианское имя Роман. Думается, что все, крестившиеся в честь Бориса, вместе с именем Борис получали и имя Роман. Не носил ли Борис Мирошкинич еще имя Романа, и не одно ли и то же это лицо? (...) Не могло ли быть так, что в Новгороде, у себя на родине, Борис был известен как Борис Мирошкинич, а на юге его звали Романом?» (Там же. Л. 38—39). Более того, сопоставляя записи Ипатьевской летописи под 1185 и 1187 годами о двух набегах воеводы Романа Нездидовича на половцев и записи Новгородской I летописи под 1200 годом о нападении «Нездиди Пѣхцинича (...) съ Молбовица на Лотыголу» (по мнению Кудрявцева, отчество Пѣхтичица — испорченное переписчиками слово «Мирошкин»), Кудрявцев предположил, что во всех этих записях речь идет об одном лице — сыне Мирошки Незды, и, проследившая по летописям его судьбу, он отождествил его с новоторжским тысяцким Борисом Неговичем, т. е. Борисом Мирошкиничем, избранным после вокняжения в Новгороде князя Михаила Черниговского.

⁵⁴ Слева на полях помета Кудрявцева: «а) 1) Милонег, в христианстве Петр; 2) в церковн(ых) песнопениях молятся Роману и Давыду, а не Борису и Глебу; б) «и быше чловѣкъ Вышегородъ стари огородникомъ. Зовемъ быше Жьданъ по мирьскому, а въ крещении Никола» (Сказ(ание) о Б(орисе) и Гл(ебе))». Имеется в виду издание: Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV века / Изд. И. И. Срезневский. СПб., 1860. Ст. 77.

⁵⁵ Кудрявцев ошибочно считал, что в рассказе Ипатьевской летописи под 1185 годом имеется некоторое нарушение логики в изложении событий (см.: Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 1228. Л. 41—42). На самом деле никакого нарушения логики в повествовании Ипатьевской летописи нет. Сообщив под 1185 годом о победе Святослава и Рюрика над Кончаком в походе 1184 года, закончившемся 1 марта 1185 (мартовского) года, и о благополучном возвращении русских войск «во своя си», летописец далее объясняет, почему Ярослав Черниговский отказался принять участие в этом походе и почему Игорь, получив известие от посланника Святослава о начавшемся походе Святослава и Рюрика и высказав готовность принять в нем участие, не смог этого сделать.

⁵⁶ Слева на полях помета Кудрявцева: «Не случилась». Речь идет о перестановке в начале текста «Слова», обоснованной в 1891 году В. А. Яковлевым. Он предложил рассказ о солнечном затмении поместить после речи Всеволода. Впоследствии эту перестановку поддержали А. И. Соболевский, П. Л. Маштаков, В. Н. Перетц, Н. К. Гудзий и другие, выдвинувшие в ее пользу несколько аргументов. Перестановку поддержал в 1940-е годы и Лихачев. Она была использована им при публикации «Слова» в малой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1949). Против перестановки высказались А. Брюкнер, В. И. Стеллецкий, Б. И. Яценко, Л. В. Соколова и другие ученые. В последних изданиях «Слова» перестановка не применяется (см.: *Творцов О. В.* Перестановки в тексте «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. С. 78—83).

⁵⁷ Радзивилловский, или Кенигсбергский, список оканчивает изложение событий 1206 годом, причем на последних листах списка зафиксированы события 1203—1205 годов, между тем как события 1205—1206 годов читаются перед ними. По мнению А. А. Шахматова, это произошло от того, что в оригинале Радзивилловского списка или в прототипе этого оригинала последние листы были перепутаны при переплете (см.: *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 44). Московско-академический список в первой части до 1206 года близок к Радзивилловскому списку и Лаврентьевской летописи и имеет ту же путаницу в изложении событий 1203—1206 годов.

⁵⁸ Слева на полях помета Кудрявцева: «После проверки Лихачев изменил свое мнение (см. след(ующее) письмо) и позднее убедил меня, что я ошибаюсь». То есть Лихачев убедил Кудрявцева в том, что никакого нарушения логики в повествовании Ипатьевской летописи под 1185 годом нет (см. прим. 55 к настоящему письму).

⁵⁹ Речь идет о книге Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение». В черновике письма от 5 августа 1947 года Кудрявцев отзываясь о ней как о прекрасном, значительном явлении в науке: «Не мне давать отзыв о Вашей книге, — замечает Кудрявцев, — но многое в ней меня просто восхищает. Оценка предшественников, в частности А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, приводящая к великолепному определению (уже Вашему) творческого метода изучения летописей, метода, который на многие годы, вероятно, останется руководством для исследователей, прекрасное развертывание по разделам истории летописания, то историческое чутье, с которым Вы продолжаете *верное* своих предшественников и исправляете *неверное*, огромное количество материала (...)» (Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 1—2).

⁶⁰ Новгород Кудрявцев посетил в августе 1947 года, о чем он упоминает в черновике письма Лихачеву от 26 августа (судя по помете автора, письмо отправлено не было). В нем он, в частности, отметил: «Ехал я туда с волнением, и, конечно, Новгород — явление неповторимое, но от многого стало очень грустно. (...) Надеялся я хоть что-нибудь увидеть и в захоронениях Георгиевского собора Юрьева монастыря; когда отпирал громадный замок собора большим ключом, выданным мне сторожикой: „Вы там посмотрите, а я подойду, только вот чайку попить“, — когда открывал огромную дверь — у меня стучало сердце. — Но оказалось, что кроме раскрытых могил — ничего больше нет. То, что было извлечено из могил, — все это было уничтожено немцами. Все, что осталось, — это статья М. Каргера в „Сов(етской) археологии“. (...) Уехал я отсюда с тяжелым чувством» (Там же. Ед. хр. 107/1. Л. 1 об.—2).

⁶¹ В письме Лихачева, отпечатанном на машинке, пропущено начало предложения. Между строк и слева на полях Кудрявцев реконструирует возможные варианты: «„Впрочем, то, что Вы не были в Новг(ороде) до войны — это непоправимо“. Предположительно: „Впрочем, жаль, что Вы не были в Новгороде до войны“. Вот еще задача: восстановить строчку». Скорее, речь в письме шла о том, что случившееся в Новгороде в годы войны с памятниками культуры — непоправимо.

⁶² Имеются в виду новгородские церкви, разрушенные немецко-фашистскими войсками в годы Великой Отечественной войны, — церковь Успения в Володове (1352), церковь Спаса Нередицы (1198) и Михайло-Сковородской монастырь (1355), известные своими фресками.

4

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Я говорил с Борисом Викторовичем Томашевским относительно Вашего открытия. Он сказал: «Да ведь это известно». Затем стал припоминать, где он об этом читал, и не мог вспомнить. Я ему рассказал «историю вопроса», и тогда он решил, что слышал об этом в каком-нибудь докладе или от Цявловского, но... без упоминания Вашей фамилии!¹ Отсюда следует, что Вам надо опубликовать Вашу статью непременно, чтобы Ваше открытие не было бы, в конце концов, присвоено. Борис Викторович просил Вас прислать Вашу статью — получив ее, он решит, где ее можно будет опубликовать. Кроме того, директор Библиотеки Пушкинского Дома очень просит Вас прислать Вашу статью в библиотеку; — либо самый номер газеты, либо фотоснимок с нее (я объяснил директору Л. Г. Гринберг,² что у Вас сохранился только 1 экз(емпляр)). Фотоснимок можно сделать в Ленинской библиотеке, либо его может сделать и ваш театральный фотограф. В Библиотеку Пушк(инского) Дома дайте свою статью непременно, так как этим окончательно закрепится Ваш приоритет (Библиотекой П(ушкинского) Д(ома) пользуются все пушкинисты, многотиражка же МХАТ литературоведам неизвестна почти совершенно). Библиотека П(ушкинского) Д(ома) имеет все, касающееся Пушкина. Директор (Л. Г. Гринберг) была несколько фраппирована, узнав, что у нее нет такой важной статьи как Ваша (открытия по Пушкину ценятся сейчас на вес золота — их не так легко сделать). Л. Г. Гринберг знает Вас как лицо, дублирующее библиотеку Пушкина, Вы у нее — «на учете».

Вы просили меня приготовить Вам список той литературы, которая необходима Вам в Ваших занятиях. Охотно исполняю Вашу просьбу, хотя и уверен в том, что Вы ее знаете не хуже меня.

1) Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований», М.; Л., 1940.

2) «Слово о полку Игореве. Библиогр(афический) указатель». Составили О. В. Данилов, Е. Д. Поплавская, И. С. Романченко под ред(акцией) и со вступ(ительной) статьей С. К. Шамбинаго, М., 1940.

Лучший текст и комментарий (с обзором лит(ературы) по каждому вопросу): акад. Вол. Перетц. «Слово о полку Игоревім». Пам'ятка феодальної України — Руси XII в.». У Київі, 1926.

Обязательно прочтите статью М. Д. Приселкова (если не читали): «Слово о полку Игореве» как исторический источник», Историк-марксист, 1938, № 6. Она может Вас навести на разные мысли.

К сожалению, больше ничего для Вас важного по «Слову о полку Игореве» за последние годы не выходило. Зато по летописи к(онца) XII—нач(ала) XIII в. есть многое, к Вам имеющее прямое отношение.

Л. Черепнин. «Летописец Даниила Галицкого», Исторические записки, (т.) XII.

М. Д. Приселков. «Лаврентьевская летопись (история текста)», Ученые записки Лен(инградского) гос(ударственного) университета, № 32, Серия историч(еских) наук, вып. 2, Л., 1939.

М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии, Уч(еные) записки ЛГУ, № 67, Л., 1940.

Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Вып. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. Издание ОЛДП, 1902.

Радзивилловская или Кенигсб(ергская) лет(опись). Вып. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи, 1902 (здесь исслед(ование) Шахматова о Кенигсб(ергской) летописи).

И. М. Троицкий. Опыт анализа первой Новг(ородской) летописи, Известия АН СССР, Отделение общ(ественных) наук, 1933, № 5.

Имейте под рукой: А. А. Шахматов. «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.», Л., 1938 (для разных справок).

Родственна Вам по методу мышления — книжечка М. Д. Приселкова «Нестор-летописец (Опыт историко-литературной характеристики)», Пг., 192(3).

Прочтите главы о летописи, принадлежащие покойному Василию Леонидовичу Комаровичу³ в т. I и т. II «Истории русской литературы», изд(ание) Института русской литературы АН СССР (особенно главы о Лаврентьев(ской) летописи и о рязанском летописании). В(асилий) Л(еонидович) был умница и умел проникать в самый дух древней Руси (что отчасти объяснялось тем, что он был глубоко правосл(авный) человек).

Обязательно проконсультируйтесь относительно миниатюр Кенигсб(ергской) летописи (если ими займетесь, — а занятие ими очень приятно, — хотя бы в части иллюстрирования похода Игоря) с проф(ессором) Ник(олаем) Ник(олаевичем) Ворониным (это мой друг, весьма разносторонний и любящий Русь человек). Сошлитесь на меня. Его тел(ефон) — Г (Арбат) 178—35. С ним проконсультируйтесь (если понадобятся к(акие)-н(ибудь) срочные справки) и по летописи вообще, и по «Слову». Вообще-то он — специалист по др(евне)русскому искусству (вот, кстати, Ваши иконописные подлинники!). Советую Вам вообще с ним познакомиться. Он милый человек, любит природу, любит ездить за город, покажет Вам всякие древнерусские достопримечательности, сведет Вас посмотреть А. Рублева и пр. О Вас я напишу Ник(олаю) Николаевичу. У него очень милая жена (также археолог) и милая дочь (12 лет).

Для Ваших палеографических разысканий имейте в виду только что вышедшую «Русскую палеографию» (Н. С.) Чаева и (Л. В.) Черепнина (М., 1946), хотя лучшей остается все же Щепкинская и ак(адемика) Карского.⁴

Если вспомню что-нибудь еще из необходимой Вам литературы, — напишу дополнительно.

Теперь относительно Вашего последнего письма. Да, Мирослав и Жирослав — одно лицо. Вы меня убедили. Однако был ли Жирослав-Мирослав летописцем? — данных пока маловато, хотя это и кажется правдоподобным.⁵ Если Мирослав — летописец, то в Вашу обязанность должно войти также установление текста, принадлежащего Мирославу, — где начинается и где кончается его работа. Затем, как Ваши выводы согласуются с выводами Л. В. Черепнина⁶? Этим стоит заняться подробнее, — может быть, Вы окажетесь правы. Если у Вас появятся дополнительные соображения, подкрепляющие Ваш тезис о Мирославе как о летописце, — обязательно сделайте статью (хотя бы и небольшую) — напечатаем.

Указания автора «Слова» будущему иллюстратору в самом тексте «Слова» — беспрецедентны (лицевых рукописей⁷ известно множество, но нигде автор в самом тексте не дает указаний иллюстратору) и не согласуются со стилистической цельностью «Слова». Однако я согласен с Вами, что автор Слова «видит» описываемые им события, и при этом видит в красках.⁸

Не хотите ли — я говорюсь в «Д(ревне)русском словаре» с какой-нибудь аспиранткой, которая будет для Вас наводить справки в словаре (ну, хотя бы по поводу «Моловича» — это как раз дело, которое требует обращения в ДРС), а Вы бы смогли поблагодарить ее, хотя бы билетом на спектакль

в МХАТ или сладким пирогом? Без словарных справок нельзя решить вопрос — правы ли Вы с «Моловичем» или нет, да и в ряде других случаев необходимо обращение в ДРС.

«*Одерноватый*» — крепостной, находящийся в полной собственности (Новг<ородская> судн<ая> грам<ота> 1471 г., Дан<ная> Новг<ородская> <грамота вел. кн. Василию Васильевичу...> 1437 г., Соф<ийский> вр<еменник> 1478 г.) = «*дерноватый*». Ср. «*одерень*» — в полную собственность (Новг<ородская> I <летопись> 6723 <г.>, дог<оворная> гр<амота> Дм<итрия> Донского 1372 г., грам<ота> игум<ена> Антония до 1147 г. и мн<огие> др<угие>). Корень — *дернъ* (по-видимому — клятва над дерном — см. Арциховского). Корень *дернъ* родственен «*дергать*». Торгъ — лит<овский> *turgus*, итальян<ский> *trattare* — вести торговлю. Торг — только в значении торговой площади (для точности можно было бы также навести справку в ДРС).⁹

Каторга — слово греческое — *κατεργουον* — галера.

В своей статье о новгородском происхождении «Слова» не увлекайтесь «историей вопроса» — не больше, чем на одну страничку (не всегда история вопроса нужна).

Кстати, в прошлом письме я возражал против Вашего толкования «готских дев». Но вот что приходит мне сейчас в голову. «Готския девы... на *брезе* синему морю» — почему «на брезе»? Не есть ли это «Готский берег», т. е. остров Готланд, известный у нас *только* (проверить по ДРС) под названием «Готского берега»? *В таком случае Вы правы.*¹⁰

Что касается до предлагаемой Вами перестановки в Ип<атьевской> летописи, то я проверил ход событий по Лавр<ентьевской> лет<описи> и вижу, что с этой стороны возражений быть не может. Перестановка эта допустима, но... мало необходима, так как и после перестановки текст остается несколько неясным. Перестановка эта нужна, главным образом, для Вашей концепции. В Вашу пользу как будто бы говорит то обстоятельство, что летописи редко возвращаются в своем повествовании к предшествующим событиям. Без перестановки мы должны предположить (и так это обычно и предполагается), что после описания победы летописец рассказывает о событиях, которые предшествовали этой победе (объяснение — почему Игорь не принял участия в походе). Мне кажется, что таких «возвращений» повествования летописи почти не знают (проверьте — и тогда это будет аргумент в Вашу пользу). Но вот оснований признать Романа летописцем — я, по правде сказать, не вижу.¹¹ То, что летописец не упомянул, кто командовал третьим полком? — но ведь это могло произойти по сто одной причине! То, что летописец постоянно говорит о Божьей помощи? — но ведь это обычная вещь — она указывает только на сочувствие летописца.

Что имя Миронегга помещено в списке под влиянием «Сказания», — вполне вероятно и оправдывается другими аналогичными случаями. В моей диссертации имеется специальная глава «Литература и летопись», где на примере мл<адшего> извода Новг<ородской> I лет<описи> я показываю вставку в летопись имен из литер<атурных> произведений (Гориславича — из «Слова о п<олку> Иг<оре>», Пересвета из «Сказ<ания> о Мам<аевом> поб<оисше>», Щила из «Повести о Щиле»¹² и т. п.). Я внимательно проверил всю Вашу аргументацию относительно Миронегга и Мирошки и не встретил ей возражений, что, впрочем, не означает, что я окончательно убежден Вами. Чувствую, что следовало бы очень обстоятельно заняться историей текста всех произведений о Борисе и Глебе, так как методологически неправильно выхватывать из произведения одну только какую-либо часть и объявлять ее происхождение изолированно от других. О житиях Бориса и Глеба

защитил докт(орскую) диссертацию С. А. Бугославский¹³ — перед самой войной. Очень бы было важно знать — что он в ней писал. Человек он был дотошный. Рукопись его диссертации в Москве (Бугославский — москвич).

А моя защита назначена на 25 ноября.

Очень был рад с Вами познакомиться. Непременно приходите к нам в следующий приезд. В Вас много «руссизма» — качество редкое, отмирающее (национальные черты имеют тенденцию постепенно сглаживаться — это и понятно).

Искренне Вас уважающий Д. Лихачев

18. X. 47

¹ Лихачев упоминает двух известных пушкинистов, сотрудников ИРЛИ АН СССР: доктора филол. наук Бориса Викторовича Томашевского (1890—1957) и доктора филол. наук Мстислава Александровича Цявловского (1883—1947). Кудрявцеву удалось уточнить комментарий М. А. Цявловского к изданию «Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты» (М.; Л., 1935), установив источник цитирования черновой записи А. С. Пушкина 1818—1819 годов: «Где обязанность, там и закон. Г. Кар. не прав. Закон ограждается страхом наказания. А правила нравственные, коих исполнение оставляется на произвол каждого и нарушение коих не почитается и гражданским преступлением, — не могут быть законом». Цявловский писал, что начальные слова фразы представляют собой цитату из Н. М. Карамзина, с которой поэт был не согласен, но определить это место в «Истории Государства Российского» не смог (см.: Рукою Пушкина. С. 155—156). Кудрявцев нашел его в 7-м томе «Истории...»: «Два государя, Иоанн и Василий, умели навеки решить судьбу нашего правления и сделать самодержавие как бы необходимою принадлежностью России, единственным уставом государственным, единственною основой целости ее, силы, благоденствия. Сия неограниченная власть монархов казалась иноземцам тиранией: они в легкомысленном суждении своим забывали, что тирания есть только злоупотребление самодержавия (<...> Самодержавие не есть отсутствие закона: ибо где обязанность, там и закон (<...>)» (2-е изд. С. 200—201). Об этом он написал в заметке «Новый документ Пушкина», помещенной в многотиражке МХАТ «Горьковец» от 23 апреля 1937 года (№ 13(40). С. 3), а 17 февраля 1940 года направил ее экземпляр Цявловскому, пообещавшему опубликовать статью в ближайшем выпуске «Временника Пушкинской комиссии».

² Гринберг Любовь Григорьевна (Абрамова) (1903 — не ранее 1964) — сотрудник Библиотеки Академии наук (БАН) с 1934 по 1959 год. Первоначально была назначена заведующей Пушкинским кабинетом библиотеки ИРЛИ АН СССР. В мае 1944 года возвратилась из эвакуации в Ленинград и была назначена заведующей библиотекой ИРЛИ. Занималась научно-библиографической работой, связанной с творчеством писателей. Принимала участие в подготовке библиографических пособий пушкиноведческой тематики. В 1953 году перешла в справочный сектор отдела обслуживания на должность старшего редактора (позднее — младшего научного сотрудника). После ухода из БАН работала в библиотеке Государственного Эрмитажа.

³ Комарович Василий Леонидович (1894—1942) — литературовед, фольклорист; в 1938 году арестован как член «Братства прп. Серафима Саровского», друг семьи Лихачевых, умер в блокадном Ленинграде.

⁴ Имеются в виду следующие учебные издания: Чаев Н. С., Черепнин Л. В. Русская палеография: Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. М., 1946; Щепкин В. Н. Учебник русской палеографии. М., 1918; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.

⁵ См. прим. 34 к п. 3.

⁶ На основе изучения так называемой Галицко-Волынской летописи, входящей в Ипатьевский свод, Л. В. Черепнин выделяет в ней первую часть — «Летописец Даниила Галицкого», составленный в 1256—1257 году при кафедре холмского епископа по прямому заданию князя Даниила. Черепнин приходит к выводу о стилистической и идеологической близости между летописцем и автором «Слова», это дает ему основание предположить, что автором «Слова» был один из дружинников князя Ярослав Галицкого («Осмомысла»), прибывший вместе с Ярославной ко двору князя Игоря Святославича Новгород-Северского (см.: Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. № 12. С. 252—253).

⁷ То есть иллюстрированные рукописи.

⁸ Слева на полях помета Кудрявцева: «сравнить текст „Слова“ с записью лет(описи) Пересл(авля)-Залесского об арх(ангеле) Михаиле, одетом в „багор“».

⁹ Слева на полях помета Кудрявцева: «То есть Изяслав перевел торг (базар) с Подола на гору в Киеве (так же думает и профес(сор) И. П. Еремим, см. его книгу «Повесть вр(еменных) лет». Лен(инград), 1947, стр. 82)», а также более поздняя помета: «Так и есть, см. 10». Вероятно, Кудрявцев обратился к Лихачеву с просьбой объяснить происхождение и значение термина «класс одерноватых», употребленного В. И. Келтуялом в рассказе о социальных слоях Новгорода. В неотправленном письме от 26 августа 1947 года он пишет: «В „Повести вр(еменных) лет“»,

Лавр(ентьевский) сп(исок), под 1069 годом, сказано: „Изяслав же възгна торг на гору и прогна Всеслава ис Полотьска...” <...> Что значит в данном случае торг. Рабы? — Пленные? <...> Есть ли что-нибудь общего между этими двумя понятиями: „одерноватые” и „торг”? (Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 107/1. Л. 2 об.).

¹⁰ Кудрявцев писал Лихачеву в ответ на эту часть письма (см. черновик его письма от 28 октября 1947 года): «Вы не представляете себе, какой успех имел Ваш Готский берег в нашей квартире. „Ага, — кричали мои домочадцы. — Попался. Ну, теперь он пропал”. (Я цитирую своих родственников, за выражения которых я не отвечаю)» (Там же. Ед. хр. 111/1. Л. 1 об.).

¹¹ Предложенная Кудрявцевым перестановка в тексте Ипатьевской летописи (см. прим. 55 к п. 3) привела его к гипотезе об участии Романа Нездиловича (см. прим. 51 к п. 3) в походе Игоря 1185 года и о Романи как вероятном авторе данной летописной записи. По мнению Кудрявцева, Роман был тем воеводой, который командовал одним из передовых полков Игоря, вместе с ним, будучи раненым, попал в плен, а затем уговорил Игоря бежать. Словами князя Игоря «не дай Бог на поганые езда ся отрещи» Роман, по мнению Кудрявцева, объяснял, оправдывал свое участие в деле, которому не до конца сочувствовал и которое впоследствии имело такой печальный результат (см. черновик письма от 31 августа 1947 года: Там же. Ед. хр. 109/1. Л. 3).

¹² Этот же вопрос был затронут Лихачевым в статье «О русской летописи, находившейся в одном сборнике со „Словом о полку Игореве”». Просматривая варианты по спискам Новгородской I летописи младшего извода к Синодальному списку той же летописи, он обратил внимание, что составитель протографа Новгородской I летописи младшего извода, довольно строго следовавший старшему изводу, отклонялся от оригинала в сторону литературного изложения. Так, например, под 1255 годом летописец обнаружил свое знакомство со «Сказанием о Мамаевом побоище» — основным памятником Куликовского цикла, самым подробным рассказом о победе Дмитрия Донского, написанном, вероятно, в первой четверти XV века: в тексте «и идущю Олександрю с многими полки и с Новоторжьци, сръте и Ратишка с перевѣтом» (др.-русск. перевѣтъ — «измена», «донос») летописец привал последнее слово за имя героя «Сказания» инока-богатыря и написал «Пересвѣтом». В другом случае под 1310 годом поместил известие об основании Шкилом или Щилом Покровского монастыря на Дубенке, что смущало всех занимавшихся «Повестью о посаднике Щиле», так как древнейший — Синодальный — список не имеет под 1310 годом сведений о Щиле и о построении им монастыря, наоборот, в нем говорится о постройке каменной церкви, что отчасти свидетельствует о том, что монастырь уже существовал. В одном случае можно подозревать знакомство летописца со «Словом о полку Игореве»: новгородский наместник в Пскове Вячеслав наделен в младшем изводе Новгородской I летописи отчеством «Гориславич», что могло быть вызвано ассоциацией автора протографа с Олегом Святославичем: и тут и там действующие лица были причиной междоусобиц (ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 140—141).

¹³ Бугославский Сергей Алексеевич (1888—1946) — филолог, преподаватель Московского университета (с 1916), старший научный сотрудник Института мировой литературы АН СССР. В 1940 году защитил диссертацию «Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе», в которой на основе текстологического изучения 255 списков памятников о Борисе и Глебе пришел к заключению, что «Сказание» возникло в последние годы княжения Ярославла Мудрого (т. е. в середине XI века). Позже к нему было присоединено «Сказание о чудесах», составлявшее последовательно тремя авторами в 1089—1115 годах. Наиболее ранний список «Сказания» (в Успенском сборнике конца XII — начала XIII века) дошел до нас уже в таком виде (т. е. текст «Сказания о Борисе и Глебе», дополненный «Сказанием о чудесах»). На основании «Сказания о Борисе и Глебе», дополненного рассказами о чудесах в редакции второго автора, скорее всего, около 1108 года, Нестором был составлен «Чтение».

5

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Простите, пожалуйста, что я столько времени Вам не отвечал: столько свалилось на меня разных мелочей, нудных, но неотложных (вроде выступления на двух защитах и т. п.), что я к вечеру бывал совершенно утомлен. Ваши поручения все выполнил, кроме одного: не договорился еще в «Словаре древнерусского языка» о справках для Вас.¹

Любовь Григорьевна Гринберг очень Вас благодарит и спрашивала у меня Ваш адрес, чтобы самой Вам написать: не знаю, успела ли она это сделать, так как что-то в последнее время расхворалась (ушибла ногу). Библио-

тека Пушкина в ящиках, но Вашими указаниями она очень заинтересовалась и наведет Вам все необходимые справки.²

Б. В. Томашевский обещает напечатать Вашу заметку в одном из сборников института. Думаю, что он будет более аккуратен в исполнении своего обещания, чем покойный М. Цявловский.

Вера с Милой посылают привет Ане и Тане.

Ваш Д. Лихачев

Собираюсь несколько отстать от летописей и больше заняться хронографами: очень они интересны.

16. XI. 47

¹ В черновике письма от 28 октября 1947 года Кудрявцев писал: «Ваше предложение об аспирантке „Др(евне)русск(ого) словаря” — принимаю с восторгом» и просил проверить по словарю слова «молв» (в значении язычник, сказитель), «каинный» (в значении каинов, окаянный), «торгни» (в значении загнанные, задержанные), «готский берег» (Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 111/1. Л. 1 об.). Судя по опубликованным выпускам «Словаря русского языка XI—XVII вв.», предположения Кудрявцева не подтвердились.

² В письме Лихачеву от 28 октября 1947 года Кудрявцев высказал свое мнение по поводу опубликованного Цявловским в работе «Рукою Пушкина» (с. 33—34) пушкинского текста «В начале мира не было ни жизни, ни света...» и прокомментированного им как «опыт перевода с какого-то английского источника. По мнению Кудрявцева, подлинный текст, с которого Пушкин делал свой перевод, нужно искать в имевшихся у поэта в библиотеке французских изложениях «Метаморфоз» Овидия: «Помню, я, находясь еще в том возрасте, когда думаешь, что каждый ученый с радостью встречает новое открытие в науке, высказал Мстиславу Александровичу свое предположение относительно опубликованного им текста {...} и только увидав лицо М(стислава) А(лександрови)ча, выразившее отнюдь не восхищение моими догадками, я понял, что я сказал то, чего не должен был говорить. (Кстати сказать, я до сих пор не проверил своих предположений. Это легко могла бы сделать Л. Г. Гринберг. В описании библиотеки (Пушкина) Б. Модзалевского это №№ 828 и 1231)» (Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 111/1. Л. 1).

6

Глубокоуважаемый

Иван Михайлович!

Получил Вашу статью «„Сл(ова) о п(олку) Иг(ореве)» как памятник культуры Новг(орода) Великого». Прочел ее с интересом и думаю, что после некоторой внешней перестройки ее можно будет прочесть в Отделе др(евне)р(усской) литературы Ин(ститу)та лит(ературы) АН СССР в качестве статьи, предназначенной для напечатания в VII т(оме) «Трудов Отд(ела) др(евне)р(усской) лит(ературы)». Статья должна быть переименована: сейчас ее название *шире* ее содержания. Следует назвать скромнее, учнее, точнее, — вроде: «Заметки к тексту „Сл(ова) о п(олку) Иг(ореве)» (к постановке вопроса о новгородском происхождении «Слова»)». Вся вступительная часть — история вопроса об авторстве — не нужна. Вопрос этот не решен, и совершенно ясно, что мы тут пока еще ничего не знаем. Перетряхивать все это и для Вас не выгодно, так как такие же возражения могут быть сделаны и Вам. Это вопрос «вялый»: он вяло решался, ему вяло же возражали (в сущности, возражения все и сомнения — очень серые). Не надо поэтому вводить читателя в атмосферу этой вялости и серости, тем более, что во вступ(ительной) части Вы раскрываете свои карты, а они у Вас должны быть раскрыты только в заключит(ельной) части Вашей работы. Поэтому начните просто: «в „Слове о п(олку) Иг(ореве)» есть несколько исторических упоминаний, не получивших в ученой литературе достаточного истолкования» (или в этом роде две-три фразы). Затем Вы по разделам толкуете

несколько этих историч(еских) упоминаний, выделяя их небольшими подзаголовками.

1. Похороны отца Святополка

(здесь сохраните Ваш текст, но сократите о частице «ти» (это ясно каждому) и все, что касается Ив. Новикова — научный авторитет его домыслов весьма низок, но развеите, углубите Ваши сообр(ажения) о новгород(ских) летописях: покажите, что в Соф(ийской) I (летописи) сохранился текст владычной летописи — *древней* и пр. — по соотв(етствующей) главе в «Обзрении русских летописных сводов» Шахматова¹).

2. Дудутки

(этот раздел развеите — проверьте по указателям к Полн(ому) собр(анию) р(усских) летописей, что этого упоминания нет нигде, кроме новгор(одских) летописей. Кстати, упоминаются ли Дудутки и в новг(ородских) летописях, или они так назывались только в устной традиции).

3. Готские девы

(Вы напрасно о них забыли. Покажите, что крымские готы так у нас никогда не назывались. Проверьте, могли ли вообще они называться в Др(евней) Руси «готами». Как готы называли сами себя? — вестготы, остготы? — как это было в живом произношении? Как называли готов визант(ийские) писатели? Одним словом, покажите всю *абсурдность* предположения, что автор «Сл(ова) о п(олку) Иг(орева)» мог иметь в виду крымских готов. Здесь Вам придется порыться в различных справочниках и посидеть немало в Историч(еской) библиотеке и попросить библиотекаря в справоч(ном) отделе навести для Вас эти справки. После того, как Вы основательно расправитесь с крымскими готами, покажите, как часто говорилось в Нов(городе) о *готском* берегу, *готском* дворе, *готах* и пр.

После того, как Вы закончите эти три основных Ваших параграфа (примерно по 3 стр(аницы) на каждый — не больше), приступите к заключению: оно должно быть кратко, энергично и *осторожно*. Вы должны сказать, что первые три §§ позволяют Вам сделать *предположение*: не было ли «Сл(ово) о п(олку) Иг(орева)» новгородским по своему происхождению (об авторе пока еще говорить рано). Если допустить эту мысль, скажете Вы, то становятся понятными многие частности: а) то, что «Сл(ово) о п(олку) Иг(орева)» отразилось в Новг(ородской) летописи (свою статью я Вам пришлю недели через 2), б) то, что «Сл(ово) о п(олку) Иг(орева)» дошло в новгор(одской) рукописи (ссылка на Обнорского²).

На этом бы статью можно было бы и кончить (читатель не любит, когда ему навязываются слишком резкие выводы — пусть он лучше эти выводы сам дополнит за Вас), но можно и еще продолжить. Продолжить кратко можно так: «Встает вопрос, были ли новгородцы знакомы с событиями на юге? Узость *местного* содер(жания) Новгор(одской) летописи отнюдь не свидетельствует о местной ограниченности сознания новгородцев. Новгород во вт(орой) пол(овине) XII в. вел сложную политику (показать кратко — в 2—3 фразах — втянутость Новгорода в ход событий *всей* русской истории).

Кроме того, мы можем подозревать, что один новгородец был на юге и принимал даже участие в Игоровом походе (кратко дать Ваши соображения, но ни словом не обмолвиться о том, что Роман или его отец — и есть авторы; пусть это будет только пример того, что новгородцы были знакомы с югом Руси, но этот пример непременно наведет самого читателя на Вашу мысль, — и тем лучше Вы ее проведете в сознание читателя).

Вот какой мне мыслится Ваша статья. Вам не надо делить авторство ее со мною: Вы и сами ее напишете, мысли все Ваши, идея Ваша. На меня Вы сошлетесь только там, где скажете об отражении «Сл(ова) о полку) Иг(ореве)» в Новгородской летописи (сошлетесь на мою статью — и всё).

Кстати, о досках Дмитра Мирошкинича! Я вспомнил: Псковская судная грамота в одной из своих статей говорит: «а кто имеет сочити с суда серебра по *доскам*, без заклада боле рубля, про того *доска* повините, а того права, на ком сочать», т. е. если кто станет искать денег по суду, по одним доскам без заклада, и иск будет превышать рубль, то доски не принимаются во внимание; дело решается в пользу того, к кому предъявлен иск. Следо(вательно), на досках писались долги. Ваше предположение об иконах рушится!

Должен Вас также огорчить и относительно Апостола с цитатой из «Слова о полку) Иг(ореве)». Его *псковское* происхождение не вызывает сомнений:³ посмотрите «Труды 15-го археолог(ического) съезда в Новгороде», 1911 г., т. II, М., 1916 г.: А. А. Покровский (в работе) «Древнее псковско-новгородское письменное наследие» на стр. 352—354 точно описал этот Апостол и все, что с ним связано.⁴ Большая работа А. А. Покровского вполне заслуживает Вашего внимания, но закончу словами переписчика этого самого Апостола: «Писал бых еще, нъ възсмеютьмися».⁵

23-го или 25-го, кажется, состоится мой докторский диспут. 8 месяцев читают уже мою диссертацию оппоненты!

Я хвораю. Милочка у нас тоже хворает, настроение у нас поэтому грустное. Вы писали Вашу статью под копирку? Сохранился ли у Вас второй экземпляр? Не прислать ли Вам этот?

Ваш Д. Лихачев
7. XII. 47

¹ См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 151—160 (глава X: «Летописный свод 1448 г.»). В числе первоисточников Софийской I летописи Шахматов называл не дошедший до нас летописный свод 1448 года, составленный в Новгороде на основе общерусского летописного свода времен митрополита Петра и местной новгородской летописи (Новгородского свода 1421 года). В настоящее время А. Г. Бобров (1993) и Б. М. Клосс (1998) пришли к выводу, что Софийская I и Новгородская IV летописи восходят к летописному своду Фотия 1418 года.

² Анализируя язык «Слова о полку Игореве», С. П. Обнорский сделал вывод, что «список „Слова“, дошедший до первых издателей, был новгородского происхождения, что между ним и подлинником существовал, по-видимому, еще один список, тоже сделанный в Новгороде. На отдельные его новгородские особенности, таким образом, напластовались новгородские же черты, которые внесены были и последним писцом памятника». Вместе с этим Обнорский утверждал, что создано (сложено) это произведение было на юге (*Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 193—194.*)

³ Книга «Апостол» — собрание апостольских чтений, употреблявшихся во время церковных служб. Здесь имеется в виду Псковский Апостол 1307 года, известный прежде всего припиской в нем, часть которой созвучна одной из строк «Слова о полку Игореве»: «при сихъ князѣхъ съяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ князѣхъ которы, и вѣци скоротихася челоуѣкомъ». Кудрявцев считал, что Апостол принадлежал Пантелеймоновскому Новгородскому монастырю, и ссылался на «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова» (Л., 1935. С. 39).

⁴ Покровский Алексей Алексеевич (1875—1954) — историк, археограф, книговед, библиограф, публицист. Упомянутая в письме работа носит название: «Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ» (М., 1916).

⁵ Слова, принадлежащие сыну или ближайшему родственнику автора рукописи Станимира, — Тарасию, пожертвовавшему ее церкви Св. Воскресения в Пскове (см.: Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. С. 353).

7

Глубокоуважаемый Иван Михайлович!

Огромное спасибо Вам за хронограф. Как раз этого издания у меня не было, а я его искал.¹

Вчера защитил докторскую диссертацию. Голосование было единогласным при одном испорченном (недействительном) бюллетене.

Ваше предположение о фразе в хронике Кедрина² очень интересно, но его непременно нужно исследовать до конца, чтобы оно могло войти в обиход науки. Что, собственно, значит эта фраза — не греческая ли это поговорка? Если это *греческая* поговорка, то не указывает ли она на знакомство автора «Слова» с греческим языком, но для этого надо знать, что аналогичных поговорок или представлений о птицах не было в русском обиходе. Почему птица не избежит пагубы? Что это в самом деле такое — первобытно-тотемистические представления? И где, у каких народов они существовали? Все это возможно исследовать. Вообще одно только сопоставление ничего еще не дает для выводов, хотя находка сходства — самая важная часть научного построения.

В Ваших наблюдениях всегда есть эта блестящая первая ступень, но вторая уже отсутствует, и построения не получается, вывода не оказываются.

Так же точно и с крымскими готами. Крымские готы несомненно были, но называли ли их русские в XII в. «готами» или как-нибудь иначе? Как готы сами себя называли? Это важно выяснить, чтобы потом утверждать, что готами в древней Руси назывались только жители Готланда, и, следовательно, «готские девы» — это не крымчанки, а жительницы Готланда, торговавшего с Новгородом, и т. д.

Собираетесь ли в Ленинград? Как Ваши дочки?

Я ужасно устал, похудел, измотался нервами.

Привет! Ваш Д. Лихачев

16. I. 48

¹ Скорее всего, Лихачев благодарит за одно из изданий Хронографа 1599 года, который заинтересовал его в связи с подготовкой им к публикации «Повести о разорении Рязани Батыем в 1237 г.» по Волоколамскому списку XVI века Хронографа 1599 года, см.: Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 5—29, 119—142.

² Хроника Кедрина — см. прим. 28 к п. 3. Речь идет о фразе «...птица не избежит пагубы...».

8

Глубокоуважаемый Иван Михайлович! Простите, что не сразу Вам отвечаю: угрызают дела. С утра и до позднего вечера подгоняю свои долги по ин(ститу)ту, которые у меня создались из-за защиты. Закончил, наконец, подготовку к изданию «Повесть о Николе Заразском» (Евпатий Коловрат¹ и пр.) по 70 спискам.² Устал от подведения вариантов страшно. Надо приниматься за Ивана Грозного. Буду готовить к изданию его послание в Кирилло-Белоз(ерский) м(онасты)рь по всем спискам и издам книжечку «Избранные грамоты и послания Ив(ана) Грозного» для серии памятников ли-

тературы под ред. С. Н. Вавилова.³ Характеристика Грозного у меня вчерне готова (напечатает ее в № 11 ж(урнал) «Звезда»), но «угрызут» переводы, комментарии и розыски рукописей. С удовольствием отказался бы от этой книжки, но надо в будущем году обменять квартиру и кое-что прикупить из обстановки, а денег иначе не заработаешь.

Должен Вас огорчить: место в Ипатьев(ской) летописи с проклятиями по адресу Жирослава взято из «Истории Иудейской войны» И. Флавия.⁴ У Флавия есть и слова «лож пламян».⁵ Но самое имя Жирослав похоже все же что переименовано.

Большое Вам спасибо за указание на Гориславичей, а я, признаться, о них и не знал!! Вот Вы какой молодец, как любите летопись и как ее знаете. Я всегда убежден, что по-настоящему знают литературу не «литературоведы» (сухари, без вкуса, без чутья литературы — все, все, без исключения), а *читатели*. Теперь вижу, что историю русскую знают отнюдь не историки, летописи знают не «спецы» по летописи.

Как жаль, что мы с Вами живем не в одном городе.

Не знаю, как быть с летом — некуда ехать. Сестрорецк надоел, а отправиться подальше куда-нибудь мешает безденежье (в последнее время ничего не печатаю).

А как Вы? — куда едете?

Не забывайте меня Вашими письмами и не сердитесь, если вдруг не сразу отведу.

С самым дружественным приветом

Ваш Д. Лихачев

12. III. 48

¹ Евпатий Коловрат — один из персонажей «Повести о разорении Рязани Батыем», входящей в тот же рязанский цикл, что и «Повесть о Николле Зараском». Нигде, кроме «Повести о разорении Рязани Батыем», не упоминается. В некоторых редакциях Повести наделен отчеством Львович.

² Цикл повестей о Николле Зараском, созданный в первой половине XIV — середине XVI века, повествует о переносе иконы Николы Зараского из Курсуна в Рязанское княжество. Цикл состоит из местной легенды об иконе Николы Зараского, воинской повести, литературной переработки эпических сказаний, рассказа о чуде от иконы. Полное издание всего свода см.: Лихачев Д. С. Повести о Николле Зараском (тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 257—406.

³ См.: Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л., 1951 (сер. «Литературные памятники»). Послание, очевидно, написано в сентябре 1573 года в ответ на грамоту братии монастыря, просивших царя о «наставлении» в связи с возникшим в монастыре конфликтом между двумя высокопоставленными монахами — Иваном (Ионой Шереметевым) и Василием (Варлаамом Собакиным).

⁴ По мнению Кудрявцева, проклятия по адресу Жирослава принадлежат сменившему его летописцу Тимофею, духовнику Мстислава Удалого, и заимствованы им из Библии; например, фраза «якоже раздвиже земля уста своя прияти кровь брата твоего» — это близкий к тексту пересказ стихов Книги Бытия, где рассказывает о проклятии Богом Каина, убившего брата Авеля; фраза «и да будет двор его пуст, и в селе его не будет живущего» близка к тексту 68-го псалма (см.: Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 1228. Л. 24, 25).

⁵ Точная цитата: «И потом въста на Иосифа мужъ нѣкто, именемъ Иванъ, Лиуинъ сынъ, лукавыи льстець, нарочить и всѣхъ спротивѣи, ложъ пламененъ, но не именита рода. Тѣмъ же и до многа врѣмени убожество възбраняеть злобу его. И лъжею питаешся языкъ его, но мудростию възложаше вѣру на ложъ и красяшся лестию паче вѣнца. Лицемѣрець же верховнии величашся, зане прельщаше не токмо чужих, но от своихъ ближнихъ възлюбленныхъ имениа ради, кровѣпиць» (цит. по: Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 287). Такая характеристика дана Флавием вождю зилотов.

⟨23. III. 1948⟩

Глубокоуважаемый Иван
Михайлович!

О новгородском происхождении «Слова о погибели»¹ писал в ⟨19⟩41 г. М. Н. Тихомиров. Ему возражал Н. Г. Порфиридов² («Древний Новгород», Л., 1947 г., стр. 236, 237). Оба, однако, — и доказывающий, и возражающий, — очень не глубоки.

Древнерусский текст Иосифа Флавия опубликован в Париже: «La prise de Jérusalem de Joseph le Juif. Texte vieux-russe publié intégralement par V. Istrin», V. I, P⟨aris⟩, 1934; V. II, P⟨aris⟩, 1938.

Том третий еще не вышел. Справа — древнерусск⟨ий⟩ текст, слева — французский перевод Пьера Паскаля (известный француз-старообрядец, исследователь творчества Аввакума, переводчик его и издатель (дважды) во Франции).³

Еще недели 2 тому назад у нас в Библ⟨иотеке⟩ Ак⟨адемии⟩ наук была объявлена запись на спектакли МХАТ'а! Очевидно, приедете. Ведь уже собирают деньги!⁴

Что будем делать летом, — еще не знаем. У нас скверно с деньгами, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ из-за защиты я ничего не печатал, а на свои полторы зарплаты (академическую и университетскую) поехать на Рижское побережье и думать нечего. ⟨...⟩

Академические санатории — все под Москвой (в Поречье, в Болшеве и в Узком; есть еще в Кисловодске), но стоимость путевок там еще больше. Обычная путевка на Риж⟨ское⟩ побережье стоит 1200 р. (если покупать обычным порядком через Союз).

Мы мечтаем поехать либо за Псков — в русскую часть бывшей Латвии — в р⟨айон⟩ Пск⟨ово⟩-Печер⟨ского⟩ м⟨онасты⟩ря или на Кар⟨ельский⟩ перешеек к Выборгу. В Сестрорецке надоело, да и народу в последнее время там слишком много. Может быть, поедем под Лугу. Все зависит от того — будут ли деньги, и в каком размере. Не приедет ли и Ваша семья вместе с Вами в мае? Я буду тогда Вашим гидом. Л⟨енингра⟩д я знаю.

Привет! Ваш Д. Л⟨ихачев⟩

Датировано по почтовому штемпелю на конверте.

¹ Имеется в виду памятник XIII века «Слово о погибели Русской земли», посвященный монголо-татарскому нашествию. По мнению его исследователей, упоминаемые в «Слове» имена и контекст, в котором эти имена встречаются («до ныншяного Ярослава и до брата его Юрья»), отзвуки легенд о Владимире Мономахе и т. д. дают основание считать, что «Слово» было написано автором южнорусского происхождения в северо-восточной Руси. Время написания датируется периодом с 1238 по 1246 год.

² Порфиридов Николай Григорьевич (1895—1980) — новгородский краевед, с 1918 года возглавлял Губернское управление Новгородскими музеями, с 1938 года ученый секретарь новгородской секции Института истории АН СССР, после Великой Отечественной войны сотрудник Государственного Русского музея (Ленинград).

³ Паскаль Пьер (1890—1983) — французский славист, преподаватель Школы восточных языков и Сорбонны, переводчик на французский язык произведений Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Жил в России с 1916 по 1931 год.

⁴ Весной—летом 1948 года МХАТ на гастроли в Ленинград не приехал.

10

Глубокоуважаемый Иван
Михайлович!

Очень был рад получить от Вас письмо. Мы тоже были в Латвии, но не на побережье, а по Ленинградской дороге — в Сигулде (бывший) Зегевольд), в 2 ч (асах) езды от Риги. Это район рыцарских замков и всяких туристских аттракционов (пещеры, парадизы и пр.) на реке Гауйе (бывшая) Аа). Было дешево, приятно, тихо (почти полное отсутствие отдыхающих) и интересно (множество маршрутов для туристских прогулок). Однако в будущем году собираемся на побережье снять дачу в Лиелупе,¹ т(ак) к(ак) в Сигулде нам явно не хватало морских купаний. Сговоримся и найдем дом (если он будет большой) пополам?

Ваше наблюдение над «зегзицей» очень интересно, и вот, гл(авным) обр(азом), почему: дело не в «родственности» русского языка с латышским, а в том, что в X—XI вв. латыши заимствовали очень много слов у русских. Могли, следов(ательно), заимствовать и слово «зегзица».²

Примеры явно старых (X—XI вв.) заимствований обычны. Обратите внимание: русские называются у латышей кривичами (krievis, Русь — Krievu), т. е. они вступили в общение с русским еще до появления общезначимого наименования Русь, т. е. в X в. Очень много заимств(овано) религиозных терминов и административных: *погост*, *волость* (в смысле деревня, а не в значении XIX в.), *крест*, *поп*, *страда* (в значении работа) и мн(огие) др(угие). Поэтому латышский язык — источник для истории русского языка X—XI вв. В нем сохранились старинные значения русских просторечных слов, в письменность не проникавших. Все это надо было бы хорошенько исследовать. Жаль, что мы не лингвисты и что латышским языком никто из лингвистов не занимается (в Риге латыш-проф(ессор) Энзелин³ и только).⁴

Рига произвела на меня чрезвычайное впечатление (Старая Рига, а в новой — только Братское кладбище).

Дела очень много. Работаю над несколькими темами. Одна тема — готовлю вместе с проф(ессором) Б. А. Романовым комментированное издание «Повести вр(еменных) лет».⁵

Пишите! Ваш Д. Л(ихачев)

26. VIII. 48

(Приехали мы только что — 25. VIII).

¹ Лиелупе (латыш. *Lielupe*), часть Юрмалы, в 19 км от Риги, расположенная в излучине между Рижским заливом и местом впадения в него реки Лиелупе. Раньше это место называлось Булли, поскольку находилось на границе поместья Булли. Одно из первых мест, где появилась дачная застройка.

² В своих комментариях к изданию «Слова» в серии «Литературные памятники» в 1950 году Лихачев по поводу значения слова «зегзица» писал, что именно Кудрявцев обратил его внимание на то, что «в современном латышском языке, сохраняющем много древнерусских слов IX—X вв. и много слов, однокоренных с русскими, имеется слова dzeguze — кукушка» (Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 461).

³ Янис Эндзелинс (латыш. *Jānis Endzēlins*) (1873—1961) — латышский языковед, доктор филологических наук (1912), чл.-корр. АН СССР (1929), исследователь балтийских языков, основоположник латышского языковедения, специалист по сравнительному и историческому языковедению.

⁴ На обороте первого листа письма помета Кудрявцева: «См. книгу Н. Казаковой и И. Шаскольского „Русь и Прибалтика (IX—XII вв.)“. Л., 1945 г., стр. 16—21».

⁵ См.: Повесть временных лет: В 2 т. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц; подг. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.; Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»).

11

Глубокоуважаемый Иван
Михайлович!

Сердечно поздравляем Вас с присвоением Вам звания народного артиста и с высокой наградой. Когда мы получили «Лен(инградскую) правду» с приказом и нашли Вашу фамилию, мы всё читали вслух, девочки желали убедиться в факте этом собственными глазами, газета переходила из рук в руки, из комнаты в комнату и пр. Очень и очень рады.

Знаете ли Вы, что Ваша статья «К вопросу о похоронах отца Святополка в „Слове о п(олку) Игореве”» принята в № VII «Трудов Отд(ела) др(евне)русск(ой) литературы»? Как только она пройдет редактуру чл(ена)-корр(еспондента) АН СССР В. П. Адриановой-Перетц,¹ я пришлю Вам ее на утверждение. Это выдержки из Вашего письма ко мне по поводу обнаруженных Вами в Новгородской V лет(описи) и в Соф(ийской) I летописи текстов о похоронах Изяслава в св. Софии Киевской. Вы не возражаете? Кроме того, Ваше толкование этого места со ссылками на Вас войдет в комментарии к «Слову о п(олку) Игореве», которые войдут в том, посвященный «Слову», в серии «Памятники литературы» АН СССР² (в той же серии только что вышло «Хождение Аф(анасия) Никитина»).

Я жестоко хворал (кровотечение из язвы 12-перстной кишки). Лежал в больнице. Сейчас выздоравливаю, но почерк, как видите, еще корявый. Месяц пропал для работы.

Что-то давно от Вас нет писем.

Привет! Крепко жму руку. Радуюсь Вашим успехам.

28. X. 48

Перед болезнью я спрашивал Бориса Викторовича Томашевского о Вашей пушкинистской статье. Он сказал, что хотел бы ее опубликовать в формирующемся номере «Пушкинского временника»,³ но опасается того, что материал Вашей статьи уже использован Цявловским и может поэтому вызвать недоумения. Я бы советовал Вам написать Том(ашевском)у письмо (на адрес Пушк(инского) Дома — Л(енинград, Вас(ильевский) остр(ов), Тучкова наб., 2, Ин(ститу)т русской литературы АН СССР), чтобы на него нажать.

Объясните Томашевскому все, как было, и прямо попросите дать ответ — будет ли он печатать.

¹ Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888—1972) — филолог, литературовед-медиевист, фольклорист; чл.-корр. АН УССР (1926) и АН СССР (1943). В 1947—1954 годах возглавляла Сектор древнерусской литературы ИРЛИ РАН и была ответственным редактором «Трудов Отдела древнерусской литературы».

² Упоминаемое издание вышло в 1950 году в серии «Литературные памятники» и содержало критическое издание текста, подготовленное Лихачевым, ему же принадлежали переводы — ритмический и объяснительный, обширный историко-литературный очерк, подробные исторический и географический комментарии. В статьях В. П. Адриановой-Перетц и Н. Н. Воронина раскрывались связи «Слова» с фольклором и современным ему древнерусским искусством. В книгу вошли фототипическое воспроизведение Первого издания, текст Екатеринбургской копии, а также поэтические переводы «Слова» Жуковского, Майкова, Новикова, Стеллецкого и Заболоцкого.

³ Издание под заглавием «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии» выходило с 1936 по 1941 год (вышло 6 выпусков). С 1963 года под редакцией М. П. Алексеева стала выходить новая серия сборников под заглавием «Временник Пушкинской комиссии» (т. 1—9, 1963—1973). В 1940—1950-е годы «Временник» не выходил. Лихачев имеет в виду другое серийное издание — «Пушкин. Исследования и материалы» (т. 1—19, 1956—2004 гг.), первый выпуск которого готовился в 1948—1949 годах, но вышел только в 1956 году. См. также п. 13.

12

〈26. VIII. 1949〉

Дорогой Ив(ан) Мих(айлович)! Посылаю Вам обещ(анные) 2 экз(емпляра) «Слова». Соф(ийская) I летопись оправдала мои предположения: там в результате соедин(ения) обычной «Пов(ести) вр(еменных) лет» с Новг(ородской) I, где хронология та же, Всеслав *после* захвата Киева нападает на Новгород. Буду читать всю Софийскую — не найдется ли еще чего-нибудь. Как Вы доехали? Мы доехали хорошо, хотя на вокзале при посадке несколько поволновались девочки.

С удовольствием вспоминаю Асари и наши встречи.

Пишите для наших «Трудов». Начала поступать верстка того тома, где Ваша статья. Задерживает только юбилей И. П. Павлова.¹ В декабре том этот выйдет.

Ваш диагноз оказался правильным. Я ходил к гомеоп(ату) Сорокиной («светило»), и она нашла у меня восп(аление) желч(ного) пузыря и увелич(енную) печень. Следовательно, я человек «желчный». Имейте это в виду при общении со мной. Не сердитесь. Привет Марг(арите) Вл(адимировне) и девочкам.

Ваш Д. Л(ихачев). Все наши Вам кланяются.

Датировано по почтовому штемпелю.

¹ Имеется в виду отмечавшийся в сентябре 1949 года столетний юбилей физиолога Ивана Петровича Павлова; вероятно, те издания, которые торопились издать к его юбилею, задержали работу над очередным томом «Трудов Отдела древнерусской литературы».

13

〈17. IX. 1949〉

Дорогой Иван Михайлович!

«Тридцать три несчастья» (это я) свалился из троллейбуса и повредил себе ступню. Надо будет лежать дня четыре. Холецистит почти прошел.

Перевод Ваш получили. Спасибо.

Вот новости. Ваша статья в «Трудах ОДРЛ» уже сверстана. Месяца через 2, наверное, появится в свет.

Несколько дней назад утвердился сборник «Пушкин» (новое название «Пушкинского временника»). Там Ваша статья — «Новое в отношении Пушкина к Карамзину» (кажется так). Сборник утвержден, но предложено дополнить статью общего характера. Очевидно, пойдет в изд(ательств)во через месяц. Сборник сильно «похудел» за лето (до 30 л(истов) с 50), но Ваша статья сохранила все свои позиции.

Читал свои комментарии к Всеславу в «Слове» в ОДРЛ,¹ встретил ожесточенные возражения Еремина² и Скрипиля,³ которые не хотят видеть в «Слове» никакой исторической конкретности, а лишь поэтическую неопределенность. В сущности, мои толкования не встретили возражений, встретил возражения *я сам*. Ко мне эти люди не благоволят и тем больше не благоволят, чем успешнее я выступаю. Их неблагоприятием я польщен.

Дома у нас все благополучно. «Тридцать три несчастья» похворает, похворает, да и выздоровит. <sic!〉

Как девочки и Маргарита Владимировна?

Привет всем и от всех наших.

Ваш Д. Лих(ачев)

Датировано по штемпелю на конверте.

¹ В Отделе древнерусской литературы Лихачев выступил с сообщением о том, как он комментирует упоминание о Всеславе Брючиславиче Полоцком в «Слове о полку Игореве» в готовящемся издании «Слова» в серии «Литературные памятники».

² Еремин Игорь Петрович (1904—1963) — историк литературы, доктор филологических наук (1937), научный сотрудник Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (с 1934), преподаватель ЛГУ (с 1938), профессор, декан филологического факультета, заведующий кафедрой русской литературы (с 1951); читал курс истории русской литературы XI—XVIII веков, вел спецкурсы и спецсеминары по истории древнерусской и украинской литературы. В письме, написанном, по-видимому, непосредственно после доклада, отразилась обида Лихачева на непонимание или неприятие его исторического подхода к изучению «Слова о полку Игореве». Впоследствии Еремина и Лихачева связывали прочные научные отношения. Именно Лихачев выступил инициатором посмертного издания работ Еремина (см.: *Еремин И. П.* Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966), для которого написал вступительную статью. В библиотеке Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН хранится экземпляр этого издания из личной библиотеки Д. С. Лихачева (переданной в Отдел после его смерти) с пометами ученого.

³ Скрипиль Михаил Осипович (1892—1957) — доктор филологических наук (1944), профессор, сотрудник Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1938—1954), с 1954 года заведующий Сектором народного творчества, и. о. ученого секретаря ИРЛИ (1945—1954).

14

Дорогой и милый Иван Михайлович!

Что-то от Вас нет ни слуху, ни духу? Рассердились, обиделись, много работаете, уехали, забыли? Мое дело — швах! Сперва упал из троллейбуса, затем язвенное кровотечение. Вот уже скоро неделя, как лежу в постели не вставая. Сейчас лучше, дней через пять буду вставать.

«Труды» наши печатаются, а в них Ваша статья. О сборнике «Пушкин» пока еще ничего не слышал. Думаю, что тоже скоро пойдет в изд(ательств)во. А в сборнике этом опять-таки Ваша статья! Пишете ли Вы для формирующегося VIII т(ома) «Трудов»? Подберите что-нибудь из Ваших наблюдений, такое же убийственно ясное и четкое. Есть еще срок — месяц, но не больше.

Собираетесь ли побывать в Л(енингра)де? Хотелось бы повидаться.

Как поживают Маргарита Владимировна и дочери?

Привет всем. Ваш Д. Лих(ачев)

13. X. 49

Зинаида Александровна всем передает поклон.

15

(23. XII. 1949)

Дорогой Иван Михайлович!

Не будет ли у Вас материалов для сб(орника) «Слово о полку Игореве»?¹ К(акого)-л(ибо) толкования отдельных мест — «чтобы деньги на бочку»?! Пересмотрите и те материалы, которые пересылали раньше мне. Мы принимаем сборник. Срок сдачи материалов — 1 февраля. Выйдет сборник к сентябрю 1950. Сборник гонорарный, в отличие от «Трудов». Нет ли материалов у Ильи Михайловича?² Работу о Вассиане можно было бы предложить для VIII т(ома) «Трудов».³ Их будем собирать осенью. Зондирую почву в «Истор(ических) записках».

Отгиски пошлите Гудзию⁴ и Творогову.⁵ Адрес Ник(олая) Каллиникова Гудзия: Москва, Грановского, 4, кв. 10. Из озорства можно было бы по-

слать оттиск и Ржиге⁶ (Вяч⟨еславу⟩ Фед⟨оровичу⟩), Москва, Б. Якиманка, Первый Бабьегородский переулок, 13, кв. 10).

Варв⟨ара⟩ Павл⟨овна⟩⁷ — до 27-го в Москве, недалеко от Вас: Чистые Пруды, 26, кв. 10 (во дворе, бывший гараж). Она будет Вам рада. Предложение участв⟨овать⟩ в сборнике идет от нее.

Привет всем Вашим от всех наших. Как здоровье Маргариты Владимировны?

Ваш Д. Лих⟨ачев⟩

Едем на юг в июле?

Добыли ли фото у брата?⁸

Датировано по почтовому штемпелю на конверте.

¹ Речь идет о подготовке книги «Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей», вышедшей в 1950 году. В ней были опубликованы две работы Лихачева: «Исторический и политический кругозор автора „Слова о полку Игореве“» и «Устные истоки художественной системы „Слова о полку Игореве“».

² Имеется в виду брат Ив. М. Кудрявцева — Илья Михайлович Кудрявцев (1907—1982) — историк, археограф, источниковед, хранитель древнерусских рукописных книг Отдела рукописей ГБЛ (ныне РГБ) (1946—1971), что, видимо, сыграло свою роль в увлечении Ивана Михайловича древнерусской литературой.

³ В статье Ильи М. Кудрявцева «„Послание на Угру“ Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в.» (ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 158—186) речь идет о послании архиепископа ростовского Вассиана Рыло к великому князю московскому Ивану III 1480 года, в котором Вассиан доказывал необходимость решительных действий против татарского хана Ахмата.

⁴ Гудзий Николай Каллиникович (1887—1965) — литературовед, историк литературы; академик АН УССР (1945). Автор первого учебника по истории древнерусской литературы для вузов (М., 1938), составитель хрестоматии по литературе XI—XVII веков (М., 1935). Исследователь «Слова о полку Игореве».

⁵ Творогов Леонид Алексеевич (1900—1978) — филолог, краевед, собиратель и хранитель древнерусских рукописей, научный сотрудник и научный библиотекарь НИИ книговедения, затем ГПБ (1925—1928). В 1929 году был арестован и осужден по делу Академии наук (реабилитирован в 1975 году). С 1945 года жил в Пскове, работал старшим научным сотрудником Псковского историко-художественного музея, заведующим его библиотекой, в 1947—1949 годах создал при музее кабинет «Слова», а в 1953 году — Древлехранилище, в котором собирал коллекцию рукописных, старопечатных и редких книг.

⁶ Ржига Вячеслав Федорович (1883—1960) — филолог, профессор Московского университета (с 1914) и Высших женских курсов, а затем МГПИ им. В. И. Ленина, научный сотрудник НИИ языка и литературы (1921—1931). Исследователь древнерусской литературы. Исследователь и издатель «Слова о полку Игореве».

⁷ Имеется в виду В. П. Адрианова-Перетц.

⁸ Брат Дмитрия Сергеевича — Михаил Сергеевич Лихачев фотографировал летом 1949 года в Прибалтике семьи Лихачева и Кудрявцева, один комплект фотографий он прислал брату и собирался передать фотографии Кудрявцеву (см.: Музей МХАТ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 465).

Дорогой Ив⟨ан⟩ Мих⟨айлович⟩! Надеюсь, что у Вас все благополучно и операция прошла благополучно. Придумал Вам тему, но надо ее сделать срочно. Напишите по поводу «хинове» в «Сл⟨ове⟩ о п⟨олку⟩ Игореве».¹ Приведите свидетельства о том, что это означало в XVIII в. (Ломоносов и пр.), а затем скажите, что хотя в письменности свидетельств др⟨евне⟩р⟨усских⟩ прямо нет, но Китай был известен и в античности, и у Козьмы Индикоплова.² Достаньте только книгу В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России», Л., 1925. Посмотрите стр. 50 и 48.³ Загляните также в различные словари энцикл⟨опедического⟩ типа. Вы сможете сделать такую статью за 1 день (страницы на 3, — чтобы «деньги на бочку», как и в 1-ой Вашей статье). Вот Вам легкая тема, с которой Вы быстро справитесь. Время вырвите. Это надо сделать. Ваш Д. Лихачев

Привет! Простите, что не пишу много — очень много работы. Поклон Маргарите Владимировне и девочкам. Сб(орник) «Пушкин» обещают скоро сдать в печать.

29. I. 50

¹ Речь идет о выдвинутой Кудрявцевым версии толкования трех фраз в «Слове», в которых употребляются слова с корнем «хин»: «...и великое буйство подасть хинови», «...и многи страны — хинова, литва...», «хиновская стрълка». Он предлагал видеть в этом слове название для каких-то неясно представляемых на Руси восточных народов. В составленных для издания «Слова» в серии «Литературные памятники» историческом и географическом комментариях Лихачев привел ряд свидетельств в пользу версии Кудрявцева: «...В античности и позднее в Византии под названием „чин“, „син“ или „хин“ были известны китайцы. Это название китайцев встречается и в Космографии Козьмы Индикоплова, и в „Хождении за три моря“ Афанасия Никитина (...), у Николая Спафария (...). Название Китая „Хин“ удерживалось на Руси вплоть до XVIII в. (...) В „Слове о полку Игореве“ слово „хинове“ не означает, конечно, точно китайцев; Китай не был известен Руси в XII в. Слово это означает какие-то неведомые восточные народы, нелепые слухи о которых могли доходить из Византии, и от самих восточных народов, устно и через „ученую литературу“ „космографии“. Подобно тому, как победы Руси встречают радостный отклик у венецианцев, моравов, греков, немцев, так и победы половцев вызывают радостное возбуждение («великое буйство») у далеких восточных народов, которых на Руси представляли себе неясно (...) Подобно тому, как русские дружины отдельных княжеств могут носить „ляцкое“ или „латинское“ вооружение, половцы употребляют аварские племени и „хиновские“ стрелы» (см.: *Лихачев Д. С.* Комментарий исторический и географический... С. 428—429). О различных толкованиях слова «хинова» в «Слове» см.: *Гузев В. Г., Творогов О. В.* Хин(ова) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. С. 179—183).

² Древнейший из греческих списков «Христианской топографии» византийского купца и географа Козьмы Индикоплова (VI век) относится к IX веку. Она была широко распространена на Руси, где носила название «Книга о Христе обиемлюща весь мир». В древнерусской письменной традиции насчитывается свыше девяноста списков (полного текста и отрывков) «Топографии», датируемых XV—XIX веками.

³ Бартольд Василий Владимирович (1869—1930) — ориенталист, экстраординарный (с 1901), ординарный (с 1906) профессор Петербургского университета, чл.-корр. Академии наук (1910). Упомянутая Лихачевым работа впервые вышла в Санкт-Петербурге в 1911 году в качестве университетского курса лекций. На указанных страницах Бартольд писал об известном в Римской империи народе «сины» и о происхождении наименования «Чина», «Чинистан» (Китай).

17

Дорогой Ив(ан) Мих(айлович)! Что же Вы не хотите написать о «хиновах»? Ведь это один вечер, только. Я на Вас уже и ссылку сделал в комментариях к «Слову». Постарайтесь, дорогой И(ван) М(ихайлович).

Урывками читаю работу Ильи Мих(айловича).¹ Очень интересно, эрудитно. По прочтении покажу ее Варв(аре) Павл(овне), и мы с ней вместе отберем, что печатать в первую очередь. Жаль, что придется материал несколько ужимать. Нас очень стесняют сейчас с объемом «Трудов» (расходы по изданию несет теперь не издательство, которое к нам благоволит, а ин(ститу)т наш, которому мы просто «древники»).

Летом придется проводить время в Териоках или где-нибудь здесь, так как будет очень много корректур («Пов(есть) вр(еменных) лет» — 55 л(истов), «Слово» — л(истов) 20, другое «Слово» — 5 л(истов) и третье «Слово» — 10 л(истов)²).

Желаю всей Вашей семье как можно больше здоровья, а Вам, кроме того, и отдыха, что равняется пожеланию здоровья.

Наши шлют всем Вам привет.

Привет всем Вам и от меня. Ждем Вашего приезда.

Ваш Д. Лихачев

9. II. 50

¹ Ильи М. Кудрявцева.

² Помимо упоминаемых выше работ в 1950 году вышла первая научно-популярная книга Лихачева о «Слове»: «„Слово о полку Игореве“. Историко-литературный очерк» (М.; Л., 1950).

18

Дорогой Иван Михайлович!

Где Вы и что Вы? Кажется целый век не получал от Вас писем. Почему? Впрочем, этот вопрос м^ожет б^ыть обращен и ко мне. Мы прожили лето под Ленинградом на Кар^{ельском} перешейке. Много работал — почти не отдохнул. Через месяц поступит в продажу «Сл^{ово} о п^{олку} Иг^{ореве}» в серии «Лит^{ературные} памятники». Там Вы неоднократно упоминаетесь.

Пишите! Привет Маргарите Владимировне и дочкам.

Ваш Д. Лих^{ачев}
11. IX. <1950>

Год установлен по почтовому штемпелю.

19

Дорогой Иван Михайлович!

Как Вы поживаете? Черкните мне, пожалуйста, о себе словечка два. Собираетесь ли в Л^{енингра}д? В этом году мы будем жить за Зеленогорском, в Ушкове. Место там чудное. Приезжайте. Не хотите ли дать к^{акую}-л^{ибо} заметку о «Слове»? Мы готовим X вып^{уск} «Трудов».

16 апреля празднуется юбилей почтенного Николая Кирияковича Пиксанова (75 лет от роду и 50 лет научной деятельности).¹ Не прислал ли бы ему телеграммное приветствие МХАТ? Он ведь всю жизнь отдал Грибоедову и «Горе от ума» (более 50 работ о «Горе от ума!»). Он издал первое академич^{еское} издание сочинений Грибоедова; первый ввел понятие «творческой истории» произведения, применив это понятие к «Горе от ума». Пиксанов был первым, который стал по-научному изучать творчество Горького, открыл его как поэта (есть и об этом книжечка), писал и о «На дне». Всего у него более 500 печатных работ.

Юбилей — последнее радостное событие в его жизни.

Ваш искренне Д. Лихачев

18. III. 53

Приветствие МХАТ'а ученому, литературоведу — это очень красиво!

Зин^{аида} Александр^{овна} кланяется.

¹ Пиксанов Николай Кириякович (1878—1969) — литературовед, библиограф, текстолог, преподаватель Высших Бестужевских женских курсов (1908—1917), Педагогической академии и Психоневрологического института (с 1908), член Комиссии Императорской АН по изданию русских классиков (с 1911), член Государственной академии художественных наук (с 1921), профессор МГУ, ЛГУ, Саратовского и Среднеазиатского университетов, чл.-корр. АН СССР (1931), сотрудник ИРЛИ АН СССР (1932—1955), где заведовал Рукописным отделом, Отделом новой русской литературы.

20

Дорогой Иван Михайлович!

Очень рад был получить от Вас письмо. Очень рад и тому, что Вы возобновили Ваши занятия «Словом». Мне кажется, что Вы взяли очень нужную тему, до конца не только не разработанную, но только начатую. Понятия «Задонщины» могут быть очень важными для изучения языка «Слова», отдельных темных мест, порядка «Слова».¹ Для последнего, однако, надо было бы вопрос поставить более широко:

1) Доказать, что порядок заимствован из «Слова», сохраняет в какой-то мере элемент первоначального порядка в «Слове».

2) Доказать, что перестановки в «Задонщине» получились по тем или иным причинам, что автор «Задонщины» берет стилистические и иные заимствования, сообразуясь со смыслом, с определенной идеей. Зная эту идею или способ работы автора «Задонщины», и можно восстановить первоначальный порядок, в котором были заимствования из «Слова» в самом «Слове».

Прежде всего нужно перенумеровать все заимствования и сопоставить их порядок в «Задонщине» и в «Слове» примерно так:

Слово о п(олку) Иг(ореве)		Задонщина
1 (нынешний текст)	След(уют) целые куски	6
2		7
3		8
4	След(ует) целый кусок	1
5		2
6		7
7	След(ует) целый кусок	4
8		5
9		

И т(ак) д(алее).

А отсюда возможны и другие выводы.

Одним словом, правильная методика требует комплексного, цельного изучения порядка заимствования, а не эпизодического, не выхватывания отдельных фактов, а изучения всех фактов. Это возможно, нетрудно, интересно, и очень может быть, что все Ваши отдельные наблюдения оправдаются. Например, как обстоит дело с известной перестановкой в «Слове о п(олку) Иг(ореве)» в его начале? М(ожет) б(ыть), «Задонщина» даст какие-либо результаты и тут? Все это интересно, и Ваше письмо непременно покажу Варваре Павловне.

Я очень устал, в отпуске в 1954 году еще не был.

Зин(аида) Алекс(андровна) шлет приветы.

Спасибо за письмо. Скоро пришлю Вам второе издание брошюры о «Сл(ове) о п(олку) Иг(ореве)».

Ваш Д. Лихачев

11. II. 55

Были в Таллине и восхищались.

¹ За основу «Задонщины» (поэтического произведения о Куликовской битве) ее автор взял «Слово о полку Игореве». Рассказывая о победе над Мамаем, он пользуется и образами, и отдельными фразами, и целыми отрывками «Слова». Развернутый анализ «Задонщины» как под-

ражания «Слову» см.: *Лихачев Д. С.* Черты подражательности «Задонщины»: (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве») // Русская литература. 1964. № 3. С. 84—107.

21

Большое спасибо Вам, дорогой Иван Михайлович, за очень тронувшее меня поздравление. Я всегда чувствую к Вам особую симпатию, и поэтому мне было очень приятно, что Вы меня вспомнили.¹

Ваш *Д. Лихачев*

29. XI. 56

Почтовая открытка.

¹ Речь идет о поздравлении, присланном Кудрявцевым Лихачеву в связи с его пятидесятилетием, отмечавшимся 28 ноября 1956 года.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

«ЖИВА ЛИ ТЫ ЕЩЕ?..»

(ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКОГО К А. А. ВОЕЙКОВОЙ)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ © С. В. БЕРЕЗКИНОЙ;
ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © Н. Л. ДМИТРИЕВОЙ)

Особое место в эпистолярном наследии Жуковского занимают его письма к Александре Андреевне Воейковой (1795—1829, урожд. Протасова), нежно любимой племяннице и другу. Здоровье Воейковой по-особому заботило Жуковского, поскольку вся жизнь ее была омрачена тяжкими обстоятельствами неудачного брака с А. Ф. Воейковым (1778 или 1779—1839).¹ В 1827 году у нее обнаружили признаки туберкулеза, и в августе она выехала для лечения в Европу. О заграничной жизни Воейковой, вплоть до ее смерти в Пизе 14 (26) февраля 1829 года, а также о переписке за этот период с близкими, в частности с Жуковским, подробно рассказывалось в книге Н. В. Соловьева.² Значительным дополнением к представлениям о контактах Жуковского с ней в это время служат публикации К. К. Зейдлица и М. Л. Гофмана.³

Последний раз Жуковский виделся с Воейковой в Берлине в сентябре 1827 года,⁴ после чего она вместе со всеми своими четырьмя детьми отправилась на юг Франции, в Прованс. Видимо, при расставании они условились об интенсивной переписке, которая должна была скрасить положение больной. Переписка была затруднена, поскольку на доставку послания только в одну сторону уходило около тридцати дней. В письмах Жуковский сообщал новости из жизни не только приятельского круга, но и придворного (а с ним Воейкова была хорошо знакома), посылал ей свои стихи и книжные новинки. Письма как Жуковского, так и Воейковой пересылались для ознакомления узкому кругу друзей (главным образом В. А. Перовскому и гр. П. В. Толстой), поэтому многие из них затерялись. Отголоски сведений о заграничной жизни Воейковой из ее несохранившихся писем звучат во многих письмах Жуковского к А. И. Тургеневу.

За период заграничного путешествия Воейковой сохранилось пятнадцать писем к ней Жуковского. Двенадцать из них известны лишь по копиям Александры Александровны Воейковой (1817—1893), дочери Светланы,⁵ по которым они и были напечатаны Н. В. Соловьевым.⁶ Там, где Александра Александровна Воейко-

¹ Из новейших работ, освещающих трагическую историю этого брака, причем с момента появления А. Ф. Воейкова в кругу семейства Протасовых в 1813 году, см.: *Березкина С. В. Письма Жуковского к Воейкову второй половины 1814 г. // Жуковский: Материалы и исследования. Томск, 2017. Т. 3 (в печати); «Разлука не развод...»: Из неизданной переписки В. А. Жуковского и А. Ф. Воейкова 1823 г. / Вступ. статья С. В. Березкиной; комм. и подг. текста А. Ю. Балакина и С. В. Березкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб., 2016 (в печати).*

² *Соловьев Н. В. История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1916. Т. 1. С. 149—259; Т. 2. С. 62—74.*

³ *Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1783—1852: По неизвестным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883. С. 145—150; Гофман М. Л. Жуковский в семье Протасовых и Воейковых // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1925. Т. 9. С. 248—249.*

⁴ См.: *Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 293, 295—296.*

⁵ ИРЛИ. № 22737.

⁶ Ссылку на копии этих писем как источник публикации см.: *Соловьев Н. В. История одной жизни... Т. 2. С. 62.*

ва оставляла на месте не разобранных ею, чаще всего французских слов пробелы — в соответствии с их объемом, иногда на несколько слов — в его публикации также ставился пробел, но, к сожалению, не всегда: он опускался публикатором, если оказывался между двумя законченными фразами. Перекочевали в публикацию Соловьева и другие погрешности копий, такие, например, как неверные даты и объединение разных писем в один эпистолярный текст (с утратой даты второго, оказавшегося присоединенным, письма).

Особая часть этой переписки — три последних, на французском языке, письма Жуковского к Воейковой, сохранившихся в подлинниках.⁷ Это были послания, в которых Жуковский прощался со своей любимой Сашей: первое получить она не успела, а два последующих адресовались уже умершей женщине... Из трех писем лишь первое было напечатано полностью (для настоящей публикации мы провели сверку с подлинником, уточнив его текст и перевод, сделанный Зейдлищем); два же последующих, как во французском оригинале, так и в переводе, никогда не печатались полностью (отрывочные их переводы, печатавшиеся ранее, нами пересмотрены и дополнены). Не публиковались они и в изданиях писем Жуковского. Более того, отсутствие републикации этих писем в каком-либо из изданий привело к расхождению в исследовательских работах, когда в качестве прощального письма поэта к Светлане называлось то одно из них, то другое. Именно поэтому в подготовленную нами публикацию мы включили все три письма, разъясняющие настроение болезненной тревоги, в которой пребывал (в течение целого месяца!) не имевший известий от Воейковой Жуковский. Они передают душевные метания поэта, когда он, благословив ее в письме от 4 (16) февраля 1829 года как некоего ангела отправляться без страха и печали туда, где ее «ждут» (т. е. на небеса), потом, по-видимому, решил несколько смягчить свой порыв и начал другое письмо, от 19 февраля (3 марта) 1829 года, в котором пытался предостеречь ее от мысли о не-

⁷ Дошедшие до нас письма В. А. Жуковского свидетельствуют о том, что в существовавшем в России первой половины XIX века русско-французском эпистолярном обиходе он отдавал предпочтение русскому языку. Даже корреспондентам-женщинам, которым по правилам эпистолярного этикета полагалось писать по-французски (Пушкин, например, соблюдал это правило, делая исключение для своей жены, ее матери, а также женщины-писательницы, например, Н. А. Дуровой, А. О. Ишимовой), Жуковский писал по-русски (для его естественным исключением был лишь круг, во-первых, императорской семьи, а во-вторых, придворный). По-русски, с незначительными французскими вставками, писал он и А. А. Воейковой. Тем удивительнее, казалось бы, его обращение к французскому языку в прощальных письмах к «милый Саше». Помимо существовавших правил, как кому писать и на каком языке, для русских билингов существовала некая внутренняя потребность в выборе того или иного языка. Так, например, для Пушкина французский язык оказывался востребованным, когда возникали сложности или неприятности (например, в его двуязычной переписке с А. Х. Бенкендорфом). При том, что пушкинские французские письма на лексическом уровне более «чувствительны», самые его открытые и откровенные письма написаны на русском языке (подробнее см.: *Дмитриева Е. Е.* О некоторых вопросах билингвизма пушкинского письма и пушкинского эпистолярия // *Мультилингвизм и генезис текста: Материалы международного симпозиума.* М., 2010. С. 71—75; *Дмитриева Н. Л.* Особенности французско-русского двуязычия на примере писем Пушкина // *Россия и Франция: диалог культур.* Тверь, 2015. С. 82—99). Писать к умирающему близкому человеку, как в случае с прощальными обращениями Жуковского к Воейковой, — непростая задача, требующая нужных слов и нужного тона. Предпочтение могло быть отдано французскому языку как более нейтральному, к тому же позволяющему быть более сдержанным. За языком, «коего механические формы уже готовы и всем известны» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 34), была возможность «укрыться», сказав при этом все, что положено, но не раскрывая души до конца. Некоторая «отстраненность» проистекает из необходимости употребления местоимения «вы» в обращении к адресату (даже если в русскоязычной традиции корреспондент был с адресатом на «ты»); это обязательное требование этикета написания французских писем в России. При переводе на русский язык вместо обращения на «вы» дается «ты», поскольку известно, что Жуковский именно так обращался к Воейковой. Следует, однако, заметить, что непосредственное чувство пребывает само собой, и в третьем (последнем) письме он неоднократно сбивается на местоимение единственного числа «tu» (ты). Французский язык — на фоне обычно применявшегося Жуковским русского языка — подчеркивает в этих письмах трагизм ситуации (*прим. Н. Л. Дмитриевой*).

избежности перехода в мир иной (эти письма получил в Италии Зейдлиц и затем привез в Россию). Наконец, 2 (14) марта 1829 года Жуковский пишет третье письмо, с извинением за предыдущие, которые, как он справедливо полагал, могли взволновать больную (а она до самых последних дней пребывала в надежде на выздоровление), и с какими-то петербургскими новостями, приоткрывающими, что у него самого, в тот момент, еще теплилась надежда. Письмо это Жуковский не отправил (оно сохранилось в его бумагах), а вскоре, 9 марта, до него дошла, наконец, и весть о смерти Воейковой. Напряженный сюжет внутренних переживаний Жуковского и его убежденность в благостности того небесного мира, который ожидал Воейкову, объединяют три его французских письма, вызванных ее близящейся кончиной.

1

4 (16) февраля 1829 года

J'ai lu votre lettre à Peroffsky. Je ne me fais plus d'illusion — il faut vous perdre; je ne sais pas même à qui j'écris, existez-vous encore? Lirez-vous cette lettre? Je ne demande à Dieu que de vous donner assez de vie pour pouvoir la lire. Ce n'est pas pour vous attendrir, ni pour vous troubler par ma douleur, que je vous écris dans un pareil moment: je sais, que la mort ne peut avoir rien d'effrayant pour vous! Est-il si difficile de devenir un ange, d'accepter la tranquillité de l'autre vie, d'abandonner la peur de celle-ci? Votre vie a été pure! Partez pour votre destination! Je vous bénis! Je sais, que vous êtes tranquille et sereine. Je veux seulement calmer vos derniers moments, par rapport à ce qui restera de vous dans ce monde. Ne vous inquiétez par sur le sort de vos enfants. Nous les adoptons — moi, Peroffsky et Pauline. L'Impératrice est là — confiez vous à son âme. Catherine et Alexandrine, je l'espère, pourront demeurer près de moi. Je tâcherai de trouver une personne de confiance qui pourra veiller sur elles. Pauline d'abord pourra prendre soin de Marie. André doit rester à Genève; il est très bien là, où il est, il sera loin de l'influence de son père; et après avoir fini ses études préliminaires il reviendra, et j'en prendrai soin. Soyez tranquille, mon amie; ne vous troublez pas en acceptant ce que Dieu ordonne. La providence représentera pour vos enfants l'âme de leur mère; elle leur payera votre vie si pure, si innocente, si éprouvée. Quant à nous, ne vous troublez pas par notre douleur — il faut passer par là! Mais vous serez vivante pour nous dans notre attachement pour vos enfants, dans les soins que nous en prendrons. Je vous bénis, résigné à vous perdre. Si pourtant Dieu dans sa bonté en a décidé autrement que cette lettre soit pour vous comme un testament fait d'avance.

Я прочел твое письмо к Перовскому.¹ Я не питаю никаких иллюзий — нам должно лишиться тебя; я даже не знаю, кому я пишу, жива ли еще ты? Прочтешь ли ты это письмо? Я прошу Бога только о том, чтоб Он сохранил тебе довольно сил, чтобы прочесть это письмо. Не для того, чтобы разжалобить или потревожить тебя моею печалью, пишу я в такую минуту: я знаю, что в смерти нет для тебя ничего страшного! Неужели так трудно стать ангелом, принять спокойствие иной жизни, покинуть страх жизни здешней? Твоя жизнь была чиста! Ступай туда, где тебя ждут! Я благословляю тебя! Я знаю, что ты спокойна и светла. Я хочу только успокоить твои последние минуты известием о том, что останется от тебя в этом мире. Не беспокойся об участи твоих детей. Мы их усыновляем — я, Перовский и Полина.² Государыня не забудет их — положишь на ее сердце.³ Катя и Саша, надеюсь, могут жить со мною.⁴ Я постараюсь найти надежную особу, которая могла бы наблюдать за ними. Полина может взять на себя заботы о Маше.⁵ Андрюша должен

остаться в Женеве; он очень хорошо пристроен там, где он находится, и будет устранен от отцовского влияния; окончив свое первоначальное обучение, он возвратится, и я позабочусь о нем.⁶ Будь покойна, мой друг; не тревожься, принимая то, что Бог велит. Провидение заменит для твоих детей душу матери; оно вознаградит их за твою жизнь, столь чистую, невинную и полную испытаний. О нас и нашей горести не беспокойся — перенести ее необходимо! Но ты будешь жить для нас в привязанности нашей к твоим детям, в заботах наших о них. Я благословляю тебя, покоряясь необходимости потерять тебя. Если же Бог в Своей благодати судил иначе, да послужит тебе это письмо завещанием, сделанным заблаговременно.

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 91. Л. 1—1 об. Напечатано: *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. С. 146.

По-видимому, было послано с письмом к Зейдлицу (он находился при больной в Италии) от 4 (16) февраля 1829 года, которое Жуковский так же, как и письмо к Воейковой, начал с сообщения о своем знакомстве с ее письмом к Перовскому от 11 (23) января 1829 года. Письма к Воейковой и к Зейдлицу близки и содержательно, и эмоционально.

В дополнение к трем прощальным письмам, адресованным Воейковой из Петербурга в феврале — начале марта 1829 года, Жуковским, возможно, было написано еще одно, совместно с гр. П. В. Толстой, которое упомянул М. Л. Гофман (см.: *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926. С. 69 (№ 243)). Письмо это до нас не дошло (от него сохранился лишь крошечный женский конвертик с надписью рукой Жуковского, см.: «Жизнь и Поэзия одно...»: В. А. Жуковский: Образительные и документальные материалы из собраний Пушкинского Дома. СПб., 2013. С. 153). По мнению Соловьева, в этих письмах Жуковский говорил Светлане о том, что «скрывали от нее другие, меньше знавшие ее душу» (*Соловьев Н. В.* История одной жизни... Т. 1. С. 245).

«Никогда, даже говоря о своем близком конце, — писал Зейдлиц Жуковскому 15 (27) марта 1829 года, — она не беспокоилась о судьбе своих детей. Мысль, что их воспитание будет ведено кем-нибудь другим, а не вами, никогда даже не возникала в ее душе» (Там же. С. 257). Во всех письмах Жуковского, связанных с Воейковой и написанных как в последние дни ее жизни, так и после смерти, красной нитью проходит мысль о необходимости изолировать детей от их отца, А. Ф. Воейкова. В качестве «усыновителей» (слово употреблено в фигуральном смысле, поскольку законных оснований для усыновления не было) Жуковский называет в письме от 4 (16) февраля 1829 года себя, В. А. Перовского и гр. П. В. Толстую. Предположения о том, что старшие девочки (четырнадцатилетняя Катя и двенадцатилетняя Сапа) могут жить у него, а младшая (трехлетняя Маша) — у Толстой, были, конечно же, утопичны. Обдумывая будущность сирот, он наметил общую стратегию их образования и материального обеспечения, исходя из возможностей, во-первых, своих, а во-вторых — рассчитывая на помощь императрицы. Жуковский обеспечил сестер Воейковых вкладами в банке, предназначил им, по завещанию 1837 года, доходы от аренды, наконец, сделал их наследницами своей недвижимости, которую впоследствии продал, разделив между ними деньги (см.: *Мисайлиди Л. Е.* Завещание В. А. Жуковского 1831 г. // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5. С. 111).

В работах, упоминающих о материальном обеспечении Жуковским дочерей его любимой племянницы, нет указаний на заботы такого рода со стороны их отца, А. Ф. Воейкова. А между тем, если верить его письмам к Жуковскому (начиная с 9 ноября 1829 года), участие в этом он принимал (см., например, сообщение в недатированном письме о том, что с него «вычитают», скорее всего из денег за залог имения во Владимирской губернии, «6 т(ысяч) для детей»: ИРЛИ. № 27966. Л. 24). Вскоре, однако, Воейков от этого устранился, и в канун своей смерти он волновался лишь о четырех детях от второй жены, считая, что дети от первой жены полностью обеспечены Жуковским (Русский архив. 1905. № 4. С. 685—686).

В своих последних письмах к Воейковой Жуковский старался уверить ее в благополучном будущем детей. Вероятнее всего, он не сомневался в нем, однако действительность оказалась намного драматичнее. Напряженные занятия Жуковского с цесаревичем, отнимавшие у него время и силы, а также глубокие перемены в недрах всего бунинско-протасовского семейства стали причиной того, что дети Саши Воейковой не нашли в нем по-настоящему родственной любви. Сам Жуковский впоследствии, уже на закате своей жизни, горько сожалел о недостатке внимания со стороны ее дочерей, поскольку их отношение к нему было далеко от той утонченной сердечности, которая была характерна для бывшего семейного гнезда.

¹ Генерал-майор Василий Алексеевич Перовский (1795—1857) был преданным другом Воейковой. Ее письмо к нему от 11 (23) января 1829 года стало для Жуковского неожиданностью, поскольку он еще не получил письмо Воейковой от 12 (24) января 1828 года, в котором она признавалась, что уже не встает (*Соловьев Н. В.* История одной жизни... Т. 1. С. 243).

С этого момента Жуковский начинает действовать, рассылая разным лицам письма и обдумывая будущность детей Воейковой.

² 12 февраля 1829 года, за два дня до смерти Воейковой, В. А. Перовский отправился из Петербурга за границу для излечения от раны, полученной в сражении с турками под Варной. По приезде в Пизу он помог Зейдлицу доставкой двух экипажей для переезда сирот в Россию. Перовский, наряду с Жуковским, участвовал в создании того «капитала», который был положен в Коммерческий банк на имя сестер Воейковых. Впоследствии Перовский упоминался в связи с ними в своеобразном контексте. Так, А. П. Елагина писала Жуковскому 4 июля 1842 года: «Надобно Воейковым найти женихов, девушки милые, созданные для украшения света и совсем не на месте в глухом Бунине. Если к вам придет Перовский, поговорите с ним, как бы им лучше устроить судьбу» (Письма В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. 1813—1852 / Сост., подг. текста, статья и комм. Э. М. Жиликовой. М., 2009. С. 498; в 1844 году Александра и Мария Воейковы — Екатерина к тому моменту уже умерла — стали фрейлинами высочайшего двора). Елагина принимала участие в Воейковых и сочувствовала им в том отчуждении, которое со временем все больше и больше отдаляло их от И. Ф. Мойера, мужа умершей в 1823 году Марии Андреевны Мойер, урожд. Протасовой, сестры Александры Андреевны. Фигура Мойера была немаловажной для судеб Воейковых, поскольку после смерти в 1839 году отца, Александра Федоровича, он стал их опекуном, вместе с И. Ф. Воейковым, их родным дядей. Представления Мойера о должном воспитании своей дочери, Екатерины Ивановны (в замужестве Елагиной; 1820—1890), расходились с тем, что привносили в ее окружение дочери Александры Андреевны, воспитанные в привилегированном петербургском институте. 6 февраля 1844 года Елагина писала о них Жуковскому: «Сиротство их невообразимо горько, и чем легче они сами, тем тяжелее за них» (Там же. С. 516). Об участии гр. П. В. Толстой (Полины) в судьбе дочерей Воейковой см. ниже.

³ Катя и Саша Воейковы были приняты в Екатерининский институт на счет императрицы Александры Федоровны. Туда же поступила впоследствии и подросшая Маша Воейкова.

⁴ О своем желании оставить у себя Катю и Сашу и препятствиях к его осуществлению Жуковский писал во многих письмах, в частности, к Елагиной 16 апреля 1829 года: «Сначала я мечтал поселить их у себя; но это невозможно: и теперь уже Катя по росту своему кажется совершенною, а через три года она войдет и в совершеннолетие — как ей жить у меня» (Там же. С. 332).

⁵ У графини Прасковьи Васильевны Толстой (1796—1879, урожд. Барыкова), Катя и Саша Воейковы жили до поступления в институт летом 1829 года; побывала у нее, но ранее старших сестер, и младшая Маша, которую затем взяла к себе бабушка, Е. А. Протасова. Впоследствии Толстая поддерживала тесную связь с Воейковыми, которые, по-видимому, часто гостили у нее; особенно близка она была с Александрой Александровной Воейковой.

⁶ В 1828 году Андрюша Воейков, в возрасте шести лет, был оставлен матерью в Женеве в пансионе Прива (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 13—14 (по указ.)). Жуковский следил за ним, получая известия как от содержателя пансиона, так и от других своих знакомых. В ноябре 1832 года он встретился в Женеве с мальчиком и с сожалением отметил в нем при «развитии телесном» «сон ума и чувства», т. е. слабоумие (см.: Там же. Т. 13. С. 339—340). Считается, что это стало следствием скарлатины, перенесенной им за границей в 1828 году (хотя в особенностях поведения сына, отразившихся уже в письмах Воейковой, обнаруживается характерный признак врожденного заболевания — неуправляемость, весьма не обычная для дворянской среды). В 1833 году Жуковский забрал Андрюшу из пансиона и перевез в Дерпт к Е. А. Протасовой. В 1841 году девятнадцатилетний Андрей, по-видимому, став ей и И. Ф. Мойеру в тягость, был отдан дяде, И. Ф. Воейкову. Просьбы Жуковского о том, чтобы сын Саши жил в орловском имении Бунино, рядом с Протасовой и Мойером, были проигнорированы. Протасова и Мойер смотрели сквозь пальцы на то, как дядя избирал племянника, поскольку избавлялись от необходимости жить с ним в одном доме. Следует отметить, что сын Саши не вызывал сочувствия и у других родственников (например, у Елагиной), по-видимому, из-за каких-то особенностей своего нравственного облика. При этом надо иметь в виду, что положение Андрея не было беспомощно-болезненным до такой степени, чтобы оградить от опеки его жизненное (по некоторым сведениям, развратное) поведение. В 1846 году он был признан недееспособным, а его опекуном стал И. Ф. Воейков; умер он в 1866 году. То, что Андрюша Воейков был оставлен в 1828 году в Женеве, было трагической ошибкой, самым негативным образом сказавшейся на всем его развитии; но, по-видимому, Воейкова и Жуковский в 1829 году опасались особого отношения к нему со стороны А. Ф. Воейкова, подозревавшего, что он был сыном А. И. Тургенева.

2

19 февраля (3 марта) 1829 года

Alexandrine, mon ange! Peut-être vous êtes déjà mon ange sous tous les rapports. Vos lettres m'ont ôté tout l'espoir de vous jamais revoir dans ce monde. Ce que j'ai lu dans les lettres de la comtesse de Maistre m'affirme dans cette douloureuse idée. Pourquoi me ménagez-vous! Pourquoi ne me parlez-vous pas sur vos enfants! Cela vous serait doux, mon amie. Ce n'est que ma figure qui vous manquera dans ces instants, que vous pouvez envisager avec tant de sécurité, avec tant d'espérance en Dieu! Mon âme est près de vous. Lorsque vous lirez cette lettre — si vous la lisez — Peroffsky aura déjà été avec vous. Il a été mon représentant. Mais ne me ménagez pas. C'est un besoin pour moi que de vous entendre et de recevoir vos vœux. Je suis sûr que je ne vous reverrai plus. Un miracle peut arriver, tout est possible. Mais d'après tout je dois me dire que notre séparation durera plus que nous n'avons pensé. Donc cet intervalle doit porter d'ici à notre réunion, il faut nous astreindre, il faut que celui qui reste reçoive les vœux de celui qui s'en va. Parlez-moi de vous sans vous troubler; pouvez-vous vous inquiéter de quelque chose pour votre avenir? Dans votre passage à une vie si digne de vous il y a quelque chose de si pur: je ne veux pas penser à ma perte, je ne pense qu'à ce qui vous arrive! Et ce qui vous arrive est si divin! Oserai-je y mêler quelque chose de mien. Vous me donniez, en partant, à vos enfants! C'est sur eux qu'il faut transporter tout ce qu'il y avait dans mon cœur pour vous. Je le ferai. Occupez-vous d'eux, sans aucune inquiétude. Vous avez aussi une amie dans l'Impératrice, écrivez aussi à elle. Tout cela vous tranquillisera sur ce qui reste ici. Tout peut encore changer: sans avoir aucune espérance, je n'abandonne pas encore l'idée que par quelque miracle vous pourriez nous rester. Pendant tout ce temps vous m'êtes continuellement présente.

Il me semble, que tout cela m'arrive à moi-même, et que c'est moi qui dois me préparer à faire ce passage dans un monde mystérieux. Il y a quelque chose de solennel dans cette attente: c'est à présent que je commence à faire une connaissance plus intime avec la vie à venir! Ce qu'il y a de plus cher y passe. Est ce que vous m'abandonnez? Non, vous devenez pour moi un lien sensible entre ce monde et l'autre; vous me donnez une obligation sacrée de vous rester plus fidèle dans celui-ci; et cette fidélité sera dans mon attachement à vos enfants. Je demande à Dieu de permettre que cette lettre vous trouve encore. Je suis sûr qu'il vous sera doux de la lire, qu'elle vous calmera, si vous avez besoin d'être calmée. Vous y verrez de quelle manière j'envisage mon malheur: j'y trouve une religion de cœur! Je trouve dans vous un prédicateur persuasif qui me dit tout, et sur cette vie et sur l'autre. Je suis sûr que rien dans ma lettre ne pourra vous troubler — votre âme est faite pour accepter avec sérénité le bonheur de passer dans le sein de Dieu. En me parlant sur vos enfants, vous vous calmez sur le seul objet qui peut encore vous inquiéter. Mais la vie de leur mère sera leur ange tutélaire. Écrivez quelques lignes à l'Impératrice. Mais mon amie après avoir fait tous ces préparatifs si nécessaires à votre cœur n'allez pas croire que vous est destiné inévitablement à nous quitter — que cette idée ne s'empare pas de vous: non! Tant que vous êtes là, vous pouvez encore rester! Faites tout pour vous conserver. C'est votre devoir le plus sacré et je compte sur vous. Je vous bénis de tout mon cœur et je vous confie à la garde de la Providence.

Саша, ангел мой, может быть ты уже стала моим ангелом во всех отношениях. Твои письма лишили меня всякой надежды увидеть тебя в этом мире. То, что я прочитал в письмах графини де Местр,¹ подтверждает мои горестные мысли. Зачем ты щадишь меня! Почему ты мне не говоришь о своих детях! Тебе было бы покойней, друг мой. Ты не видишь меня теперь, но будь спокойна и уповай на Господа. Душой я рядом с тобой. Когда ты прочтешь это письмо — если ты его прочтешь — Перовский уже будет рядом с тобой.² Он представляет меня. Но не щади меня.

Мне необходимо выслушать тебя, узнать твои желания. Я уверен, что не увижу тебя больше. Чудо может свершиться, все возможно. Но, скорее всего, должен признаться себе, что наша разлука продлится дольше, чем мы думали. Стало быть, она будет продолжаться до нашей встречи, мы должны смириться, нужно, чтобы тот, кто остается, выслушал волю того, кто уходит. Пиши мне о себе без тревоги: разве ты можешь тревожиться о своем будущем? В твоём переходе в жизнь, столь достойную тебя, есть что-то чистое: я не могу думать о моей потере, я думаю только о том, что творится с тобою! А это так божественно! Стану ли я тут примешивать что-нибудь свое. Отъезжая, ты поручила мне своих детей. На них я и должен перенести всю любовь, которая была в моем сердце к тебе. И я это сделаю. Думай о них и не тревожься нисколько. У тебя еще друг в Государыне, напиши и ей. Всё это успокоит тебя в отношении того, что остается здесь. Все еще может измениться: не имея никакой надежды, я не могу отказаться от мысли, что каким-то чудом ты можешь остаться. Все это время ты со мной.

Мне кажется, что всё это происходит со мною самим и что я должен готовиться перейти в этот таинственный мир. Есть что-то торжественное в этом ожидании: теперь только я ближе постигаю жизнь будущего. Что всего дороже, всё уходит туда. Разве ты покидаешь меня? Нет, ты становишься для меня осязательным звеном между здешним миром и тем; ты налагаешь на меня священный обет остаться верным тебе в этом мире, и эта верность будет заключаться в моей привязанности к твоим детям. Молю Бога, да позволит Он, чтобы это письмо еще застало тебя. Я уверен, что тебе отрадно будет прочесть его и что оно успокоит тебя, если только успокоение тебе нужно. Ты увидишь из письма, как я смотрю на мое горе, я полон сердечного благоговения! Я вижу в тебе убедительного проповедника, который говорит мне всё о здешней жизни и об иной. Я знаю, что в моем письме ничто не встревожит тебя — твоя душа сотворена для того, чтобы с полною ясностью встретить переход в лоно Божие. Говоря мне о детях, ты успокоишь себя насчет дела, которое одно может тебя беспокоить. Но жизнь их матери будет их ангелом-хранителем. Напиши несколько строк Государыне. Но, друг мой, подготовившись всем сердцем, не считай, что тебе неизбежно предназначено покинуть нас — не позволяй этой мысли овладеть тобой, не надо! Пока ты здесь, ты можешь остаться. Береги себя. Это твой священный долг, и я надеюсь на тебя. Благословляю тебя всем сердцем, да хранит тебя Провидение.

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 91. Л. 2—3. Напечатано: *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. С. 147—148 (с пропусками).

Основанием датировки является помета рукой П. А. Висковатова на автографе: «19 févrièr» (по-видимому, ст. ст.).

¹ Письма графини Софьи Ивановны де Местр (1778—1851, урожд. Загряжская) к Жуковскому в печати неизвестны. С ней и с ее супругом, графом Ксавье де Местром (1763—1852), Воейкова встретилась в Пизе осенью 1828 года.

² В. А. Перовский приехал в Пизу через несколько дней после похорон Воейковой.

3

2 (14) марта 1824 года

Mon amie, ta dernière lettre m'a tant soit peu tranquillisée sur ton compte; il paraît d'après cette lettre qu'il y a un certain mieux dans ta santé: mais ce *mieux* est une faible consolation. Mon cœur est à l'agonie; il n'a rien à quoi se cramponner dans son angoisse. J'ai encore une autre crainte! Si ma dernière lettre, écrite dans un moment de trouble vous a bouleversée! Cela ne devrait pas pourtant être. J'ai pensé au contraire que j'allégerais pour vous un grand poids en vous parlant ouvertement; il vous doit

être pénible de garder tout sur votre cœur par trop de ménagement pour nous. Cela ne peut pas vous faire du mal. Dieu est toujours avec vous; il vous conservera si telle est sa bonté. Mais en parlant sur vous mettez pour vous même en ordre vos intérêts les plus chers. J'ai confiance dans votre âme si innocente, si pure, si prête à tout: elle ne sera jamais troublée par des choses qui ne peuvent que l'agrandir. En regardant derrière vous, vous ne trouverez pour le moment présent que des consolations. L'avenir ne peut pas vous effrayer. Je commence pourtant à espérer d'après ta dernière lettre. Ces bains, que Seidlitz veut employer, peuvent te soulager. Que Dieu bénisse ce remède! — Vous recevrez cette lettre au moment où Peroffsky aura déjà été chez vous. Sa présence près de vous a été aussi la mienne. Vous pouvez penser comme j'ai porté envie à Peroffsky. Le devoir me cloue à ma place: c'est un sacrifice énorme, que j'ai dû lui faire. L'impossibilité de venir vous soulager a brisé mon âme. Peroffsky est notre bon ange. Avec quelle angoisse j'attends ses lettres. — Je suis maintenant de nouveau seul. Anette Sontag est partie. Elle a passé 4 jours à Dorpat et m'a apporté de bonnes nouvelles sur la santé de maman. — Dans votre dernière lettre vous me faites des reproches sur le retard de la lettre de Tolstoy — ce n'est pas ma faute. Je lui ai fait parvenir la vôtre sans délai et c'est lui qui a tardé de répondre. Je suis bien aise que l'argent est enfin arrivé: il m'a causé bien des angoisses, mais vous aussi vous n'auriez pas dû tant vous inquiéter: maintenant le banquier qui vous livrera l'argent a reçu l'autorisation de vous en fournir en cas de besoin. Ne vous en inquiétez plus, je vous prie, et chargez Seidlitz de toute la correspondance sur cet objet. Adieu, mon amie, je vous bénis, vous et vos enfants.

Le 2 mars

Мой друг, твое последнее письмо немного успокоило меня на твой счет;¹ из этого письма явствует, что твое здоровье лучше, но это *лучше* является слабым утешением. Мое сердце в агонии; ему, стесненному, не на что уповать. Я еще боюсь, что мое предыдущее письмо, писанное в смятении, тебя взволновало! Но этого не должно быть. Я, напротив, считал, что, говоря откровенно, я облегчаю твой тяжкий груз: это мучительно, всё хранить в себе, оберегая нас. Моя откровенность не принесет тебе зла. Бог всегда с тобой, Он сохранит тебя в своей благодати. Но говоря о себе, подумай о том, что тебе дороже всего. Я верю в твою душу, столь невинную, столь чистую, столь ко всему готовую: она никогда не смутится вещами, которые могут ее только возвысить. Оглянувшись сейчас в прошлое, ты найдешь в нем только утешение. Будущее не может тебя пугать. Однако ж у меня появилась надежда после твоего последнего письма. Эти ванны, которые Зейдлиц хочет попробовать,² могут принести тебе облегчение. Бог да благословит это лечебное средство. Ты получишь это письмо, когда Перовский будет уже с тобой.³ Его присутствие подле тебя — это и мое присутствие. Вообрази, как я завидую Перовскому. Обязанность держит меня на месте: я вынужден принести непомерную жертву. Невозможность приехать утешить тебя разбила мне сердце. Перовский наш добрый ангел. С какой тревогой я жду его писем. — Я снова один. Аннетта Зонга уехала.⁴ Она провела 4 дня в Дерпте и принесла мне хорошие вести о здоровье матушки. — В последнем письме ты упрекаешь меня за задержку письма от Толстого.⁵ Это не моя вина. Я сразу же передал ему твое, это он задержался с ответом. Я очень рад, что деньги наконец дошли: я очень беспокоился, но тебе не следовало так волноваться: теперь банкир, который доставит тебе деньги, получил разрешение передать их тебе в случае надобности. Не волнуйся больше, прошу тебя, и поручи Зейдлицу заняться этим предметом.⁶ Прощай, мой друг, благословляю тебя и твоих детей.

2 марта

одно...»: В. А. Жуковский: Изобразительные и документальные материалы из собраний Пушкинского Дома. С. 72 (отрывок, в переводе).

¹ Судя по сообщениям ниже о гр. Ф. П. Толстом, Жуковский имеет в виду письмо Воейковой от 12 (24) января 1828 года, которое было, по-видимому, только что им получено, в нем, однако, не было ничего обнадеживающего о ее здоровье (см.: *Соловьев Н. В.* История одной жизни... Т. 1. С. 242—243); это письмо от Воейковой к нему, действительно, было последним.

² Письмо к Жуковскому Зейдлица, с сообщением о каких-то ваннах, в печати неизвестно. О лечении ваннами Воейкова упоминала в письме к Жуковскому от 25 декабря 1828 года (6 января 1829 года) (Там же. С. 242).

³ См. выше.

⁴ Речь идет об Анне Петровне Зонтаг (1785—1864, урожд. Юшкова), племяннице Жуковского, которая в феврале 1829 года приезжала в Петербург по своим книгоиздательским делам. Ее «Повести для детей второго возраста» (Ч. 2) были подписаны в печать 25 января 1829 года. Упоминания о Зонтаг встречаются в переписке Жуковского с Елагиной этого времени (см.: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 323—326).

⁵ Имеется в виду граф Федор Петрович Толстой (1783—1873), скульптор и медальер, с ноября 1828 года вице-президент Академии художеств, которому Воейкова отправила через Жуковского приглашение в Италию от имени В. И. Хлюстиной, намеревавшейся оплатить ему эту поездку (см. письмо Воейковой от 16 (28) ноября 1828 года: *Соловьев Н. В.* История одной жизни... Т. 1. С. 237—238). В письме от 12 (24) января 1829 года она выражала нетерпение относительно известий о нем (Там же. С. 243). Толстой, по-видимому, приглашение не принял и в 1829 году в Италию не приезжал.

⁶ Просьба все денежные дела перевести на Зейдлица содержалась в последнем письме Воейковой: «Это единственный способ мою голову успокоить. Пусть добрый Зейдлиц будет мой хранитель здоровья и factotum (управляющий. — С. Б.), а я буду на пенсии» (Там же. С. 242).

© О. А. Богданова

МИФ ДОСТОЕВСКОГО В ПОЭЗИИ Б. А. САДОВСКОГО И НАУЧНОЙ ПРОЗЕ В. Л. КОМАРОВИЧА*

На рубеже XIX—XX веков в русской культуре складывалось мифологизированное представление о ряде писателей, поэтов, художников, реализованное, в первую очередь, в известном цикле статей Д. С. Мережковского «Вечные спутники» (1888—1896).¹ Среди них — Ф. М. Достоевский, один из немногих русских в окружении римлян Марка Аврелия и Плиния Младшего, испанцев П. Кальдерона и М. Сервантеса, немца И. В. Гете, французов М. Монтеня и Г. Флобера, норвежца Г. Ибсена. Именно Мережковский сделал решающий вклад в создание мифа Достоевского, т. е. такого образа писателя, который «как бы заново сконструирован и понят»² по сравнению со своей современностью. Такой «образ-миф» в большой мере является самовыражением своего творца.³

Тот факт, что мифологизирующее сознание Серебряного века, помимо актуализации архаических («вечных») мифов, в изобилии создавало т. н. неомифы, впервые отметила З. Г. Минц;⁴ неомифами являлись не только сугубо авторские автобиографические мифы — плоды индивидуального творчества участников лите-

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

¹ Подробнее см.: *Приходько И. С.* «Вечные спутники» Мережковского (К проблеме мифологизации культуры) // Д. С. Мережковский: мысль и слово. М., 1999. С. 199.

² Там же.

³ См.: Там же. С. 200.

⁴ См.: *Минц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 59—96.

ратурной жизни первой четверти XX века,⁵ но и мифологизированные тексты предшествующей литературы («Божественная комедия», «Гамлет», «Дон Жуан», «Фауст», «Евгений Онегин», «Мертвые души», «Преступление и наказание» и др.), а также биографии их создателей: Данте Алигьери, У. Шекспира, Дж. Г. Байрона, И. В. Гете, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского...

Механизмы мифологизации образа Достоевского в литературе рубежа XIX—XX веков еще не исследованы в достаточной степени, но уже сейчас с большой долей вероятности можно утверждать, что их суть — в перенесении черт литературных героев на самого автора. Последнее очевидно связано с обычным в работах о Достоевском 1890—1910-х годов неразличением авторского и персонажных голосов, отождествлением биографического Достоевского с его литературными героями: от Прохарчина до князя Мышкина, от старца Зосимы до Великого инквизитора. В результате неомиф Достоевского вообрал в себя резко противоречивые характеристики, что и отразилось в известной формуле Мережковского о «полубесноватом, полу-святом, Федоре Михайловиче Достоевском».⁶ Слияние апогетики и демонизации в образе писателя встречаем также в статьях С. Н. Булгакова («Иван Карамазов как философский тип», 1902; «Венец терновый», «Чрез четверть века», 1906; «Русская трагедия», 1914). Впрочем, нередки у авторов Серебряного века и однотонные вариации неомифа Достоевского: так, сугубо демоническая окраска присутствует в статьях «Безвременье» (1906) А. А. Блока, «Достоевский и революция» (1906) Г. И. Чулкова, книге В. В. Вересаева «Живая жизнь» (1911), апологетическая — в книгах А. Л. Вольнского («Достоевский», 1906) и Волжского (А. С. Глинки) («Федор Михайлович Достоевский. Жизнь и проповедь», 1906) и др. Наиболее концентрированно демоническая сторона неомифа Достоевского воплощена в известной характеристике Ю. И. Айхенвальда («Силуэты русских писателей», 1908), включающей в себя такие черты, как психопатология, инферальность, преступная аура, мощный стихийный динамизм, парадоксальное сочетание революционности и религиозных пророчеств. Достоевский, по Айхенвальду, — это «пловец страшных человеческих глубин, провидец тьмы, рудокоп души», «существо инферальное, как бы вышедшее из могилы и в саване блуждающее среди людей живых», это окруженный «зловещим ореолом» «человек с воспаленной душой, писатель катастроф, психолог метаний», для которого «смута» — «обычное состояние души», «болезнь — это норма».⁷

Немаловажную роль в создании «образа-мифа» какого-либо деятеля культуры играло то или иное осмысление его жизненного пути, обычно оформлявшееся в т. н. «биографическую легенду».⁸ Недаром Мережковский, основоположник мифа Достоевского в культуре Серебряного века,⁹ стал автором первой концептуальной биографии писателя, помещенной в книге «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» (1900—1901). Критик конструировал образ автора «Преступления и наказания» на основе трех источников: автопризнаний самого Достоевского в «Дневнике писателя»,¹⁰ мемуаров О. Ф. Миллера и Н. Н. Страхова,¹¹ ав-

⁵ См.: Магомедова Д. М. Модели писательских биографий как литературные универсалии // Проблемы писательской биографии: К 150-летию А. П. Чехова: Сб. науч. трудов. М., 2013. С. 12.

⁶ Мережковский Д. С. I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький. СПб., 1906. С. 26.

⁷ Айхенвальд Ю. И. Достоевский // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 242—243.

⁸ См.: Магомедова Д. М. Модели писательских биографий как литературные универсалии. С. 11—12.

⁹ См. вошедшую в состав книги Д. С. Мережковского «Вечные спутники» (первое издание: СПб., 1897) статью «Достоевский» (1890).

¹⁰ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972—1990. Т. 21. С. 8—12, 129—134; Т. 22. С. 27—29, 46—50, 132—135; Т. 23. С. 32—36; Т. 25. С. 6—31; Т. 26. С. 65—67, 111—113.

¹¹ См.: Миллер О. Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 14 т. СПб., 1883. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки.

тобиографических черт героев его художественных произведений (подпольного парадоксалиста, рассказчика Мертвого дома, Мышкина, Подростка). Заметим, что среди них нет Мечтателя — героя «Белых ночей».

Изначальная сверхзадача написанной Мережковским биографии — проследить противоположность и взаимодополнительность всех жизненных проявлений Достоевского и Л. Толстого, чтобы оправдать заранее данный постулат об их диалектическом единстве в грядущем синтезе Третьего Завета. Неудивительно, что развертывание жизненной канвы создателя «Бесов» постоянно прерывается оценками, рассуждениями, обобщениями биографа.

В соответствии с указанной сверхзадачей Мережковский отметил провиденциальность жизненного пути Достоевского (присутствие довлеющей над ним «роковой силы») и выделил ряд черт воплотившейся в биографии личности писателя: постоянную бедность и вечное бездомное скитальчество; религиозность как лейтмотив его внутренней жизни и самого детства; эшафот как переломный момент в судьбе — подлинную метанойю; эпилепсию как «священную», «великую болезнь»,¹² открывавшую Достоевскому просветы в «миры иные» и определившую его «пророческий» дар; «всемирность» как сочетание русскости и европеизма; героизм Слова как проявление особого рода святости — не христианской, а культурно-мирской; наконец, таинственность, недосказанность, неразгаданность как творчества, так и личности и жизненного пути великого писателя-пророка.

Итак, по Мережковскому, Достоевский, наряду с Л. Толстым, является одной из двух «вершин русской культуры»,¹³ которым заметно уступают по величине все остальные, пусть и замечательные, русские писатели. Кроме того, Достоевский больше, чем писатель, он — пророк новых религиозных истин, откровений; его с потрясением чувств, со слезами слушают другие люди. Болезненность Достоевского особенная, она показатель его открытости высшему бытию: «припадки падучей были для Достоевского как бы страшными провалами, просветами, внезапно открывавшимися окнами (курсив мой. — О. Б.), чрез которые он заглядывал в потусторонний свет».¹⁴ Также Достоевский по преимуществу художник Петербурга, одновременно «умышленного» (т. е. рационального) и «фантастического» города.

По классификации наиболее распространенных на рубеже XIX—XX веков «биографических легенд», предложенной Д. М. Магомедовой, обрисованный биографический миф Достоевского со значительной долей приближения можно отнести к «мистериальному» типу.¹⁵ Действительно, здесь отчетливо выделяется в целом счастливое «благочестивое» детство, затем — прохождение сквозь смертную казнь и Мертвый дом, последнее двадцатилетие жизни — обретение высшего «пророческого» знания в результате полученных религиозных откровений. Эта «биографическая легенда», осложняясь вариациями и обертонами, в общих чертах прошла через весь Серебряный век, то сгущаясь до сугубой демонизации (например, в книге Вересаева), то просветляясь до христианского мученичества (например, в книге В. П. Свенцицкого¹⁶). «Мечтательная» составляющая сюда никак не вписывалась.

Выдающийся литературовед и текстолог В. Л. Комарович (1894—1942) в 1910-е годы был студентом историко-филологического факультета Петроградского университета, участвовал в историко-литературных семинариях С. А. Венгерова и А. К. Бороздина; неудивительно, что он хорошо знал предшествующую и современ-

С. 1—176; *Страхов Н. Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Там же. С. 177—332.

¹² Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 51, 121.

¹³ Там же. С. 349.

¹⁴ Там же. С. 51.

¹⁵ См.: Магомедова Д. М. Модели писательских биографий как литературные универсалии. С. 15—17.

¹⁶ См.: Свенцицкий В. Жизнь Достоевского. М., 1911.

ную ему литературу о Достоевском — работы Д. С. Мережковского, В. В. Розанова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Вяч. И. Иванова — и неоднократно цитировал названных авторов в своих статьях.

Так как фигура Комаровича в истории науки о Достоевском долгое время была незаслуженно отодвинута в тень, скажем несколько слов об этом замечательном ученом. В область его интересов входили: древнерусская литература, фольклор, современная ему литературная критика, но в основном — русская литература XIX века, преимущественно творчество Достоевского, в изучение которого он внес значительный вклад. Один из крупнейших русских литературоведов первой половины XX столетия, в 1910—1930-е годы Комарович стоял у истоков текстологии Достоевского и во многом определил ее принципы. Большинство его разысканий связано с архивными находками в Пушкинском Доме, где он был то сверхштатным (1923—1929), то договорным сотрудником (1930-е). Комаровичу принадлежит честь открытия нескольких ранее неизвестных произведений Достоевского (например, полного текста фельетона «Петербургские сновидения в стихах и прозе», второй части неизданной главы романа «Бесы» — «У Тихона», фрагмента «Дневника писателя» за 1876 год — май, глава вторая «Одна несоответственная идея»).

В своих работах исследователь выстраивал в единую цепочку пневматологию, психологию, идеологию и поэтику Достоевского, показывая их взаимную обусловленность и трагическую противоречивость. Форма произведения, по мысли ученого, непосредственное и наиболее искреннее выражение «духовного строения» писателя, она «менее всего произвольна, всегда предусматривается не сознанием, а как бы инстинктом художника».¹⁷ Комарович — один из пионеров телеогенетического метода в литературоведении, строящего выводы на изучении «творческой истории» произведений, путем анализа авторских рукописей и печатных редакций. Также он по-своему предварил знаменитую концепцию «полифонического романа» М. М. Бахтина, связав, однако, полифонический эффект «великого пятикнижия» Достоевского не с «голосами» персонажей, а с сюжетными мотивами.

Главная книга Комаровича о Достоевском — «Ф. М. Достоевский. Первообраз „Братьев Карамазовых“: источники, планы и фрагменты Достоевского. Комментарий В. Комаровича» — вышла в свет в Германии на немецком языке.¹⁸ На русский она переведена совсем недавно и в России пока еще не издана. Помимо прочего, эта книга уникальна тем, что специально для нее была написана знаменитая статья З. Фрейда «Достоевский и отцеубийство», толкующая образную структуру последнего романа Достоевского в психоаналитическом ключе, в парадигме т. н. «Эдипова комплекса». В заглавии же книги — «Первообраз „Братьев Карамазовых“...», — по всей вероятности, отразилось близкое Комаровичу положение эстетики А. Ф. Лосева об «эйдосах» (предикатах сущности, априорных смыслах) как «первообразах» софийности (телесности) художественных форм.¹⁹ В своем обширном «Предисловии» к рукописям «Братьев Карамазовых» русский ученый популяризировал с названной статьей Фрейда, раскрывая авторский замысел писателя в свете религиозно-философских идей Вл. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова.

Благодаря своим немецкоязычным работам Комарович — один из авторитетнейших на Западе исследователей Достоевского. По мнению Х.-Ю. Геригка, он стоит наряду с Ивановым и Ю. Мейер-Грефе у истоков немецкого достоевковедения

¹⁷ Комарович В. Л. Ненаписанная поэма Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Пб., 1922. Вып. I / Под ред. А. С. Долинина. С. 189.

¹⁸ F. M. Dostojewski. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente. Erläutert von W. Komarowitsch. München: R. Piper, 1928.

¹⁹ Подробнее см.: Богданова О. А. А. Ф. Лосев и В. Л. Комарович: парадигма судьбы // Творчество А. Ф. Лосева в контексте отечественной и европейской культурной традиции: К 120-летию со дня рождения и 25-летию со дня смерти / Материалы Международной научной конференции XIV «Лосевские чтения»: В 2 ч. / Сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2013. Ч. 1. С. 215—227.

ния.²⁰ Однако на родине, в условиях довоенных десятилетий советской власти, он испытывал классовую (по причине своего дворянского происхождения) и мировоззренческую (по причине своей чуждости марксистско-ленинской идеологии) дискриминацию и не смог, несмотря на ряд попыток, объединить свои статьи о любимом писателе под одной обложкой. Так что доступ к наследию Комаровича до сих пор затруднен — ведь большая часть работ ученого напечатана в периодике конца 1910—1920-х годов и с тех пор практически не републиковалась. Отдельное издание его трудов — насущная задача российской науки о литературе.

Важнейшую роль в становлении Комаровича-достоевоведа сыграл его университетский учитель Бороздин (1863—1918). Этот профессор известен своими работами по русскому расколу («Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке», СПб., 1898; «Очерки русского религиозно-разномыслия», СПб., 1905; 2-е изд. 1907); в пятитомной «Истории русской литературы» (М., 1908—1911) Бороздину принадлежат несколько глав, посвященных русскому фольклору, и весь том «История русской литературы до XIX века»;²¹ популярность пользовались его «Литературные характеристики. Девятнадцатый век» (СПб., 1903—1906, в 3 вып.; 2-е изд. 1911, в 2 т.). Бороздин преподавал в университете с 1895 по 1918 год, читая общий курс истории русской литературы первой половины XIX века, курсы «История русской литературы XVI и XVII веков», «История русской литературы карамзинского периода», «Русская литература времен Николая I и Александра II», а также постепенно закрепившийся в кафедральном преподавании методологический курс «Задачи и методы изучения литературы» и др. Главной его заслугой стало обращение к ближайшим литературным эпохам, включая современность, в циклах лекций («Лирика после Пушкина», «Русская литература после Гоголя», «Достоевский») и в деятельности семинариев.²²

Библиограф А. Г. Фомин вспоминал, что в 1900—1910-е годы, помимо пушкинского семинария Венгерова, «студенты-филологи, имевшие литературные склонности и интересовавшиеся историей русской литературы XIX века, группировались около профессора А. К. Бороздина и даже носили особую кличку: „бороздиновцы“ {...} Человек с хорошей душой, добродушный, приветливый, глубоко любящий студентов, Александр Корнилович сумел сплотить их около себя, создать доброе к себе отношение, заинтересовать своим семинарием. Среды, когда происходили семинарские занятия у Александра Корниловича, были вообще его приемным днем, и у него собирались бывшие его слушатели и участники семинария, добрые друзья и знакомые — Е. В. Аничков, П. Е. Щеголев, Р. В. Иванов-Разумник и другие исследователи литературы. Таким образом, происходило общение молодых студентов со старшим поколением, с работниками в области изучения литературы.

²⁰ См.: Gerigk H.-J. Dostojewskijs Wirkung im deutschen Sprachraum (Fragmente eines Überblicks vom Fin de siècle bis heute) // Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert / Hrg. D. Dahlmann, W. Potthoff. Wiesbaden, 2004. S. 95—126. Имеются в виду следующие издания: Meier-Graefe J. Dostojewskij, der Dichter. Berlin: Rowohlt-Verlag, 1926; Iwanow W. Dostoevskij: Tragödie — Mythos — Mystik / Übers. von Aleksandr Kresling. Tübingen, 1932. Геригк Хорст-Юрген (род. 1937) — немецкий литературовед, ученик Д. И. Чижевского и Г.-Г. Гадамера, с 1974 года профессор русской литературы и общего литературоведения в Гейдельбергском университете, соучредитель Международного общества Достоевского (1971, Bad Ems), в 1974—2004 годах его президент, затем почетный президент, автор книг и статей о творчестве Ф. М. Достоевского; Мейер-Грефе Юлиус (1887—1935) — известный немецкий искусствовед и литературовед, исследователь творчества Ф. М. Достоевского, сотрудничал с издательством Р. Пипера в Мюнхене.

²¹ Подробнее см.: Лепехин М. П. Бороздин А. К. // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 315—316.

²² См.: Карнов А. А. Кафедра истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета: эпохи и имена (1819—1919) // <http://lit.phil.spbu.ru/doc/karnov.doc> (дата обращения: 31.07.2016).

Занятия шли в семинарии живо, студенты с увлечением работали над разными вопросами, доклады вызывали живые, часто горячие прения».²³

О решающем значении бороздинского семинария в творческой судьбе своего поколения Комарович свидетельствовал в письме от 10 февраля 1919 года Щеголеву в Петроград из Нижнего Новгорода, где он в то время налаживал преподавание во вновь созданном университете: «напишите мне о последних днях, смерти, похоронах Александра Корниловича. Смерть эта долго мучила меня. С Александром Корниловичем ушла длинная довольно и очень знаменательная полоса моей жизни, и думаю — не только моей».²⁴ Гибель «выдающегося историка русской литературы (...) на 56 году жизни»²⁵ оказалась в ряду повальных смертей писателей и ученых от голода, болезней и истощения в революционные 1918—1919 годы: помимо Бороздина, это Г. А. Лопатин, М. А. Антонович, Р. И. Сементковский, А. С. Лаппо-Данилевский, М. И. Туган-Барановский, К. К. Арсеньев, П. М. Невежин, П. Д. Боборыкин, В. В. Розанов, Л. Н. Андреев, В. И. Засулич, С. А. Толстая и десятки менее известных имен.²⁶

Сейчас становится ясным, что семинарий Бороздина (1912—1917) был одним из центров формирования в середине 1910-х годов литературоведческой науки о Достоевском, в дополнение к блестящим достижениям религиозно-философской и литературно-эстетической эссеистики о нем в Серебряном веке. Вот что писал сам Бороздин в газетной заметке «Из воспоминаний», приуроченной к дате смерти Достоевского: «Тридцать пять лет прошло уже с того дня, как мы (...) услышали о кончине Ф. М. Достоевского. Впечатление было чрезвычайно сильное: мы поняли, что от нас ушел человек совсем необыкновенный, такой, *подобного которому мы указать в наше время никого не могли*. Достоевский был для нас не просто великий писатель, это был *учитель*, к голосу которого мы в последние годы его жизни привыкли прислушиваться, как к властному слову, *указующему единственно правильный путь жизни и деятельности*. Мы жили в ту счастливую эпоху, когда еще действовал целый ряд виднейших писателей, создавших славу нашей литературы. Жив был Тургенев (...) но он оставался для нас *только писателем* и не был тем человеком, к которому мы шли бы за (...) словом, разрешающим для нас важнейшие жизненные вопросы. Рядом с ним были другие художники — Гончаров, Островский, Писемский, Майков, Полонский, но они стояли от нас еще дальше». В 1881 году еще не могла наступить «пора серьезного критического отношения» к творчеству Достоевского. Но через 35 лет «такое научное исследование начинается: для нового поколения Достоевский имеет уже иное значение. Новое поколение (...) видит в нем такого же вождя духа, *какими представляются другие мировые гении*, и для этого поколения наступило уже время *серьезной научной работы* над произведениями нашего незабвенного учителя. В этой работе мы можем пожелать им успеха, при котором ярко выяснится *истинный облик* одного из величайших гениев, которых дала миру наша родина».²⁷

Выделенные курсивом в статье Бороздина слова, с одной стороны, прямо соотносятся с рядом черт образа-мифа Достоевского, берущего начало из сочинений Мережковского: исключительность среди писателей-современников, пророчески-учительный потенциал, включенность в мировой контекст — общечеловече-

²³ Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Пушкинист IV / Под ред. Н. В. Яковлева. М.; Пг., 1922. С. XVI—XVII.

²⁴ ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 209.

²⁵ Вестник литературы: Орган общества взаимопомощи литераторов и ученых. 1919. № 3. Март. С. 14.

²⁶ В петроградском журнале «Вестник литературы: Орган общества взаимопомощи литераторов и ученых» в 1919 году была открыта целая рубрика «Скорбная летопись», в которой ежемесячно появлялось не менее десяти некрологов.

²⁷ Бороздин А. К. Из воспоминаний // День. 1916. 28 янв. № 27. Здесь и далее курсив мой. — О. Б.

ский пантеон гениев. С другой стороны, в приведенных фрагментах газетной статьи Бороздин выступает как педагог, дающий направление молодому поколению исследователей Достоевского, среди которых был и Комарович. Симптоматичны его слова о том, что «время серьезной научной работы» над произведениями писателя и выяснения его «истинного облика» впервые наступило именно для них, входивших во взрослую жизнь с середины 1910-х годов. Думается, здесь обозначен переход к принципиально новому этапу освоения феномена Достоевского в русской культуре: от мифологизации писателя — к научно-фактологическому исследованию его личности, от «биографической легенды» — к установлению строгих границ «биографического метода».

По мысли Комаровича, суждения и выводы, сделанные писавшими о Достоевском в 1900-е годы, несли на себе печать «импрессионизма» (как у Волынского) и «догматизма» (как у Мережковского и Л. Шестова): «ведь и диалектическое христианство „Третьего Завета“, исповедуемое самим Д. С. Мережковским, и „Философия Трагедии“ Л. Шестова не рождались в процессе усвоения Достоевского, а извне привносились в этот процесс, по-своему направляя его».²⁸ Отдавая должное заслугам Волынского, Розанова, Мережковского, Волжского (А. С. Глинки) в «открытии» Достоевского как религиозно-философского гения, Комарович отмечал, что опыты систематизации философского содержания романов Достоевского, сделанные названными авторами, «были явлением значительным и плодотворным», однако «грешат (...) неизбежными» для своего времени «погрешностями: поспешностью обобщений, слишком беглой записью как бы на лету схваченных впечатлений».²⁹ Кроме того, «первые исследователи, стремясь вникнуть, сквозь романы Достоевского, в его собственный духовный мир, не всегда (...) отчетливо различали в романе частный художественно-философский вымысел и общее авторское задание, функциональное назначение в целом романа той или иной философемы и общий символический смысл этого целого; благодаря такому смешению сплошь и рядом создавались произвольные идеологические построения, лишь выдаваемые за адекватную „передачу в понятиях“ философских интуиций художника...».³⁰

Работу над статьей «Юность Достоевского»³¹ Комарович начал еще в годы обучения в семинарии Бороздина.³² В письме к Щеголеву от 10 февраля 1919 года из Нижнего Новгорода он выражал беспокойство по поводу сохранности единственного экземпляра своей рукописи «Достоевский 40-х годов и утописты», нашедшейся у Б. Л. Модзалевского в Пушкинском Доме.³³ По всей вероятности, это был ранний вариант «Юности Достоевского». Замысел, скорее всего, развился на основе не известного ранее документального материала — обнаруженных Комаровичем в архиве Пушкинского Дома писем А. Н. Плещеева Достоевскому 1857—1864 годов.

С поэтом Б. А. Садовским (1881—1952), уроженцем Нижнего Новгорода, Комарович свел Ю. А. Никольский, университетский товарищ по бороздинскому семинарию: познакомившись с Садовским в апреле 1918 года по переписке, он рекомендовал ему своего «приятеля, „достоевца“ Комаровича»,³⁴ также жившего в то время в Нижнем Новгороде и читавшего лекции во вновь образованном Нижего-

²⁸ Комарович В. Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 5.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 6—7.

³¹ Впервые: Былое. 1924. № 23. С. 3—43.

³² См.: Комарович В. Л. Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения. С. 23.

³³ См.: ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 209. Л. 3—4.

³⁴ Судьба Юрия Никольского (Из писем Ю. А. Никольского к семье Гуревич и Б. А. Садовскому. 1917—1921) / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб., 1996. № 19. С. 161.

родском университете. В письме Садовскому от 17 августа 1919 года Комарович вспоминал об их нижегородской «зимней дружбе»³⁵ в начале 1919 года, апофеозом которой стало стихотворение поэта, посвященное молодому Достоевскому:

В тебе слились два лика. Первый лик —
Дней пушкинских. Аи, чубук и тахта,
Гвардейский строй, дуэли, гауптвахта
И Германна полубезумный вскрик.

Второй твой лик: в нем оживает шляхта,
Разгул войны, мазурок переклик,
Охота, сейм. И всё сгорает в миг,
Встречая взор самоубийцы Крафта.

Ночь белая болезненно бледна.
Вот юный Достоевский у окна,
Пред ним в слезах Некрасов, Григорович.

Всё это пролетает надо мной
В часы, когда беседую с тобой,
Когда со мной сидишь ты, Комарович.³⁶

В сонете просвечивают наиболее важные составляющие личности Комаровича. «Первый лик», скорее всего, связан с его занятиями в Пушкинском семинарии Венгерова в Петроградском университете, «второй лик» указывает на польское происхождение литературоведа по отцовской линии. Третью строфу сонета его адресат поставил эпиграфом к своей работе «Юность Достоевского». Опубликованная в 1924 году, статья была закончена существенно раньше,³⁷ о чем свидетельствует записка Комаровича Садовскому от 2 февраля 1922 года с просьбой «выслушать» ее текст перед отсылкой из Нижнего Новгорода в Петроград. Интригующая концовка: «Объясню потом, почему хочу, чтобы Вы выслушали»,³⁸ — связана, скорее всего, с желанием Комаровича заручиться согласием Садовского на использование его строк в качестве эпиграфа и, возможно, на небольшое изменение, внесенное в них молодым ученым.

«Третий лик», таким образом, формируется благодаря увлечению биографией и творчеством Достоевского. Если «взор самоубийцы Крафта» связан с идеями литературоведа о романе «Подросток» (рукописями которого он занимался с 1917 года), то в третьей строфе как будто дословно воспроизведена сцена, описанная самим Достоевским во второй главе январского выпуска «Дневника писателя» за 1877 год. Рассказывая о первом успехе «Бедных людей» в 1845 году, писатель вспоминал: «Воротился я домой уже в четыре часа, в белую, светлую как днем петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя к себе в квартиру, я спать не лег, отворил окно и сел у окна. Вдруг звонок, чрезвычайно меня удививший, и вот Григорович и Некрасов бросаются обнимать меня, в совершенном восторге, и оба чуть сами не плачут».³⁹ Обращение к этой сцене для создания образа Достоевского, сам ее выбор Садовским (и практически одновременно Комаровичем), сделанный из десятков собранных к тому времени мемуарных эпизодов, сви-

³⁵ См.: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 113. Л. 1—2.

³⁶ Садовской Б. Морозные узоры: стихотворения и письма / Сост., послесловие, комм. Т. В. Анчуговой. М., 2010. С. 305. При жизни поэта стихотворение полностью не публиковалось.

³⁷ В 1918—1923 годах Комарович жил в Нижнем Новгороде и сотрудничество со столичными изданиями было для него затруднительно.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 113. Л. 3.

³⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. С. 29. Здесь и далее курсив мой. — О. Б.

детельствует об определенном ракурсе их взгляда на писателя, не совпадающем с наиболее принятым в Серебряном веке — мрачным, резко очерченным, патологически-криминальным (вспомним вышеприведенную характеристику Достоевского, данную в 1908 году Айхенвальдом: «существо инфернальное, как бы вышедшее из могилы и в саване блуждающее среди людей живых»⁴⁰).

В свою очередь, у третьей строфы сонета Садовского есть и менее бросающийся в глаза план, производный от первого, документального. В трех строках бегло, эскизно, но предельно концентрированно дан тот образ писателя, который постепенно возникал под пером автора «Юности Достоевского», отталкиваясь от прежнего «мережковского» мифа и приобретая иные черты.

Так, в стихотворном эпиграфе к «Юности Достоевского» полностью соответствует концепции Мережковского представление о болезненности писателя, как телесной (бледность), так и душевной (сверхчувствительность, впечатлительность); о его творческом превосходстве над писателями-современниками, стоявшими «пред ним», сидящим, как подданные перед господином; о его «пророческом» достоинстве, пробуждавшем у людей сильные чувства, вплоть до слез. Достоевский «у окна» в стихотворении Садовского явно соотносится с трактовкой припадков эпилепсии как «окон» в «миры иные» у Мережковского. И конечно же, здесь и там Петербург — главный объект творческого изображения Достоевского.

Однако, если в довольно объемной «биографической легенде», составленной Мережковским, все перечисленные характеристики относятся к Достоевскому зрелому, послекаторжному,⁴¹ то у Садовского, вслед за Комаровичем, они распространяются также на молодого, «юного» Достоевского 1840-х годов — поэтому в стихотворении появляется отсутствующая у Мережковского белая ночь, вызывающая стойкую ассоциацию с романом о Мечтателе «Белые ночи», анализ которого — в центре статьи Комаровича о юности писателя. Так, в сурово-мрачный, монументальный образ Достоевского-пророка встраивается светлый, с мягкими очертаниями, незавершенно-юный образ Достоевского-мечтателя, увлеченного последователя социальных утопий, — что противоречит биографической установке Мережковского: участие Достоевского в социалистическом движении 1840-х годов — случайность, «мечты социалистов были не только чужды, но и враждебны его природе», он в них «не только ни минуты не верил, но (...) ненавидел всеми силами души».⁴²

Напротив, и в статье Комаровича (на основании новых документальных данных), и в содержательно следующем за ней стихотворении Садовского доминирующей окраской образа Достоевского становится «мечтательство», берущее начало в петербургской юности писателя, в пору его увлеченности французскими социально-гуманистическими учениями, и ставшее лейтмотивом его душевного строя на всю жизнь. Так, по мнению Комаровича, в 1860—1870-е годы «религиозная жизнь Достоевского во многом была предопределена (...) двумя, сильно пережитыми и столь разнородными, моментами его мысли: „мечтательная“ религия гуманизма, отрицавшая органическую греховность „божественного“ человека, и „Мертвый дом“, где надо было быть слепым, чтобы не видеть духовную изначальность греха (...) Из этого противоречия и других подобных, тоже подсказанных юношеским „мечтательством“, возникла та противоречивая сложность богопознания Достоевского — сложность противоречий атеизма, религии гуманности и чистого церковного христианства, — которой отмечены его большие романы от „Преступления и наказания“ до „Братьев Карамазовых“. Годы каторги вовсе не так легко и не бесследно стерли в душе Достоевского старые „мечтательные“ идеи, как это иногда

⁴⁰ Айхенвальд Ю. И. Достоевский. С. 242.

⁴¹ Петербургской жизни Достоевского 1840-х годов посвящена в исследовании «Л. Толстой и Достоевский» всего одна страница, истории успеха «Бедных людей» — несколько строк.

⁴² Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. С. 47. Курсив мой. — О. Б.

представляют себе биографы. Темы юношеского „мечтательства” не покидали Достоевского и на каторге, не покидали и потом во всю его жизнь; они сочетались только с новым жизненным и религиозным опытом, обострились и достигли подлинно религиозной глубины...».⁴³ В приведенной цитате очевидна полемика с бытовавшей в Серебряном веке «биографической легендой» Достоевского, настаивавшей на резком водоразделе между юностью и послекаторжной зрелостью писателя. Та же мысль (о сквозном характере внутреннего «мечтательного» сюжета в жизни автора «Сна смешного человека») пронизывает и статью Комаровича «„Мировая гармония” Достоевского».⁴⁴

Интересно, что текст эпиграфа и самого сонета немного разнятся: у Комаровича — «Ночь белая болезненна, бледна...», что переносит акцент в этом стихе, по сравнению с оригиналом Садовского («Ночь белая болезненно бледна...»), со второго определения («бледна») на первое («болезненна»). Так Комаровичу удается актуализировать ассоциативную цепочку: «Белые ночи», болезнь, «мечтательство», социально-утопические кружки... В памяти всплывает во многом тождественный автору герой-мечтатель с «бледным, как будто несколько измятым лицом», повествующий Настеньке во время ночного свидания на набережной Екатерининского канала о своей «болезненно раздраженной фантазии» и о «восторгах своего болезненно-потрясенного духа», сопровождающихся «томительно-сладкою болью в сердце».⁴⁵ В итоге взаимовлияние поэта и ученого совершило новый виток: если Садовской написал свой сонет под впечатлением первоначальных вариантов статьи о юности Достоевского, то Комарович, беря оттуда эпиграф к своей статье, несколько изменил взятую строфу, подчеркнув болезненный, миражно-фантастический характер социалистических мечтаний писателя и тем поколебав его авторитет как «учителя (...), указующего *единственно правильный путь* жизни и деятельности».⁴⁶ Возможно, в этом неосознанно сказалось критическое отношение автора «Юности Достоевского» к новому общественному строю, установившемуся в России после победы социалистической революции в 1917—1921 годах.

Однако Садовской был, кажется, единственным, кто принял новый образ Достоевского, встававший со страниц статьи Комаровича. Так, Г. П. Блок,⁴⁷ в 1921—1922 годах бывший третьим лицом в дружбе Садовского и Комаровича, в письме к первому от 7 (14) августа 1922 года негативно отозвался о готовившейся к печати «Юности Достоевского»: «Знаете, что меня огорчило — статья Василия Леонидовича о молодости Достоевского (...) Просто плохая статья: длинно, скучно и неосновательно (...) Даже и тени Достоевского там не видно. Впрочем, сам он мне говорил, что не любит эту статью, что она молодая, с позднейшими наростами...»⁴⁸ Не понравилась «Юность Достоевского» и А. Л. Бему: «Неудачная постановка и разработка поставленной себе темы (...) очень обесценивает во многих частностях интересную работу».⁴⁹ Кроме отмеченных, отзывов на публикацию «Юности Достоевского» практически не было, из чего можно заключить, что современниками статья во всей своей значимости воспринята не была. Что касается советской печати, это, скорее всего, объяснялось показанным в статье отречением В. Г. Белинского последних лет жизни от социалистических идей, несовместимым с той революционно-демократической «иконой», которая уже тогда создавалась в СССР из этого критика. Позицию независимых ученых, по всей видимости, определяла инерция

⁴³ Комарович В. Юность Достоевского // Былое. 1924. № 23. С. 39. Курсив мой. — О. Б.

⁴⁴ Впервые: Атений: Историко-литературный временник. 1924. Кн. 1—2. С. 112—142.

⁴⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 2. С. 114, 116.

⁴⁶ Бороздин А. К. Из воспоминаний.

⁴⁷ См. о нем: Влюбленные в Фета. Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому (1921—1922) / Вступ. статья, комм., публ. С. В. Шумихина // Наше наследие. 2007. № 83—84. С. 84—88.

⁴⁸ Влюбленные в Фета. Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому (1921—1922) // Наше наследие. 2008. № 85. С. 107.

⁴⁹ Slavia (Прага). 1924. Т. 3. Вып. 1. С. 184.

восприятия Достоевского в Серебряном веке. И только со временем отношение к «Юности Достоевского» изменилось, причем сначала — у иностранных читателей.⁵⁰

Так что недаром работа Комаровича над этой статьей была долгой и мучительной — ведь именно здесь молодой исследователь освобождался от прежних стереотипов, от «биографической легенды» Достоевского и стремился к выработке методологии, способной привести к не обусловленным мифологической схемой, *не предсказанным заранее* научным результатам. Симптоматично и то, что одна из лучших на сегодняшний день работ о Достоевском 1840-х годов встретила у современников, в основном, критику и несогласие: разрушение устоявшихся в Серебряном веке представлений о писателе, пересмотр его «биографической легенды» вызвали неосознанное сопротивление даже у таких незаурядных исследователей, как Блок и Бем. А поэт, художник Садовской оказался более чутким, создав, под впечатлением новаторских идей Комаровича, этюд к непривычному еще для современников портрету автора «Белых ночей»...

⁵⁰ См. репринтное воспроизведение статьи в кн.: *O Dostoevskom: stat'i P. M. Bitsilli, V. L. Komarovich, Iu. Tynianov, S. I. Gessen / Introduction by Donald Fanger. Providence, 1966. P. 75—115.*

© Л. В. Хачатурян

ДНЕВНИК ПОЭТА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК: ДВЕ РЕДАКЦИИ «ЮНОШЕСКИХ СТИХОВ» М. И. ЦВЕТАЕВОЙ*

Четвертая книга стихов М. И. Цветаевой занимает особое место среди ее поэтических сборников. Сама Цветаева выделяла «Юношеские стихи» среди своих книг. В отличие от «Волшебного фонаря» (1910) и «Вечернего альбома» (1912), бывших для нее «пробой пера» и имевших в значительной степени подражательный или ученический характер, этот сборник был задуман и подготовлен в полном соответствии с собственным жизненным и литературным манифестом. Тем не менее его издательская судьба складывалась настолько сложно, что даже спустя столетие после создания, «Юношеские стихи» ни разу не вышли в России как отдельная книга.¹

Е. Б. Коркина обратила внимание на то, что Цветаева измеряла свое творчество поэтическими книгами: «Цветаева выстраивала такую „прямую“ своего творческого пути: „Вечерний альбом“ — „Волшебный фонарь“ — „Юношеские стихи“ — „Версты 1“ — „Версты 2“ — „Разлука“ — „Ремесло“ — „После России“, оставляя на обочине его следующие свои книги: „Из двух книг“ (1913), „Стихи к Блоку“ (1922), „Психея“ (1923)».² При жизни Цветаева сделала несколько попыток опубликовать «Юношеские стихи», самая известная из которых описана в очерке

* Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда. Проект № 14-18-019170, ВНИИДАД.

¹ Единственное издание, в котором полностью опубликована вторая редакция книги (предположительно, по списку из архива А. Е. Крученых): Цветаева М. И. Неизданное: Стихи. Театр. Проза. Paris: YMCA-Press, 1976. С. 5—92. Фрагментарно: Коркина Е. Б. О «Юношеских стихах» Марины Цветаевой // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник на 1983 год. Л., 1985. С. 120—125; Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С. 56—82 (Библиотека поэта. Большая сер.).

² Коркина Е. Б. О «Юношеских стихах» Марины Цветаевой. С. 124.

«Герой труда».³ Каждой попытке публикации соответствовала новая редакция книги.

В России находятся две редакции «Юношеских стихов» (1919—1920 и 1940 годов) и несколько списков.⁴ Еще одна редакция хранится в частном собрании В. А. Швейцера.⁵ Поскольку в подлиннике она не доступна, обратимся к первым двум.

Первая рукописная редакция «Юношеских стихов»⁶ написана на отдельных листах из тетради и блокнота «Для памяти», записи в котором сделаны теми же чернилами, что и письма Цветаевой января 1920 года.⁷ На основании этого редакция датируется зимой 1919—1920 годов.

К этому же времени относится одно из немногих упоминаний о работе над «Юношескими стихами» в письме Цветаевой к В. К. Звягинцевой и А. С. Ерофееву: «Готовила книгу — с 1913 г. по 1915 г. — старые стихи воскресали и воскрешали, я исправляла и наряжала их, безумно увлекалась собой 20-ти лет и всеми, кого я тогда любила: собою — Алей — Сережей — Асей — Петром Эфрон — Соней Парнок — своей молодой бабушкой — генералами 12 года — Байроном — и — не перечислишь!»⁸ Таким образом, «Юношеские стихи» создавались «двумя» поэтами: двадцатилетней Цветаевой 1913—1915 годов, времени «инициации»⁹ и первого литературного признания; и почти тридцатилетней, времени «Верст» (1921), голодной зимы 1920—1921 годов, поэтом в возрасте адресатов «Юношеских стихов» — «тридцатилетних» Петра Эфрона и Софьи Парнок.¹⁰ Первому поэту принадлежат события книги, «первоначальный» текст и датировка стихотворений; второму — правка и, важнейшее, дневниковая композиция книги.

³ *Цветаева М. И.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 12—63.

⁴ В настоящее время известны рукописная редакция 1919/1920 годов (РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 22) и машинописная 1919/1920 годов с правкой 1940 года (Там же). Среди списков «Юношеских стихов» наиболее известна машинописная копия, сделанная в 1940 году А. Е. Крученых со второй редакции с авторской правкой М. И. Цветаевой. Рукописная редакция доступна в Интернете на совместном сайте РГАЛИ и ИРЛИ РАН «Автограф. Электронный архив русской литературы». См.: http://tsvetaeva.literature-archive.ru/media/tsvetaeva/early_poems/index.html (дата обращения: 30.05.2016).

⁵ Машинопись с авторской правкой. На основе этой редакции подготовлены стихотворения, опубликованные в четырехтомном Собрании сочинений М. И. Цветаевой: *Цветаева М. И.* Стихотворения и поэмы: В 5 т. New York, 1980. Т. 1.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 22. Сборник состоит из отдельных листов. На листах архивная пагинация с 1-го по 58-й номер. Сохранилась авторская пагинация с 4 по 101 номер (с 5 по 43 отсутствуют). В авторской пагинации имеются пропуски: отсутствуют листы 62 и 77, введен номер 96 bis. Запись стихотворений 1—31 (4, 44—74 в авторской пагинации) выполнена на листах блокнота в клетку с перфорацией; на листах 8, 32—48, 50, 52, 54, 55 (50, 75—92, 94, 96, 97, 98) тетради в линейку. Записи на листах 49, 51, 53, 56—58 (93, 95, 96 bis, 99—101) — на листах блокнота «Для памяти» в клетку. В тексте присутствуют авторские зачеркивания одного слова (листы 3, 7, 10, 23, 40), строк и целых фрагментов (листы 25 и 28).

⁷ См. письма М. И. Цветаевой В. К. Звягинцевой и А. С. Ерофееву // РГАЛИ. Ф. 1720. Оп. 1. Ед. хр. 251.

⁸ *Цветаева М. И.* Собр. соч. Т. 6. С. 152.

⁹ С. Ж. Макашева разделяет эти этапы 1915 и 1916 годов: «В творческой эволюции М. И. Цветаевой можно выделить пять хронологических этапов. На первом этапе (1907—1915 гг.) принципом „творческого поведения“ является инициация, предполагающая отбор и пересоздание действительности в связи со становлением поэтической личности и движением в мир взрослых. На втором этапе (1916—1920 гг.) центральным становится принцип идентификации, когда личность устанавливает индивидуальные черты (...) путем поиска тождеств и аналогий с универсумом» (*Макашева С. Ж.* Творческая эволюция М. И. Цветаевой: онтология, концепция личности. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2006. См.: <http://chelovek-nauka.com/tvorcheskaya-evolyutsiya-m-i-tsvetaevoy-ontologiya-kontseptsiya-lichnosti> (дата обращения: 30.05.2016)).

¹⁰ Летом 1914 года (время создания стихотворного цикла «П. Э.») П. Я. Эфрону (1883—1914) 31 год. Осенью 1914 года (начало цикла, позднее названного «Ошибка» / «Подруга») С. Я. Парнок 29 лет.

«Дневниковый» характер творчества Цветаевой отмечал еще М. Л. Гаспаров. «Чтобы найти и утвердить собственный образ, чтобы стать непохожей на других — для этого молодая Цветаева выбрала свой собственный путь и держалась его очень последовательно. Это было превращение стихов в дневник. (...) Образцовое произведение дневникового жанра, на максимуме откровенности, было у всех перед глазами: „Дневник“ Марии Башкирцевой; известно, как Цветаева поклонялась Башкирцевой и анонсировала в 1913 году книгу о ней. Но под влиянием Башкирцевой были многие, а превратила дневник в поэзию только Цветаева: для того чтобы осуществить такое скрещение жанров так последовательно, нужна была творческая воля и человеческая смелость».¹¹ Здесь имеет смысл добавить ремарку текстолога: превращение «стихов в дневник» и превращение «дневника в поэзию» неравнозначны. Цветаева шла именно по второму пути. Об этом свидетельствует ее архивное наследие. Пятьдесят четыре дневниковых тетради и тридцать пять рабочих четко фиксируют этот принцип: из записной книжки — в поэзию и прозу. «Дневниковость» — не только творческая, но и, в первую очередь, жизненная стратегия Цветаевой.

В «Юношеских стихах» мы имеем дело не с литературной имитацией дневника или эпистолярия, характерного и для XVIII, и для XIX веков, а с поэтическим воплощением реального дневника, наследием символистов. Прообраз реального дневника мы видим и в двух первых книгах М. И. Цветаевой, «Волшебном фонаре» и «Вечернем альбоме». «При издании „Вечернего альбома“ (...) Цветаева все-таки пошла навстречу удобству читателей и разнесла стихи по темам, по трем разделам, в зависимости от источников вдохновения: быт, душевная жизнь, читанные книги. (...) Когда через два года появился „Волшебный фонарь“, то отношение к нему оказалось гораздо прохладнее — именно потому, что в нем уже не было вызывающей новизны и он воспринимался читателями как самоповторение».¹²

Впервые Цветаева манифестирует этот принцип в предисловии к сборнику «Из двух книг» (1913), предшествовавшему «Юношеским стихам» и не включенному Цветаевой в «главный» список. Их связывает и эпитафия — стихотворение «Моим стихам, написанным так рано...» (13 мая 1913 года). В эпитафии, который с другими стихами дневникового сборника разделяет более года, «первый», двадцатилетний поэт заявляет о будущем своих «нечитанных стихов». И если строки «Разбросанным в пыли по магазинам / — Где их никто не брал и не берет...» в 1920-м году еще остаются актуальными (вспомним многочисленные попытки продать свои рукописные книги через «Книжную лавку писателей», исчезнут «из магазинов» стихи Цветаевой значительно позже), то о «нечитанных» стихах уже речи нет. Однако в 1913—1915 годах разрыв с первыми книгами еще не так велик. То, что было подтекстом первых двух книг, становится текстом «Юношеских стихов».

«Все это было. Мои стихи — дневник, моя поэзия — поэзия собственных имен. Все мы пройдем. Через пятьдесят лет все мы будем в земле. (...) И мне хочется крикнуть всем еще живым: Пишите, пишите больше! Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох! Но не только жест — и форму руки, его кинувшей; не только вздох — и вырез губ, с которых он, легкий, слетел. / Не презирайте „внешнего“! Цвет ваших глаз так же важен, как их выражение; обивка дивана — не менее слов, на нем сказанных. Записывайте точнее! Нет ничего неважного! Говорите о своей комнате: высока она, или низка, и сколько в ней окон, и какие на них занавески, и есть ли ковер, и какие на нем цветы?.. / Цвет ваших глаз и вашего абажура, разрезаемый нож и узор на обоях, драгоценный камень на любимом кольце, — все это будет телом вашей оставленной в огромном мире бедной, бедной души».¹³ Каждую фразу из этого манифеста можно сопоставить со строкой сборника. Здесь будут и плетеный

¹¹ Гаспаров М. Л. Марина Цветаева: От поэтики быта к поэтике слова // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализ. Интерпретация. Характеристики. СПб., 2001. С. 136—137.

¹² Там же. С. 137.

¹³ Цветаева М. И. Из двух книг. М.: Оле-Лукойе, 1913.

стул или chaise-longue (именно французский) Петра Эфрона,¹⁴ и «длинный жест» Софьи Парнок,¹⁵ и шаль, и руки лорда Байрона, с «ровными, как миндаль» ногтями,¹⁶ совершенно равноправные по отношению к реальности в дневниках Цветаевой.

Первые сохранившиеся дневниковые тетради Цветаевой относятся к сентябрю 1913 года. В это время Марина Цветаева вела так называемые «тематические» дневники. Нам известны записи, посвященные дочери,¹⁷ записи мыслей и характеристик¹⁸ только с декабря 1916 года.

Привычный нам цветаевский дневник с внутренними диалогами, прямой речью, датированными и недатированными записями формируется только к июню 1918 года.¹⁹ Личные дневники М. И. Цветаевой 1914—1915 годов не сохранились. Мы не можем проследить, что занимало мысли Цветаевой весной-летом (цикл «П. Э.») или в октябре 1914 года (знакомство с С. Я. Парнок). Пытаясь реконструировать творческую историю цикла «Подруга», С. А. Полякова использует бытовые записи, размещенные на обложке дневниковой тетради Цветаевой:

«у Сережи — со звездами
у меня — со звездами
и темный
у Сони — со звездами
для Али — маленький квадратный
Асе — один средний
Адел. Каз. — один средний».²⁰

«В этой же записной книжке 1915—1916 гг. читаем другую запись (очевидно, она относится к коктейльскому легу 1915 года), свидетельствующую о домашности, свойскости, близости отношений Парнок и Цветаевой: Парнок как бы включена в семью и наравне с другими ее членами входит в орбиту заботливого внимания Цветаевой: для нее Цветаева выбирает татарский коврик со звездами, обменивает прежде купленный, мудрит, чтобы порадовать Парнок подарком».²¹

Косвенным свидетельством, подтверждающим существование ранних дневников М. И. Цветаевой, могут стать записи дочери в ее дневниках и собственные дневники ее детей. Ведение дневника культивировалось в семье. «Писать дневник» и для Ариадны, и для Георгия с подросткового возраста входило в распорядок дня. Самый ранний из сохранившихся дневников Г. С. Эфрона датирован мартом 1940-го года и помечен как «Дневник № 2».²² Таким образом, автору «Дневника № 1» максимум 15—16 лет, и возможно, что он начал после возвращения в СССР в 1939 году. Первый известный нам дневник А. С. Эфрон с пометами М. И. Цветаевой — март 1919 года,²³ Але — восемь лет. Параллельно с этим она делает записи в дневниках матери, и это разрешается и поощряется. Логично предположить, что и собеседником ранней юности самой Цветаевой был дневник. В этом случае в «Юношеских стихах» мы имеем дело с поэтическим выражением существовавшего, но утраченного дневника, и можем только догадываться, что стало побудительной причиной уничтожения дневниковых записей 1913—1915 годов.

В самой книге манифестом поэтического дневника становится стихотворение «Радость всех невинных глаз...», из которого карандаш поэта-редактора удаляет,

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед.хр. 21. Л. 5, 6.

¹⁵ Там же. Л. 31.

¹⁶ Там же. Л. 50.

¹⁷ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 39, 40, 42.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 41.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 43.

²⁰ *Цветаева М. И.* Записные книжки: В 2 т. М.: Эллис Лак, 2001. Т. 1. С. 138.

²¹ *Полякова С. В.* [Не]закатные оны дни: Цветаева и Парнок. Ann Arbor: Ardis, 1983. С. 54.

²² РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 219.

²³ Там же. Ед. хр. 244.

как ненужное отступление, две первых строфы. На первый план выносятся метод лирической детализации.²⁴

**«Радость всех невинных глаз...»
(до правки 1919/1920 годов)**

Радость всех невинных глаз,
— Всем на диво! —
В этот мир я родилась —
Быть счастливой!

Нежной до потери сил,
... ..
Только памятью смутил
Бог — богиню.

**«Помню ленточки на всех детских шляпах...»
(после правки 1919/1920 годов)**

Помню ленточки на всех
Детских шляпах,
Каждый прозвеневший смех,
Каждый запах.

Каждый парус вдальке
Жив — на муку.
Каждую в своей руке
Помню руку.

Начиная работу над сборником в декабре 1919 года, Цветаева выстраивает из отдельных стихотворений дневник поэта, следуя четкому плану. Книга открывается эпиграфом («Моим стихам, написанным так рано...»), в котором на очень высокой ноте утверждается уникальность любого мгновения жизни поэта («...что и не знала я, что я — поэт...»), абсолютно независимого от внешней шкалы его «содержательности».

Далее — цикл из шести стихотворений, посвященных Петру Эфрону. Первые четыре стихотворения написаны ему при жизни, остальные два — после смерти. Несмотря на значительные временные разрывы (7 июня — 28 июня — 12 июля — 16 июля — 30 августа — 4 октября), цикл читается на одном дыхании. Выстраивается фабула их отношений: первая встреча в Москве — дача, надежда на выздоровление — больница — смерть.

В реальности первая встреча Цветаевой и вернувшегося из эмиграции Петра Эфрона произошла в Москве 5 июня 1914 года. На следующий день она отправляет ему первый вариант стихотворения «День августовский тихо таял...», значительно расходящийся с включенным в «Юношеские стихи». Сравнивая два текста, мы можем выделить правку 1919 года: замену строк («закрепляют каждый жест»), слов и целой строфы.

**Вариант, приложенный к письму
П. Я. Эфрону 6 июня 1914 года²⁵**

Но было сразу обаянье
— Пусть этот стих к(а)к сердце прост!
Но было дивное сиянье
Двух темных звезд.

Я героически боролась
— Мы с Вами даже ели суп —
Я помню несказанный голос
И очерк губ,

— «А Вам не вредно столько перца?»
Я вдруг вздохнула тяжело,
Но что-то до сих пор от сердца
Не отлегло.

**«Юношеские стихи» (рукописная
редакция зимы 1919—1920 годов)²⁶**

И было сразу обаянье.
— Склонился, королевски-прост! —
И было страшное сиянье
Двух темных звезд.

Я героически боролась!
— Мы с Вами даже ели суп! —
Я помню заглушенный голос
И очерк губ.

В полоборота, в полумраке,
Смеюсь, сама не ожидая:
— «Глаза породистой собаки,
Прощайте, граф!»

Казалось бы, «День августовский тихо таял...» — не совсем подходящее начало для стихотворения, написанного 6 июня. Разрыв между двумя календарями —

²⁴ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 21.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2962. Оп. 1. Ед. хр. 353. Л. 4.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 45—46.

фактическим и поэтическим — отмечен в исследовании С. В. Поляковой, посвященном другому внутреннему циклу «Юношеских стихов»: «В „Подруге” Цветаева пользуется двумя противоположными методами. С одной стороны, действительность воссоздается „фотографическим” способом, высокой достоверностью передачи реалий и состояний души, с другой — в изображаемое для придания ему большей выразительности вносятся коррективы, заменяющие правду реальности не менее правдивой правдой идеи. (...) Цветаева заботливо фиксирует день, место и время действия. Мы узнаем, что дело происходит зимой, в Москве, указана даже улица — Большая Лубянка, в восьмом часу вечера; эта осторожность последнего определения — неуверенное, приблизительное „часу в восьмом” создает иллюзию шепетильной добросовестности рассказчика. Стихотворение помечено 26 октября (ст. стиля) 1914 года. (...) Холод, зима, снег — все это метафоры нелюбви, охлаждения, измены, а не достоверные фенологические приметы этого вечера».²⁷ Этот прием используется в «Юношеских стихах» неоднократно. В нашем случае августовский день в июне — это один из немногих дней непоправимо уходящего лета, один день из двух последних месяцев стремительной жизни Петра Эфрона.

В лирическом дневнике Цветаевой датировка подчинена последовательности событий; стихотворения нередко на несколько дней «опережают» календарь или «отстают» от него. Первая редакция «Юношеских стихов» не случайно собрана автором из отдельных листов, на каждом из которых записано стихотворение и помечена дата. Взрослый поэт выкладывает из календарных листочков свою последовательность событий, «красным карандашом» проходя по юношескому дневнику и нумеруя страницы.

В первой редакции цикл «П. Э.» состоит из шести стихотворений. Во второй — из семи. Седьмое, «Милый друг, ушедший дальше, чем за море» (5 июня 1915 года), в первой редакции вынесено Цветаевой за пределы цикла и размещено в соответствии с датировкой. Таким образом, в сборнике они находятся среди стихотворений, посвященных Софье Парнок. В «Юношеских стихах» сюжетная линия Цветаева — Парнок «датирована» 16 октября 1914 года — 6 октября 1915 года, хотя реальные отношения начались чуть ранее, а закончились три месяца спустя, в начале 1916 года.

Педантичное следование датам здесь объяснимо. Последнее стихотворение Петру Эфрону написано ровно через год после их первой встречи,²⁸ оно окончательно закрепляет за Цветаевой этот день. На протяжении шести строчек корневая часть слова «память» повторяется трижды.

Я обманута и я обокрадена, —
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного — навеки — лица.

Как мне памятен просящий и пристальный
Взгляд, поближе приглашающий сесть...²⁹

Сохранение «дневникового» расположения стихотворений ставит память выше текущего потока событий. «Живая память» не отменяет пестроты пережива-

²⁷ Полякова С. В. [Не]закатные оны дни: Цветаева и Парнок. С. 81—83.

²⁸ Связь этого стихотворения с остальным циклом просматривается только в первой редакции. При перепечатке стихотворения «День августовский тихо таял» для второй редакции поставлена дата не «7», а «17» июня. При переносе даты теряется связь 5 июня (встреча) — 6 июня (черновик стихотворения) — 7 июня (беловик). Поэтому возвращение к памяти Петра Эфрона 5 июня 1915 года делается не совсем понятным. В дальнейшем эта дата повторена во всех подготовленных на основе второй редакции и ее списков изданиях: *Цветаева М. И.* 1) Неизданное: Стихи. Театр. Проза. С. 50; 2) Стихотворения и поэмы. С. 65; 3) Собр. соч. Т. 1: Стихотворения. С. 207.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 42.

ний, а создает над встречами-расставаниями, любовями, сменой интересов и стихотворений пространство для глубокого родства, ради которого по Цветаевскому календарю все происходит и совершается.

Два внутренних цикла (явный — Петру Эфрону, скрытый — Софье Парнок) образуют каркас книги, на который накладываются «стихотворения дня» — Наполеону, юной бабушке, Ахматовой, Минцу, Асе, коту Кусаке, своему предтече, который может был, а может и не был скрипачом.³⁰ Разрыв и поиск новой привязанности (в дневнике все вместе) переплетается с темой прощания («...любовницы читают ли, Овидий?! / — Твои тебя читали ль?..»)³¹ и смерти автора, звучащей все отчетливей при приближении к 26 сентября 1915 года.

День рождения в дневнике обычно становится днем подведения неких итогов, прожитого года или прожитых лет. Накануне написано стихотворение о расставании с героем юности («Лорд Байрон»), которое переживается Цветаевой не как ее, повзрослевшей, отказ от прежних героев, а как их уход от нее в страну юности, где они, вечно молодые, пребудут с поэтом-ровесником. Стихотворение проникнуто тоской неизбежной разлуки, его тональность близка плачу покинутой возлюбленной. Оно так и не было завершено. Характерные для творческого перфекционизма Цветаевой лакуны³² останутся и в черновике 25 сентября 1915 года, и в редакции 1919/1920 годов.³³ В 1940 году Цветаева исправит последнюю строфу, но потом исключит стихотворение из второй редакции.

Лорд Байрон! — Вы меня забыли!
Лорд Байрон! — Вам меня не жаль?
На _____ плечи шаль
Накидывали мне — не Вы ли?
И кудри — жесткие от пыли —
Разглаживала Вам — не я ль?

Чьей арфы _____ аккорды
Над озером — скажите, сэр! —
Вас усмиряли, кондотьер?
И моего коня — о, гордый!
Не Вы ли целовали в морду,
Десятилетний лорд и пэр?

Пожалуй, единственный раз М. И. Цветаева изменит своему методу и откажется от сохранения в тексте лакуны вместо использования «проходных» слов, исправляя строфу стихотворения «Ты проходишь своєю дорогою...» для второй редакции «Юношеских стихов». В поисках эпитета для неувядающей красоты Цветаева пять лет оставляет строку незавершенной (редакция 1919/1920 годов). Затем она внутренне соглашается на несовершенную замену и вписывает в пятую строфу само слово.

**Рукописная редакция
1919/1920 годов³⁴**

_____, не увянешь за-лето!
Не цветок, стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого,
Увезенный — с какого острова?

**Машинописная редакция с правкой
М. И. Цветаевой 1940 года³⁵**

Красота, не увянешь за лето.
Не цветок — стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого,
Увезенный — с какого острова?

³⁰ «Какой-нибудь мой предок был скрипач...» (Там же. Л. 43).

³¹ Там же. Л. 54.

³² О лакунах в беловых тетрадах М. И. Цветаевой см.: *Хачатурян Л. В.* «Здесь, в небесах»: Новые технологии аутентичной публикации рукописей // *Русская литература.* 2015. № 3. С. 148—152.

³³ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 50. При цитировании этого стихотворения здесь и далее подобные лакуны отмечаются нами подчеркиванием.

³⁴ Там же. Л. 28.

³⁵ *Цветаева М. И.* Незданное: Стихи. Театр. Проза. С. 69.

В 1919/1920 годах из двух «каркасных» циклов «Юношеских стихов» заглавие дано только одному — «П. Э.». Пятнадцать посвященных Софье Парнок³⁶ стихотворений не только разделены другими стихами, но не имеют ни общего названия, ни посвящения. В 1940-м году эти названия появляются: сначала — «Ошибка», потом «Подруга». В первом случае М. И. Цветаева использует заглавие своего раннего стихотворения (зима 1910/1911 годов), написанного после отказа на предложение Эллиса (Л. Л. Кобылинского). Видимо, строки этого стихотворения («Нельзя мечту свою хватать руками, / Нельзя мечту свою держать в руках...») ³⁷ были слишком прямолинейны, и она остановилась на нейтральном варианте. В чем же заключается различие между циклами Петру Эфрону и Софье Парнок, и почему оно столь существенно в 1920-м году и совершенно исчезает в 1940-м?

Вероятно, дело не в попытке Марины Цветаевой скрыть адресата.³⁸ Петр Эфрон был столь же «неподходящей» кандидатурой, тем более что 1940-й год был в этом плане гораздо жестче и 1914-го, и 1920-го. Здесь речь идет не о самоцензуре. Возможно предположить, что для создания цикла было необходимо завершение отношений, которые для Цветаевой, как стихи, как текст, должны были быть окончательно решены, «сделаны», неизменны. Ссора, расставание — остановка в работе, к которой автор может вернуться или не вернуться по своему желанию. Смерть или невозможность встречи «здесь, на земле» — точка, поставленная свыше. Поэтому Цветаева так отзывается на смерть поэтов-современников: Блока, Маяковского, Волошина. Петр Эфрон умирает 28 июля 1914-го, «в середине» цикла. Четыре стихотворения посвящены ему при жизни, далее следуют два стихотворения-реквиема и через год стихотворение-память. Цикл получает название сразу. Софья Парнок умерла 26 августа 1933 года, в 1919/1920 годах стихи еще не выделены и не названы. В 1940-м весь путь пройден, и ему можно дать название.

Сложно сказать, что именно стало интенцией последней правки «Юношеских стихов». Марину Цветаеву 1940 года и юного автора стихов разделяет 25 лет. Книгу составляет поэт, для которого, по словам М. Л. Гаспарова, «уже не было задач, которые нужно было решать в *слове*, а только такие, которые нужно было решать с помощью слова и *по ту сторону слова*».³⁹

В качестве основы для новой редакции М. И. Цветаева берет машинописный текст 1920 года,⁴⁰ включающий также стихотворения 1913-го и ноября-декабря 1915 года. Книга увеличивается. Вместо 53 стихотворений первой рукописной редакции во второй — 69. В книге уже пять циклов, посвященных ушедшим — умершим или арестованным («Асе», «Сергею», «Але», «П. Э.», «Подруга»), удалены названия некоторых стихотворений («Легкомыслие», «Ложь»), заполнены лакуны. Но главное изменение коснулось взаимоотношений с читателем. Цветаева одновременно хочет быть понятой и не стремится быть понятой. Она усложняет строфы, меняет строки, перемещая смысл фразы в подтекст.

³⁶ Во второй редакции в цикл «Подруга» входит 15 стихотворений. В списке, выполненном А. Е. Крученых, в цикл входит 17 стихотворений.

³⁷ *Цветаева М. И.* Собр. соч. Т. 1. С. 64.

³⁸ О реальных и мифологических адресатах поэтических циклов Цветаевой см.: *Круглова Т. С.* «Адресованная» лирика Марины Цветаевой: коммуникативно-жанровый аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. См.: <http://cheloveknauka.com/v/238130/d/#?page=1> (дата обращения: 30.05.2016).

³⁹ *Гаспаров М. Л.* О русской поэзии. С. 137.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 21. Машинописная редакция с авторской правкой 1919/1920 годов красными и черными чернилами (первый слой) и 1940 года (второй). Первый лист отсутствует, остальные пронумерованы машинисткой. О характере правки во второй редакции см.: *Коркина Е. Б.* О «Юношеских стихах» Марины Цветаевой. С. 125.

**Рукописная редакция
1919/1920 годов⁴¹**

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
*Письмо в бесконечность. — Письмо в
беспредельность.*
Письмо в пустоту.

**Список из архива А. Е. Крученых
с правкой М. И. Цветаевой 1940 года⁴²**

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
Письмо в бесконечность. — Письмо в
беспредельность. —
Письмо в пустоту.

Если строка или строфа не поддается правке, ее уже не откладывают для последующей работы, а просто убирают. Так, снята третья строфа в стихотворении «Свободно шея поднята...». В первой редакции пять строф, во второй — четыре. Вот как выглядела эта строфа в редакции 1919/1920 годов:⁴³

Светло-коричневым кольцом
Слегка оттенены,
Владычествуют над лицом
Глаза, как две луны.

Этапы последней, жесткой правки лучше всего видны в стихотворении «Лорд Байрон», где Цветаева сначала снимает все лишнее, нарушая размер строфы в шесть строк, а потом просто отказывается от стихотворения целиком.

**Рукописная редакция
1919/1920 годов⁴⁴**

Кто, плача, пробовал о гладкий
Свой ноготь, ровный как миндаль,
Кинжала дедовского сталь?
Кто утащил мою перчатку?
Кто целовал мою перчатку?
— Лорд Байрон! — Вам меня не жаль?

**Список, опубликованный в
Собрании сочинений⁴⁵**

Кто, плача, пробовал о гладкий
Свой ноготь, ровный как миндаль,
Кинжала дедовского сталь?
Кто целовал мою перчатку?
— Лорд Байрон! — Вам меня не жаль?

Точно так же Цветаева удаляет из книги стихотворение «И все вы идете в сестры». Новая правка настолько затрудняет чтение, что для понимания смысла фразы требуется обратиться к предыдущей редакции.

**«И все вы идете в сёстры...»
(редакция 1919/1920 годов)⁴⁶**

Вы креститесь у часовни,
А я подымаю бровь...
— Но вашей любви любовней
Стократ — моя нелюбовь.

**«И все вы идете в сёстры...»
(список, опубликованный
в Собрании сочинений)⁴⁷**

Вы креститесь у часовни,
А я подымаю бровь...
Но в вашей любви любовной
Стократ — моя нелюбовь.

Во второй редакции последовательное усложнение строки может изменить всю композицию стихотворения. Так, в списке из архива А. Е. Крученых исправленная строка уже не связывает, а разделяет две соседние строфы:

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 11. Выделенный курсивом стих в этой редакции был написан в одну строку.

⁴² *Цветаева М. И.* Неизданное: Стихи. Театр. Проза. С. 57.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 27.

⁴⁴ Там же. Л. 50.

⁴⁵ К сожалению, источник текста не указан. По ряду признаков (словосочетания на иностранных языках, вставка в стихотворении «Могу ли не вспомнить я...» и др.) можно предположить, что это машинописный список, сделанный А. Е. Крученых в 1940 году с последующей правкой Цветаевой. См.: *Цветаева М. И.* Собр. соч. Т. 1. С. 242—243.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 44.

⁴⁷ *Цветаева М. И.* Собр. соч. Т. 1. С. 239.

«Могу ли не вспоминать я...»
(машинописная редакция
с правкой 1940 года)⁴⁸

Я помню — над синей вазой, —
Как звякнули наши рюмки.
— «О будьте моим Орестом!»
И я Вам дала цветок.

Смеясь — над моей ли фразой? —
Из замшевой черной сумки
Вы вынули длинным жестом
И выронили — платок.

«Могу ли не вспомнить я...»
(список А. Е. Крученых
с правкой М. И. Цветаевой 1940 года)⁴⁹

Я помню — над синей вазой —
Как звякнули наши рюмки!
«О, будьте моим Орестом!»
И я отдала цветок.

С зарницею сероглазой
Из замшевой черной сумки
Вы вынули длинным жестом
И выронили платок.

И хронологически, и графически (два слоя правки), и даже географически (Коктебель — Москва — Берлин — Прага — Париж — Москва) «Юношеские стихи» Марины Цветаевой прошли долгий путь. Менялись стиль авторской правки, орфография, объем и сюжетные линии книги, появлялись новые циклы. Единственное, что оставалось неизменным во всех перипетиях правки — дневниковый строй сборника. Несмотря на двадцатипятилетнюю работу над рукописью, датировка самих стихотворений не меняется со дня их написания в 1913—1915 годах. И в первой, и во второй редакции «Юношеских стихов» Цветаева создает литературный памятник дневнику. Всем прожитым событиям, всем именам, ленточкам на детских шляпках. Душе поэта, оставленной в этом мире.

⁴⁸ Коркина Е. Б. О «Юношеских стихах» Марины Цветаевой. С. 123—124.

⁴⁹ Цветаева М. И. Неизданное: Стихи. Театр. Проза. С. 70—71.

© С. И. Межеричкая, © М. В. Рождественская

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВСЕВОЛОДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Поэзия Всеволода Рождественского — при довольно широкой известности в советскую эпоху и общепризнанном мастерстве автора — в последние десятилетия почти не привлекала к себе внимания не только массового читателя, но и профессиональных литературоведов. Сегодня лирический голос В. А. Рождественского, по праву считавшегося когда-то одним из самых петербургско-ленинградских поэтов,¹ может показаться не самым громким в хоре других поэтических голосов, звучавших на протяжении предшествующей эпохи. Однако его творчество, всегда развивавшееся в русле классической русской поэзии, заслуживает, тем не менее, более внимательного изучения.² Литературное наследие поэта весьма обширно, и если поэтические произведения опубликованы почти полностью (хотя и не вполне в должной мере исследованы), то эпистолярная его часть еще ждет своего изучения

¹ См. выдержку из письма В. А. Рождественского к Г. В. Глекину 1974 года: «В глазах литературной Москвы я все же остался автором „местного значения“ с неизменным эпитетом „ленинградский поэт“, на что я никак не возражаю, т. к. все это связывает меня с городом, навсегда ставшим и жизненной, и литературной моей судьбой» (из семейного архива Рождественских).

² Это показала прошедшая 4—6 декабря 2015 года в Музее-квартире М. М. Зощенко международная научная конференция «Литература одного дома—2015», в ходе которой творчеству В. А. Рождественского была посвящена отдельная секция — в ознаменование отмечавшегося в апреле того же года 120-летия со дня рождения поэта.

и публикации.³ Ждут более детального изучения и отдельные темы и мотивы его творчества, представляющие немалый интерес с точки зрения видения и описания поэтом окружающего мира.

В настоящей статье рассматривается одна из таких тем, составляющая неотъемлемую часть лирики Рождественского и во многом предопределившая его верность классическим традициям, — тема античности. Большинство авторов предисловий к поэтическим сборникам Рождественского⁴ рассматривали ее преимущественно с точки зрения включенности в контекст современной поэту действительности. И хотя многими отмечалась та роль, которую играли в его творчестве темы природы, искусства, любви к родному городу и национальной истории, а также тема героизма русского народа в годы Великой Отечественной войны, античная тематика при этом почти не привлекала к себе внимания литературной критики,⁵ если не считать отдельных упоминаний о его стихах, посвященных царскосельским и павловским паркам с их статуями античных богов и классической архитектурой. Тем не менее тема античности постоянно звучит не только в его поэзии, но и в многочисленных письмах разных лет. Так, в 1927 году в одном из писем своему постоянному в то время корреспонденту Е. Я. Архиппову⁶ Рождественский, сокрушаясь о том, что лирика все более подвергается официальной критике, и определяя тем самым свою творческую позицию, признавался: «Пушкин и античность — две дороги моей юности. Им я не изменю до конца своих дней».⁷ М. В. Рождественская, посвятившая в 1990 году специальную работу некоторым античным и крымским мотивам в творчестве поэта, отмечала, что «не следует их рассматривать как проблему „чужого слова“ или как определяющее свойство его поэзии, что было важно для символистов (Вячеслав Иванов) или некоторых постсимволистов (О. Э. Мандельштам). Однако античность как часть общечеловеческой культуры внесла определенный тон в звучание классической ноты русской поэзии, которую наследовал Рождественский».⁸ Темы Крыма и античности оказались объединены в упомянутом исследовании не случайно: «Восточный Крым стал особой мифологемой в поэзии Рождественского, позволяющей ему реально ощутить дух древности».⁹ И действительно, многие — назовем их «античные» — стихи Рождественского связаны с «крымским текстом».¹⁰ В них встречается и многократно воспетый М. А. Волошиным идиллический образ Восточного Крыма — древняя «Киммерия» (в стихотворениях «Восточный Крым, очарованье...», «Феодосия», «Карадаг»). Античными аллюзиями пронизаны также другие стихи Рождественского о

³ Так, литературное наследие Рождественского еще при жизни было частично передано самим поэтом в фонды государственных хранилищ (ИРЛИ РАН, ИМЛИ РАН, РНБ, Гослитмузей и др.). При этом большинство неопубликованных писем поэта, а их около 600, остаются пока в архиве его семьи.

⁴ См.: Тихонов Н. С. 1) О стихах Всеволода Рождественского // Рождественский В. А. Русские зори. М.; Л., 1962. С. 3—17; 2) Свидетель неугасимых лет... // Рождественский В. А. Психея. Л., 1980. С. 5—9; Павловский А. И. Всеволод Рождественский // Рождественский В. А. Стихотворения. Л., 1985. С. 5—44 (Библиотечка поэта. Большая сер.); Банк Н. «Все глубже в поэзию я ухожу...» // Рождественский В. А. Избр. произведения: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 3—11.

⁵ Впервые к античной тематике в творчестве В. А. Рождественского в связи с изучением «темы Крыма» обратилась дочь поэта, М. В. Рождественская (см.: Рождественская М. В. Античность и Крым в поэзии Всеволода Рождественского // Вопросы русской литературы. Республиканский межвузовский сборник. Львів, 1990. Вып. 2 (56). С. 19—24).

⁶ Архиппов Евгений Яковлевич (1882—1950) — историк литературы, bibliофил, художественный критик, поэт. В конце 1920-х — начале 1930-х годов жил в Новороссийске.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1458 (Архиппов Е. Я.). Оп. 1. Ед. хр. 74. Цитата приводится по машинописной копии, хранящейся в семейном архиве Рождественских.

⁸ Рождественская М. В. Античность и Крым... С. 19.

⁹ Там же. С. 23.

¹⁰ См. о «крымской» теме у Рождественского: Рождественские М. и Н. «Коктебель для меня — Итака...» // Крымский альбом. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. 1997 / Сост., вступ. заметки к разделам и публикациям, послесловие Дмитрия Лосева. Феодосия; М., 1997. С. 190—206.

Крыме: «Таврида», «Крымский скорый», «Голубой залив», «Terra antiqua», «В память горькой разлуки я в море бросаю монету...», «У волн Атлантики, бегущих неустанно...». Причина этого видится не только в том, что поэт в полном согласии с существующей традицией (своего рода *locus communis* русской поэзии) воспринимает крымскую землю как наследницу античной цивилизации, называя ее то «гордой Тавридой», то «остывшей курильницей столетий», то «внучкой Эллады», то «соперницей Рима». Связь Крыма и античности в творчестве Рождественского имеет гораздо более глубокую основу, придающую его «крымским» стихам индивидуальный, подчеркнуто субъективный характер: известно, что зимой 1927 года в Ленинграде состоялось личное знакомство Рождественского с Максимилианом Волошиным, в кокетельском доме которого он часто гостил в последующие годы.¹¹ Свою встречу с Волошиным он называл «лучшим даром судьбы». О том, что встреча эта была действительно необычайно важной для поэтического сознания Рождественского, свидетельствует его письмо к Волошину от 23 января 1928 года, сохранившееся в фонде поэта в ИРЛИ РАН. Приведем фрагмент этого письма: «...Ваши стихи всегда толкают меня на размышления о природе творчества, и тут мне прежде всего приходит на память Ваша совершенно исключительная по своему значению для меня статья из „Аполлона“ о пейзаже К. Ф. Богаевского. В свое время эта статья открыла мне глаза на многое. Я понял законность такого творчества, которое переставляет существующее и тем самым дает новое ощущение мира — хотя бы даже эта „перестановка“ совершалась в намеренно узких пределах. Теперь Вы соблазняете меня думать, что мысль, голая, абстрактная, декартовская мысль, сгущенная до тех пределов, когда она становится синтезом, символом целой системы образов не названных, подразумеваемых, может приобретать чисто чувственное протяжение и весомость. Я начинаю ощущать (Ваши стихи космогонического строя тому пример!) игру смысловых соответствий, геометрическую согласованность, равновесие масс и разную степень сжимаемости слов и понятий, заключенных в пределы одной строки. И это тем более удивительно, что я весь в чувственном (зрительном, звуковом и т. д.) постижении мира, который, по моему убеждению, сам оправдывает себя своим существованием. Я же не дерзаю поправлять природу — для этого еще мало воску в моих крыльях — но я уже вижу возможность лететь в самое солнце. Вот, дорогой Максимилиан Александрович, в самом сжатом виде то, что пробудили — и пробуждают всегда во мне Ваши стихи последних лет. Вы самый доказательный и ясный (в сфере мысли) из поэтов, и в этом отношении я многому хотел бы у Вас учиться. Но мне жутко еще терять свой мир и абстрагировать сущее. И если моя наивная вера ничем не оскорбляет Вашего острожного знания, наши музы еще долго будут любить один и тот же берег, потому что в сущности они уже сестры. Сердечно Вас обнимаю. Вс. Р.»¹²

Обаяние личности Волошина, масштаб его поэтического дарования и широко культивировавшаяся им преданность античной культуре способствовали еще большему сближению темы Крыма и античности в творчестве Рождественского. Венчает же этот союз образ самого «кокетельского отшельника», творчески переосмысленный поэтом в соответствии с античными реалиями в одном из самых известных своих крымских стихотворений:

В закатной «Мастерской», где в окнах мыс и море,
Пишу иль просто так блуждаю в кругозоре
И, с рифмой наконец оставя праздный спор,
Как в тишину пещер, вступаю в разговор,
Исполненный огня, и горечи, и меда,
С серебристым мудрецом в повязке Гезиода,

¹¹ *Рождественский В. А.* Страницы жизни. Л., 1962; 2-е изд. Л., 1974 (глава о Коктебеле).

¹² ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1028. Л. 9—9 об.

В словах которого, порхающих, как моль,
Сверкает всех веков отстоенная соль.

(Коктебельская элегия)¹³

Кроме насыщенного античными реминисценциями «крымского текста» Рождественского, выделяется еще одна группа его стихотворений разных лет, связанных с античной тематикой. Условно их можно объединить рамками так называемого «царскосельского» текста, значимость которого в поэзии Рождественского находит объяснение, прежде всего, в биографии поэта. Родившись в Царском Селе, в семье протоиерея А. В. Рождественского, законоучителя Императорской Николаевской гимназии, директором которой, как известно, был И. Ф. Анненский, будущий поэт с детства запомнил строгий, классический образ последнего. Он успел поучиться у него латыни в младших классах. Впоследствии Иннокентий Федорович стал для Рождественского не только величайшим поэтом, наследником пушкинской Музы и «учителем Ахматовой», но и символом античной культуры, ее огромного образовательного и воспитательного значения. С именем Анненского связан целый ряд стихотворений Рождественского (см. стихи «Иннокентий Анненский», «Не ради осененной славой даты...», «В зимнем парке», «Если не пил ты в детстве студеной воды...», «Памяти Ин. Анненского» и др.). Однако гораздо раньше влияния поэзии Анненского юный Рождественский испытал на себе сильное влияние античной культуры и искусства, «взрастая» в царскосельских парках с их знаменитыми статуями и архитектурными ансамблями. Среди «ионического бреда» Екатерининского парка и «Эллады» Ч. Камерона («Если не пил ты в детстве студеной воды...», «Парк в городе Пушкине») встречается поэт и «чугунную Леду» («Если не пил ты в детстве студеной воды...»), и покорно стынущую Афродиту («Бросая к небу колкий иней...»), и продрогшую Диану («Город Пушкина»). А сам Екатерининский парк превращается у него в «Элизиум» и «пантеон царственных муз»: под музами поэт подразумевает здесь триаду знаменитых русских поэтов-царскосельцев — Пушкина, Анненского и Ахматову, которые посвятили этому парку немало прекрасных строк. Но, конечно, образ Пушкина играл в поэтической судьбе Рождественского первостепенное значение: «Я начал день свой пушкинским стихом, / Сверкнувшим мне с развернутой страницы», — так начинает он одно из своих стихотворений и, завершая рассуждение о пути поэта, пишет:

Еще не знаю, поведет куда
Невнятная, неожиданная дорога,
Но мнится мне — взыскательно и строго
Там, в высоте, прорезалась звезда.
Меня с ней тонкий луч соединит,
Как с сердцем друга вещая беседа,
И этот луч струною Кифарэда
Наполнит светлой музыкой зенит.

(«Я начал день свой
пушкинским стихом...»)¹⁴

Образ Кифарэда-Аполлона — покровителя поэзии появляется здесь как аллюзия на традиционные мифологические представления древних об истоках поэтического вдохновения. Развитию той же темы таинственной природы поэтического творчества посвящено и другое стихотворение — «Кастальский ключ»:

Кастальский ключ... Чудесное течение,
Рожденное из самой глубины.
Но волшебства и тайн возникновенье,

¹³ Рождественский Вс. Земное сердце. Книга лирики. 1929—1932. Л., 1933. С. 66—67.

¹⁴ Рождественский В. А. Русские зори. С. 285.

По сумрачным преданиям старины,
 Способно жить едва ль одно мгновенье,
 Чтобы уйти в несбывшиеся сны.
 И все же, пробужденный хоть однажды,
 Не может он умолкнуть навсегда.
 Его судьба — томить нас зноем жажды
 И зовом окрыленного труда,
 Чтоб мог к нему прильнуть губами каждый,
 Познавший правду и огня и льда.¹⁵

Таким образом, в сознании поэта Пушкин, Анненский и античность оказываются неразрывно связаны с Царским Селом, а смысловой ряд «Пушкин—Анненский—античность», как и семиотическая пара «Волошин—античность», приобретает в творчестве Рождественского особое, индивидуальное значение. Образ античности становится важнейшей составляющей «царскосельского» текста поэта. И хотя античные аллюзии и мотивы встречаются и в не менее значимом для Рождественского «ленинградско-петербургском» тексте, однако в нем их существенно меньше, и связаны они не только с описанием классической архитектуры Петербурга (как символа его красоты и гармонии), но и с образом города-героя, возрождающегося после разрушений войны (например, цикл «Строители», стихотворение «Девушки Ленинграда» и др.).

В целом античная тематика реализуется в поэзии Рождественского многопланово и разнообразно. Первую, наиболее многочисленную группу стихотворений составляют тексты, в которых встречаются различные античные аллюзии. В основном, это упоминания мифологических и исторических персонажей — Одиссея, Эдипа, Ясона, Ифигении, Гомера, Гесиода, Пифагора, Горация и др. Цель подобных аллюзий состоит, как правило, в более детальной и глубинной проработке поэтического образа, понятия или явления. Так, например, в стихотворении «Заблудились старые преданья...» говорится об извечном стремлении людей к истине и познанию, олицетворением которых у Рождественского служат образы Икара, стремившегося покорить небо, и Прометея, принесшего в дар людям огонь. Встречается и намеренное совмещение двух временных пластов, древности и современности — для того, чтобы подчеркнуть преемственность исторических эпох. Например, в стихотворении «Каждый вечер мерцающим светом...» речь идет о неожиданно открывшейся перед поэтом и его современниками возможности увидеть мир через «белый экран», который может перенести человека в самые дальние точки пространства. Поэт обыгрывает многозначность греческого слова «эфир» (*греч.* aether), которое в первом значении является древнейшим понятием античной философии, а во втором, возникшем уже в середине XX века, обозначает способ вещания посредством радио- или телевизионных средств связи. В стихотворении «Я жалею о том, что не видел лица всей земли...» известный миф о похищении Европы Зевсом переосмысливается в не характерном для автора пессимистическом духе как символ преобразования современного мира, который «к новому близок потопу». Аллюзия на миф о Сизифе здесь служит мрачным символом бессмысленного человеческого труда ради сомнительной цели преобразования этого мира. В ряду упомянутых образов возникает и печальный образ Эдипа, которому уже «не решить вековечной загадки». А упоминание благословенных садов Гесперид символизирует прежнее блаженное состояние человечества, на смену которому приходят новые «сады», где вместо яблок «наливается Атом». Стихотворение написано в 1967 году, когда средства массовой информации пропагандировали успехи советской науки в области ядерной физики. Как человек, всю сознательную творческую жизнь следующий классической традиции мировой литературы и ценящий ее непреходя-

¹⁵ Рождественский В. А. Психея. С. 147.

щее гуманистическое начало, Рождественский предчувствовал те разрушительные последствия, которые может принести человечеству «атомный» век, и поэтому не мог согласиться с ними. За образом девушки-Европы из античного мира отчетливо встает образ современной Европы как части света и современного мира (здесь вновь игра слов):

А была она девушкой эллинских светлых полей,
В лиловой тунике, в венке из багряного мака...
Как она постарела! Кто отнял рассудок у ней,
Современницы Байрона, друга Гюго и Бальзака?
Оглушил ее грохот тупых барабанов и джаз.
Оплетен ее стан липкой свастикой черного змея.
Бык уносит все дальше. И берег уж скрылся из глаз,
Лишь былые одежды лежат на песке, холодея.¹⁶

Вторую группу составляют стихотворения, связанные с более или менее устойчивыми и конкретными античными мотивами. Так, например, мотив странствия и возвращения на родину, знаковый в творчестве поэта, реализуется им через образы Одиссея и Итаки («Элегический дистих»). В конце 1920-х и начале 1930-х годов поэт много путешествовал по родной стране то в составе писательских бригад в Среднюю Азию, на Днепротэкс и в Казахстан для написания заказных географическо-промышленных очерков, то для отдыха от повседневной литературной работы на юг, к Черному морю — в Крым или на Кавказ. В переписке тех лет он нередко называл себя Одиссеем, возвращающимся после дальних странствий домой, на север — в родную «Итаку». Так, в заключительных строках его письма к Е. Я. Архиппову из Ленинграда в Новороссийск от 4 января 1927 года читаем: «Ну, крепко Оби-маю Вас. Да хранят боги Ваши виноградники, благодатный царь Алкиной!» И подпись: «В. Рождественский, о. Итака. Перелом зимы».¹⁷ Укажем здесь и на стихотворение «Московская Итака», приведенное поэтом в письме к другому его корреспонденту тех лет, Д. С. Усову.¹⁸ В статье, посвященной «романтической ноте» в творчестве поэта, М. В. и Т. В. Рождественские пишут: «По пути из Ленинграда на юг и обратно В. А. Рождественский часто гостит у Д. С. Усова и его жены Алисы Гуговны в их комнатках в Новодевичьем монастыре в Москве. Этот уютный дом поэт называл в письмах „моя Итака“, ощущая себя неутомимым Одиссеем, вернувшимся после долгих скитаний в свой привычный романтически-книжный мир:

...Еще, давясь, хватала тьму собака,
И спины гор мне виделись в окно,
А уж дымилась блюдечком Итака
И ставила костяшки домино.
Еще журчал и прыгал полдень птичий.
А пестрые листки календаря
Уже кружил с утра Новодевичий,
И мокрая ерошилась заря...»¹⁹

Образ Итаки у Рождественского многопланов, но это всегда родное для него место, где бы географически оно ни находилось. Усов в письме к Архиппову от

¹⁶ *Рождественский В. А.* Стихотворения. С. 215.

¹⁷ Цитируется по машинописной копии, хранящейся в семейном архиве Рождественских.

¹⁸ Усов Дмитрий Сергеевич (1896—1943) — филолог-германист, переводчик, поэт. Письма к нему Е. Я. Архиппова опубликованы в: Хранитель. Е. Я. Архиппов. Письма Д. С. Усову / Подг. текста, прим., вступ. статья Т. Нешумовой // Волга. 2009. № 9—10. Стихотворение «Московская Итака» было опубликовано в: *Рождественский В. Земное сердце.* С. 100—101.

¹⁹ *Рождественская М. В., Рождественская Т. В.* «На палубе разбойничьего брига...»: романтическая нота в творчестве Всеволода Рождественского (из эпистолярного наследия 1920—1930-х гг.) // *Petra Philologica: профессору П. Е. Бухаркину ко дню 60-летия.* СПб., 2015. С. 560—561 (сер. «Литературная культура России XVIII века»; вып. 6). Усова Алиса Гуговна (урожд. Левенталь, 1895—1951) — вторая жена Д. С. Усова.

10 сентября 1926 года так передает обращенные к нему слова Рождественского о своем недавнем пребывании на юге: «...мне не казалось нужным говорить о книгах перед лицом живого моря. Но я почти жалею о том, что не сделал над собою усилия и не вернулся, хотя бы на минуту, в музейную и аттическую пыль. У Евгения Яковлевича (Архипова. — С. М., М. Р.) мне было хорошо. Теперь, я знаю, есть у меня отныне на юге своя Итака».²⁰ Это название вновь возникает в поздних стихах Рождественского, вошедших в его последнюю, посмертную книгу «Психея», где он опять обращается к античной теме:

Мы все рождены для скитаний под ветром крутых перемен.
И пусть за кормою в тумане останется остров Сирен!
Из сети соблазна и мрака спаслась нашей дружбы ладьа,
О где ты, Итака, Итака, — последняя пристань моя!²¹

В образной системе поэзии Рождественского, начиная с ранних стихов, развивается еще один античный мотив, мотив судьбы, тесно связанный с семантическим рядом «нить—пряжа—веретено». Все три элемента этого ряда являются аллюзиями на античные мифологические представления о судьбе человека, находящейся в руках Парок (или Мойр), трех бесстрастных богинь, одна из которых прядет на веретене нить жизни, другая держит в руках ножницы, а третья в положенный срок перерезает эту нить, что символизирует смерть. Образы нити, пряжи и веретена как символы жизни и быстротекущего времени характерны для многих стихотворений Рождественского, например: «Лебедей здесь кормили камни с руки, / Дни вела Аполлонова пряжа...» («Если не пил ты в детстве студеной воды...»); «Жизни я отныне грустью не корю, / Весело и просто с миром говорю. / Потому и стрелка на руке моей / Как клубок, мотает пряжу тонких дней» («О Музе и о себе»); «Когда-то, в юности крылатой, / Которой сердцу не избыть, / Через восходы и закаты / С веретена бежала нить» («Надпись на книге»); «Когда порою вертится впускую / Существованье на крутом бегу, / Я к прошлому напрасно не ревную / И самую нитку золотую / Из ткани жизни выдернуть могу» («На розами расписанном подносе...») и т. д. И не случайно одному из первых стихотворных сборников, с которого, по сути, и начинался его творческий путь, Рождественский дал название «Золотое веретено», тем самым как бы определив поэтический вектор этого пути:

Сердце — звезду первозданной кущи —
Бросил я миру, и вот оно
Ринулось нитью быстробегущей
На золотое веретено.

(«Двое»)²²

Образ нити имеет и еще одно символическое значение в творчестве Рождественского. Осмысляемый как мифологический атрибут Ариадны, героини другого античного мифа, он наряду с образом самой Ариадны помогает поэту реализовать в стихах мотив спасения, т. е. избавления от опасности («Широко раскинув руки...»), точно так же, как мотив преодоления испытания («В сумраке сосен, венчающих дюны...») реализован поэтом через образы Ясона и Золотого руна. Конечно, упомянутая античная символика (нить—веретено—пряжа) была свойственна не одной только поэзии Рождественского — поэты начала XX века, особенно символи-

²⁰ Цитируется по машинописной копии, хранящейся в семейном архиве Рождественских. Оригиналы находятся в РГАЛИ. Письма Д. С. Усова к Е. Я. Архипову опубликованы в: Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...». М., 2011. Т. 2: Письма / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Т. Ф. Нещумовой.

²¹ Рождественский В. А. Психея. С. 214.

²² Рождественский В. С. Золотое веретено. СПб., 1921. С. 51.

сты, прочно ввели ее в свою образно-поэтическую систему. Однако для Рождественского она оказалась той основой, на которой в дальнейшем строилась образная система его лирических произведений. Особую роль в ней играет миф об Орфее и Эвридике, чьи имена чаще других встречаются у поэта. Образы этих мифологических персонажей оказываются наиболее сложными и многоплановыми. С одной стороны, с помощью данного мифа реализуется мотив безвозвратной потери, который напрямую связан с темой смерти и загробного мира, как в стихотворениях «В нависанье узорных ветвей...» и «Я видел бедного Орфея...». Такова воспринятая автором традиционная интерпретация мифа об Орфее и Эвридике. Но с другой стороны, в стихотворениях «Вянут дни... Поспела земляника...» и «Овеянные пушкинскою славой...» сюжет о возвращении Эвридики на землю, пусть и весьма кратковременном, переосмысливается в духе классического мифа о возвращении из царства Аида юной Персефоны, которое символизировало у греков наступление весны и пробуждение природы (ср. со стихотворением «Мне непонятны реликты растений...»). Это, казалось бы, неожиданное сближение двух античных мифологических героинь — Эвридики и Персефоны, а также мотив смерти-воскресения, реализующийся в образе Эвридики, парой к которому становится уже не Орфей, а Аид (в греческой мифологии он является мужем Персефоны), воспринимается в стихотворении Рождественского как определенное поэтическое новшество. Так, образы Эвридики и Аида в стихотворении о царскосельском парке («Овеянные пушкинскою славой...») трактуются поэтом как символы умирания природы осенью и воскрешения — весной. В стихотворении же «Эвридика»²³ героиня превращается в реальную женщину — подругу и музу поэта, предстающую в окружении северной природы. Ее приход на север воспринят автором как апофеоз жизни и радости бытия. Здесь она — мимолетный источник вдохновения, оставляющая лишь легкий след на песке:

Эвридика! Ты пришла на север.
Я благословляю эти дни.
Белый клевер, вся ты, белый клевер!
Дай мне петь, дай на одно мгновенье
Угадать в песке напечатленье
Золотой девической ступни.²⁴

Третью группу стихотворений Рождественского, связанную с античной тематикой, составляют весьма немногочисленные стихотворения на сюжеты известных мифов («Навзикая», «Ариадна», «Персей», «Было когда-то... И все позабыто...», «Психея», «Психея, милая Психея...», «Сирены»). Причина этого видится, конечно, не в ослаблении интереса поэта к античности, а в том, что официальная критика считала античные реминисценции поэта непонятными для «широких народных масс». Поэтому Рождественский в конце жизни редко обращался к античной мифологии напрямую, о чем свидетельствовал он сам в одном из писем к своей давней приятельнице и почитательнице его стихов Н. А. Бринкман,²⁵ датированном 2 ок-

²³ Впервые это стихотворение было опубликовано в одноименном цикле сборника «Большая медведица» (1926), а позднее вышло в новой редакции в сборнике «Лирика» (1965—1969).

²⁴ *Рождественский Вс.* Большая медведица. Л., 1926. С. 80.

²⁵ Бринкман Надежда Александровна (1900—1983) — литературный и библиотечный работник. Родилась в Астрахани, в семье присяжного поверенного, училась в Павловском институте в Петербурге, в 55 лет окончила Библиотечный институт, работала в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Романтическая дружба с ней Рождественского возникла в 1928 году во время летнего пребывания поэта на Кавказе, затем перешла в приятельские отношения, которые постепенно заглохли. В конце жизни поэта Н. А. Бринкман стала присылать ему в письмах отклики на его появлявшиеся в печати новые стихи. Мнение ее Рождественский ценил и часто делился с ней своими мыслями о современной литературной жизни. После смерти Бринкман эти письма были переданы ее родственницей наследникам Рождественского и в настоящее время хранятся в их семейном архиве.

тября 1970 года: «Меня радует, дорогой друг, что в моей „Лирике” Вы отметили „Ариадну” — одно из самых близких мне стихотворений сравнительно недавнего времени. Забавно, что я никак не мог напечатать его отдельно. Редакции возвращали, говоря, что „это будет непонятно для массового читателя” и „вообще всякая там мифология никому сейчас не нужна!”»

Однако, несмотря на давление внешних обстоятельств, интерес и любовь Рождественского к античности, пробудившиеся в самом начале его творческого пути под влиянием Пушкина и Анненского, не покидали его всю последующую жизнь. Как бы отклоняя от себя упреки советской критики в эстетизме и книжности своих стихов, их якобы оторванности от реальной жизни, которые не раз звучали в его адрес и в молодые годы, и во времена расцвета идеологической поэзии, он продолжает в письме тому же адресату: «...легенды очень нужны. Они в чем-то родственны мечте, а Мечту (как некоторое Божество) античная поэзия всегда наделяла крыльями. Дарила ей возможность парить над жизнью (но не вне ее). <...> Мечта часто была синонимом Души, т. е. Психеи — существа по природе своей крылатого. <...> *Мое пристрастие к античному мифу* (курсив наш. — С. М., М. Р.) не только в том, что я с юности филолог — классик. Просто, я знаю, что умные греки оставили нам богатейшее наследство своих сказаний, переживших века, потому что в них, в этих легендах, всегда есть зерно мудрости, неподвластной смене времен. Способность творить легенды, по счастью, и теперь не отнята у человечества. А, значит, у каждого из нас». И не случайно последней книге своих стихов поэт дал имя героини известного античного мифа — имя Психеи, Души, «крылатого существа».

© М. А. Васильева

КТО ТАКОЙ ГЕРМАН КАРЛОВИЧ?

К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНОЛОГИИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА В. В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»

Роман Владимира Набокова «Отчаяние», изданный в 1934 году в трех номерах парижских «Современных записок» (№ 54—56), а затем отдельной книгой в 1936-м в берлинском издательстве «Петрополис», был признан уже современниками одним из наиболее закодированных произведений писателя, — «книгой как бы издевательского замысла».¹ Множественные «уровни залегания» текста — тематические, нарративные, жанровые — превращают его в непростой лабиринт с обманчивыми траекториями и логическими тупиками.

Роман, отчасти следуя законам криминальной прозы, напоминает детектив. Главный герой Герман Карлович — коммерсант, дела которого постепенно приходят в упадок, во время деловой поездки в Прагу, прогуливаясь по окрестностям города, встречает нищего бродягу Феликса, и эта встреча становится в прямом смысле слова роковой. Герману кажется, что Феликс — его совершенный двойник и похож на него «как две капли крови».² В этом случайном внешнем сходстве главный герой видит знак судьбы, в его голове созревает хитроумный план: пригласить Феликса к себе в Берлин и там, переодев в свою одежду, убить, выдать за себя, а само-

¹ *Адамович Г.* «Современные записки», книга 56 // Последние новости. 1934. 8 нояб. № 4977. С. 3.

² *Набоков В.* Отчаяние // Набоков В. В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 3. С. 482. Далее цитаты из романа «Отчаяние» приводятся по данному изданию с указанием страницы в скобках.

му скрыться за границей под именем жертвы. Цель преступления — страховка, полагающаяся жене Лидии («вдовушке»), с которой Герман планировал со временем воссоединиться. Свой замысел герой воплощает, как ему кажется, виртуозно и, чтобы окончательно доказать безупречность исполнения убийства, пишет по его следам повесть — апологию «преступления века». Однако механизм дает сбой, Германа раскрывают, а незадачливый преступник в своей же рукописи находит указание на прямую улику, которую по оплошности оставил в автомобиле во время совершенного злодеяния.

Романная постройка опирается, как минимум, на три «идеальных» замысла героя: идеальное преступление, идеальное художественное произведение, идеальное двойничество. Криминальный сюжет прочно вплетен в этико-антропологическую проблему двойника и одновременно усложнен эстетическим метауровнем «рефлексии рассказчика по поводу своего текста»,³ и это прихотливое переплетение сбилось с толку не одного читателя. Современники Набокова были подвержены характерной читательской аберрации, на которую в свое время указал А. С. Мулярчик. Исследователь заметил, что «„амбивалентность” центрального персонажа „Отчаяния” подчас соотносилась критиками-эмигрантами с личностью самого автора».⁴ Действительно, несколько выдающихся литературных критиков русского зарубежья увидели в истории Германа драму большого художника уровня самого Набокова. В. В. Вейдле писал о романе как «сложном иносказании, за которым кроется не отчаяние корыстного убийцы, а отчаяние творца, неспособного поверить в предмет своего творчества».⁵ В. Ф. Ходасевич придерживался похожей точки зрения, замечая, что «...в „Соглядатае” намечена уже тема, ставшая центральной в „Отчаянии”, одном из лучших романов Сирина. Тут показаны страдания художника подлинного, строгого к себе».⁶ Причину такого сугубо эстетического прочтения сюжета об изощренном убийстве исследователи объясняют по-разному. Немалую роль здесь сыграл эффект текста в тексте, или прием «текста-матрешки» (термин С. Давыдова).⁷ Текст Германа прочно вырастает в авторский, а голос автора, как кажется, заглушен голосом героя. В то же время сам Герман предлагает крайне запутанную систему ценностей: выявить — когда в «Отчаянии» совершается ментальный подлог и эстетические переживания Германа-писателя замещаются переживаниями Германа-преступника — практически невозможно. Решающую роль в убедительности этого подлога играет трактовка самим героем преступления как наивысшего акта творчества: «...хотя в душе-то я не сомневался, что мое произведение мне удалось в совершенстве, т. е. что в черно-белом лесу лежит мертвец, в совершенстве на меня похожий, — я, гениальный новичок, еще не вкусивший славы, столь же самолюбивый, сколь взыскательный к себе, мучительно жаждал, чтобы скорее это мое произведение, законченное и подписанное девятого марта в глухом лесу, было оценено людьми, чтобы обман — а всякое произведение искусства обман — удался» (с. 506).

Сам Набоков со временем в предисловии к английскому переводу романа (1965) расставил точки над *i*, назвав Германа «негодяем и психопатом», которого «ад никогда не помилует».⁸ Но попытки упразднить этическую проблематику романа в пользу эстетической проявили жизнестойкость и в современном набоковедении.⁹

³ Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб., 2004. С. 98.

⁴ Мулярчик А. С. Русская проза Владимира Набокова. М., 1997. С. 73.

⁵ Вейдле В. В. Сирина. «Отчаяние» // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1999. [Т. 1]. С. 243.

⁶ Ходасевич В. О Сирина // Там же. С. 249.

⁷ См.: Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. СПб., 2004.

⁸ Набоков В. Предисловие к английскому переводу романа «Отчаяние» («Dispair») / Пер. Г. Барабтарло // В. В. Набоков: pro et contra. [Т. 1]. С. 61.

⁹ См., например: Семенова С. Два полюса русского экзистенциального сознания: Проза Георгия Иванова и Владимира Набокова-Сирина // Новый мир. 1999. № 9. С. 183—205; Аколова Л. Мотив двойничества в трех романах В. Набокова // Россия и США: формы литературного

По-своему такую парадоксальную рецепцию «Отчаяния» объясняет Г. А. Барабтарло, также указывая на сложную нарративную структуру романа: «...совершенно извращенное видение мира маньяком кажется изумительно правдоподобным благодаря хитроумной повествовательной технологии»,¹⁰ — замечает он. Однако при всей «изумительной правдоподобности» мировидения Германа Карловича и нестигаемой вере в совершенство своего «творчества» — очевиден сокрушительный провал всей его хитроумной постройки. Почему Набоков избирает столь изощренную повествовательную стратегию, блестяще убеждая читателя в том, что Герман — «художник подлинный»? Обратимся последовательно к трем идейным построениям героя (преступление — художественное произведение — двойничество), взяв также во внимание современную научную рецепцию основных линий романа: криминальной (убийство), эстетической (повесть) и этико-антропологической (двойник).

* * *

Большое значение в аутентичном прочтении криминального замысла героя сыграла статья Н. Г. Мельникова,¹¹ в которой автор выявил по хронике эмигрантской прессы за 1931 год чисто уголовный контекст набоковского романа — целую волну преступлений, охвативших Германию незадолго до начала работы писателя над «Отчаянием» в июле 1932 года¹² и весьма похожих на разыгранное Германом убийство с подставной жертвой. Сценарий одного из таких громких убийств ради страховых денег, воплощенный неким Эрихом Куртом Тецнером, попал не только в криминальную хронику берлинского «Руля» под символическим заголовком «Убийство в автомобиле», но и на страницы романа: «Был, например, такой, который сжег свой автомобиль с чужим трупом, мудро отрезав ему ступни, так как он оказался не по мерке владельца» (с. 516), — замечает Герман, в точности описывая историю Тецнера. Таким образом, реальное убийство из газетной хроники выполняет в «Отчаянии» роль не только архетипа сюжета, но и цитаты, что не случайно. Прямая отсылка к преступлению Тецнера — спрятанная внутри текста улика. «Да впрочем, черт с ними! Ничего общего между нами нет» (с. 516), — отрекается Герман от фабульной аналогии. А между тем именно *общее* с целой чередой убийств проясняет природу криминального замысла Германа Карловича — его неоригинальность, вторичность. Посылая на лавры преступления века, герой с феноменальным автоматизмом воспроизводит чужой и заведомо провальный сценарий, ведет себя как имитатор с «фантазией, жадной до отражений, повторений, масок» (с. 438). Сам же роман из «криминального чтива» со всеми полагающимися для этого жанра голловокружительными ребусами превращается в пародийный антидетектив.

Не менее обманчивым и многопланым предстает эстетический метауровень самореализации Германа как писателя. Очевидно, что Набоков щедро поделился с героем «повышенной приметливостью» (с. 439) и даже подарил его произведению одноименное название — «Отчаяние», которое Герман в итоге напишет на рукописи. Современное набоковедение, прозорливо разведя писательские амбиции Германа и отношение к ним автора,¹³ обратило пристальное внимание на структуру ро-

диалога. М., 2000. С. 68—81; Стрельникова Л. Ю. Двойничество как идеал эстетического самовыражения в игровом поле набоковского зазеркалья в романе «Отчаяние» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2. Ч. 2. С. 184—189.

¹⁰ Барабтарло Г. Сочинение Набокова. СПб., 2011. С. 258.

¹¹ Мельников Н. Криминальный шедевр Владимира Владимировича и Германа Карловича (о творческой истории романа В. Набокова «Отчаяние») // Волшебная гора. 1994. № 2. С. 151—165.

¹² См.: Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография. СПб., 2010. С. 447.

¹³ См. об этом: Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова: Первая русская биография писателя. М., 1995. С. 284—290; Сабурова О. Автор и герой в романе «Отчаяние» В. Набокова // В. Набоков: Pro et contra. СПб., 2001. Т. 2. С. 741—750; Давыдов С. «Тексты-матрешки» Вла-

мана, где особую роль в оппозиции автор/герой играет последняя глава. В ней, с одной стороны, наиболее отчетливо слышится голос автора: «Последняя, одиннадцатая глава не предусматривалась Германом. Она была написана после того, как, прочитав свою законченную повесть, он обнаружил в ней роковую ошибку. Композиционно эта глава принадлежит не повести, а роману».¹⁴ А с другой, — иссякают и сходят на нет писательские потуги Германа. В последней главе криминальная повесть прерывается и вырождается в «худосочный дневник» (с. 527), становясь, по сути, литературой «человеческого документа», которой менее всего симпатизировал сам Набоков. Сочинительство сменяется простой фиксацией данности: «...если запечатленные в повести события (ее фабулу) так же, как и ее сюжет и композицию, Герман спланировал заранее, то в дневнике он вынужден всего лишь планомерно-последовательно фиксировать происходящие с ним события, контролировать ход и характер которых, крайне для него неблагоприятный, он не в состоянии».¹⁵

От себя добавим, что фиаско, которое терпит Герман-писатель, сродни провалу «оригинального» преступления. В своей основе литературное творчество героя так же подвержено вторичности, как и его криминальный «шедевр». Герман, любящий, по его же признанию, пощеголять «прикарманенной мыслью», понимает творческий процесс как высшую форму подлога: «А знаю я все, что касается литературы. Всегда была у меня эта страстишка. В детстве я сочинял стихи и длинные истории. (...) Дня не проходило, чтобы я не налгал. Лгал я с упоением, самозабвенно, наслаждаясь той новой жизненной гармонией, которую создавал» (с. 423). Оппозицию автор—читатель он также рассматривает через призму самозванства (подлога, обмана), заранее предполагая перехват и присвоение замысла. Однако отношение к плагиату у Германа двойственное: «Мне, может быть, даже лестно, что ты украдешь мою вещь, — обращается он к гипотетическому читателю. — Кража — лучший комплимент, который можно сделать вещи» (с. 445). Впрочем, меры против плагиата Герман отчасти предпримет. Искусно владея множеством почерков, он, словно путая следы, примется писать повесть «всеми двадцатью пятью почерками, попеременно» (с. 445), тем самым символично уничтожая верный признак творческой индивидуальности — уникальный писательский почерк.

Есть еще одно свойство Германа как художника слова, на которое указывают многие исследователи. Герой виртуозно владеет разными приемами, любит ребусы и слова-перевертыши, вполне разбирается в том, «как сделано» литературное произведение, запросто может сымитировать зачин главы и тут же его отменить, жонглирует именами Паскаля, Тургенева, Уоллеса, Свифта, Достоевского, прячет отсылки к Пушкину,¹⁶ весьма искусно кроит повесть по лучшим лекалам и образ-

димира Набокова; *Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина; *Полева Е. А.* Этика поступка и этика письма в романе В. Набокова «Отчаяние» // *Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог.* Томск, 2006. Вып. 8: Деонтологические аспекты художественной словесности. С. 27—39; *Егорова Е. В.* Поэтика ложного жизнетворчества в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // *Вестник Бурятского государственного университета.* 2011. № 10. С. 136—141; *Беляева И. С.* 1) Победа автора над рассказчиком: «Отчаяние» Владимира Набокова как «насквозь пародийный роман» // *Новый филологический вестник.* 2012. № 1 (20). С. 36—44; 2) Автор и герой в самопародии Владимира Набокова «Отчаяние» // *Нарраториум.* 2012. № 1 (3). См.: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2626146> (дата обращения: 17.07.2016).

¹⁴ *Давыдов С.* «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. С. 42.

¹⁵ *Беляева И. С.* Победа автора над рассказчиком: «Отчаяние» Владимира Набокова как «насквозь пародийный роман». С. 38.

¹⁶ С точки зрения Г. А. Барабтарло в цитате «на свете счастья нет» Набоков шифрует главную логическую неувязку преступления Германа: «Герман бормочет привязавшуюся к нему строчку из Пушкина о том, что „на свете счастья нет“. Между тем неслучайный выбор для лже-двойника имени Феликс, которое на латыни значит именно счастливый, указывает, что всякий раз, когда звучит эта строка, некто, о ком ни тот, ни другой не имеют понятия, говорит перечитывателю, что в мире этого романа „феликса“ — нет» (*Барабтарло Г.* Сочинение Набокова. С. 172).

цам, прежде всего копируя стиль самого Набокова.¹⁷ Но всего этого богатства и разноцветия оказывается недостаточно для художественного единства — в итоге повесть рассыпается, так и не достигнув финала. Герман вполне способен «сконструировать» образцовое произведение, но его мысль, как и у многих героев Гоголя, не обретает своей «развязки», или, говоря словами П. М. Бицилли, — «не развивается подобно гегелевской, не доводится до истинного конца, до завершения, до выявления полностью ее цели и ее смысла».¹⁸

Таким образом, обе сюжетные линии романа, где Герман выступает как автор «оригинального» преступления и автор «оригинальной» повести, обнаруживают копияность его портрета. Вместе с тем обе идеи героя прочно укоренены в романном целом, поражают иллюзорностью и одновременно фундаментальностью замысла. Эту значимость и прочность всей романной конструкции придает центральная идея двойника. Именно она запускает сюжетный механизм, провоцирует писательские и криминальные амбиции героя. Двойнический код романа представляется наиболее сложным для распознавания, и не случайно, — канонический сюжет о двойнике, помещенный в зазеркалье набоковского нарратива, претерпевает в «Отчаянии» множественные трансформации. Растерянность эмигрантской критики перед парадоксальной конструкцией «Отчаяния» хорошо просматривается в суждении Адамовича: «Тема его шаблонно-романтична и тысячу раз уже была разработана: человек и его двойник. Сирий усложнил ее уголовщиной и создал поэму жуткую и почти величественную».¹⁹ Логический разрыв между поспешным выводом о шаблонности и признанием величественности замысла Адамович потом пытался преодолеть, то и дело обращаясь к «жуткой поэме» и все более усложняя литературно-критический анализ.²⁰ Очевидно, что «шаблонные» сюжетные модели в «Отчаянии» или не работают вовсе, или выворачиваются автором наизнанку. Главный сюжетный перевертыш состоит в том, что никакого двойника, в сущности, в романной коллизии нет. Феликс-двойник — лишь аберрация сознания главного героя. Реальная жертва не похожа на своего убийцу, и значит все «творчество» Германа — от жестокого преступления до сочинительства повести в свою защиту — априори построено на песке.

Роман о двойнике, где объективно двойник отсутствует, поставил в тупик не только современников Набокова (пример — известное определение «роман-недоносок»²¹ Ж.-П. Сартра), но и актуальное набоковедение, предложившее многочисленные попытки «разрулить» сквозящий каузальными пустотами сюжет. Одну из таких попыток предпринял Брайан Бойд. Его книга «Владимир Набоков: русские годы» содержит характерное указание на «досадные слабости» в композиции «Отчаяния». «Бездоказательное предположение Германа о существовании двойника оказалось слишком хрупкой и слабой основой для романа, — замечает набоковед. — Он до конца остается малоубедительным, и страницы, которые взволновали бы в другой книге и другом контексте, здесь способны лишь изредка преодолеть

¹⁷ Об этом см.: Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова.

¹⁸ Бицилли П. М. Проблема человека у Гоголя // Бицилли П. М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. М. Васильевой. М., 2000. С. 562. Знаменательно, что ту же творческую аномалию как проявление «умирания искусства» подробно описал В. В. Вейдле: «Такое отношение к искусству возможно лишь в конце художественной эпохи, так как оно предполагает существующими те навыки, те формы, которые художник уже не обновляет, а лишь перетасовывает вновь и вновь, чтобы строить из них живописные свои ребусы. Связь такой живописи с миром — внешним или внутренним — с каждым годом становится слабей. В жизни образуются пустоты, не заполненные и уже не заполнимые искусством» (Вейдле В. Умирание искусства. Париж, 1937. С. 86).

¹⁹ Адамович Г. «Современные записки», книга 56. С. 3.

²⁰ Примером более взвешенного и глубокого анализа романа «Отчаяние» может служить книга Г. Адамовича «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк, 1955).

²¹ Сартр Ж.-П. Владимир Набоков «Отчаяние» / Пер. В. Новикова // В. В. Набоков: pro et contra. [Т. 1]. С. 269.

нашу дистанцированность от сюжета, центральная предпосылка которого не может перевесить чашу недоверия». ²² Отчасти эту «дистанцированность» Бойд попытается преодолеть, предлагая свое обоснование убийства взамен «хрупкой и слабой» фантазии героя о двойнике. Намеки в романе на супружескую измену жены Германа с ее двоюродным братом Ардалионом и необъяснимая слепота мужа в этой пикантной истории наводят исследователя на мысль, что преступление спровоцировано скрытой ревностью к сопернику. Свою гипотезу набоковед проводит весьма настойчиво: «...именно Ардалиона хотел бы уничтожить Герман, именно его он хотел бы заманить в лес и застрелить, если бы стереть его с лица земли было бы столь же просто, как бездомного бродягу». ²³ Несмотря на то, что предложенная Бойдом интерпретация была поддержана рядом набоковедов, ²⁴ она сводит на нет важные достижения Набокова в сюжете о двойнике. В такой трактовке «Отчаяние» помещается в русло традиционного детектива, парадоксальный поступок подгоняется под удобопонятный мотив, а поистине *идейное* убийство переводится в разряд бытового криминала на почве ревности.

«Любила она меня без оговорок и без оглядок, с какой-то естественной преданностью», — самоуверенно говорит о своей жене Герман (с. 412). Объективно набоковский герой не только свободен от ревности, но к финалу романа выносит за скобки даже первоначально заданный и не менее земной мотив наживы. «Как же это я даже толком и не упомянул о том, на что мертвый двойник был мне нужен? Но тут меня берет сомнение, уж так ли действительно владела мною корысть, уж так ли мне было важно получить эту довольно двусмысленную сумму?» (с. 505—506). Независимость криминального поступка от внятных мотивов закономерно выдвигает на первый план вопрос: в чем смысл убийства Феликса? И кто такой убийца — столь убедительно (а фактически — безуспешно) примеряющий образы удачливого коммерсанта, обожаемого мужа, хитроумного преступника, талантливой писателя? В чем секрет Германа Карловича?

* * *

В литературе об «Отчаянии» мы находим массу остроумных интерпретаций феномена главного героя и зорких наблюдений над его характером, поступками и мировоззрением. В то же время многие характерные черты Германа Карловича так и не попали в исследовательское поле зрения. Попытка собрать их вместе в единую картину в немалой степени поможет более полно воссоздать *подлинный* портрет героя. На одну из важных отличительных черт Германа — внутреннюю пустоту — указано в статье С. Саенко «Мотивация двойничества в романе В. Набокова „Отчаяние“». ²⁵ Действительно, о внутренней пустоте как движущей силе герой говорит неоднократно, то и дело его тревожит символический сон с пустой комнатой. «...но однажды, — замечает он, — в незабвенный день, комната оказалась не пуста, — там встал и пошел мне навстречу мой двойник. Тогда оправдалось все: и стремление мое к этой двери, и странные игры, и бесцельная до тех пор склонность к ненасытной, кропотливой лжи. Герман нашел себя» (с. 425).

Еще одно ценное наблюдение мы встречаем в книге Жана Бло «Набоков», где автор отмечает сюжетный переворот в романе, — невероятное чувство радости

²² Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы. С. 454—455.

²³ Там же. С. 453.

²⁴ См., например: Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова... С. 285; Мулярчик А. С. Русская проза Владимира Набокова. С. 72; Саенко С. Мотивация двойничества в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Одеса, 2006. Вип. 10. С. 277. См.: <http://doxa.onu.edu.ua/Doxa10/273-278.pdf> (дата обращения: 15.05.2016).

²⁵ Саенко С. Мотивация двойничества в романе В. В. Набокова «Отчаяние». С. 273. См. также: Саенко С. И. Поэтика двойничества в романах В. Набокова «Отчаяние» и «Приглашение на казнь». Дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 2009.

Германа при встрече со своим мнимым двойником.²⁶ Эта эйфория откровенно диссонирует с ужасом, который испытывают герои канонических сюжетов о двойнике при появлении «совершенно подобного» (у Шамиссо, Гофмана, Андерсена, Гоголя, Достоевского и т. д.).

Укажем еще на ряд символических подсказок, раскиданных Набоковым по тексту. Так, в отличие от литературных героев, у которых появляется двойник (традиционно вытесняющий этих героев из своей судьбы, занимающий их законное место и нередко посягающий на их жизнь), Герман сам уничтожает своего «двойника» и присваивает себе его имя.

О роковой встрече с Феликсом Герман пишет: «Я видел в нем своего двойника, (...) именно это полное равенство так мучительно меня волновало. Он же видел во мне сомнительного подражателя» (с. 404), — и тем самым намекает на свою вторичность. И дальше, о потере своего лица: «По ночам, в полудремоте, я хватался за лицо, и моя ладонь его не узнавала. Ходил, значит, по комнатам, курил, и из всех зеркал на меня смотрела испуганно серьезными глазами наспех загроможденная личность» (с. 434). О своей бесплотности: «... как будто меня не было в комнате, как будто я был тенью или бессловесным существом, (...) точно я и вправду присутствую только в качестве отражения, а тело мое — далеко» (с. 435).

Зеркальное отражение — традиционный мотив и символ в сюжете о двойнике (так же как тень и портрет) — несет в «Отчаянии» важнейшую функцию. При этом роль зеркал весьма специфична, — герой на протяжении всего романа выясняет с зеркалами отношения, и траектория эмоций, далеко не свойственных Герману в отношениях с людьми, при виде отражения совершает стремительные зигзаги от нарциссического самолюбования: «...а я ходил по комнатам и гляделся во все зеркало. Я в то время был еще в добрых отношениях с зеркалами» (с. 434) — до спектрофобии: «Мне нечего бояться. Пустая суеверность. Вот я напишу опять то слово. Олакрез. Зеркало. И ничего не случилось. Зеркало, зеркало, зеркало. Сколько угодно, — не боюсь» (с. 409). Не менее специфична в романе роль тени. «...Он опять растворялся, дойдя до меня, или вернее войдя в меня, пройдя сквозь меня, как сквозь тень» (с. 427), — описывает Герман видение Феликса в своем сне, тем самым недвусмысленно давая понять, что он, главный герой, — тень другого.

Еще один двойнический символ — портрет — становится также уликой против Германа, спрятанной автором в сюжетном лабиринте романа. Знаменитый спор Германа и Ардалиона о назначении искусства (тезис Германа: «иногда важно именно сходство» — антитезис его антипода Ардалиона: «художник видит именно разницу. Сходство видит профан» (с. 421)) сопровождается созданием портрета главного героя. Замечание Ардалиона: «У вас трудное лицо (...) в нем есть что-то странное. У меня все ваши линии уходят из-под карандаша. Раз, — и ушла» (с. 420), — можно считать за отговорку художника-неудачника. Результат Ардалионовых усилий Герман описывает с откровенной иронией, называя портрет «подкрашенной дохлятиной» (с. 525). Однако сарказм Германа не отменяет поистине роковой роли портретной символики в романе. «Я поставил себе некий срок: окончание портрета» (с. 30), — замечает герой. По завершении работы над картиной запускается таймер подготовки убийства Феликса-двойника. Есть в романе еще целый ряд важных указаний на портретную символику. Так, один из возможных вариантов названия «бессмертной» повести — «Портрет автора в зеркале», и присутствие этих двух отзеркаливающих друг друга двойнических символов тоже несет в себе скрытую подсказку. Оптический эффект, создаваемый таким отражением, еще более обманчив, нежели отражение человека в коридоре зеркал. Вроде бы есть иллюзия присутствия трех составляющих единого целого (портрет-автор-зеркало), но объективно образ, созданный одномерными подобиями (зеркало и

²⁶ *Бло Ж. Набоков / Пер. с фр. В. и Е. Мельниковых. СПб., 2000. С. 130.*

портрет), выводит за скобки самого автора, т. е. живой оригинал. И наконец, ре-марка Ардалиона «глаза я всегда оставляю напоследок» во время работы над портретом откликается жутковатым эхом в сновидении героя: «...когда я ложился ничком, то видел под собой битые камни дороги, движущейся как конвейер, а потом выбоину, лужу, и в луже мое, исковерканное ветровой рябью, дрожащее, тусклое лицо, — и я вдруг замечал, что глаз на нем нет» (с. 427). Этот акцент на отсутствии глаз на «странном» лице героя не только отсылает к расхожему выражению «глаза — зеркало души» (а именно ее у Германа нет), но и к двойнической традиции русской литературы и прежде всего к повести Гоголя «Портрет». «Живые глаза необыкновенного портрета»²⁷ напрямую связаны у Гоголя с inferнальным мотивом переселения души человека в изображение на холсте с неперменным условием абсолютного сходства. В то же время ужас, который испытывает Чартков, глядя на портрет ростовщика, пробуждает в нем мысли не только о демонической силе картины. «Ужасная действительность» портрета ставит с не меньшей остротой вопрос о творческом замысле и его воплощении.²⁸ «Или рабское, буквальное подражание натуре есть уже проступок и кажется ярким, нестройным криком? Или, если возьмешь предмет безучастно, бесчувственно, не сочувствуя с ним, он непременно предстанет только в одной ужасной своей действительности, не озаренный светом какой-то непостижимой, скрытой во всем мысли, предстанет в той действительности, какая открывается тогда, когда, желая постигнуть прекрасного человека, вооружаешься анатомическим ножом, рассекаешь его внутренность и видишь отвратительного человека»,²⁹ — размышляет художник, глядя на пугающий идеальной подобностью портрет. Этот крайне важный пласт эстетической проблематики гоголевской повести снова заставляет обратить внимание на спор Ардалиона и Германа о необходимости и уместности в творчестве абсолютного «сходства» и одновременно на специфику мировидения Германа, его страсть к «буквальному подражанию натуре». По иронии судьбы в намалеванном Ардалионом портрете «вообще сходства не было никакого» (с. 430). И в этом ироничном «отзеркаливании» классического сюжета об inferнальном портрете многое закодировано предусмотрительным автором. Несовпадение — главная авторская альтернатива стратегии двойника. О двоemiрии в творчестве Набокова сказано немало, поэтому здесь лишь кратко обозначим проблему, указав на двоemiрие ментального ландшафта «Отчаяния». Один мир — Германа — логически четко выстроен, в нем все предусмотрено, все детали механизма отлажены по заданным образцам. Здесь как неперменное условие присутствует идеальное повторение, «совершенный двойник». Другой мир существует за пределами мировидения Германа-рассказчика — вполне конкретный и антагонистичный по отношению к герою. Враждебный мир — по ту сторону — непредсказуем, наполнен случайностями и несовпадениями, в этом мире нет и двойника.

Обвинение Бойда в «хрупкости» романной основы можно было бы назвать справедливым, если бы хрупкость двойничества не была частью идейно-художественного замысла, а точнее — главным заданием романа. Зеркальное разделение се-

²⁷ Гоголь Н. В. Портрет // Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1949. Т. 3. С. 102.

²⁸ См. об этом: Манн Ю. В. Художник и «ужасная действительность» (О двух редакциях повести «Портрет») // Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 232—245; Джуллиани Р. Гоголь, назарейцы и вторая редакция «Портрета» // Поэтика русской литературы: к 70-летию профессора Ю. В. Манна. М., 2001. С. 164—199; Комков О. А. Категория «личины» и inferнальная эстетика в повести Н. В. Гоголя «Портрет» // Вестник Московского университета. 2001. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 30—46; Гюнтер Х. Между мамоном и мистикой. Проблематика художника в «Портрете» Гоголя // Гоголь как явление мировой литературы: сб. статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. М., 2003. С. 178—184; Гольденберг А. Х. Экфрасис в поэтике Гоголя: текст и метатекст // Филологические науки. 2007. № 1. С. 13—23 и др.

²⁹ Гоголь Н. В. Портрет. С. 76.

мантического пространства, как и спрятанные по всему тексту «улики», наводят на мысль, что «Отчаяние» — роман не просто выполнивший условие сюжета о двойнике, но добившийся, «чтобы обман — а всякое произведение искусства обман — удался». «Отчаяние» — идеальный пример зеркальной иллюзии, или «портрет автора в зеркале». Обманчивый двойник в романе присутствует. И конечно, это не Феликс (двойник и вправду малоубедительный), которому уготована главным героем поистине трагическая роль. «...минус на минус дает плюс. Мне пришло в голову, что и Феликс некий минус я, — изумительной важности мысль, которую я напрасно, напрасно до конца не продумал» (с. 468), — размышляет Герман. В том и состоит феномен набоковского романа, его сюжетный «олакрез», что все происходящие события описаны самим двойником (отражением, тенью), или персонажем, который неуклонно стремится им стать, словно повествование ведется от лица «пустоты», которая пребывает в ожидании образца для своего уподобления. Двойник Германа рождается исключительно в нем же самом, в пустой комнате его абсолютного «ничто». С точки зрения литературной традиции, «Отчаяние» — новейший опыт видения внешнего мира в обратной перспективе «глазами бесстрастного и безликого всеобщего двойника»,³⁰ говоря словами Д. И. Чижевского (автора, пожалуй, самой известной в русском зарубежье статьи о феномене двойничества), или глазами «беса обобщенья»,³¹ говоря словами самого Набокова. Оттого, вероятно, так обманчиво убедительны и одновременно зыбки замыслы имитатора с его зеркальной, вывороченной логикой. Блестящий подражатель, в сущности, лишенный своих оригинальных черт и свойств, весьма успешно добивается, чтобы «обман — удался». Не случайно даже такой пронизательный читатель, как Ходасевич, совершает предсказуемую ошибку по заданной двойником формуле («минус на минус дает плюс») и приходит к выводу, что Герман — «художник *подлинный*». Голос автора в романе завуалирован и заглушен голосом героя, но это не отменяет авторской воли, а именно она (отнюдь не воля Германа-отражения) диктует ход событий, именно по воле автора зеркальное «творчество» двойника неотвратимо разбивается о реальность.

Авторская воля постоянно отменяет безупречную закономерность философии двойника. «...человеческий день череда случайностей — и в этом его божественность и сила»,³² — один из главных тезисов набоковской метафизики «случайного», «неповторимого», «единичного». «Системы нет. Рулетка истории не знает законов. Клио смеется над нашими клише, над тем, как мы смело, ловко и безнаказанно говорим о влияньях, идеях, теченьях, периодах, эпохах и выводим законы, и предугадываем грядущее»,³³ — заметит писатель в своем программном докладе «On Generalities». В романе о двойнике Набоков сам берет на себя роль Клио: смеется над героем, диктует непредвиденный для него ход событий, упраздняет прочитанные героем схемы и клише.

Опровержение двойничества происходит также на уровне взаимоотношения писателя с сюжетной традицией. Тревожа ассоциативное читательское восприятие, Набоков то и дело запускает механизм аллюзий, реминисценций и цитат. Однако двойническая символика в романе, если и наталкивает читателя на «мистиче-

³⁰ Здесь приводим одну из наиболее значительных статей в русском зарубежье, посвященных категории двойничества: *Чижевский Д. И.* К проблеме двойника (Из книги о формализме в этике) // О Достоевском. Сб. статей / Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929. Вып. 1. С. 30.

³¹ «Демон обобщений» или «бес обобщенья» — понятие, объединившее доклады Набокова «On Generalities» (1926) и «Человек и вещи» (1928), сделанные в берлинском кружке Юлия Айхенвальда и Владимира и Раисы Татариновых. В цикле берлинских докладов писатель постулировал свои социально-исторические, эстетические и этико-антропологические воззрения, которые в немалой степени резонируют с основными тематическими линиями романа «Отчаяние».

³² *Набоков В.* On Generalities // Звезда. 1999. № 4. С. 12.

³³ Там же. С. 13.

ские» сюжетные аналогии, то ни в коей мере не воспроизводит их. В отношении к литературному канону автор ведет себя скорее как антипод героя и отменяет устоявшиеся сюжетные шаблоны. Так, например, мы не найдем в романе традиционно-го обрастания двойника «чужой плотью». Даже взяв чужое имя, облекшись в одежду жертвы, полностью, казалось бы, сменив оболочку, герой не достигает перевоплощения. В то же время вернуться назад, в свое прежнее «Я» после совершенного убийства он не может: «Никак не удастся мне вернуться в свою оболочку и по-старому расположиться в самом себе, — такой там беспорядок: мебель переставлена, лампочка перегорела, прошлое мое разорвано на клочки» (с. 407). Уничтожая «Другого», Герман объективно ничего не обретает, его «чистая идея» остается в подвешенном состоянии. Поэтому утверждение С. Саенко о том, что в романе «факт смерти другого понимается не только как продление собственной жизни и субстанциальное разрушение границ, но и как возможность пересоздания собственного „Я“, ориентированного на восстановление его целостности»,³⁴ на наш взгляд, не вполне отвечает набоковскому замыслу. Целостности Герман к финалу романа не обретает, его пустота оборачивается снова пустотой. «Я был совершенно пуст, как прозрачный сосуд, ожидающий неизвестного, но неизбежного» (с. 400), — скажет Герман про себя в самом начале повествования, а в конце признает свое поражение: «... меня наполнялась бесплодным и ужасным смятением моя просторная, моя нежилая душа» (с. 509). Категория пустоты в «Отчаянии» далека от созидательных интерпретаций (например, утверждения М. Хайдеггера «Бытие раскрывается через Ничто») и, скорее, резонирует с идеями апофатического богословия, неоплатонической концепцией и в особенности с понятием пустой материи («бесформенного призрака») Плотина, которая обманчиво «посылает образы в так называемое пустое пространство».³⁵

И наконец, еще один сюжетный кульбит: в отличие от традиционных двойников, которые в своем стремлении вписаться в реальность значительно опережают хозяина-жертву, — будь то карьера, любовь, положение в обществе или титул («Нос» Гоголя, «Тень» Андерсена, «Двойник» Достоевского и т. д.) — Герман, примеривший оболочку Феликса, скатывается на самую низшую ступень социальной лестницы, меняя статус коммерсанта на статус бродяги. Упраздня традиционный для двойнического сюжета ход событий, Набоков, с одной стороны, не допускает успешной реализации «зеркальной» закономерности замыслов двойника, доводит их до абсурда, аннулирует, с другой, — сам как художник исключает повтор. И в этом плане идейно-художественная структура романа демонстрирует глубинную связь замысла и методов его воплощения.

Всем строем повествования Набоков ставит читателя в тупик, запуская и тут же отменяя обкатанные мировой литературой сюжетные механизмы — будь то приемы хорошо слаженного детектива или история о двойнике в духе мистического романтизма. Эта новаторская сюжетная редукция привела многих литератур-

³⁴ Саенко С. Мотивация двойничества в романе В. В. Набокова «Отчаяние». С. 276—277.

³⁵ «...исчезающее при всматривании, постепенно принимающее противоположные личности: большого и малого, недостаточного или избыточного, призрака, не убегающего и неустойчивого... Поэтому все ее проявления ложны: когда кажется большой, она мала, когда больше, то меньше, ее сущее в воображении есть не сущее, убегающее, как игрушка, почему и то, что кажется происходящим в ней, суть игрушки, образы в образе, как предмет в зеркале, который, находясь в одном месте, отражается в другом, кажущемся наполненным, не имеющем ничего, но кажущемся всем. И входящие в ее бесформенный призрак и исходящие из него призраки и подобия, усматриваемые по причине ее бесформенности, кажутся оказывающими на нее действие, но на самом деле не действуют нисколько, будучи бессильны и слабы и не имея устойчивости; и не имея ничего такого, они проходят, ее не разрезая, как через воду, или как если бы посылать образы в так называемое пустое пространство... Слабая и обманчивая, она сама есть подвергающаяся обману; как во сне, по воде или зеркале, оставляют ее не затронутой эти впечатления» (Епп., III, lib. VI, cap. VII) (цит. по: Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 206).

ных критиков в полное недоумение, в чем откровенно сознавался тот же Адамович: «Роман его поистине вне времени и пространства — и впечатление, которое он производит, близко тому слову, которым он назван. Вместе с тем это подлинно поэтическое произведение, — пусть по творческому методу своему „высосанное из пальца“, ничем не поддержанное извне, ничему не отвечающее в эпохе, но оживленное такой фантазией, что она ослепляет и не позволяет уже ничего другого видеть».³⁶ Признание Адамовича в том, что романная конструкция «Отчаяния», «ничем не поддержанная извне», вместе с тем «ослепляет», весьма символично. На наш взгляд, сильное впечатление, которое производит роман на читателя, — производная последовательного освобождения проблемы двойника от всего, что «извне». Именно благодаря освобождению от внешних покровов глубоко философская этико-антропологическая проблема в итоге предстает в «Отчаянии» в чистом виде и воистину поражает масштабом. «...совершенство всего дела было в некотором смысле неизбежно» (с. 517), — заявляет Герман даже после своего провала. «Чистая идея» героя, в сущности, не отягощена ничем посторонним, конкретным, никакими внешними «предлагаемыми обстоятельствами» (ни ревностью, ни страстью к наживе, ни даже внешними данными реального человека, которому приписана роль двойника). К финалу романа априорная идейная конструкция остается один на один в пустоте, в своей идеальной отвлеченности, умозрительности, неотвратимой жажде к самообоснованию и демонстрирует свою разрушительную силу, которая приходит не извне, а таится глубоко в недрах души героя.

Апогеем логической абстракции Германа можно назвать его рассуждения об идеальном «мире Геликсов и Ферманов». Обдумывая публикацию своей повести в СССР, герой замечает: «Мне даже представляется иногда, что основная моя тема, сходство двух людей, есть некое иносказание. Это разительное физическое подобие вероятно казалось мне (подсознательно!) залогом того идеального подобия, которое соединит людей в будущем бесклассовом обществе. (...) Мне грезится новый мир, где все люди будут друг на друга похожи, как Герман и Феликс, — мир Геликсов и Ферманов, — мир, где рабочего, павшего у станка, заменит тотчас, с невозмутимой социальной улыбкой, его совершенный двойник» (с. 493—494).

В рассуждениях об «идеальном подобии» кроется главная идеологема двойника³⁷ — альтернатива божественному сотворению человека «по образу Нашему и подобию Нашему», «онтологическое хищение» положительных сил бытия.³⁸ Свое безбожие Герман объясняет так: «Но беспокоиться не о чем, Бога нет, как нет и бессмертия, — это второе чудовище можно так же легко уничтожить, как и первое» (с. 458). Логическое завершение зеркального созидания-уподобления — уничтожение человека с характерным примечанием: «В этом сходстве я чувствую божественное намерение (...) и особенно будет он на меня похож в мертвом виде» (с. 482). Двойническая идея «разительного физического подобия», приравнивая человека к одномерному отражению зеркала, проецируя вещные характеристики на мир людей, упраздняя различие и тем самым логически программируя взаимозаменяемость, в своем абсолютном проявлении предполагает уничтожение другого «совершенным двойником». Воплощение «идеального подобия» в глобальном масштабе коммунистической утопии совпадает с легендарной максимой «у нас незаметных нет».³⁹

³⁶ Адамович Г. «Современные записки», книга 56. С. 3.

³⁷ Очевидно, что «идеальное подобие», или «совершенный двойник» Набокова резонирует с «совершенно подобными» из inferнального сна Якова Голядкина в повести Достоевского «Двойник».

³⁸ «Царство нигилизма, культ ничто, ад, существует только за счет положительных сил бытия, онтологическим хищением» (Булаков С. Н. Свет невечерний... С. 165).

³⁹ Об антиутопических мотивах в романе «Отчаяние» Набокова в литературном поле романов о ЧК) // Смирнов И. П. Социософия революции. СПб., 2004. С. 249—290; Млечко А. В. «Отчая-

Вердикт Адамовича о том, что «Отчаяние» — произведение «ничему не отвечающее в эпохе», со временем был отменен самим же литературным критиком: «На поверхностный взгляд должно бы показаться, что основное творческое видение Набокова связано с ужасом перед будто бы неизбежным соскальзыванием человечества к уравнилельным социальными формам, к насильственному „всемству“ (...) Не раз, впрочем, Набоков к будущему „муравейнику“ возвращается. Очевидно, представление это все-таки очень его занимает или задевает — я хотел было написать „тревожит“, но не режет ли слух такое слово в применении к Набокову?»⁴⁰ Даже при множественных оговорках и нарочитых сомнениях отрещиваться от этой мысли Адамовичу было все труднее. Набоковский роман о двойнике давал один из самых неординарных и многосложных ответов своей эпохе с ее стремлением вывести за скобки конкретного человека во имя нигилистической идеи «совершенного двойника». Уничтожив Феликса, Герман как антитворец по-своему реализует себя и замыкает круг, приравнивая человека к вещи. Обрекая сверхидею Германа на провал, сталкивая с очевидностью, лишая подпорок, Набоков как художник и мыслитель совершает обратную траекторию — возвращает живую реальность, опрокидывает двойника, оставляя «в нелепом апогее его поражения».⁴¹

ние» В. Набокова в «русском тексте» «Современных записок»: От «чудовищного двойника» к символическому самоубийству // Вестник Волгоградского государственного университета. 2006. Сер. 8. № 5. С. 59—67.

⁴⁰ Адамович Г. Одиночество и свобода. С. 80—81.

⁴¹ Набоков В. Предисловие к английскому переводу романа «Отчаяние» («Dispair»). С. 62.

ДЕСЯТЬ ПИСЕМ 1967 ГОДА: ИЗ ПЕРЕПИСКИ Ю. М. ЛОТМАНА И З. Г. МИНЦ С Б. Ф. ЕГОРОВЫМ*

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Б. Ф. ЕГОРОВА И © Т. Д. КУЗОВКИНОЙ)

Публикация эпистолярного наследия Ю. М. Лотмана — одна из целей работы Эстонского фонда семиотического наследия при Таллинском университете (далее — ЭФСН). В настоящее время идет подготовка издания полной переписки Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц с Б. Ф. Егоровым (750 писем). Публикация писем 1954—1965 годов¹ вызвала широкий интерес, первый тираж книги полностью разошелся. В «Русской литературе» уже публиковались письма Ю. М. Лотмана к З. Г. Минц с IV Международного съезда славистов (1958)² и переписка Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц с Б. Ф. Егоровым 1960—1961 годов,³ ныне читателям предлагаются 10 первых писем 1967 года. В них затронуты главные темы в переписке этого года:

— Участие в литературном и литературоведческом издательском проекте — серии книг «Библиотека поэта» (далее — БП): Б. Ф. Егорова — как одного из руководителей серии и З. Г. Минц и Ю. М. Лотмана — как авторов-составителей и

* Работа выполнена при поддержке Эстонского агентства по науке (PUT81).

¹ Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров. Переписка 1954—1965 / Подг. текста и комм. Б. Ф. Егорова, Т. Д. Кузовкиной, Н. В. Поселягина. Таллин, 2012.

² См.: Письма Ю. М. Лотмана к З. Г. Минц с IV съезда славистов / Вступ. статья, подг. текста и комм. Т. Д. Якушевой [Кузовкиной] // Русская литература. 2012. № 4. С. 36—45.

³ Ю. М. Лотман, З. Г. Минц — Б. Ф. Егоров. Переписка 1960—1961 годов / Вступ. статья, подг. текста и комм. Б. Ф. Егорова, Т. Д. Кузовкиной и Н. В. Поселягина // Русская литература. 2011. № 4. С. 162—198.

внутренних рецензентов. В первых письмах полемично обсуждается присланная на рецензию Ю. М. Лотману и оставшаяся неопубликованной статья В. И. Новоселова и В. Б. Кривулина (текст не обнаружен) об истории издания БП. Ю. М. Лотман активно сотрудничал с БП с середины 1950-х годов. Им были подготовлены следующие тома: «Стихотворения» А. Ф. Мерзлякова (1958), «Поэты начала XIX века» (1961), «Полное собрание стихотворений Н. М. Карамзина» (1966), «Поэты 1790—1810-х годов» (в соавторстве с М. Г. Альтшуллером; 1971). З. Г. Минц подготовила том «Стихотворений и шуточных пьес» Владимира Соловьева (1974).

— Жизнь кафедры русской литературы Тартуского университета, рабочие и дружеские связи с которой у Б. Ф. Егорова не прерывались, хотя заведование кафедрой он передал Ю. М. Лотману еще в 1962 году.

— Налаживание научных контактов с зарубежными учеными и издателями, резко сократившихся после событий следующего 1968 года.

Письма Ю. М. Лотмана впервые опубликованы в 1997 году.⁴ Письма Б. Ф. Егорова и З. Г. Минц публикуются впервые. Тексты писем подготовлены по оригиналам, хранящимся в Отделе редких книг и рукописей Библиотеки Тартуского университета (далее — РО БТУ) и в ЭФСН; уточнены датировки, расширены комментарии. Оригиналы писем Ю. М. Лотмана см.: РО БТУ. Ф. 135. Ед. хр. 2014; писем Б. Ф. Егорова — РО БТУ. Ф. 135. Ед. хр. 478; а также: ЭФСН. Ф. 1 (Переписка); писем З. Г. Минц — ЭФСН. Ф. 4.1 (Егоров). В комментариях использованы также и другие материалы ЭФСН: в частности, просмотрены по экземплярам библиотеки Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц все упомянутые в переписке издания (имеющиеся пометы оговорены в комментариях).

Юрия Михайловича Лотмана обозначаем Ю. М., Зару Григорьевну Минц — З. Г., Бориса Федоровича Егорова — Б. Ф. Все виды подчеркивания в письмах переданы курсивом. Примечания авторов писем приводятся под звездочкой. В квадратные скобки заключены вычеркнутые фрагменты. Сведения о персоналиях и реалиях приводятся преимущественно на год публикуемой переписки. Биографические сведения о лицах, упоминаемых только в примечаниях, как правило, не приводятся.

Публикаторы выражают свою признательность за помощь в работе сотруднице РО БТУ Т. К. Шаховской, Д. Э. Кузовкину, проф. М. Ю. Лотману и консультанту ЭФСН Г. Г. Суперфину.

⁴ Лотман Ю. М. Письма: 1940—1993 / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. Б. Ф. Егорова. М., 1997. С. 197—202.

1

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

⟨04.—05.01.1967;⟩ Тарту

Дорогой Борфед!

Спасибо за рецензии и второй экз(емпляр) статьи¹ (где Анненков?).² Спасибо, но:

1) Рецензии для Горьковского сборника, который мы сдали 31 декабря, были уже организованы местными усилиями.³

2) Статья Ваших студентов в таком виде, по-моему, еще не готова к публикации — это не статья, а интересная заявка на статью.⁴

Утверждение о том, что «горьковский» и «тыняновский» принцип были противоположны — справедливо, но то, что «тыняновский» принцип возобладал и до

сих пор обеспечивает «жизнеспособность» Б(иблиотеки) п(оэта) — очень спорно.⁵ Во-первых, хронологический принцип победил, да и не мог не победить с того момента, как первая серия была закончена — издания, когда бы они ни вышли, выстроились в хронологический ряд. Да и был ли Тынянов просто врагом хронологии — спорно. Такие исходные хронологически сборники, как «Вирши»⁶ и 3-х-томник «Третьяковский — Ломоносов — Сумароков» (он не только имел общую вступительную статью, но и продавался в общей обложке-футляре)⁷ — вполне вписывались в концепцию истории поэзии, созданную Тыняновым. «Вирши» ни в малой степени — не были «внешними» для концепции Тынянова — открытие жизненности традиции русской силлабики отвечало его представлению о том, что в историко-литературном процессе торжествует «младшая линия».⁸ Что же касается до Третьяковского — Ломоносова — Сумарокова, то издание их было программным, а вступительная статья Бонди⁹ — целым этапом в движении ОПОЯЗ'а к историзму. Напомню,¹⁰ что издание поэтов XVIII в. в те годы, как и программный том Литнаследства, посвященный XVIII в., с точки зрения Мирского (Святополка) и даже Десницкого были почти контрреволюцией.¹¹ Это совсем не была уступка давлению «суворинской традиции» (см. статью Гуковского в Литнаследстве).¹²

Видимо, эта борьба определила появление в первых томах двух предисловий — «критического», «марксистского» и академического.¹³ Говоря об оппозиции Тынянова к Горькому, не учитывать их общей противоположности «социологам» и РАПП'у — нельзя.

Не говорю о некоторых описках (я еще не смотрел выправленного экз(емпля - ра)), но среди них есть курьезная: цитата из Тынянова звучит так: «Ломоносов ради Державина, Державин ради Пушкина, Пушкин ради Лермонтова». Между тем, здесь пародия библейского текста (Авраам роди — т. е. «родил» — Исаака): «Ломоносов роди Державина» и т. д.¹⁴ Но дело не в описках. По-моему, затронута важная тема, высказана интересная идея, но не привлечен необходимый материал, в частности, материал, противоречащий концепции авторов. Кажется, что статья еще не готова к печати. Впрочем, это мое личное мнение — хотел бы знать Ваше подробнее.

Замечу в скобках,¹⁵ что настоящая «Библиотека поэта» принципиально далека от тыняновской. Тынянов совсем не считал, что вступительные статьи или издание в целом должны иллюстрировать его историко-литературную концепцию. Зато принцип «научное предисловие» он, в отличие от Горького, хотевшего видеть очень квалифицированное изложение *проверенных* фактов и идей, понимал как обязательность именно новой, *непроверенной* — т. е. неизжевленной (sic!) концепции. Его более привлекали эпатажирующие предисловия Эйхенбаума и Бонди, чем уравновешивающие их — Десницкого и И. Виноградова. Настоящая же Библиотека поэта, — не прогневайтесь, но это факт, — более всего боится новых точек зрения. Принцип Тынянова был — дать «нового» Державина, «нового» Дениса Давыдова,¹⁶ нынешний — дать привычного, уже знакомого. Даже какому-нибудь Шаховскому¹⁷ — материал сам просится на новый портрет — придадут облик, знакомый уже по десяткам статей, начиная от того же Тынянова.¹⁸ Я убежден, что деспотическое вмешательство редактора в концепцию автора статьи, вмешательство, предполагающее, что истина уже известна, ее надо лишь изложить более или менее хорошо, систематическое стремление снять впервые публикуемые тексты, не введенных в обиход авторов — составляет печальную особенность нынешней «Библиотеки поэта» и очень ей вредит.¹⁹

Простите за горечь этих строк — вопль души.

Будьте здоровы и не сердитесь на меня за критику «Библиотеки».

Ваш

Ю. Лотман

Р. С. Посмотрел Вашу правку статьи²⁰ — она устраняет явные погрешности, но сути все же, по-моему, не меняет. Статья слишком тезисная, заявочная и звучит не убедительно.

Адрес: «Ленинград, М-143, пр. Космонавтов, 52, корп. 2, кв. 7, Борису Федоровичу Егорову». Адрес отправителя: «Тарту, Кастани 9—7, Ю. Лотман». Штемпель Тарту: 05.01.67. Штемпели Ленинграда: 07.01.67; 08.01.67.

Машинопись; постскриптум написан от руки.

¹ Речь идет о внутренних рецензиях и статье для издания: Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 209 / Отв. ред. Б. Ф. Егоров. Тарту, 1968 (Тр. по русской и славянской филологии (далее — Труды). Вып. XI. Литературоведение: [Памяти Александра Павловича Скафтымова]). Статьи для сборников, проходивших через факультетскую редколлегия Тартуского государственного университета (далее — ТГУ), должны были сопровождаться двумя рецензиями; допускалось, что только одна может быть написана сотрудником кафедры.

² Имеется в виду статья Б. Ф. «П. В. Анненков — литератор и критик 1840-х — 1850-х гг.» для Трудов—XI.

³ Речь идет о сдаче на факультетскую редколлегия издания: Труды—XIII: Горьковский сборник. По воспоминаниям Б. Ф., из-за спешки «внешние» рецензии (чаще всего присылаемые ленинградскими коллегами С. А. Рейсером и Я. С. Билинским) иногда сочинялись самими сотрудниками кафедры.

⁴ Имеется в виду статья студентов филфака Ленинградского государственного университета (далее — ЛГУ) Владимира Ивановича Новоселова (род. 1945) и Виктора Борисовича Кривулина (1944—2001), участников семинара Б. Ф. по русской поэзии XIX века. В. И. Новоселов сообщил нам: «Борис Федорович предложил мне и Вите Кривулину написать статью по истории серии „Библиотека поэта“, которую можно было бы напечатать в Тарту, и мы с интересом взялись за работу, начав с визита в редакцию серии и беседы с секретарем И. В. Исакович (см. о ней далее. — Б. Е., Т. К.). Главная идея у нас была — показать растущее с годами сокращение имен поэтов, связанное с усилением цензуры. Статья была послана Ю. М.; Б. Ф. познакомил нас с его отзывом. Из него мы поняли, что статья недоработана. К сожалению, черновик у меня не сохранился». Рукописи статьи нет и у О. В. Кушлиной (вдовы В. Б. Кривулина), фонд поэта в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (далее — ИРЛИ) не разобран.

⁵ Речь идет о тыняновском принципе: «В каждом почти сборнике будут новости, иногда меняющие взгляд на поэтов» (из письма Ю. Н. Тынянова А. М. Горькому от 14 декабря 1931 года; цит. по: Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М., 1963. С. 459 (Лит. наследство; т. 70); в экземпляре из библиотеки Ю. М. абзац с этой фразой отчеркнут). Горьковский принцип — хронологический: «(...) „Биб(лиотек)у поэта“ следует начать с народной песни, с былины, с Тредьяковского, т. е. — именно „научно“ и строго хронологически. (...) От этого порядка и плана работы молча отказались. Работа сразу же приняла характер работы „по линии наименьшего сопротивления“, по силе симпатии каждого „единоличника“ (...)» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 30: Письма, телеграммы, надписи: 1927—1936. С. 368).

⁶ См.: Вирши: Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков / Вступ. статья Ив. Розанова; общ. ред. П. Беркова; вступ. заметки, ред. и прим. Я. Барскова, П. Беркова, А. Докусова. [М.; Л.], 1935 (Библиотека поэта. Малая сер.; [т.] 4).

⁷ Имеются в виду три тома БП большой серии, вышедшие под редакцией акад. А. С. Орлова при участии А. И. Малеина, П. Н. Беркова и Г. А. Гуковского: *Тредиаковский*. Стихотворения / Вступ. статья С. М. Бонди. [Л.], 1935; *Ломоносов*. Стихотворения. [Л.], 1935; *Сумароков*. Стихотворения. [Л.], 1935.

⁸ Речь идет о тыняновской концепции литературной эволюции. См., например, в статье «Литературный факт»: «В эпоху разложения какого-нибудь жанра — он из центра перемещается в периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин вливает в центр новое явление (это и есть явление «канонизации младших жанров», о котором говорит Виктор Шкловский)» (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Изд. подг. Е. А. Тодес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М., 1977. С. 257—258).

⁹ В экземпляре книги стихотворений Тредиаковского в ЭФСН во вступительной статье С. М. Бонди рукой Ю. М. отчеркнут на полях следующий фрагмент: «Ломоносова можно назвать певцом индустриального развития России. В этом больше, чем в чем-нибудь ином, сказывается буржуазный характер его творчества» (Бонди С. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Тредиаковский. Стихотворения. С. 36).

¹⁰ Фрагмент письма от слова «Напомню» и до конца абзаца отмечен на полях отчерком с надписью «верно!» рукой Б. Ф.

¹¹ Имеется в виду сугубо социологический подход Д. П. Святополка-Мирского и В. А. Десницкого к литературному процессу XVIII века, отразившийся на изданиях серии БП. Дискус-

сия, развернутая в томе «Литературного наследства», предварялась характерным для того времени замечанием от редакции: «Чаще, чем где-либо, здесь приходится обращаться к опыту и знаниям работников, методологическая перестройка которых в сторону марксизма-ленинизма далеко еще не завершена. (...) Это понятно, если учесть, что изучение литературы XVIII в. до сих пор находилось почти в монопольном ведении идеалистов и эклектиков всех толков и мастей» (От редакции // [XVIII век: Сб. статей]. М., 1933. С. 3 (Лит. наследство; т. 9—10)). Анализ этой дискуссии см.: *Серман И. З. Забытый спор: Из истории изучения русской литературы XVIII века // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 293—305.*

¹² См. *Гуковский Г. А. За изучение восемнадцатого века // [XVIII век: Сб. статей]. С. 295—326.* Вероятно, Ю. М. имеет в виду издательские принципы А. С. Суворина, рассчитанные прежде всего на массового читателя.

¹³ См., например, третью и шестую книги БП большой серии: *Давыдов Д.* Полн. собр. стихотворений / Ред. и прим. В. Н. Орлова; вступ. статьи В. М. Саянова и Б. М. Эйхенбаума. Л., 1933; *Дельвиг А. А.* Полн. собр. стихотворений / Ред. и прим. Б. Томашевского; вступ. статьи И. Виноградова и Б. Томашевского. Л., 1934.

¹⁴ Фрагмент из статьи «Литературный факт»: «Строя „твердое“ „онтологическое“ определение литературы как „сущности“, историки литературы должны были и явления исторической смены рассматривать как явления мирной преемственности, мирного и планомерного развертывания этой „сущности“». Получалась стройная картина: Ломоносов роди Державина, Державин роди Жуковского, Жуковский роди Пушкина, Пушкин роди Лермонтова» (*Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. С. 258).

¹⁵ Фрагмент письма с начала абзаца и до конца письма отмечен на полях отчерком рукой Б. Ф. с надписью: «Тоже очень верно».

¹⁶ См.: *Державин.* Стихотворения / Ред. и прим. Гр. Гуковского; вступ. статья И. А. Виноградова; вступ. статья о «Библиотеке поэта» Максима Горького. Л., 1933 (Библиотека поэта. [Большая сер.]); ссылку на издание стихотворений Дениса Давыдова см. в прим. 13.

¹⁷ См.: *Шаховской А. А.* Комедии. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. А. А. Гозенпуда. Л., 1961 (Библиотека поэта. Большая сер., 2-е изд.).

¹⁸ Имеются в виду статьи Ю. Н. Тынянова: «Архаисты и Пушкин» (1921—1924), «Сюжет „Горя от ума“» (опубл. в 1946), «„Аргивяне“, неизданная трагедия Кюхельбекера» (1924—1927).

¹⁹ По словам Б. Ф., главный редактор БП Владимир Николаевич Орлов (1908—1985), предполагая издавать стихи полузапретных тогда М. И. Цветаевой, О. Э. Мандельштама, Б. Л. Пастернака, опасался новаторских идей и впервые публикуемых текстов, способных вызвать идеологическую критику серии, поэтому был очень осторожен и часто сам выступал в роли «цензора».

²⁰ См. прим. 4.

2

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

(Около 07.01.1967; Тарту)

Дорогой БорФед!

Пишу, как всегда, впопыхах. Редколлегии пока не было, но X т(ом)¹ не сдан, т. к. нет Вашей статьи.² Где она? Гоните скорее. Не обиделись ли Вы на мое мнение о статье Ваших учеников?³

Адреса:⁴ *Мариэтта Омаровна Чудакова*:⁵ Москва, Д-154, ул. Тухачевского 26, кор(п.) 2, кв. 58.

Вадим Сергеевич Алексеев-Попов:⁶ Одесса, ул. Щепкина 23, кв. 9.

Большое спасибо Соне и всем Вашим дамам⁷ за новогодние приветы — целуйте их за меня.

В статье Зары теперь в силу необходимости появилось полемическое примечание в адрес П. Громова. Оно составлено максимально умеренно.* Но будет высшей гадостью, если, после того, как Громову позволили гнусно и по тону, и по существу в печати оскорбить Зару, ей не дадут ответить.⁸

* И не мной, а Юрой — NB! З(ара) М(инц)

Мой Париж, кажется, горит,⁹ зато семиотическая лаборатория в Тарту, тыфу, тыфу, — начинает двигаться.¹⁰

Сердечно Ваш

Ю. Лотман

Адрес: «Ленинград, М-143, пр. Космонавтов, д. 52, корп. 2, кв. 7, Борису Федоровичу Егорову». Адрес отправителя: «Тарту, Кастаны 9—7, Ю. Лотман». Штемпели Ленинграда: 09.01.67 и 10.01.67. Прим. — рукой З. Г.

¹ Речь идет о подготовке очередного тома «Трудов», который будет одиннадцатым. С этого тома «Труды» будут издаваться в двух сериях: лингвистической и литературоведческой. Десятый том выпустили сотрудники кафедры русского языка.

² Имеется в виду статья Б. Ф. «П. В. Анненков — литератор и критик 1840-х—1850-х гг.» в Труды—XI.

³ См. прим. 4 к п. 1.

⁴ Адреса из списка рассылки кафедральных сборников. По словам Б. Ф., успех первого тома «Трудов», распространенного на IV съезде славистов в Москве, позволил добиться у ректора ТГУ Ф. Д. Клементя не только согласия на ежегодные выпуски отдельной серии «Трудов», но и выдачи 25—30 экземпляров каждого тома для рассылки видным отечественным и зарубежным ученым. Этого количества не хватало, примерно столько же экземпляров сотрудники кафедры покупали за свой счет. При этом авторы получали не том, а 25 оттисков своих публикаций. См. аналогичный список в письме Ю. М. начала августа 1968 года: *Егоров Б., Кузовкин Д., Кузовкина Т.* Переписка Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц с Б. Ф. Егоровым: 1968 год // Текст и традиция: Альманах / Гл. ред. Е. Водолазкин. СПб., 2014. Т. 2. С. 395—396.

⁵ Чудакова Мариэтта Осмаровна (род. 1937) — литературовед, в 1965—1984 годах сотрудник Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина; в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся 39 ее писем, открыток и телеграмм за 1965—1991 годы; см.: Вечер воспоминаний 2 марта 2012 г. // Лотмановский сборник. 4 / Ред. Л. Н. Киселева, Т. Н. Степанищева. М., 2014. С. 656—660.

⁶ Алексеев-Попов Вадим Сергеевич (1912—1982) — литературовед, доцент Одесского государственного университета, соавтор Ю. М.; в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся его письма, открытки и телеграммы общим числом 93 за 1962—1982 годы.

⁷ Соня — Софья Александровна Николаева (1924—2008) — жена Б. Ф., химик, сотрудница Ленинградского научно-исследовательского института «Гипроникель»; в прошлом преподаватель Тартуского государственного университета (1951—1957). *Ваши дамы* — теща Татьяна Алексеевна Николаева (1902—1986) и дочь Татьяна (род. 1951).

⁸ Речь идет о полемике З. Г. с критиком и литературоведом Павлом Петровичем Громовым (1914—1982) о влиянии философии В. С. Соловьева на поэзию Александра Блока. З. Г. была не согласна с некоторыми положениями концепции Громова (см.: Герой и время: Статьи о литературе и театре. Л., 1961), прежде всего, с его интерпретацией соловьевских представлений о соотношении духа и плоти в поэзии Блока. Там, где Громов усматривал превосходство духа над плотью, З. Г. видела синтез, гармонию (см.: *Минц З. Г.* Поэтический идеал молодого Блока // Блоковский сборник (I). Тарту, 1964. С. 174, 186, 199, 201, 203, 217). Громов ответил З. Г. в грубой форме (см.: *Громов П. А.* Блок, его предшественники и современники, М.; Л., 1966. С. 72—75). Во вступительной статье к готовящемуся тогда в БП изданию Владимира Соловьева З. Г. сделала развернутое замечание по этому поводу (см.: *Соловьев Вл.* Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. статья, сост. и прим. З. Г. Минц. Л., 1974. С. 26—29).

⁹ Речь идет о несостоявшейся поездке в Париж по приглашению А. Греймаса для участия в заседании редколлегии по созданию журнала Международной ассоциации семиотики. В архиве Ю. М. сохранились рукопись (рукой Ю. М., без даты) и одна из копий машинописи письма от лица ректора министру высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютину (РО ВТУ. Ф. 136. Ед. хр. 49. Л. 2—12). По мнению Б. Ф., первый экземпляр машинописи мог быть передан самому Ф. Д. Клементу. Приводим ниже текст письма по рукописи.

*Министру
Высшего и специального среднего
образования СССР
проф. Елютину*

Считаю необходимым обратить Ваше внимание на необходимость принципиального решения следующего вопроса.

В последние годы усилились контакты советских и зарубежных ученых, быстрый темп развития современной науки делает личные контакты ученых, участие в симпозиумах и конференциях существенной гарантией от отставания и научного провинциализма. Участвовавшие случаи избрания советских ученых в международные научные организации являются свидетельством признания растущего авторитета советской науки.

Все эти факты находятся в противоречии с крайне усложненной и неповоротливой системой оформления заграничных выездных документов отделом внешних сношений Министерства Высшего и среднего специального образования СССР, в результате чего советские ученые в ряде случаев оказываются лишенными возможности принимать участие в международных встречах. Дело в том, что в большинстве стран мира в настоящее время произошло значительное упрощение процедуры выдачи заграничных виз, поэтому сроки научных совещаний, как правило, назначаются, исходя из предположения, что двух-трехнедельного срока достаточно для оформления документов. Отдел же внешних сношений Министерства Высшего и среднего специального образования СССР оформляет соответствующие документы не быстрее, чем в течение четырех-пяти месяцев, ставя этим советских ученых в неравноправное положение на международной научной арене и практически лишая их возможности участвовать в международной научной жизни.

Приведем один пример: [Осенью 1966 г. Международный симпозиум по семиотике избрал]

В сентябре 1966 г. Международная семиотическая конференция, проходившая по инициативе Польской Академии Наук в Варшаве, избрала Организационный комитет Международного семиотического конгресса в Варшаве, в состав которого был введен ряд советских ученых, в том числе профессор Тартуского университета доктор филолог. наук Ю. Лотман. Тогда же было решено создать Международную ассоциацию семиотики, имеющую своей целью организацию обмена научной информацией и международного сотрудничества. Было решено издавать международный печатный орган «Recherches semiologiques» (sic), финансируемый из средств ЮНЕСКО. Редколлегия его, по единогласному решению, была избрана в составе четырех ученых: проф. Греймас (Франция), проф. Себеок (США), проф. Лотман (СССР), проф. Скламовский (Польша). Об этом избрании как о примере международного сотрудничества [и свидетельстве усп] сообщил орган ЦК Итальянской компартии газета «Унита».

Заместитель уч. секретаря Польской Академии наук акад. Ф. Миштал в письме от 31 окт. 1966 г. (W I.50/66) сообщил об этом решении Президиуму АН СССР и просил поддержать участие советских ученых в этой международной организации.

Проф. Ю. Лотман, получив уведомление о своем избрании от проф. А. Греймаса (письмо от 28 сент. 1966 г.), Генерального Секретаря Международного Совета по [обществ] социальным наукам при ЮНЕСКО К. Эллера (письмо от 9 ноября 1966 г.) и Секретаря Отделения Общественных Наук Польской Академии Наук акад. Ст. Жулкевского (SN/53/5061/66), обусловил свое согласие участвовать в работе редколлегии наличием договоренности с советскими руководящими научными органами. Некоторое время спустя он получил от Директора Института литературы Польской Академии Наук проф. М.-Р. Майеновой сообщение, что она и акад. Ст. Жулкевский во время визита в Москву договорились по этому вопросу в Президиуме АН СССР, и сообщил редактору международного бюллетеня по семиотике «Recherches semiologiques» о своем согласии занять место члена редколлегии.

Заседание редколлегии было назначено на конец января в Париже, и проф. Лотман обратился с просьбой предоставить ему соответствующие выездные документы.

[Ввиду необходимости] Однако необходимость провести дело через большое число инстанций (требуется решение Комитета по делам Высшего и среднего специального образования, рекомендация Выездной комиссии ЦК КПЭ, решение Выездной комиссии Министерства) сделало дату в конце января нереальной. [Ю. Л.] По просьбе Ю. Лотмана заседание Международной редколлегии было отложено на месяц (конец февраля), но, как сообщил проф. Ю. Лотману сотрудник Отдела внешних сношений Министерства Т. Семенов, Отдел убедился, что он и в этот срок не может успеть оформить документы, и *вернул бумаги в Таллин, не рассматривая их по существу*.

Между тем, проф. А. Греймас выразил готовность собрать редколлегию в Париже во второй половине апреля.

Проф. Ю. Лотман не знает, как ему отвечать. Никакой уверенности в том, что документы, если их вновь направить из Таллина в Москву, будут оформлены в срок, у него нет.

Между тем, на заседании редколлегии, проходившем в Париже в конце февраля, было решено следующее (цит. по протоколу, присланному проф. Ю. Лотману органами ЮНЕСКО): «§ 3. Были рассмотрены трудности сотрудничества [со] с членами Комиссии, принадлежащими к странам Востока: случая, если заседание, предвиденное с участием Ю. Лотмана и В. Скламовского (проф. В. Скламовский мог приехать в Париж, но поездка его была отложена ввиду отсутствия Ю. Лотмана и невозможностью собрать редколлегию в полном составе. — *Прим. Ю. М.*) не сможет состояться, обратиться к Конгрессу за разрешением об их замене».

Таким образом, речь идет об утрате Советским Союзом из-за затяжек в оформлении документов представительства в международном научном органе. Это тем более досадно, что право на это представительство завоевано реальным вкладом советских ученых в развитие семиотики и отражает международное признание их успехов в этой области.

Считаю необходимым скорейшее решение этого вопроса в принципе, прошу также дать разъяснение по данному частному вопросу:

1) Должен ли проф. Лотман отказаться от участия в Международном семиотическом издании, и чем ему следует мотивировать свой отказ:

- а) непригодностью лично его кандидатуры с точки зрения ответственных органов Министерства;
- б) незаинтересованностью Советского Союза в своем представительстве в этом начинании ЮНЕСКО?

2) Если проф. Лотман не должен отказываться от участия в этой организации, то может ли он сообщить в Париж о том, что прибудет туда в конце апреля или в какой-либо другой определенный срок.

Проф. Ю. Лотман продолжает получать письма от проф. А. Греймаса и ряда других ведущих ученых с выражением недоумения по поводу его неприезда и просьбой сообщить о сроках своего прибытия.

(РО БТУ. Ф. 136. Ед. хр. 49. Л. 2—8).

По всей видимости, этому письму был дан ход, однако в министерстве решение постоянно откладывалось. 29 июля 1967 года Ю. М. писал З. Г. из Москвы: «Париж, кажется, сдвинулся с места, но зато не пускают в Будапешт (или-или), вместе нельзя. Они еще не знают про Братиславу и Лейпциг (я молчу...). Был у замминистра — славный человек. Я ему про Париж — а он, осведомившись, знаю ли я франц(узский) язык, предложил поехать в Африку. Я сказал, что пока не чувствую желания» (РО БТУ. Ф. 135. Ед. хр. 1941. Л. 20).

¹⁰ На Первой Летней школе по вторичным моделирующим системам (19—29 августа 1964 года) появился замысел открыть в Тарту семиотическую лабораторию, которую возглавил бы Б. А. Успенский (см. об этом, начиная с первого письма, в издании: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Переписка. М., 2008*). Однако Лабораторию истории и семиотики удалось открыть лишь в сентябре 1983 года. Она просуществовала до создания отдельной кафедры семиотики (1992). В разное время под руководством Ю. М. в ней работали: С. Г. Барсуков, Е. Г. Григорьева, М. Ф. Гришакова, Л. О. Зайонц, Т. Д. Кузовкина, Е. А. Погосян, Г. М. Пономарева. Заведовал лабораторией эстонский востоковед Линнарт Мьяль (1938—2010).

3

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

08.01.1967; <Ленинград>

Дорожейший ЮрМих,

спасибо большое за обстоятельный отзыв о заметке студентов.¹ Вы правы и в смысле общей оппозиции Горького—Тынянова — так сказать, «десницкой» линии, и в смысле отхода современной «Б(ибблиотеки) поэта» от тыняновских принципов (это объясняется предельной осторожностью, половинчатостью Орлова² и малограмотностью доброй половины редакторов). Насчет хронологии для Тынянова Вы, кажется, неправы: ведь если следовать бы идее Горького, то уже «Вирши» и «Тр(едиаковский) — Лом(оносов) — Сум(ароков)» — это беспорядок, нужно бы прежде издать все фольклорные тома; да и издание Державина раньше Тр(едиаковского) — Лом(оносова) — Сум(арокова) — тоже беспорядок. След(овательно), восторжествовал все-таки гнездовой принцип (этот принцип *издания* отнюдь не отменяет *историзма мышления*).

Думаю, что *данные* студенты-авторы не способны на оформление заметки в виде фундамент(альной) статьи; единственно, что можно — это сделать небольшие оговорки, учитывая Ваши верные замечания. Смотрите: если считаете, что с такими оговорками (по абзацу на оппозицию РАПП'у и на отход послед(ней) «Б(ибблиотеки) п(оэта)» от Тынянова) — можно отдавать, то сделаем сами, если нет — то похерим. К хунвейбинам. (Кстати — я ведь так и не успел прочесть письмо о Вале Кухаревой,³ прошу Зару привезти с собой его!).

А теперь главное. Невозможный Вы человек. Ругали Макогоненко⁴ за молчание, но вспомните, сколько нужно усилий приложить, чтобы от Вас получить требуемые сведения. Я уже 2-ую неделю жду от Вас ответов на оставленную шпаргалку просьб. Или Вы ее засунули в непотребное место?

Повторяю эти просьбы:

1) адрес Алексеева-Попова,

2) ,, Чудаковой,⁵

3) сообщение о посылке IX тома⁶ Покусаеву (том был надписан и подписан);

4) сообщение о посылке двух IX томов В. Жданову и А. Белкину плюс им же 2-го тома «Семиотики», один на КЛЭ (это из Ваших запасов).

Что-то еще было, но не помню сейчас. А этих ответов *очень* жду от Вас.

Да — были ли в Изд(ательской) группе относительно горы заявок?

Теперь мой Анненков.⁷ Просто рок какой-то. Моя Адамовна,⁸ удивительно быстрый и аккуратный работник, 2-ую неделю не может кончить статью по объективным причинам (перед Н(овым) годом обилие работы в машбюро, в начале Нового — болезнь). Вчера клялась и божилась, что привезет сегодня утром, но уже вечер, а ее все нет. Как только получу — сегодня, завтра, послезавтра — немедленно высылаю. Осталась ей половина статьи, страниц 35. Стыдно мне очень, но ничего не могу сделать.

Обращаю Ваше внимание, что уже давно мой почтовый индекс — М-233.

Семейные приветы и поцелуи!

Б. Е.

Без конверта.

¹ См. п. 1.

² См. об этом прим. 20 к п. 1.

³ О каком письме идет речь — не установлено. Валентина Николаевна Кухарева (в замуж. Кухарева-Пэнь; 1935—2007) — студентка ТГУ 1950-х годов, участница спецсеминара З. Г. В 1959 году вышла замуж за китайского студента Баохуа Пэня, учившегося в Московском авиационном институте. В 1960 году супруги уехали в Пекин, где В. Н. преподавала русский язык. Во время «культурной революции» муж был арестован, провел в заключении девять лет. В 1967 году В. Н. с сыном удалось вернуться в Крым, позже она сумела вывезти туда и мужа. См. публикацию писем к ней Ю. М. и З. Г.: *Пэн Д.* Драгоценные вести // Вышгород. 2011. № 6. С. 157—163.

⁴ Макогоненко Георгий Пантелеймонович (1912—1986) — литературовед, профессор ЛГУ, зав. кафедрой русской литературы (1965—1982); в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся 19 его писем и открыток за 1968—1982 годы, а также подписанные им официальные письма из ИРЛИ. В библиотеке ученого имеется 16 дарственных надписей Б. Ф., 11 — Ю. М., 5 — З. Г. на книгах, брошюрах и сборниках; см. *Дружинин П. А., Соболев А. Л.* Книги с дарственными надписями в библиотеке Г. П. Макогоненко. М.: Трутень, 2006.

⁵ Адреса для рассылки кафедральных сборников. См. прим. 4 к п. 2.

⁶ Имеются в виду Труды—IX.

⁷ Речь идет о рукописи статьи Б. Ф. «П. В. Анненков — литератор и критик 1840-х—1850-х гг.» для Трудов—XI.

⁸ Калинина Валентина Адамовна — машинистка, перепечатавшая труды Б. Ф.

4

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

12.01.1967; <Ленинград>

Дорогой ЮрМих!

Отправил, наконец, Вам статью¹ — позавчера. Надеюсь, что сегодня она в Ваших руках. Так значит, X том² еще лежит? Извините меня за опоздание. Не понял я из Вашего 1-го письма, какие Вы рец(ензии) сами сделали: только ли те, которые я досылал 30-го дек(абря) или же и те, кот(орые) привез О. Малевич?³

Жаль в обоих случаях; думаю, что мощные рецензии моей досылки стоит вложить в «Горьк(овский) том», особенно бланковую рец(ензию) И. Исакович.⁴

Виделся с Зарой, хотя и мельком — у меня эта неделя сумасшедшая по занятости. Полемическая вставка в статье о Соловьеве пройдет лишь в случае лопухания Николаевой.⁵ Если же только заметит — то дело гиблое. После войны и тем более после востшествия В. Н. Орлова — *conditio sine qua non*⁶ «Биб(лиотека) поэта» — никаких парадоксов, никакой полемики, никакой остроты. Что смогу — сделаю, но при условии продолжительной отставки В. Н., а он на беду может вернуться в любой момент (впрочем, может и проотсутствовать еще с полгода).⁷ Все будет решаться в С(оюзе) С(оветских) П(исателей): если секретариат сможет до мая (т. е. до съезда)⁸ заняться «Биб(лиотекой) поэтой» (sic!) и удовлетворить автономные претензии В. Н. — он сразу вернется, если нет — то междуцарствие продлится, а в Смутное время, как Вам известно, разные дела вершились — и добрые, и худые.

Еще раз перечитал сейчас Ваше 1-е письмо-рецензию на заметку студентов (Грех (sic!) Вам предполагать мою обиду: я обиделся не на письмо, а на предположение о возможной обиде!), и снова считаю, что Вы правы относительно общей горьк(овской)-тын(яновской) оппозиции РАПП'у и относит(ельно) позднего отхода от тынянов(ских) принципов, но несогласие Ваше с основной идеей заметки — скорее полемически-лотмановское, чем объективное (Вам присуща полемичность по натуре). Почему Вы считаете, что 1-я серия по окончании выстроилась в хрон(ологический) ряд?⁹ Ведь принципы издания, суть вступ(ительных) статей *менялись* с годами — и издания 1-ой серии, вышедшие после 1945 г., очень не похожие на предвоенные.

И Тынянов не был врагом хронологии (разве студенты пишут об этом?), а просто здраво мыслил: есть важные ключевые пункты, гнезда, есть литературоведы, занимающиеся этими гнездами, и надо выпускать по гнездам, а не как собр(ание) соч(инений) писателя: т. 1, т. 2, т. 3 и т. д. Конечно, Тынянов мыслил, что в итоге серия выстроится в *единый* ряд, и не его вина, что принципы потом эволюционировали. А Горькому явно хотелось — т. 1, т. 2, т. 3. Почему в «Мал(ой) серии» и началось издание по порядку: ведь вместе с «Виршами» вышли в 1935 г. и оба сборных фольклорных тома¹⁰ и т. д. А почему Вы оспариваете: «„Вирши“ в немалой степени не были „внешними“ для концепции Тынянова»? Разве в заметке было такое слово? Не помню что-то. Конечно, не были внешними! Да и было ли что для Тынянова из изданного при нем внешнее?

Резюме: Обдумав все, я считаю, что главная идея студентов: Горький хотел 1) чистой хронологии, 2) популяризаторства; Тынянов шел другим, научным путем; тогда Г(орький) согласился, видимо, но предложил «М(алую) серию», кот(орая) в хронологическом виде просуществовала лишь до 1936 г., а далее снова пошла по «гнездам», как и «Б(ольшая) серия» — эта идея, новая и интересная, все-таки заслуживает публикации. Статьи сейчас не написать: ни по занятости авторов, ни по их литературовед(ческой) неумелости, ни по архивным возможностям. А добавить оговорки и снять категоричность — мы сможем сами, я получил от авторов санкцию и право.

Представьте, с другой стороны, как важно для авторов ощущение, что их первый труд не пропал даром и опубликован в Васюках, центре шахмат(ной) мысли!¹¹

Расписавшись, я забыл поблагодарить Вас за 2-е письмо с адресами.¹² Но не снимаю других своих вопросов: об отсылке Покусаеву, Жданову, Белкину томов «Уч(еных) зап(исок)».

Вчера случайно познакомился с зав(едующей) архивом Менделеева при ЛГУ¹³ Тамарой Серг(еевной) Кудрявцевой (ее дом(ашний) адрес: Д-65, Мойка, 31, кв. 11, тел. А-1-41-26), фанатиком и энтузиастом, автором рукописного фолианта «Д. И. и Л. Д. Менделеевы в жизни и творч(естве) А. Блока».¹⁴ Ей явно нехватает (sic!) литературовед(ческого) образования (она чистый архивист), но накопила она уйму мат(ериа)ла: скажем, у Блока запись в дневнике о противоречиях между Менделе-

евым и Толстым — и она штудирует всего Менделеева и всего Толстого, находит прямую полемику и т. д. В ЦГАЛИ она прочла дневник Л. Д. М(енделеев)ой, массу новаций оттуда извлекла. Материт В. Орлова за его халтуру, за выбрасывание при публикации дневников и зап(исных) книжек Блока¹⁵ — не «цензурных» отрывков, а просто потому, что они мешают его общей концепции Блок — Люба. (М(жду) прочим, передает из уст сестры Любы, М. Д. М(енделеев)ой, что однажды Люба выгнала вон Орлова из квартиры, и он это ей не может простить).

Короче говоря, я рискнул предложить ей — без Вашей санкции — выступить на Блок(овской) конф(еренции) с докладом, на что она дала согласие.¹⁶ Если это не вразрез с Вашими планами, напишите ей, когда подойдет время. Спрошу еще о ней у Дм(итрия) Евг(еньевича), он, кажется, слушал отрывки ее книги.

В ун(иверсите)те очень противно, сейчас кадры на повестке¹⁷ (после Бурсова¹⁸ и Проппа¹⁹ — кот(орый) теперь проф(ессор)-консультант — бьемся за 2 человек), и такая мышьяная возня вокруг, что ужас.

Единственное спасение — по Ап. Григ(орьеву) и М. Булгакову — думать о больших веках в истории. Да и вехи шатаются.²⁰

Приветы и поцелуи от женщин.

Всего доброго — пишите!!

Ваш Б. Егоров

Зара рассказала о Париже — будет архи-обидно, если не поедете!²¹

Был ли у Вас Краснов? Он, кажется, с Мотылевой договорился.²² Исполать ему.

Без конверта.

¹ См. прим. 8 к п. 3.

² Речь идет о Трудах—XI; см. прим. 1 к п. 2.

³ Малевич Олег Михайлович (1928—2013) — литературовед, богемист; один из ближайших друзей, соавтор Лотмана и Минц; в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся письма, открытки и телеграммы от О. М. Малевича и В. А. Каменской за 1966—1991 годы общим числом 172. Об организации внешних рецензий на «Труды» см. прим. 3 к п. 1.

⁴ Исакович Ирина Владимировна (1917—1999) — заведующая редакцией БП Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» до 1968 года; речь идет о рецензии, написанной на официальном бланке издательства.

⁵ Речь идет о полемике З. Г. с П. А. Громовым; см. об этом прим. 6 к п. 2. Николаева Лилия Андреевна (род. 1931) — литературовед, сотрудница редакции БП; в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся 17 подписанных ею писем и телеграмм от редакции БП за 1966—1974 годы.

⁶ Непременное условие (лат.).

⁷ В. Н. Орлов пытался официально добиться некоторой независимости редакции БП («автономные претензии») от постоянных цензурных вмешательств руководства издательства «Советский писатель» во главе с Н. А. Лесючевским (в выборе печатаемых поэтов и произведений, в трактовках имен, фактов, событий и т. д.). Для психологического воздействия на начальство он на много недель «покидал» пост главного редактора, оформляя себе творческий отпуск; в это время руководить редакцией приходилось Б. Ф. как его официальному заместителю. Добиться изменения своего положения Орлову не удалось. См. подробнее: *Егоров Б. Ф. Из истории «Библиотеки поэта»: Из дневника 1965 и 1967 годов // Егоров Б. Ф. Воспоминания — 2*. СПб., 2013. С. 196—204.

⁸ Имеется в виду заседание Секретариата Союза писателей СССР, которое могло состояться до открытия IV съезда советских писателей (22—27 мая).

⁹ Имеется в виду Первое издание БП (Большая серия), выходявшее в 1933—1953 годах. Здесь Б. Ф. полемизирует с Ю. М. по поводу статьи В. Кривулина и В. Новоселова; см. п. 1.

¹⁰ Первое издание БП (Малая серия), выходявшее в 1935—1947 годах, началось с выпуска в 1935 году трех томов (Русский фольклор: Крестьянская поэзия / Общ. ред. М. Азадовского, ред. и прим. Евг. Гиппиуса (вступ. статья) и Э. Эвальда; Русский фольклор: Эпическая поэзия / Общ. ред. М. Азадовского; вступ. статьи и прим. А. Астаховой и Н. Андреева; Вирши: Силлабическая поэзия...).

¹¹ Ироническая аллюзия на роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». См. также записку З. Г. на клапане конверта письма от Е. М. Тагер (от 9 мая 1962 года), посланную, видимо, Ю. М. во время одного из заседаний Первой Блоковской конференции: «Я про-

сто очень рада конференции! Это очень большое дело. Вот тут-то и я уверовала в мессианскую роль Васюков (они же «Чухонские Афины»)» (цит. по: Письма Ю. М. Лотмана к З. Г. Минц... С. 39).

¹² См. п. 2.

¹³ В настоящее время: отдел «Музей-архив Д. И. Менделеева» Музейного комплекса СПбГУ.

¹⁴ Публикация данной работы Т. С. Кудрявцевой (1911 — после 1973) не состоялась.

¹⁵ См.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7: Автобиография, 1915. Дневники, 1901—1921; Блок А. Записные книжки 1901—1920 / [Общая ред., сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Орлова]. М., 1965.

¹⁶ Вторая Блоковская конференция состоялась в мае 1967 года, Т. С. Кудрявцева в ней не участвовала.

¹⁷ Речь идет о замене вакантных должностей на кафедре ЛГУ.

¹⁸ Бурсов Борис Иванович (1905—1997) — литературовед, сотрудник ИРЛИ, читал спецкурсы в ЛГУ; см. о нем: Лотман Ю. М. Двойной портрет / [Публ. и вступ. статья Т. Д. Кузовкиной] // Лотмановский сборник. 1 / Ред.-сост. Е. В. Пермяков. М., 1994. С. 68—69.

¹⁹ Пропп Владимир Яковлевич (1895—1970) — профессор ЛГУ до 1969 года; в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся 19 его писем и открыток за 1960—1969 годы; см. о нем.: Лотман Ю. М. Двойной портрет. С. 64—67; Егоров Б. Ф. Что я помню о В. Я. Проппе // Неизвестный В. Я. Пропп / Предисловие, сост. А. Н. Мартыновой; подг. текста, комм. А. Н. Мартыновой, Н. А. Прозоровой. СПб., 2002. С. 424—433.

²⁰ По словам Б. Ф., речь идет о значении Пушкина для Ап. Григорьева и явлении Христа для М. Булгакова. Под шатающимися веками подразумеваются марксистско-ленинские основы устройства советского государства.

²¹ Речь идет о несостоявшейся поездке в Париж; см. прим. 7 к п. 2.

²² Возможно, речь идет о литературоведе и критике Тамаре Лазаревне Мотылевой (1910—1992).

5

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

19.01.1967; <Ленинград>

Дорогой ЮрМих,

извините, что не сразу послал Вам (а сегодня) — Гуковского;¹ секундочки не было времени последнюю неделю — откзаменовал что-то около 300 душ; не был эту неделю и в «Биб(лиотеке) поэта», не знаю, удалось ли Заре все сделать?²

А Вы тоже экзаменуете? Как Ваш Париж?³ Неужели лопнет? Вот будет обидно!

Получил благодарности за «Уч(еные) зап(иски)»⁴ от Покусаева⁵ и Жданова.⁶ Было грустно, что узнал таким путем, а не прямо от Вас о посылках им.

Между прочим, 2 дня назад встретил Лихачева⁷ и только было раскрыл рот, как он стал благодарить за «Уч(еные) зап(иски)». Хорошо, что я не начал, и хорошо, что не испортил тома надписью.

Значит, все-таки Вы посылали Лихачеву?!?!

А послали ли Белкину?⁸

Задаю вопросы — и как в вату или на Альфу Центавра...

Очень прошу вклеить 2 вставочки в мою статью об Анненкове. Как X том?⁹

Семейные приветы и поцелуи

Ваш Б. Егоров

Без конверта.

¹ Речь идет о книге: Гуковский Г. А. Изучение литературного произведения в школе: Методологические очерки о методике. М.; Л., 1966.

² Речь идет о подготовке издания: Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы...

³ См. прим. 9 к п. 2.

⁴ Речь идет о Трудах—IX.

⁵ Покусаев Евграф Иванович (1909—1977) — литературовед, профессор Саратовского государственного университета, ученик А. П. Скафтымова; в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся 10 его писем и открыток за 1964—1975 годы.

⁶ Жданов Владимир Викторович (1911—1981) — литературный критик, литературовед, специалист по русской литературе 2-й половины XIX века; один из инициаторов и руководителей издания «Краткой литературной энциклопедии».

⁷ От Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906—1999) в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся 89 писем, открыток и телеграмм за 1956—1984 годы.

⁸ Белкин Абрам Александрович (1907—1970) — литературовед, специалист по русской литературе XIX века; один из создателей и редакторов «Краткой литературной энциклопедии»; в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся подписанные им письма от издательства, начиная с 1962 года.

⁹ Следующий кафедральный том, о подготовке которого идет речь, будет одиннадцатым; статья Б. Ф. Егорова «П. В. Анненков — литератор и критик 1840-х—1850-х гг.» готовилась для этого тома.

6

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

09.02.1967; <Ленинград>

Приветы, ЮрМих!

Отправил Вам два дня назад бандероль с 2-т(омами) дн(евников) Половцева <sic!>¹ Привез эти книги Пугач,² а Петр Андр(еевич),³ кот(орый) тоже был в Питере, не успел подписать — заболел и срочно уехал в Москву. Считаю, что мы переживем без дарственной надписи.

Знает ли Зара, что в «Сиб(ирских) огнях» (1966, № 5) напечатаны «Восп(оминания)» М. А. Сергеева — точь-в-точь тот же текст, что и у нас в VIII томе.⁴ И примечания те же. Бесстыдство или малограмотность. Ведь в «Журн(альной) летописи» данные о публикации в Тарту были где-то в конце 1965 г(ода), следовательно, могли узнать.

Хотя Вы и ненадежный ответчик на вопросы, но мне очень нужно следующее. Насколько я знаю по моим отрывочным сведениям о масонской этике, один из главных их принципов — интенсивная собранность личности; братская связь и взаимопомощь (и просто помощь) не должны разрушать *особность* личности, не должны ее растворять в массе. Так ли в действительности? Далее — я совершенно не представляю, что масоны думали о загробном существовании личности: там она растворится или по-прежнему душа будет концентрированной и особой? Мне это очень нужно в связи с Аполлошкой.⁵

Ответьте хоть раз в сто лет!

Как Ваш Париж?⁶ Желаю Вам поездки!

Семейные приветы и поцелуи!

Б. Е.

Без конверта. Рукою Ю. М. цветными шариковыми ручками раскрашен рисунок на почтовой бумаге, нарисованы виньетка и портрет неизвестного.

¹ Имеется в виду издание: *Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова*: В 2 т. / [Ред., биогр. очерк и комм. проф. П. А. Зайончковского]. М., 1966.

² Пугачев Владимир Владимирович (1923—1998) — историк, профессор Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского до 1968 года, один из ближайших друзей и сподвижников Ю. М.; в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся его письма, открытки и телеграммы общим числом 82 за 1958—1991 годы.

³ Зайончковский Петр Андреевич (1904—1983) — историк, профессор Московского государственного университета; в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся его письма и открытки общим числом 31 за 1971—1982 годы.

⁴ См.: *Сергеев М. А.* Об одном замысле А. М. Горького: Воспоминания // Труды—VIII. С. 201—210.

⁵ Речь идет о подготовке издания: *Григорьев Ал.* Литературная критика / Вступ. статья, сост., подг. текстов, прим. Б. Ф. Егорова. М., 1967.

⁶ Речь идет о несостоявшейся поездке в Париж; см. прим. 7 к п. 2.

7

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

〈09—10.02.1967. Тарту〉

Дорогой БорФед!

Вы напрасно на меня сердитесь за эпистолярную бестолковость. Я не отвечаю Вам потому, что хотел сначала сделать кое-какие вещи, а в письме сообщить, что все готово. Но, видно, не судьба. «Вещи» эти — очередной том «Трудов»,¹ который в след(ующем) виде:

1) Вашу статью² и дополнения к ней я получил, но в том еще не вложил, т. к. тома, по существу, еще нет. Я срочно, начиная с Вашего отъезда, пишу для него статью на тему «Понятие художественного пространства в прозе Гоголя».³ Пишу как каторжный, уже написал стр(аниц) этак 50, но все еще далек от конца. Статья, кажется, удастся. Не знаю, как будет по выполнению, но по проблеме — это один из самых близких к *сущности* вопросов. Писать нет времени, нет душевного сосредоточения и совершенно убивает количество несделанных дел.

2) Редколлегии по «Горьковскому тому»⁴ еще не было — Лаугасте⁵ тянет, и я надеюсь всунуть славянский том на ту же редколлегию (вложу недопечатанный текст своей статьи).

3) С Лихачевым напутали Вы, а не я: он был предупрежден, что Вы ему передадите том, и, благодарив Вас, ожидал, что Вы тут же и вручите. Но Вы (вот Вам наказание за глубокое неверие в мою точность) решили, что я что-то напутал, и не вручили ему ничего.⁶ Сейчас уже вручать не надо — я послал ему том из своих запасов (с Вашей подписью)⁷ через Лену Душечкину.⁸

4) Книги я — большое спасибо — получил:

а) Гуковского⁹

б) Дневники Половцева (sic!). Последнее вызывает у меня некоторое недоумение. Должен ли я за него гроши? Вам? Или это от Петра Андреевича?¹⁰ Разъясните...

5) Присылать ли Вам вызов на Блоковскую конференцию?¹¹

6) Белкину том послан.

Таковы сведения, которые имеет сообщить Вам не погибающий, а уже погибший (с загробным приветиком)

Ю. Лотман

ей-богу, не знаю, какой сегодня день.¹²

P. S. С Парижем,¹³ как говорил Третьяковский:

Смутно в воздухе,

Ужасно в ухе...¹⁴

Адрес: «Ленинград, М-233 пр. Космонавтов 52, корп. 2, кв. 7 Борису Федоровичу Егорову». Адрес отправителя: «Тарту, Кастани 9—7, Ю. Лотман». Штемпель Тарту: 10.02.67. Штемпель Ленинграда: 12.02.67.

¹ Имеются в виду готовящиеся Труды—XI.

² Речь идет о статье Б. Ф. Егорова «П. В. Анненков — литератор и критик 1840-х—1850-х гг.».

³ См.: Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Труды—XI. С. 5—50.

⁴ Имеется в виду подготовка Трудов—XIII.

⁵ Лаугасте Эдуард (1909—1994) — фольклорист, доцент кафедры эстонской литературы и фольклора, с 1967 года декан историко-филологического факультета; будучи председателем факультетской редколлегии, был постоянным оппонентом сотрудников кафедры русской литературы.

⁶ См. п. 5.

⁷ По воспоминаниям Б. Ф., инскрипты на сборниках иногда подписывали друг за друга.

⁸ Душечкина Елена Владимировна (род. 1941) — литературовед, выпускница историко-филологического факультета ТГУ 1966 года, ученица Ю. М., в 1971 году закончила аспирантуру ТГУ; в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся 16 ее писем, открыток и телеграмм за 1964—1967 годы.

⁹ См. прим. 1 к п. 5.

¹⁰ См. прим. 1 к п. 6.

¹¹ Речь идет о Второй Блоковской конференции, которая состоялась 25—27 мая 1967 года.

¹² Аллюзия на «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя.

¹³ См. прим. 9 к п. 2.

¹⁴ Неточная цитата из стихотворения «Описание грозы, бывшая в Гааге» В. К. Третьяковского.

8

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

15.02.1967; Ленинград

Спасибо, дорогой ЮрМих, за известия. Очень рад, что пишете статью, тем более о пространстве Гоголя. (Я завтра начинаю спецкурс о времени в русской поэзии).

Желаю успешных редколлегий. А о Половцеве я уже писал — это подарок П(етра) Андр(еевича) (поблагодарите его) с несостоявшейся подписью.¹

Как же я напутал с Лихачевым, если он благодарил меня за *интересный* том?! Значит, получил?? Опять с ним получилось *дважды*...

А когда Блок(овская) конф(еренция)? В конце IV я абонирован на защиту в Горький;² в начале V — в Борисоглебск на конф(ерен)цию.³ Вызов, конечно, присылайте!

С удовольствием прочитал Вашу статью в 1 № «Воплей».⁴ Напрасно Вы ее ругали — хорошо! Грустно, что Яше⁵ она совершенно враждебна. Он все больше *опаливается*.⁶

Большая просьба: пришлите при случае стихотворения Н. И. Гаген-Торн,⁷ она требует их назад.

Семейные приветы!

Б. Е.

Почтовая карточка. Адрес: «Тарту, Эстония ул. Кастани 9—7 Юрию Мих(айлови)чу Лотману». Адрес отправителя: «Ленинград М-233 пр. Космонавтов 52, корп. 2, кв. 7 Егоров Борис Федорович». Штемпель Ленинграда: 15.02.67. Штемпель Тарту: 16.02.67.

¹ См. об этом п. 6.

² В конце апреля Б. Ф. был оппонентом на защите кандидатской диссертации В. А. Грехнева в Горьковском государственном университете.

³ Всесоюзная конференция «Образ автора в художественной литературе» была организована профессором Б. О. Корманом в Борисоглебском педагогическом институте.

⁴ Речь идет о программной статье: Лотман Ю. М. Литературоведение должно быть научной // Вопросы литературы. 1967. № 1. С. 90—100.

⁵ Вилинкис Яков Семенович (1926—2001) — литературовед, доцент Ленинградского государственного педагогического института, товарищ Б. Ф. с аспирантского времени; по приглашению Б. Ф. был преподавателем кафедры русской литературы ТГУ (1953—1955); в архиве

Ю. М. и З. Г. хранятся его письма, телеграммы и открытки за 1953—1990 годы общим числом 41; см. о нем: *Егоров Б. Ф.* Яша и Яков Семенович // Человек в потоке времени: Профессор Я. С. Билинкис / Под общ. ред. Г. А. Бордовского и В. А. Козырева. СПб., 2003. С. 95—101.

⁶ Обыгрывается фамилия П. В. Палиевского (род. 1932) — литературоведа, официального критика структурализма; см., в частности: *Палиевский П.* О структурализме в литературоведении // Знамя. 1963. № 12. С. 189—198.

⁷ Гаген-Торн Нина Ивановна (1900—1986) — этнограф, поэт, мемуарист, в сталинское время дважды была репрессирована; в тартуских «Трудах» публиковались ее воспоминания о Д. К. Зеленине и Александре Блоке; в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся 84 ее письма и открытки за 1962—1981 годы, а также рукописи ее стихотворений, написанных в лагере, и научных статей.

9

Ю. М. Лотман — Б. Ф. Егорову

23.02.1967; 〈Тарту〉

Дорогой БорФед!

Сегодня была довольно «мирная» редколлегия, которая чуть не стоила мне инфаркта. Наш друг Лаугасте собрал на одно заседание все сборники (XI том «Трудов» — наш не X, кот〈орый〉 лингвистический, а XI-ый, — «Горьковский», монографию Вал〈ерия〉 Ив〈ановича〉,¹ студенческий сб〈орник〉² — всего 40 п〈ечатных〉 л〈истов〉) и устроил спектакль на тему: всю бумагу университета сожрали venelased.³ Не передаю Вам живописных деталей, а только итоги: «Труды» прошли, хотя и с большим хаем. Книгу Вал〈ерия〉 Ив〈ановича〉 влили в «Труды». «Горьковский» отложили до мартовской редколлегии, но одновременно приняли категорическое решение убрать всех варягов. Пришлось воевать за Максимова!⁴ Но все же в «Трудах» отстоял я всех — и Дм〈итрия〉 Евг〈еньевича〉, и Алътмана, и Котрелева, и Мандата.⁵ Не удалось отстоять Чудакову⁶ и Пастернака,⁷ хотя я и лег на пузо! Изъяли железной рукой из студенческого сборника Горбаневскую⁸ и Мейлаха!⁹ В самый разгар драки Аристэ¹⁰ бросил: «да что мы тут спорим — все равно Лотман сходит к ректору и всего добьется!» Так-то... Таковы наши потери. Ужасно неудобно перед Чудаковой, которая и так на нас дуется.¹¹ Но ничего сделать нельзя было. Мози¹² еще квакала, что статья Сергея¹³ не дает ничего нового, а моя и Ваша статьи растянута. Но в общей свалке ее никто не слышал. Валерий Иванович, который был в первый раз (приглашен как автор монографии), — только головой тряс, а я, вспоминая былое, говорил, что все прошло довольно мило. Действительно — «потери наших войск незначительны». Но в этой свалке бороться за Ваших двух мальчиков было невозможно.¹⁴ Я голосовал против решения о механическом удалении всех «варягов», но остался в одиночестве и ничего сделать не смог.

Таковы наши дела...

Теперь о Лихачеве. За что он Вас благодарил — не знаю, но получил он одну книгу, уже после разговора с Вами, dixi.

Париж, кажется, горит («Я жгу Париж», как сказал Бруно Ясенский).¹⁵

Приветы дамам.

Ваш сердечно

Ю. Лотман

P. S. Не собираются ли там Заре заплатить или со мной заключить договорчик?¹⁶ А то, чтой-то скучно стало!

Адрес: «Ленинград, М-233, пр. Космонавтов 52, корп. 2, кв. 7 Борису Федоровичу Егорову». Адрес отправителя: «Тарту, Кастани 9—7, Ю. Лотману». Штемпель Тарту: 25.02.67. Штемпель Ленинграда: 27.02.67.

¹ См.: *Беззубов В. И.* Леонид Андреев и Московский Художественный театр // Труды—XI. С. 122—242; *Беззубов Валерий Иванович (1929—1991)* — литературовед, выпускник историко-филологического факультета ТГУ (1955), ученик Я. С. Билинкиса и З. Г. Минц, преподаватель кафедры русской литературы ТГУ; в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся 18 его писем и открыток за 1959—1984 годы; см. о нем: *Лотман Ю.* Он держался на мысли и на смелости // *Alma Mater.* 1992. № 2 (7). Апрель. С. 2.

² См.: *Русская филология.* [Вып. 2]: Сб. студенческих науч. работ / Ред. З. Г. Минц. Тарту, 1967.

³ *Русские (эст.).*

⁴ *Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904—1987)* — литературовед, профессор ЛГУ, научный руководитель З. Г., один из организаторов Блоковских конференций в ТГУ и инициаторов издания Блоковских сборников; в архиве Ю. М. и З. Г. хранятся 410 его писем, открыток и телеграмм за 1956—1980 годы; см. о нем: *Каменская В. А., Минц З. Г.* Первый блоковский: Диалог-воспоминания // *Блоковский сборник IX: Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Памяти Д. Е. Максимова.* С. 11—21; *Из переписки Д. Е. Максимова с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц / Публ., подг. текста, вступ. заметка и прим. Б. Ф. Егорова // Звезда.* 2004. № 12. С. 110—144; *Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: К 100-летию со дня рождения / Отв. ред. Л. А. Иезуитова, И. С. Приходько; подг. текста М. А. Орловой. М., 2007.*

⁵ Имеются в виду статьи и публикации в Трудах—XI, подготовленные по материалам Второй Блоковской конференции: *Альтман М. С.* Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым (Баку, 1921 г.) (с. 304—325); *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета (с. 326—339); *Мандат Я.* Потерянные письма русских писателей (с. 340—341); *Кузьмина-Караваева Е. Ю.* Встреча с Блоком: К пятидесятилетию со дня смерти / Вступ. статья Д. Е. Максимова, прим. З. Г. Минц (с. 257—278).

⁶ Речь идет о статье М. О. Чудаковой по прочитанному на Второй Блоковской конференции докладу «Блок и Зоценко».

⁷ По всей видимости, имеется в виду сделанная позже публикация З. Г.: *Письма Б. Пастернака Д. Е. Максимова // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века».* Тарту, 1975. С. 11—13. Д. Е. Максимов интересовался судьбой этой публикации и статьи М. Б. Мейлаха, о которой Ю. М. упоминает в следующей фразе, в письме к З. Г. и Ю. М. от 12 декабря 1965 года (см. письмо 12 в издании: *Из переписки Д. Е. Максимова с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц.*)

⁸ *Горбаневская Наталья Евгеньевна (1936—2014)* — поэт, правозащитник. Речь идет о статье, сделанной по материалам ее дипломной работы (ЛГУ, 1964) о романах Ю. Н. Тынянова. См. об этом и контактах Горбаневской с Тарту: *Кузовкина Т. Д.* Один день профессора Ю. М. Лотмана: Памяти Натальи Горбаневской // *Новый мир.* 2015. № 3. С. 140—153.

⁹ Статьи о Данииле Хармсе и А. Введенском удалось опубликовать в другом сборнике: *Александров А., Мейлах М.* Творчество Даниила Хармса // *Материалы XXII научной студенческой конференции: Поэтика, История литературы. Лингвистика / Отв. ред. серии У. М. Сийман; ред. тома А. Б. Рогинский, Г. Г. Суперфин.* Тарту, 1967. С. 101—104; *Александров А., Мейлах М.* Творчество А. Введенского // Там же. С. 105—115. См. об истории публикации: *Мейлах М.* *Oberiutiana tartuensis, или У истоков обэриутоведения:* Тарту, 1965—1967 // *Лотмановский сборник. 4 / Ред. Л. Н. Киселева, Т. Н. Степанищева. М., 2014.* С. 638—640.

¹⁰ *Аристе Пауль* (наст. фамилия Берг; 1905—1990) — эстонский языковед-полиглот, профессор ТГУ с 1949 года, академик АН СССР с 1954 года, заведующий кафедрой финно-угорских языков ТГУ.

¹¹ По словам Б. Ф., М. О. Чудакова, будучи уверена, что в Тарту все возможно, ранее предлагала статью о языке М. Зоценко, где прямо говорила, что тяжелая социально-политическая атмосфера в стране влияла на деформацию стиля писателя. Б. Ф. как ответственный редактор *Трудов—XI* не решился принимать такую статью к печати. М. О. Чудакова в воспоминаниях о Ю. М. и о приездах в Тарту не упоминала о своих обидах (см., в частности: *Вечер воспоминаний 2 марта 2012 г. // Лотмановский сборник. 4.* С. 656—660).

¹² *Мози — Хильда Моосберг (1903—1985)* — профессор, заведующая кафедрой истории СССР ТГУ (1952—1963).

¹³ См.: *Исаков С. Г.* Об отношении передовой русской общественности Тарту конца XIX — нач. XX вв. к «русификации» и особому остзейскому режиму // *Труды—XI.* С. 243—252. *Исаков Сергей Геннадиевич (1931—2013)* — литературовед, выпускник историко-филологического факультета ТГУ (1954), доцент (1967), профессор (1978); в 1980—1992 годах заведующий кафедрой русской литературы.

¹⁴ См. п. 1.

¹⁵ См. об этом прим. 7 п. 2. «Я жгу Париж» (1928) — фантастический роман (ответ на книгу Поля Марана «Я жгу Москву») коммуниста Бруно Ясенского (1901—1938).

¹⁶ По всей видимости, речь идет о выплате З. Г. редакцией БП части гонорара за подготовку издания: *Соловьев Вл.* Стихотворения и шуточные пьесы...; а также о заключении договора с Ю. М. на подготовку издания: «Поэты 1790—1810-х годов».

10

Б. Ф. Егоров — Ю. М. Лотману

27.02.1967; <Ленинград>

Дорогой ЮрМих, когда получите, то уже буду третий день пить Ваше здоровье.¹ Всячески желаю Вам душевного покоя и воли.²

Очень огорчен Бруно Ясенским³ и очень рад за Вашу героическую борьбу с Лангустами⁴ — еще живы курилки с обеих сторон!!!

При случае ответьте:

а) о масонах;⁵

б) о сроке Блок(овской) конф(ерен)ции;

в) сам не знаю — вообще!

Семейные приветы!

Ваш до «Замогильных записок»⁶ Б. Е.

Договорчик⁷ скоро будет!!! Но не раньше IV.

Поздравительная художественная открытка «С днем рождения!». Без конверта.

¹ Аллюзия на один из анекдотов о генерале М. И. Драгомирове.

² Отсылка к стихотворению А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора...» (1834).

³ Намек на сообщение Ю. М. Лотмана о невозможности поездки в Париж.

⁴ Обыгрывание фамилии Э. Лаугасте и сообщения Ю. М. о заседании факультетской редколлегии.

⁵ См. вопрос Б. Ф. в п. 6.

⁶ Обыгрывается название книги В. С. Печерина.

⁷ Речь идет о договоре с Ю. М. на подготовку издания: «Поэты 1790—1810-х годов».

ЗАМЕТКИ

© С. А. Кибальник

О ТЕКСТЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК»*

Роман Достоевского «Игрок» при жизни писателя был опубликован только однажды,¹ а из рукописей его сохранились совсем немногие.² Это обстоятельство как будто бы свидетельствует о том, что серьезных вопросов публикация его текста вызывать не должна. Между тем, как известно, роман был написан в крайне сжатые сроки, и впоследствии у Достоевского не было случая снова вернуться к его тексту. В результате даже вопрос о заглавии романа теперь решается не так уж однозначно: заменив по просьбе издателя первоначальное заглавие «Рулетенбург», Достоевский впоследствии, перечисляя свои сочинения и имея в виду их переиздание, продолжал именовать роман именно так.³ На этом основании некоторые исследователи полагают, что если бы роман был переиздан при жизни писателя, Достоевский вернул бы ему первоначальное заглавие.⁴ Очевидно, что и текст романа, который в академическом Полном собрании сочинений Достоевского перепечатан с издания Ф. Стелловского, как правило, лишь с незначительными изменениями, требует к себе пристального внимания.

В академическом издании (далее сокращенно — ПСС) уже было исправлено несколько существенных опечаток. Выражение

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-83-10034), ИРЛИ РАН. Автор выражает признательность П. Р. Заборову, высказавшему замечания по содержанию статьи.

¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 4 т. Издание и собственность Ф. Стелловского. СПб.: В тип. Ф. Стелловского, 1866. Т. 3. С. 5—63. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Ст., с указанием номера страницы.

² Отрывки наборной рукописи. Копии рукою А. Г. Достоевской с поправками Ф. М. Достоевского (ИРЛИ. Ф. 100. Ед. хр. 29451). См.: Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Ред. В. С. Нецаевой. М., 1957. С. 92, 93.

³ Договор с А. Н. Сниткиной от 19 марта 1874 года // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 379, 546. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы.

⁴ *Достоевский Ф. М.* Записки из подполья. Игрок / Вступ. статья и прим. Б. Н. Тихомирова. СПб., 2011. С. 401.

«адвокаты при условных процессах» с полным основанием было заменено на «адвокаты при уголовных процессах», «занял место у стула» — на «занял место у стола», а «я разбираю деньги» — на «я забирал деньги» (5, 398; здесь и далее курсив мой. — С. К.). Однако в тексте романа есть и другие явные, но до сих пор невыявленные опечатки. Так, фраза второй главы, где речь идет о правилах «джентльменской игры»: «Впрочем, и очень пристально наблюдать опять-таки не следует: опять уже это будет не по-джентльменски, потому что это во всяком случае зрелище не стоит большого и слишком пристального наблюдения» (Ст., 12; 5, 217) — разумеется, должна быть исправлена на: «...это зрелище во всяком случае не стоит большого и слишком пристального наблюдения». Серьезная опечатка обнаруживается также в одной из заключительных и ударных фраз романа: «Неужели я не понимаю, что я сам погибший человек» (Ст., 63; 5, 317). Учитывая, что немногим выше мистер Астлей говорит Алексею Ивановичу: «вы погибший человек» — ее следует печатать: «Неужели я сам не понимаю, что я погибший человек».

Не исключено, что в тексте романа могут быть выявлены и другие увековеченные многочисленными перепечатками романа опечатки. Так, например, возможно, следует поправить фразу «Он даже с Полиной небрежен до грубости; впрочем, с удовольствием участвует в общих прогулках в воксале или в кавалькадах и поездках за город» (Ст., 13 и 5, 220). Поскольку в словосочетании «поездках за город» существительное «город» употреблено в винительном падеже, то аналогичным образом, по-видимому, должно быть оформлено и предыдущее словосочетание: «в общих прогулках в воксал», тем более что только в этом последнем виде слово «прогулка» обретает свой действительный смысл.

Некоторые незначительные опечатки с полным основанием исправлены в академическом издании без оговорок в примечаниях. Так, например, фраза M-lle Blanche о генерале: «Il a du chance» (Ст., 59) — потребовала грамматической конъектуры: «Il a de la chance» (5, 309), а фраза «Барон, узнав, что вы принадлежите к моему дому, объяснился уж со мною в воксале и, признаюсь вам, еще немного и он потребовал бы у меня удовлетво-

рения» (Ст., 22) исправлена на: «...объяснял-ся уж со мною в воксале...» (5, 237). Аналогичным образом фрагмент «запоминаю я тоже, что чаще всех выходили двенадцать средних, к которым я и привязался» (Ст., 50—51; 5, 293) должен быть исправлен на «вспоминаю я тоже...», а фраза «Бабушке выкинули запечатанный в синей бумажке, тяжеловесный сверток с пятидесятью фридрихсдорами...» (Ст., 36; ср.: 5, 264) — на «пятьдесятю фридрихсдорами».

Фраза: «не хочу брать на себя еще нового легкомыслия, то есть прямо потребовать от барона или даже только предложить ему об удовлетворении» (5, 241), в которой в основном (кроме пунктуации) воспроизведен вариант Стелловского (ср.: Ст., 24), — возможно, также требует исправления на «потребовать от барона, или даже только предложить ему, удовлетворения». Тем более, что вариант именно такого управления глагола «требовать» мы находим в романе несколько выше: «еще немного, и он потребовал бы у меня удовлетворения» (5, 237). Впрочем, этот вопрос — точно так же как и обозначенный выше вопрос о выражении «прогулках в вокзал» — нуждается в дальнейшем изучении на основе большего числа примеров из языка Достоевского.

В других случаях следует, напротив, восстановить вариант издания Стелловского: «Генерал иногда осмеливался противоречить, — но скромно, единственно настольно, чтоб (в ПСС «чтобы») не уронить окончательно своей важности» (Ст., 8; ср.: 5, 210), «Минуты чрез в ПСС «через») две, чуть-чуть только я стал ясно соображать, мне ярко представились две мысли...» (Ст., 25; ср.: 5, 244), «может и чрез в ПСС «через») сорок лет вспоминать буду...» (Ст., 45; ср.: 5, 282), «Вечером он появился с нею (в ПСС «с ней») под руку в воксале» (Ст., 27; ср.: 5, 247), «Телеграмму за телеграммою посылали: умерла, аль (в ПСС «али») не умерла?» (Ст., 29; ср.: 5, 251), «...я помнил и сознавал, что иду к ней, сейчас с нею (в ПСС «с ней») сойдуся...» (Ст., 52; ср.: 5, 295), «Они даже вздумали надо мною (в ПСС «надо мной») смеяться...» (Ст., 56; ср.: 5, 304), «стоит пред ним (в ПСС «перед ним») и на него смотрит...» (Ст., 20; ср.: 5, 234), «Извиняться пред баронессою (в ПСС «перед баронессою») и бароном вы не будете» (Ст., 22; ср.: 5, 237). Тем более что варианты Стелловского, в котором представлены языковые формы XIX века, сохранены в ПСС во многих других аналогичных случаях. См., например: «Возвращаясь пред обедом с детьми домой, я встретил целую кавалькаду» (5, 209; ср.: Ст., 7), «...и даже во сне поминутно видел ее пред собою» (5, 214; ср.: Ст., 10), «Между тем я слышал, как чрез соседнюю комнату кто-то прошел к монсиору...» (5, 211; ср.: Ст., 8) «Чрез минуту он был уже визирован» (5, 211; ср.: Ст., 9), «Они все где-то гуляли в парке, и я успел увидеться с нею только за ужином» (5, 218;

ср.: Ст., 12), «Полина Александровна настаивала, чтоб я непременно разделил с нею сегодняшний выигрыш пополам...» (5, 219; ср.: Ст., 12—13), « — Вы смеетесь, что ли, надо мною, — крикнул генерал» (5, 236; ср.: Ст., 21), «Я все-таки был поражен, что она так высказалась, что она удерживает такое право надо мной, что она соглашается на такую власть надо мною» (5, 232; ср.: Ст., 20; в последней фразе по соседству находятся и тот, и другой варианты. — С. К.).

В издании Стелловского слова «mademoiselle», «madame», «monsieur» встречаются как в полной, так и в сокращенной форме («m-lle», «m-me», «m-r»). Так, «Blanche» только в первый раз названа «mademoiselle Blanche» (Ст., 7), а затем зовется по преимуществу «M-lle Blanche» (Ст., 7, 13, 14, 17, 23, 24, 27, 28, 30, 32—34, 37, 39, 41, 42, 62), «m-lle Blanche de Cominges» (27, 30) и «m-lle de Cominges» (Ст., 27, 30, 40, 54), а то и просто «Blanche» (Ст., 41, 42, 48, 55—59). Аналогичным образом ее мать зовется «m-me veuve Cominges» (Ст., 30, 55) и в сходной манере упоминается «M-me Blanchard» (Ст., 50). При этом слова «m-lle», «m-me» безо всякой системы пишутся то с маленькой, то с большой буквы.

Когда в романе заходит речь об Антониде Васильевне, как правило, используется прономинация «бабушка», а почтительные обращения к ней «madame la générale», «Madame la princesse», «Merci, madame...», «Mais, madame...», «Madame, madame...» (Ст., 32, 37, 42) — даются в издании Стелловского, естественно, в полной форме. Это же касается обращений Де-Грие к Полине в письме: «Mademoiselle, писал Де-Грие...», «Надеюсь, mademoiselle...» (Ст., 49), в то время как в третьем лице употребляется сокращенная форма «M-lle Pauline» (Ст., 14), «M-lle Полина» (Ст., 55). Впрочем, когда обращение как таковое не имеет места, используются сокращенные формы: «Лакеи называют его „M-r le comte“, мать M-lle Blanche называется „m-me la comtesse“...» (Ст., 7; пунктуация по: 5, 209). Случаи обращения к M-lle Blanche в романе не представлены, однако когда она сама воображает свое изменившееся общественное положение после того, как выйдет замуж за генерала, то начинает употреблять по отношению к себе уважительные формы, в которые слово «madame» входит по преимуществу в полном виде: «Я буду „Madame la générale“», «„Мне теперь нужно совершенно иначе держать себя“ (...) „M-me la générale de Sago-Sago“, „Madame la générale a quatorze consopnes“...» (Ст., 59). И точно так же, обращаясь к баронессе Вурмельгельм, Алексей Иванович говорит: «Madame la baronne...», «Madame...» (Ст., 20), а Де-Грие упоминает Бланш и ее мать следующим образом: «M-lle Blanche de Cominges... et madame sa mère...» (Ст., 24).

В ПСС все эти слова во всех случаях напечатаны в полной форме: «mademoiselle,

«monsieur», «madame», и этим нивелируется важная особенность текста романа, которая, конечно же, подлежит восстановлению по изданию Стелловского (как и прописная буква при написании всех этих слов, требуемая правилами вежливости во французской письменной речи).

Впрочем, другая особенность этого издания воспроизведена в ПСС совершенно напрасно. По-видимому, из соображений экономии бумаги в нем иногда на целую страницу нет ни одной красной строки (см., например: Ст., 14, 17—19 и 5, 216—217). При этом даже некоторые диалоги идут в подбор с дальнейшим повествованием или размышлением героя-рассказчика, и в ПСС они иногда никак не отделены от них. Например: «Ну, довольно! И не надо! закричал я, странно волнуясь и не понимая, почему вскопилось это мне в мысль! И когда, где, каким образом мистер Астлей мог бы быть выбран Полиною в поверенные?» (Ст., 68; ср.: 5, 246).

Целый ряд фраз романа стилистически выглядят настолько шероховато (прежде всего с точки зрения порядка слов), что, скорее всего, будь у Достоевского возможность спокойно пересмотреть текст, он бы их поправил: «В Париже и на Рейне, даже в Швейцарии, за табльдотами так много полячишек и им сочувствующих французику, что нет возможности вымолвить слова, если вы только русский» (5, 210), «Он объявил мне, что был нынешним летом на Норд-Капе и что *весьма хотелось ему быть* на Нижегородской

ярмарке» (5, 210) и т. п. Все эти случаи, возможно, также требуют вмешательства редактора, однако для того, чтобы убедиться в этом окончательно, необходим анализ под этим углом зрения всего творческого наследия писателя.

В некоторых поправках нуждается не только основной текст, но и опубликованные в ПСС варианты наборной рукописи. Так, например, вариант к строке 3 страницы 318: «и я в один час — изменить! / я и могу в один час воскреснуть из мертвых» (5, 346) — следует поправить на: «и я в один час — изменить! / я и могу в один час воскреснуть из мертвых».⁵

Оставляя в стороне вопросы орфографии и пунктуации, заметим только, что с этой точки зрения многое в издании Стелловского носит бессистемный характер, и некоторые из этих особенностей текста, к сожалению, воспроизведены в ПСС.

Подводя итог нашему небольшому критическому анализу, скажем, что несмотря на высокий текстологический уровень академического издания Достоевского в тридцати томах, разумеется, далеко не все дискуссионные вопросы текстологии романа «Игрок» в нем выявлены, и тем более не все они разрешены удовлетворительным образом. Это дает надежду на то, что в новом академическом издании в этом направлении будет сделан существенный новый шаг.

⁵ ИРЛИ. Ф. 100. Ед. хр. 29451. Л. 129 (рукой А. Г. Достоевской).

© Н. А. Тарасова

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»: ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ)*

Вопрос о роли и характере функционирования французского языка в творчестве Достоевского привлекал внимание исследователей. Отмечены биографические причины интереса писателя к французской теме. Известно, что братья Достоевские имели возможность изучать иностранные языки в юности во время пребывания в пансионах Н. И. Сушарда (Драшусова) и Л. И. Чермака; позднее писатель упоминал на страницах романа

«Преступление и наказание» и в рукописи «Жития великого грешника» француза Манго, бывшего педагогом в пансионе Чермака.¹ Кроме того, первая жена Достоевского М. Д. Исаева «происходила по отцу из ари-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10034), ИРЛИ РАН. Автор выражает признательность П. Р. Заборову, высказавшему замечания по содержанию статьи.

¹ Федоров Г. А. Пансион Л. И. Чермака в 1834—1837 гг. (по новым материалам) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 241—254. См. также: Достоевский А. М. Воспоминания / Вступ. статья, подг. текста и прим. С. В. Белова. СПб., 1992. С. 95—96; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1978. Т. 6. С. 298. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы.

стократического французского рода».² Вместе с тем из воспоминаний современника писателя А. Е. Ризенкампа следует, что Достоевский был «не совершенно тверд во французском разговоре» и при этом критически настроен по отношению к иностранцам.³ Эта тема нашла отражение в «Дневнике писателя» за июль—август 1876 года, где в главах «Русский или французский язык?» и «На каком языке говорить отду отчества?» в духе почвеннических идей речь идет о недопустимости забвения родного языка, который способен «передавать глубочайшие формы духа и мысли европейских языков» (23, 81).

По мнению Т. В. Цивьян, «введение „иностранности“ у Достоевского вполне вписывается в контекст русской модели мира с характерным для нее способом выражения оппозиции *своей/чужой*», в силу чего писатель «никогда не позволяет иностранному языку выступать в качестве равноправного партнера родного, даже когда описывается реальная ситуация такого равноправия. Поэтому он редко пользуется иностранной речью как таковой: чаще создается „образ“ иностранной речи — внутри текста на русском языке или даже с помощью того же самого русского языка».⁴ В романе «Подросток», несмотря на достаточно однотипный языковой материал (от «набора типичных разговорных клише, минимально информативных, но создающих колорит французской речи», до стилистически маркированных конструкций), французский язык многофункционален и используется как художественный прием — для психологической и социальной характеристики персонажей, передачи стилистических нюансов (например, высокого стиля, «органичного для французского языка, но по-русски выглядящего напыщенно»), создания комического эффекта в повествовании.⁵

Отдельная текстологическая проблема, возникающая при обращении к черновикам романа «Подросток», — исследование записей на французском языке. В публикациях рукописей появляются ошибки, объясняющиеся прежде всего трудностями прочтения автографа. Неверно разобранные слова меняют смысл высказывания, и тогда при восста-

новлении авторской записи необходим новый перевод французского текста. Приведем пример из рабочей тетради Достоевского и ее публикаций в серии «Литературное наследство» (далее — *ЛН*) и в академическом Полном собрании сочинений (далее — *ПСС*).

ПСС:

«Непрерывно нужен разговор Ст(арого) Князя с Подростком о Лизе, — разговор, что-нибудь сильно разъясняющий Подростку (т. е. читателю) и то — почему Ст(арый) Князь принял участие в *дотировании* Лизы (*cher enfant, enfin c'est juste*)»⁶ (16, 173).

ЛН:

«Непрерывно нужен разговор ст. князя с подростком о Лизе, — разговор, что-нибудь сильно разъясняющий подростку (т. е. читателю) и то — почему ст. князь принял участие в *дотировании* Лизы (*cher enfant, enfin c'est juste*)».⁷

Рукопись:

«— Непрерывно нужен разговор Ст. Князя с подростком о Лизе, — разговор, что-нибудь сильно разъясняющий подростку (т. е. читателю) и то — почему Ст. Князь принял участие в *дотировании* Лизы. (*Cher enfant, enfin c'est sacré*).»⁸

Буква «s» в выделенном слове принята публикаторами за «j» (начертания букв «s», «j», «t» в почерке Достоевского немного похожи). Ошибочное чтение третьей буквы объяснить трудно: в рукописи отчетливое «с». В публикациях обнаруживаем «s» вместо «с». Буква «g» интерпретирована публикаторами как «t». Кроме того, не замечен ацент *aigu* над конечным «е». Перевод контекста, с учетом предложенных исправлений: «*c'est sacré*» — «это вне обсуждений, это святое». В записи Достоевского данное словосочетание относится к реплике старого князя и содержит объяснение того, почему последний «принял участие в *дотировании* Лизы».

В другом случае часть записи (собственно французский текст) отмечена в *ПСС* как неразобранная (в *ЛН* этот фрагмент на французском языке отсутствует — с. 239): «Точки. Разбирать документы, к Васину спрятать. У Князя продолжается. Сестра поражает. Вдруг странное известие, что ОН женится на падчерице (2 *нрзб.*)» (16, 227).

⁶ Милое дитя, в конце концов, это справедливо (*фр.*).

⁷ Милое дитя, наконец, это правильно (*фр.*). Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи // Лит. наследство. 1965. Т. 77. С. 214. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

⁸ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 12. Л. 190. Милое дитя, в конце концов, это святое (*фр.*). Перевод мой. Здесь и далее подчеркивание мое. — Н. Т.

² Волчек О. Е., Фокин С. Л. Враг мой — язык не мой // Романский коллегим. СПб., 2014. Вып. 6: Памяти И. В. Лукьянец. Французские пассажи Ф. М. Достоевского / Под ред. С. Л. Фокина. С. 12.

³ Там же. С. 11, 14. См. также: Ризенкампф А. Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 182.

⁴ Цивьян Т. В. К структуре иностранной речи у Достоевского (французский язык в «Подростке») // Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. СПб., 2001. С. 15, 17.

⁵ Там же. С. 21—27.

В рукописи:

«Точки.

Разбирать документы, к Васину спрятать. У Князя продолжает —

Сестра поражает. Вдруг странное известие, что ОН женится на падчерице. Billet doux».⁹

Имеется в виду история о предполагавшемся браке Версилова с падчерицей Ахмаковой, рассказанная Подростку Крафтом. В окончательном тексте мотив любовного письма не отражен: сообщается, что «болезненная падчерица Катерины Николаовны, по-видимому, влюбилась в Версилова, или чем-то в нем поразилась, или воспламенилась его речью» и «кончилось тем, что девица объявила вдруг отцу, что желает за Версилова замуж» (13, 57).

Один из набросков о князе Сокольском прочитан исследователями с отступлением от текста первоисточника:

ПСС:

«Мрачный и ипохондрический человек, хотел быть монахом. ? (C'est le mal qui anoblit¹⁰) ?» (16, 241).

ЛН:

«Мрачный и ипохондрический человек, хотел быть монахом. ? (C'est le mal qui anoblit.¹¹) ?» (с. 265).

Рукопись:

«Мрачный и ипохондрический человек, хотел быть монахом.

(C'est le mâle qui anoblit.) ?»¹²

У Достоевского «mâle» («самец», «мужчина»), а не «mal» («зло», «горе», «болезнь») — судя по всему, описка автора, исправленная при публикации рукописи. В окончательном тексте ипохондриком назван Подросток (13, 90), а мотив пошения вериг и монашества связан с Версильовым (13, 175).

При анализе черного автографа (опубликован в ПСС) встречаются другие примеры ошибочных чтений, осложненных пропусками и неразобранными словами в вычеркнутом тексте.

Так, в речи Альфонсины есть фрагмент о Ламберте:

«— Figurez vous M^r que jamais homme ne fut si cruel, [si boche] et¹³ si Bismark que cet être qui regarde une femme comme une saleté de hasard».¹⁴

В вариантах черного автографа в ПСС не указано вычеркнутое выражение — «si

boche» («настолько бош») (17, 104), которое поясняет общий смысл сказанного: «Представьте себе, сударь, что никогда еще ни один мужчина не был столь грубым, [столь бошем], столь Бисмарком, как это существо, которое смотрит на женщину как на какую-то непредсказуемую дрянь». Последняя часть фразы — «saleté de hasard» — переведена в ПСС как «никчемное и грязное» (13, 277). В этом варианте перевода оказывается неучтенным слово «hasard», общий смысл которого передают значения «случайное», «произвольное», «непредсказуемое».

Имя Бисмарка упоминается в романе неоднократно, и если в рассуждениях Ахмаковой оно связано с политикой, с чтением газетной хроники — и в этом видится отголосок авторских интересов к данной теме («Помните, вы смеялись, что я читаю русские газеты, по две газеты в день? (...) я вам давно призналась: я русская и Россию люблю. Вы помните, мы всё с вами читали „факты“, как вы это называли (...)» (13, 207)), то в данном случае вычеркнутый текст указывает на тот общественный стереотип, который сложился в восприятии личности Бисмарка и отражал представление о силе, власти, жесткости его характера.¹⁵ В результате при соотнесении собственного имени (Бисмарк) и нарицательного (немец) возникло обобщение. Достоевский вычеркивает «si boche», в окончательный текст это определение не вошло. Но подобная собирательная оценочная характеристика применена и по отношению к Бьорингу в финальной части романа: «Кричал же Бьоринг на Анну Андреевну, которая вышла было за Князем,¹⁶ он¹⁷ грозил ей и топал [на нее] ногами; одним словом [не с] сказался грубый неистовый (?)¹⁸ немец — солдат [вполне]¹⁹,²⁰ не смотря на весь свой выший свет».²¹

Также отметим неопубликованную запись Достоевского, сделанную на полях черного автографа:

«Я выпучил глаза
prefera...-ble²²
плакала
смеялась
вертелась
играла на фор(тепьяно),
целовала собачку».²³

¹⁵ См.: Подосокорский Н. Н. Идея и образ Бисмарка в творчестве Ф. М. Достоевского // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 85—93.

¹⁶ которая - Князем — вписано.

¹⁷ он — вписано.

¹⁸ неистовый (?) — вписано. Этот вариант правки не опубликован в ПСС (17, 198).

¹⁹ Этот вариант правки не опубликован в ПСС (17, 198).

²⁰ солдат [вполне] — вписано.

²¹ РГБ. Ф. 93. I. 1. 6/21. Л. 149.

²² предпочтительный (фр.)

²³ РГБ. Ф. 93. I. 1. 6/12. Л. 76.

⁹ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 11. Л. 91 об. Любвиная записка (фр.). Перевод мой. — Н. Т.

¹⁰ Стрдание облагораживает (фр.).

¹¹ Болезнь облагораживает (фр.).

¹² РГАЛИ. Ф. 212. 1. 11. Л. 131.

¹³ et — вписано.

¹⁴ РГБ. Ф. 93. I. 1. 6/12. Л. 76.

В окончательном тексте содержание этих набросков отражено в комментарии Подроска на речи Альфонсини: «Может быть, она когда-нибудь была на сцене; она страшно декламировала, вертелась, говорила без умолку, а я уже давно молчал. (...) Она рыдала, но мне казалось, что это только так, для порядка, и что она вовсе не плачет; порой мне чудилось, что она вдруг вся, как скелет, рассыплется; она выговаривала слова каким-то раздавленным, дребезжащим голосом; слово *préférable*, например, она произносила *préféré-able* и на слог *a* словно бляяла как овца» (13, 277—278). В рукописи отсутствуют аксаны во французском слове: типичная черта французских записей Достоевского — отказ от большинства диакритических знаков (эта особенность нередко затрудняет прочтение текста и способствует появлению ошибок в публикациях рукописей).

Не опубликован вариант чернового автографа (отмечен подчеркиванием):

«Mais ce n'est pas loin, M^r, c'est pas loin du tout, ça ne vaut pas la peine de²⁴ il ne fallait pas mettre votre pelisse (на полях: *mettre votre choubà*) c'est ici près M^r!»²⁵

В окончательном тексте этот вариант частично сокращен, но основной смысл сохраняется (13, 278).

В другой части чернового автографа есть непрочитанный набросок: «Dolgorowky, Wallonieff. Le grand dadais (нрзб.) Ne m'approchez pas tous les deux. Je vous flanquer tous les deux. Vous n'avez pas des rouble(s) d'argent?» (17, 111).

В рукописи на месте пометы «нрзб.» запись «T'es le vilain!».²⁶ Полностью текст выглядит так:

«Dolgorowky, Walonieff.

Le grand dadais(.)

T'es le vilain!

Ne m'approchez pas tous le(s) deux. Je²⁷ vous flanquer²⁸ tous les deux. Vous n'avez pas de(s) rouble(s) d'argent».²⁹

В окончательном тексте содержание этих набросков отражено в сцене у Ламберта: «— Ah, le petit vilain! — крикнула она младшему, — ne m'approchez pas, ne me salissez pas, et vous, le grand dadais, je vous flanque à la porte tous les deux, savez-vous cela!» (13,

346).³⁰ В черновом автографе эта запись присутствует, но имеет небольшое дополнение, также не отраженное в вариантах ПСС (выделено подчеркиванием):

«— Ah le petit vilain! крикнула она младшему, ne m'approchez pas (вариант: *touchez pas*), ne me salissez pas! Et vous le grand dadais, je vous flanque à la porte tous les deux, savez vous cela!»³¹

В версильковском описании картины «золотого века» в черновом автографе появляется одно из любимых выражений Достоевского «profession de foi» (исповедание веры — фр.), в данном случае также не опубликованное (приводим контекст):

«Я был деистом, я был, мой милый,³² философск(им)³³ деистом, мой [дру] милый, заключил он вдруг, и я не мог не пометать немножко.³⁴ И вот мое profession de foi.³⁵»³⁶

Кроме пропуска («И вот мое profession de foi») в публикации рукописи есть две лексические ошибки чтения. Выражение «философский деист» появляется и в окончательном тексте (13, 379).

В третьей части романа в диалоге Подроска со старым князем остались неразобранными слова из фразы на французском языке:

«— Tiens! la cruel(l)e casse!³⁷ помнишь en quatre morceaux, le Notre (Dame) de Paris, а тут впрочем, на две части.³⁸ Какой это роман... ну все равно (...).»³⁹

В окончательном тексте этот фрагмент не отражен, но по смыслу он относится к той части диалога, в которой старый князь жалуется Подроску на свой сон:

«Представь, я сейчас сон видел: входит старик с бородой и с образом, с расколотым

³⁰ А, гадкий мальчишка! Не подходите ко мне, вы меня запачкаете, и вы тоже, верзила; а то, знаете, я вас обоих тут же выставлю за дверь! (фр.)

³¹ РГБ. Ф. 93. I. 1. 6/15. Л. 88. А, маленький поганец! Не приближайтесь ко мне (вариант: (не) прикасайтесь ко мне), не пачкайте меня! И вы, верзила, я вас обоих вышвырну за дверь, так и знайте! (фр.). Перевод мой. — Н. Т.

³² Мой милый — вписано.

³³ В ПСС: философом (17, 156).

³⁴ В ПСС: напоследок (17, 156).

²⁴ ça ne vaut pas la peine de — вписано.
²⁵ РГБ. Ф. 93. I. 1. 6/12. Л. 77. Но это недалеко, сударь, это совсем недалеко, не стоит труда, не надо (было) надевать вашу шубу, это совсем рядом, сударь! (фр.). Перевод мой. — Н. Т.

²⁶ РГБ. Ф. 93. I. 1. 6/14. Л. 82 об.

²⁷ В автографе: De — описка.

²⁸ Должно быть: flanque.

²⁹ РГБ. Ф. 93. I. 1. 6/14. Л. 82 об. Долгорукый, Валоньев. Верзила. Ты поганец! Не приближайтесь оба. Обоих вышвырну вон. Нет ли у вас нескольких рублей серебром? (фр.). Перевод мой. — Н. Т.

³⁵ И вот мое — profession de foi — вписано. Указание на вставку, внизу на полях вписано: Я болтаю с тобой, мой милый, с одним с тобой, другому я никому не скажу.

³⁶ РГБ. Ф. 93. I. 1. 6/17. Л. 113 об.

³⁷ В автографе: cassé — описка. В ПСС: нрзб. (17, 195).
³⁸ помнишь — на две части — вписано.
³⁹ РГБ. Ф. 93. I. 1. 6/21. Л. 146. Ах! жестокая потеря! помнишь, в четырех частях, «Собор Парижской Богоматери», а тут, впрочем, на две части. Какой это роман... ну все равно (...) (фр.). Перевод мой. — Н. Т.

надвое образом, и вдруг говорит: „Так расколется жизнь твоя!“

— Ах, Боже мой, вы наверно уже слышали от кого-нибудь, что Версилов разбил вчера образ?

— N'est-ce pas? Слышал, слышал!» (13, 430).

В продолжении этого диалога имеется еще одна неразобранная запись:

«И не лги мне сам,⁴⁰ не лги ничего... [и] [и уже] потому что⁴¹ неужто меня [отвезут] туда повезут?⁴² [Неужто] и знаешь,⁴³ холодной водой? C'est terrible⁴⁴ Послушай, этот же Ипполит-то, этот⁴⁵ хозяин — ведь он⁴⁶ не доктор? зашептал чуть слышно⁴⁷».⁴⁸

Эта реплика передает страх старого князя, думающего, что его собираются отпра-

вить в сумасшедший дом. Тематическое соответствие этим высказываниям есть в окончательном тексте, но без использования французской речи (13, 432).

Для черновой стадии творческого процесса писателя характерны большое количество исправлений в тексте, вычеркивания, вставки, не всегда заверченный характер высказываний. Это те условия, которые влияют на исследовательское прочтение текста в целом и записей на французском языке в частности. Как правило, французский язык появляется преимущественно в речи героев, иногда в авторском повествовании — в набросках сцен и диалогов, а также в записях на полях. Обилие правки, маргинальное расположение заметок, а также индивидуальные особенности письма (неиспользование Достоевским диакритических знаков и иногда не совсем точное написание слов) вызывают проблемы, связанные с прочтением некоторых записей исследователями и соответственно с точным переводом их на русский язык. Необходимы более пристальное внимание к этой теме и дальнейшая работа по уточнению текста и содержания записей Достоевского на французском языке.

40 сам — вписано.

41 [и уже] потому что — вписано.

42 повезут — вписано.

43 и знаешь — вписано.

44 C'est terrible — вписано. Это ужасно (фр.). В ПСС: 2 нрзб. (17, 196).

45 этот же Ипполит-то, этот — вписано.

46 ведь он — вписано.

47 зашептал чуть слышно — вписано.

48 РГБ. Ф. 93. I. 1. 6/21. Л. 146 об.

© С. И. Николаев

ИЗДАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ*

На рубеже XX—XXI веков вышло несколько изданий произведений Симеона Полоцкого (1629—1680), одного из важнейших русских писателей второй половины XVII века. В 1996—2000 годах в трех томах был издан главный поэтический труд Симеона — «Вертоград многоцветный»,¹ в 2013 году появился первый том другого стихотворного сборника — «Рифмологион».² Вышел комментированный каталог библиотеки Симеона.³ Свою лепту в издание произведений Симеона Полоцкого внесла Санкт-Петербургская общественная организация Общества памяти игумении Таисии, переиздавшая в 2010 года две книги Симеона — «Жезл правления» и «Вечеря душевная». В конце 2014 году Общество памяти игумении Таисии выпустило том стихотворений Симеона Полоцкого, написанных на польском языке. Издание представляет интерес не только для историков восточноевропейского барокко — это первое отдельное издание произведений отечественного автора на иностранном языке. Единственный на сегодняшний день опыт издания произведений русских авторов на иностранном языке — антология французских текстов в стихах и прозе русских пи-

сателей XVIII—XIX веков,⁴ поэтому опыт подготовки книги польских стихотворений Симеона Полоцкого будет полезен для дальнейшей работы по изданию многоязычного творчества русских писателей.

Структура книги «Carmina varia» традиционна — вступительная статья, тексты, комментарии и небольшой список литературы. Во вступительной статье «Открывающий врата ученой поэзии» (с. 3—47) Л. У. Звонарева и Д. Л. Марков дают общий очерк жизни и творчества Симеона Полоцкого. Основной акцент в статье сделан на просветительском пафосе творчества Симеона и на тесной связи его поэзии с современной ему политической ситуацией. Последнее представляется излишне модернизированным взглядом и цитаты из «современных отечественных политологов» (с. 38) никак в этом не убеждают. Во вступительной статье много цитат из разнообразных исторических и литературных источников, а также из научной литературы, но нет ни одной ссылки на цитируемые работы. Это, конечно, снижает уровень статьи. Вопросы поэтики в статье вообще не затронуты, не ясно и соотношение поэзии Симеона на польском языке с современной ему польской поэзией.

По своему составу сборник «Carmina varia» следует за изданием «Вирши» Симеона Полоцкого, подготовленным В. К. Былиным и Л. У. Звонаревой.⁵ Сборник «Вирши» гораздо разнообразнее по составу — в него были включены стихотворения разных периодов творчества Симеона и из разных авторских сборников, а включение большого раз-

* Симеон Полоцкий. Carmina varia / Сост., подг. текстов, вступ. статья и комм. Л. У. Звонаревой и Д. Л. Маркова. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2014. 352 с.

¹ См.: Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj / Ed. by Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1996—2000. Vol. 1—3 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Neue Folge / Hrg. von K. Gutschmidt, H.-B. Harder und H. Rothe. Bd 10/ I—III).

² Simeon Polockij. Rifmologion. Eine Sammlung höfisch-zeremonieller Gedichte / Hrg. von Anthony Hippisley, Hans Rothe und Lydia I Sazonova. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2013. Bd 1 (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Neue Folge; Bd 27).

³ См.: Hippisley A., Luk'janova E. Simeon Polockij's Library. A Catalogue. Köln; Weimar; Wien, 2005.

⁴ См.: Русская литература на французском языке: Французские тексты русских писателей XVIII—XIX веков / Вступ. статьи Ю. М. Лотмана и В. Ю. Розенцвейга; биографические очерки и комм. Ю. М. Лотмана; сост. В. Ю. Розенцвейг. Wien, 1994 (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 36).

⁵ См.: Симеон Полоцкий. Вирши / Сост., подг. текстов, вступ. статья и комм. В. К. Былина, Л. У. Звонаревой. Минск, 1990. Сборник «Carmina varia» посвящен, в частности, памяти В. К. Былина (1954—2010) — историка русской силлабической поэзии XVII века.

дела стихотворений на польском языке было как раз новацией в издании памятников восточнославянской поэзии XVII века. В «*Carmina varia*» вошли только стихотворения на польском. Но в него вошли не все стихотворения на польском языке из сборника «Вирши», десяток стихотворений почему-то не был включен, равно как и другие стихотворения Симеона на польском, уже опубликованные в научной печати.⁶ Состав сборника в издании никак не оговорен, не указано даже, каков вообще объем поэтического наследия Симеона на польском языке и что именно не вошло в книгу. И это досадно, поскольку все стихотворения Симеона на польском языке вполне могли бы быть изданы в одном томе.

Стихотворения распределены по трем разделам: «*Carmina varia*» («Песни различные»; 47 стихотворений), «Арифмология» (13 стихотворений), «Исторические поэмы» (2 стихотворения). Комментарии к каждому разделу помещены в книге непосредственно после соответствующего раздела (с. 209—239, 290—302, 336—341), что очень затрудняет поиск нужного комментария.

В сборнике «Вирши» тексты на польском языке были подготовлены небрежно и с большим количеством ошибок, что и было отмечено в рецензии на эту книгу.⁷ Для рецензируемого издания все тексты были вновь сверены с рукописями, а при подготовке текстов составители опирались на принятые в польской текстологии правила публикации старопольских произведений⁸ и кратко изложили принципы передачи текста (с. 344—345). Действительно, тексты в сборнике «*Carmina varia*» подготовлены значительно лучше, чем в сборнике «Вирши», но и в этом издании встречаются очевидные ошибки и недосмотры. Например, издатели пишут, что «соединительный союз 'у' поправлен в стихотворениях Полоцкого на 'i'» (с. 344), но есть строка с написанием «Kore u Dathanie» (с. 242). Не единичны случаи гипо- или гиперметрии, не предусмотренных в силлабическом стихосложении, например, на одной странице есть сразу по два случая гипо- и гиперметрии: в стихотворении, написанном 11-сложником в двух стихах 10 слогов и в двух — 12 (с. 150). И это недосмотр составителей, готовивших тексты.

⁶ См., например: *Marinelli L.* «Akafist Naświetszej Pannie» (1648) — pierwszy utwór Symeona Połockiego // *Ricerche Slavistiche*. 1995. Vol. 42. P. 239—280. Составителям сборника эта публикация была известна (с. 347).

⁷ См.: *Rolland P. A.* [Rec. ad op.] *Simeon Polockij, Virši*, compiled and edited by V. K. Bylinin and L. U. Zvonareva. Minsk: Mastackaja litaratura, 1990 // *The Slavic and East European Journal*. 1993. Vol. 37. N 2. P. 243—245.

⁸ См.: *Zasady wydawania tekstów staropolskich*. Projekt. Wrocław, 1955.

Составителям сборника «*Carmina varia*», к сожалению, остались неизвестны публикации польских стихотворений Симеона Полоцкого, подготовленные украинскими⁹ и польскими исследователями.¹⁰ Сличение одних и тех же стихотворений Симеона, опубликованных Л. У. Звонаревой и Д. Л. Марковым и польскими исследователями Б. Козак и Л. А. Янковской, показывает, что в большинстве случаев в публикациях Козак и Янковской даны более точные и осмысленные чтения, таких примеров много.¹¹ Это относится и к протению отдельных слов, слитному/раздельному написанию, пунктуации и т. д., в том числе и к последовательному применению правил передачи текста, хотя и безупречными эти публикации назвать нельзя.

⁹ См.: *Roksoleński Parnas: Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku. Część II: Antologia / Wybrał i opracował R. Radyszewskij*. Kraków, 1998. S. 231—245.

¹⁰ См.: *Kozak B., Jankowska L.* 1) «Wzgarda godności y czci pragnienie» — zapomniane «kazanie rymowane» z wczesnej poezji Samuela Piotrowskiego-Sitnianowicza — Symeona z Połocka // *Barok*. 1998. № 10. S. 195—212; 2) Тема Страстей Христовых в ранней поэзии Симеона Полоцкого // *W kregu literatury rosyjskiej II / Pod red. T. Bogdanowicza*. Gdańsk, 1999. S. 9—27; *Kozak B.* «Arytmologie polskie Symeona z Połocka // *Opuscula Polonica et Russica*. Warszawa; Łódź, 1999. № 4. S. 12—28. Этим авторам принадлежат и исследования, посвященные поэзии Симеона, см.: *Jankowska L. A., Szczeniak K.* *Właściwości językowo-stylistyczne wczesnej poezji Symeona z Połocka (deklamacja «Wiersze o Męce Pańskiej w cerkwi mówione») // Czterechstulecie unii brzeskiej. Zagadnienia języka religijnego*. Lublin, 1998. S. 71—81; *Kozak B.* 1) *Akatysty polskie Symeona z Połocka // Acta Polono-Ruthenica*. Olsztyn, 2004. T. 9. S. 7—19; 2) *Droga ku wzajemności. Materiały X Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Grodno — Mir, 24—25 października 2002)*. Grodno, 2004. S. 187—192; 3) *Poezja na usługach władzy — wczesna panegiryczna twórczość Symeona z Połocka // Studia Rossica Posnaniensia*. Poznań, 2011. T. 36. S. 123—133; 4) *Poezja pasyjna Symeona z Połocka // Acta Neophilologica*. 2011. T. 13. S. 177—189; 5) *Inspiracje biblijne we wczesnej poezji Symeona z Połocka // Acta Polono-Ruthenica*. Olsztyn, 2010. T. 15. S. 7—17; 6) *Symeon z Połocka — artifex doctus. Uczona poezja burzliwych czasów // Zeszyty naukowe. Wyższa szkoła języków obcych w Świeciu*. Świecie, 2011. S. 64—84; 7) «*Christus jest Aqua*» — metafory chrystologiczne w poezji Symeona z Połocka // *Acta Neophilologica*. 2013. T. 15/2. S. 129—137.

¹¹ При сличении текстов я привлекал и свои собственные выписки (1980 года) из рукописей Симеона Полоцкого.

С сожалением приходится признать, что хотя польские тексты в сборнике «*Carmina varia*» подготовлены лучше, чем в сборнике «Вирши», но все-таки далеко не удовлетворительно.

Правила передачи старопольских текстов, опубликованные в 1955 году, не утратили своей актуальности, но польская текстология не стояла на месте, и в конце XX века появились издательские серии, в которых был воплощен новый подход, учитывающий специфику литературы XVI—XVIII веков и развитие самой текстологии как дисциплины. Это серии «*Biblioteka Pisarzy Staropolskich*» («Библиотека старопольских писателей», с 1995 года вышло 40 томов),¹² «*Biblioteka Pisarzy Polskiego Oświecenia*» («Библиотека писателей польского Просвещения», с 2000 года вышло 11 томов) и «*Biblioteka Dawnej Literatury Popularnej i Okolicznościowej*» («Библиотека старинной массовой и окказиональной литературы», с 2007 года вышло 25 томов).¹³ В каждом томе этих серий тщательно описаны источники текстов, подробно описаны правила транскрипции текстов применительно к издаваемому автору и особенностям его языка, приведен критический аппарат. Вот на эту хорошо зарекомендовавшую себя практику и нужно было ориентироваться составителям сборника «*Carmina varia*». К сожалению, в рецензируемом издании рукописные источники не описаны (названы только шифры рукописей), а критический аппарат вообще отсутствует, т. е. в книге нет ни одного текстологического комментария или примечания, хотя в автографах Симеона Полоцкого есть очевидные описки и авторская правка.

Все стихотворения в сборнике «*Carmina varia*» сопровождаются переводами на русский язык, которые напечатаны *en regard*, что удобно для читателя. В небогатой отечественной практике есть два типа переводов иноязычных стихотворений русских авторов: точный прозаический и художественный стихотворный, у обоих есть свои преимущества. Например, стихотворения на французском языке А. Кантемира переведены прозой,¹⁴ стихотворения на французском и латинском языках В. К. Тредиаковского

стихами перевел на русский М. А. Кузмин,¹⁵ а стихотворения на немецком и французском языках И. И. Хемницера — С. В. Петров.¹⁶ Впрочем, иноязычные произведения русских авторов могут быть опубликованы и без перевода, так поступили составители антологии «Русская литература на французском языке: Французские тексты русских писателей XVIII—XIX веков» (1994). Составители сборника «*Carmina varia*» объединили оба подхода: ко всем стихотворениям дан прозаический перевод, а 19 стихотворений представлены и в стихотворных переводах.

Прозаические переводы В. К. Былинина (для настоящего издания в них внесены исправления) в целом удовлетворительны, переводчик стремился к эквилинеарности и точности. Но избежать погрешностей ему не удалось. Например, в одном стихотворении Симеона 28 строк, а в переводе — 36 (с. 172—175). Иногда перевод излишне следует за порядком слов оригинала: «*Król szwedzki oficerów swych szuka*» — «Король шведский офицеров своих ищет» (с. 328—329; следовало бы более по-русски «Шведский король ищет своих офицеров»). Встречаются просто ошибки, например: «*Usiądź, staruszkę, przy ogniu, lub dymno*» — «Садись, старинишка, к огню, или дымно?» (с. 286—287), между тем *lub* в данном и других случаях вовсе не «или», а «хотя» (еще два раза на этой же странице). В ряде случаев перевод настолько ошибочен, что невозможно понять его природу: «*Dufasz młodości i ślicznej urodzie*» — «Ты веришь молодости, будто красивой воде» (с. 50—51), хотя смысл тут однозначен: «Ты веришь молодости и отменной красоте». Некоторые ошибки перевода объясняются ошибками транскрипции польского оригинала, например, «*Co ptak ugoni, to myśliwiec niesie*» — «Что птица потеряет, то охотник несет» (с. 286—287). Между тем в оригинале стоит *ugoni*, т. е. «поймает», и речь идет о соколиной охоте. Случай таких ошибок не единичны.

С поэтическим переводом 19 стихотворений Симеона Полоцкого дело обстоит даже сложнее. Дело в том, что А. А. Илюшин перевел стихотворения Симеона с польского языка на церковнославянский. Как раз во время подготовки и выхода минского издания «Виршей» Илюшин опубликовал ряд статей, в которых обосновывал правомерность тако-

¹² Подробнее о значении этой серии см. специальный номер журнала «Барокко», посвященный памяти ее основателя проф. Адама Карпинского (1952—2011): *Varok. Historia — Literatura — Sztuka*. 2012. Т. XIX/2 (38).

¹³ См.: *Głazewski J. Rewizja kanonu. O serii «Biblioteka Dawnej Literatury Popularnej i Okolicznościowej»* // *pl.it / rassegna italiana di argomenti polacchi*. 2015. № 6. P. 199—204.

¹⁴ См.: *Кантемир А.* Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 280 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁵ См.: *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. М.; Л., 1963. С. 64—94 (Библиотека поэта. Большая сер.). В этом издании переводы напечатаны сразу после оригиналов, а в издании 1935 года вынесены в отдельный раздел, см.: *Тредиаковский.* Стихотворения. Л., 1935. С. 295—306 (Библиотека поэта).

¹⁶ См.: *Хемницер И. И.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1963. С. 239—262 (Библиотека поэта. Большая сер.).

го перевода.¹⁷ Конечно, ученый имеет право на эксперимент (Илюшин перевел «Божественную комедию» Данте на русский язык силлабическими стихами), но нет уверенности, что эти экспериментальные переводы стойло помещать в сборник «Carmina varia». Ряд стихотворений Симеона известен в двух авторских языковых версиях — на польском и на церковнославянском. Называть церковнославянскую версию автопереводом, как это делает Илюшин, принципиально неверно, это искажает полилингвистическую поэтику эпохи восточнославянского барокко. Илюшин, однако, пошел далее и даже предлагал «подправить» эти стихотворения и печатать их в таком виде в качестве перевода.¹⁸ По счастью, составители сборника «Carmina varia» на это не пошли. Однако опубликовать в комментариях эти авторские версии на церковнославянском языке было нужно — это наглядно показало бы сходства и различия разных, но родственных поэтик. Например, в комментарии к стихотворению «Modlitwa w

utrapieniu» (с. 192) сказано о существовании церковнославянской версии этого стихотворения «Молитва в скорби сущаго и клевету терпящаго» (с. 234),¹⁹ но его текст почему-то не приведен, а из замечания «с незначительными отступлениями от ее первоначального польскоязычного варианта» явствует, что составители сборника не в полной мере осознают сложную полилингвистическую поэтику эпохи барокко.

Обзор сборника стихотворений Симеона Полоцкого «Carmina varia» оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, можно только приветствовать издание отдельного тома польских стихотворений крупнейшего русского поэта второй половины XVII века. Это дает исследователям русской силлабической поэзии много материала для размышлений и сопоставлений, наглядно показывает школу и подготовку Симеона, его тесную связь с польской литературной традицией. Но, с другой стороны, уровень тома с точки зрения текстологической и филологической подготовки приходится признать не соответствующим современным требованиям, не говоря уже о библиографической небрежности и опечатках.²⁰ Это сильно портит впечатление от издания нужной и все-таки полезной книги.

¹⁷ См.: Илюшин А. А. 1) С польского на славяно-русский: (К проблеме перевода «Carminum variorum» Симеона Полоцкого) // Советское славяноведение. 1990. № 1. С. 89—95; 2) Проблема перевода польских стихов Симеона Полоцкого // Сопоставительное литературоведение: подходы, критерии, опыт. Витебск, 1990. С. 25—31; 3) Ранние стихи Симеона Полоцкого: (заметки переводчика с польского на церковнославянский) // Studia polonica: К 60-летию В. А. Хорева. М., 1992. С. 175—192.

¹⁸ См., например: Илюшин А. А. С польского на славяно-русский. С. 94—95.

¹⁹ Церковнославянский текст см. в кн.: *Simeon Polockij*. Vertograd mnogocvětnyj. Vol. 2. P. 361—362.

²⁰ Даже мирская фамилия Симеона во вступительной статье может выглядеть и как «Петровский-Ситнянович» (с. 3), и как «Петровский-Ситнянович» (с. 14; это написание правильное).

© А. О. Дёмин

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ДЕРЖАВИНСКОГО МУЗЕЯ*

Сборник научных статей «Г. Р. Державин и его время» (выпуск 11) продолжает серию публикаций, предпринятых Музеем Г. Р. Державина и словесности его времени в 2004 году, вскоре после открытия. Традиционно работы, представленные в сборнике, проходят предварительную апробацию на ежегодных «Державинских чтениях», основывающихся большей частью на архивных документах и редких изданиях и позволяют по-новому взглянуть на хорошо известные факты. Тематика публикаций выходит за ис-

торико-литературные рамки и касается истории повседневности, быта, экономических отношений, истории искусств в связи с жизнью и творчеством поэта.

Сборник открывается обзорной статьей А. А. Замостьянова «„Чрез звуки лиры и трубы...“ (из истории дружбы Державина и Суворова)», где дан краткий очерк живого творческого диалога поэта и полководца: как Державина занимали ратные подвиги фельд-маршала, так и Суворов пристально следил за поэтическим отражением своих побед в громогласных стихах своего приятеля.

И. Ю. Фоменко представляет материалы о творчестве Державина в фонде Воронцовых в РГАДА, обнаруженные в ходе подготовки «Сводного каталога русской книги

* Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей / Ред. коллегия: С. М. Некрасов, Р. М. Иезуитова, Н. П. Морозова (отв. ред.). СПб., 2016. Вып. 11. 119 с.

1801—1825». В фонде Воронцовых хранится множество автографов и списков литературных произведений, а также редкие печатные издания XVIII—XIX веков. Имеются там и неучтенные «Сводным каталогом русской книги гражданской печати XVIII века» экземпляры прижизненных изданий стихотворений Державина с дарственными надписями А. Р. Воронцову и изданий начала XIX века, к подготовке которых Державин имел непосредственное отношение.

Е. В. Бондарко в статье «Влиятельнейший „библиотекарь“ Д. А. Державиной» публикует записки Л. В. Дубельта к вдове поэта, датируемые 1835 годом и хранящиеся в РО ИРЛИ. Дубельта связывало с Державиной свойство через родственников Н. А. Львова, по ее просьбе он подбирал книги для ее библиотеки. Записки отразили не только теплые родственные отношения Д. А. Державиной с главой тайной полиции Николая I, но и ее литературные интересы: все четыре записки посвящены приобретению французского издания записок супруги наполеоновского генерала Ж. А. Жюно Лауры герцогини д'Абрантес (1784—1838), публиковавшихся в 1831—1835 годах.

Наибольший интерес представляет статья С. Д. Дзюбанова «„Зачали уже описывать дома и деревни...“» (о финансовых проблемах Г. Р. Державина). Анализируя архивные материалы, автор показывает, что на протяжении жизни и особенно в начале XIX века Державин, не имевший деловой хватки, постоянно испытывал финансовые затруднения и что вопреки устоявшемуся мнению о счастливой и безбедной «жизни Званской» именно в последние свои годы поэт испытал сильнейшее финансовое потрясение, которое ему не суждено было пережить. В надежде на прибыли он отдал в залог крупному винному откупщику Д. А. Зубову часть собственного имущества, недвижимость жены, а также переданное ему в опекуновское управление имение графини А. А. Матюшкиной, завещанное несовершеннолетним графам Виельгорским. Неудачная винная торговля в 1807—1815 годах разорила Зубова, а вместе с ним и Державина. Обращением на высочайшее имя весной 1816 года поэту уда-

лось спасти от описи только имение Матюшкиной, а его собственная недвижимость подлежала конфискации в оплату недоимок по винному откупу Зубова. Денежные неурядицы остановили печатание сочинений Державина, удручали его и тем влияли на его самочувствие. 8 июля 1816 года Московское губернское управление распорядилось наложить запрещение на его имение вплоть до окончательного расчета по винному откупу. Следующим шагом должно было стать выставление имущества на торги. По всей вероятности, Державин знал о готовящихся шагах, что ускорило его кончину в тот же день. Вдове поэта Дарье Алексеевне пришлось еще восемнадцать лет бороться за имущество, попавшее под запрещение, а также за взыскание с Зубова неустойки и процентов по договору залога.

Раздел научных работ завершает составленная Н. П. Морозовой по печатным и архивным источникам хроника 1815 года в жизни Державина.

Сборник включает также справочную часть, содержащую список основных мероприятий, посвященных Державину в Год литературы (2015) в разных городах и областях России, а также публикацию школьного сочинения ученицы 4-го класса школы № 338 Санкт-Петербурга А. Бушуевой, удостоенного диплома Всероссийского конкурса «Мое знакомство с Державиным».

Издание украшает цветная вкладка с портретами А. В. Суворова и Л. В. Дубельта из фондов Всероссийского музея А. С. Пушкина. Если портрет Дубельта работы А. В. Тыранова (1839) известен, то портрет Суворова маслом неизвестного художника середины XIX века, поступивший в коллекцию в 2014 году, публикуется впервые. Также на цветной вкладке можно увидеть фотографии изданий и рукописей произведений Державина из фонда Воронцовых в РГАДА.

Завершается книга указателем статей, опубликованных в сборниках «Г. Р. Державин и его время» (СПб., 2004—2015. Вып. 1—10) и «„Беседа любителей русского слова“: 200 лет» (СПб., 2013), а также в сборниках «Державинские чтения» (СПб., 1997, 2007. Вып. 1—2).

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО БЛИЗКОМУ ПРОШЛОМУ*

Революция в России стала одним из ключевых событий истории XX века, определивших ход вещей по меньшей мере на целое столетие. Несомненно и ее влияние на мировую культуру и литературу, в первую очередь, русскую. Пристальное внимание к этой теме было неотъемлемой частью как отечественной, так и зарубежной историографии прошлого века. В настоящее время специалистам самых разных областей гуманитарного знания совершенно очевидно, что без кропотливого исследования всех перипетий революционного времени невозможно написание не только полномасштабной истории XX века, но и академической истории русской литературы как фундаментальной основы русской культуры названного периода.

Летом 1997 года издательство «Арнольд» (Лондон — Сидней — Окленд) выпустило в свет «Критический словарь Русской революции: 1914—1921» («Critical Companion to the Russian Revolution 1914—1921») на английском языке, осенью книга была опубликована в США издательством Индианского университета. В 2001 году словарь был вновь переиздан как в Великобритании, так и в США. Русское же издание книги по не зависящим от его авторов причинам увидело свет лишь в 2014 году. Но при этом русский вариант был исправлен и уточнен, в нем появились новые статьи — «Старобрядцы и христианские секты» Хэзер Кольман и «Голод 1921 года» Дэвида Энгермана.

Идея книги родилась благодаря сотрудничеству российских и иностранных историков в рамках проводившихся с 1990 года в Санкт-Петербурге международных коллоквиумов. Их организаторы и участники составили ядро авторского коллектива, объединившего 48 исследователей из Азии, Америки и Европы.

Создание условий для плодотворной работы подобного оркестра представителей разных научных школ потребовало не только недюжинных организаторских и редакторских способностей, но и глубокого знания историографической ситуации. Чтобы сориентировать читателя в этой разноголосице мнений и взглядов, было написано обстоятельное введение из двух статей («Революция и ее историки: „Критический словарь” в контексте» Эдварда Актона и «Интерпретируя русскую революцию» Уильяма Розенберга), дающее срез представлений историков различ-

ных традиций в их эволюции. Анализ всего многообразия точек зрения на революцию и predetermined критический подход авторов статей.

Английское слово «companion», помимо значения «словарь, справочник», имеет также значение «спутник, компаньон, попугайчик». В руки читателя, таким образом, попадает своего рода путеводитель по миру событий русской революции и Гражданской войны. Хронологические рамки словаря охватывают 1914—1921 годы, что подчеркивает значение Первой мировой войны как катализатора революционного взрыва.¹ Структурно словарь делится на несколько тематических блоков: «Революция как событие», «Исторические деятели и вопрос их роли в событиях», «Партии, движения, идеологии», «История ведомств и культура учреждений», «Социальные группы и вопросы общественного сознания и культуры», «Экономика и проблемы повседневной жизни», «Национальные движения и областничество». 67 статей с достаточной полнотой освещают ход революции и Гражданской войны, а также политическую, социально-экономическую и культурную жизнь общества в этот период. К каждой статье прилагается небольшой библиографический список рекомендуемой литературы. Среди представленных здесь работ не хватает разве что статьи о политическом масонстве, вопрос о роли которого в революционных событиях так или иначе продолжает оставаться в фокусе общественного внимания. Некоторое удивление может вызвать также отсутствие статьи об И. В. Сталине в разделе, посвященном историческим персонажам, но, с одной стороны, это компенсируется большим количеством информации о его деятельности в годы революции и Гражданской войны в других статьях, которую легко обнаружить при помощи прекрасно составленного именного указателя, а с другой — отражает позицию авторов относительно реального вклада будущего «вождя всех народов» в революционные события.

Для историков русской литературы и культуры особый интерес представляют статьи «Интеллигенция» Джейн Бурбанк, «Культурная политика большевиков» Кристофера Рида и «Эмиграция» Роберта Уильямса. В статье Бурбанк поднимаются вопросы об эволюции отношения интеллигенции к революции и ее роли в национальном катаклиз-

* Актон Э., Розенберг У.-Г., Черняев В. Ю. Критический словарь Русской революции: 1914—1921. СПб.: Нестор-История, 2014. 768 с. Рецензия выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-31-01267.

¹ Ее влияние на последующие события раскрывается в статье Доминика Ливена «Россия, Европа и Первая мировая война» (с. 52—59).

ме. При этом исследовательница уделяет внимание не только событиям 1917 года и Гражданской войны, но и рассматривает сборники «Вехи» и «Смена вех», а также феномен евразийства. Оригинальность авторского подхода проявляется в особом внимании к работе правого эсера и одного из соредкторов журнала «Современные записки» М. В. Вишняка «Советский режим» 1920 года, а также к эволюции взглядов Н. А. Бердяева, П. А. Кропоткина, П. Н. Милюкова и П. Б. Струве на интеллигенцию. Кристофер Рид в своей статье анализирует взгляды большевиков на функции и задачи культуры и проистекавшие отсюда политические меры, влиявшие в том числе и на литературный процесс. Роберт Уильямс пишет о культурной жизни русской эмиграции как о продолжении традиций Серебряного века.

Среди участников и современников революционных событий, имена которых можно встретить на страницах словаря, — А. А. Блок, М. А. Булгаков, И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, А. М. Горький, С. А. Есенин, В. Г. Короленко, В. В. Маяковского, Д. С. Мережковский, М. А. Осоргин, Б. Л. Пастернак, А. Н. Толстой, В. В. Хлебников, М. И. Цветаева, И. С. Шмелев и многие другие русские писатели. В именном указателе содержится не только общая информация обо всех этих литераторах, но прежде всего раскрываются обстоятельства их участия в русском революционном (или контрреволюционном) процессе. Так, например, сюда включены сведения как о работе Андрея Белого в качестве заведующего секцией Театрального отдела Наркомата просвещения, так и о его деятельности в эмиграции в 1921—1923 годах, или о редактировании А. И. Куприным белогвардейской газеты «Приневский край» осенью 1919 года. Из «Критического словаря...» можно узнать и об оценке политических реалий 1917 года литературоведом С. А. Венгеровым,² и о юношеском увлечении пушкиниста Д. Д. Благого идеями мистического анархизма.

Любая научная работа, тем более столь трудоемкая, не застрахована от мелких ошибок и неточностей. Однако в глаза автору настоящей рецензии бросилась лишь одна досадная оплошность, на которую следует указать читателю, в статье Роберта Сервиса о

партии большевиков. На с. 257 утверждает, что мятеж чехословацкого корпуса произошёл позднее, чем выступление левых эсеров против большевиков в июле 1918 года, а в действительности это случилось в мае 1918 года. Вместе с тем указанная неточность отнюдь не обесценивает ни саму статью, ни тем более издание в целом.

К сожалению, шести членам авторского коллектива не было суждено увидеть вышедшим в свет русское издание словаря, к моменту же написания этой рецензии ушел из жизни еще один из авторов — профессор, доктор исторических наук Сергей Викторович Яров. Новые поколения историков дадут свои оценки событиям столетней давности.³ Тем более что, по справедливому замечанию В. Ю. Черняева в предисловии к «Критическому словарю...»: «Революция 1917 г. все еще близкое прошлое» (с. 20). А сам словарь останется своего рода историографическим памятником изучению революции в XX веке и взаимодействию между историками, которые пытались осмыслить произошедшее в России по разные стороны «железного занавеса» и получили в конце XX — начале XXI века возможность сверить свои оценки.

² С. А. Венгеров в 1917 году был товарищем председателя Совета новообразованного общества Дома-музея памяти борцов за свободу в России (см.: *Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М., 1983. С. 362).

³ 9—11 июня 2016 года в Европейском университете (Санкт-Петербург) состоялись заседания международного коллоквиума «Эпоха войн и революций (1914—1922)», организованного совместно с Санкт-Петербургским Институтом истории РАН, Южным методистским университетом (США), Северо-Западным отделением Научного совета РАН «История социальных движений, войн и революций» при поддержке ФГУП «Гознак». В работе коллоквиума приняли участие многие из авторов «Критического словаря» (в том числе Уильям Розенберг и В. Ю. Черняев), а также представители более молодого поколения историков. В 2017 году планируется издание сборника материалов этого коллоквиума.

© О. Р. Демидова

МНОГОЛИКИЙ ЮРИЙ АННЕНКОВ*

За последние три десятилетия наследие Юрия Павловича Анненкова (псевд. Ю. Темирязов, А. Шарый; 1889—1974) неоднократно становилось предметом изучения российских и зарубежных историков литературы, изобразительного искусства, театра, кино. В результате сложился солидный корпус исследований, посвященных различным граням его творчества. Однако ни в одном из них не рассматривается все многообразие творчества Анненкова — живописца, портретиста, карикатуриста, сотрудника литературных и художественных журналов, художника театра и кино, публициста, прозаика и мемуариста. Книга известного польского анненковед Ирины Обуховой-Зелинской, председателя Общества друзей Юрия Анненкова и главного редактора бюллетеня «Вопросы анненковедения», восполняет этот пробел, представляя весь спектр его творческой деятельности как в России, так и за рубежом.

Здесь собраны тридцать из пятидесяти посвященных Анненкову статей, написанных и опубликованных автором в 2000—2010-х годах (их полный список см. на с. 5—10). Для этого издания все они были переработаны и дополнены в результате новых архивных изысканий.

Структура сборника подчинена авторской логике повествования, выстраиваемого как протяженный во времени рассказ о главном герое, который разворачивается с опорой на жизненные обстоятельства, формирующие особенности личности, с одной стороны, и специфику мировидения, лежащую в основании художественной деятельности, с другой. Статьи сгруппированы в три больших раздела: «Вместо биографии», «Люди и портреты», «Мастерство», задающих предлагаемый исследовательницей порядок изложения и анализа обширного фактологического материала.

Первый раздел составили работы, посвященные истории семьи Анненковых («Анненковы», с. 13—19), а также основным периодам жизни художника: петербургскому/петроградскому («Петербург-Петроград в жизни и творчестве Юрия Анненкова», с. 19—30), доэмигрантскому («Монпарнас 1911—1913», с. 30—48) и эмигрантскому парижскому («50 лет во Франции (1924—1974)», с. 48—61) и итальянскому («Под небом Италии», с. 61—73). Завершает раздел статья «Музы и возлюбленные» (с. 73—78), воссоздающая обстоятельства знакомства Анненкова с монпарнасской натурщицей Ан-

риет Мавье, один из эпизодов которого много лет спустя получил воплощение в фильме Макса Офюльса «Монпарнас, 19», а также историю трех браков художника (с театральными актрисами Еленой Гальпериной и Валентиной Мотылевой, с французской художницей по костюмам Мадлен Ражюссон) и его отношений с французской киноактрисой русского происхождения Натали Наттье (Наташей Беляевой).

Второй раздел содержит очерки о тех деятелях русской культуры, с которыми Анненкова связывали дружеские и профессиональные отношения, впоследствии отразившиеся в его портретном и мемуарном творчестве: Корнее Чуковском (с. 79—85), Александре Блоке (с. 85—93), Анне Ахматовой (с. 93—102), Максиме Горьком (с. 102—110), Владимире Маяковском (с. 110—117), Илье Эренбурге (с. 117—122), Всеволоде Мейерхольде (с. 122—130), Николае Евреинове (с. 130—139), Ольге Глебовой-Судейкиной (с. 139—143), Елене Анненковой (с. 151—160), семье Гржебиных (с. 143—151).

Третий раздел состоит из пяти частей — «Графика и живопись», «Иллюстрации», «Театр», «Кино», «Литература», каждая из которых посвящена одному из основных направлений деятельности Анненкова. По мнению Обуховой-Зелинской, раздел «отражает основные виды искусства, в которых творчество Анненкова оставило значительный след» (с. 4). В первую часть вошли статьи «Коллажная графика» (с. 161—172), «Странный альбом» (с. 172—186) и «Потерянные и обретенные портреты» (с. 189—197). Несмотря на их небольшой объем, представленный здесь тематический спектр весьма широк: от места художественного коллажа в станковой и иллюстративной графике Анненкова и специфики его коллажной техники до истории создания, критического восприятия и репринтов одного из самых известных его альбомов «Портреты» (Пг., 1922), пропавшего живописного портрета Троцкого 1923 года и вышедшей в «Госиздате» в 1926 году с предисловием А. Луначарского папки литографий «Семнадцать портретов». По иронии судьбы, многие из тех советских государственных и военных деятелей, чьи графические изображения были включены в эту папку (Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Л. Каменев, К. Радек, Э. Склянский, А. Енукидзе и др.), вскоре попали в опалу, что определило дальнейшую судьбу как самих портретов, так и папки в целом.

Вторая часть раздела посвящена книжной иллюстрации. Так, в статье «Магия графического образа» (с. 198—206) речь идет об иллюстрациях к поэме Блока «Двенадцать»,

* *Обухова-Зелинская И.* Юрий Анненков на перекрестках XX века / Отв. ред. М. Ю. Гоголин. М.: МИК, 2015. 328 с.

принесших Анненкову всероссийскую известность, а в статье «Мегаполис в иллюстрациях» (с. 206—214) — об иллюстрировании французских литературных текстов, действие которых происходит в пространстве большого города.

В статьях четвертой части — «„Скверный анекдот“ Ф. М. Достоевского в театральных постановках и иллюстрациях» (с. 215—228), «Первый винокур» (с. 228—236), «Русский эмигрантский театр в Париже» (с. 236—245) — детально воссоздается деятельность Анненкова-театрального художника в до- и пореволюционной России и во Франции. Показательно, что внимание исследовательницы сосредоточено не только на истории многочисленных театральных постановок, в которых участвовал Анненков, но и на эволюции его эстетических воззрений в контексте поступательного развития театра в XX веке от позднего реализма к символизму и далее — к конструктивизму.

В следующей части рассматривается деятельность художника во французском и американском кино, при этом названия обеих вошедших в нее статей подчеркнута аллюзивны. Так, название статьи «Одевая кинозвезд» (с. 246—261) отсылает нас к известной мемуарной книге Анненкова «*Ep habillant des vedettes*» (Paris, 1951; рус. пер.: *Анненков Ю. Одевая кинозвезд. М., 2004*), а статьи «Макс Офюльс — творческое сотрудничество» (с. 261—276) — к его книге «Макс Офюльс» («*Max Ofüls*», 1962; рус. пер.: *Анненков Ю. Макс Офюльс. М., 2008*).

Статьи последней части — «Не только о пустяках» (с. 277—293) и «„Дневник моих встреч“ на перекрестках истории» (с. 293—304) — представляют Анненкова-прозаика и мемуариста. Названия этих статей напоминают читателю о двух самых известных в России книгах Анненкова, тексты и история создания которых послужили Обуховой-Зелинской не только фоном для рассуждений, но и источником многочисленных цитатий.

Как и положено научному изданию с упоминанием множества исторических лиц, книга снабжена именным указателем, а также списком иллюстраций. Ее безусловным достоинством является обширный иллюстративный материал, что представляется особенно оправданным ввиду характера профессиональных занятий главного героя. К досадным недостаткам сборника, впрочем, типичным для подобного научного жанра, следует отнести довольно многочисленные повторы, которые неизбежны при соединении под одной обложкой статей разных лет, а кроме того, не всегда очевидную обоснованность сделанных автором при подготовке к переизданию сокращений исходных текстов и смысловые лакуны как их закономерный результат, наконец, спорность ряда полемических утверждений автора. Однако все вышперечисленное не умаляет главного: это книга, которую, соглашаясь с мнением самой Обуховой-Зелинской, «можно считать первой, очень скромной, попыткой системного подхода к изучению жизни и творчества Анненкова в его целостности» (с. 4).

© А. Д. Клименко

«...НЕ ВСЕ УНОСИМО ВЕТРОМ...»

(ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ «ЗВУКОВОЙ АРХИВ»)*

История неофициальной культуры по сей день остается практически неисследованной в отечественной историографии. За последние годы появилось несколько книг, которые внесли значительный вклад в ее изучение. Так, еще в 2003 году увидела свет

энциклопедия «Самиздат Ленинграда»¹ — единственная в своем роде энциклопедия ленинградского неофициального литературного движения. Спустя два года вышла книга Ларисы Скобкиной «Герои ленинградской культуры. 1950—1980-е»,² которая собиралась из фрагментов воспоминаний «знавших и помнящих» (литераторов, художников, фотографов, музыкантов, режиссеров). Стоит упомянуть и коллективный сборник очерков «Петербургская поэзия в лицах»,³ опублико-

* В рамках проекта «Звуковой архив» вышли сборники: Лица петербургской поэзии: 1950—1990-е. Автобиографии. Авторское чтение / Сост., отв. ред. Ю. М. Валиева. СПб.: Искусство России, 2011. 720 с. + 5 CD (сер. «Творческие объединения Ленинграда»); К истории неофициальной культуры и современного зарубежья: 1950—1990-е. Автобиографии. Авторское чтение / Сост., отв. ред., прим. Ю. М. Валиева. СПб.: ООО «Кон-траст», 2015. 600 с. + 3 CD.

¹ Самиздат Ленинграда: 1950-е—1980-е / Сост. В. Долинин, Б. Иванов, Б. Останин, Д. Северюхин. М., 2003.

² Герои ленинградской культуры. 1950—1980-е / Сост. Л. Скобкина. СПб., 2005.

³ Петербургская поэзия в лицах / Сост. Б. Иванов. М., 2011.

ванный в издательстве «Новое литературное обозрение». Однако особое место в ряду этих значимых книг, призванных заполнить лакуны историко-культурного материала, занимают сборники автобиографий деятелей неофициальной культуры 1950—1990-х годов, составленные Ю. М. Валиевой. На сегодня проект «Звуковой архив» представлен двумя книгами, появившимися в серии «Творческие объединения Ленинграда».⁴ Его основная цель — собрать первичный историко-литературный материал, документализировать эпоху. Осуществление этого важного проекта стало возможным благодаря исследовательскому гранту филологического факультета СПбГУ.

Первый выпуск проекта «Звуковой архив» — сборник «Лица петербургской поэзии. 1950—1990-е» — увидел свет в 2011 году под маркой вымышленного издательства ZAMIZDAT.⁵ Второй, «К истории неофициальной культуры и современного зарубежья: 1950—1990-е», вышел в начале 2015 года. Оба издания представляют материалы «Звукового архива» и адресованы как специалистам — литературоведам, филологам, социологам, так и широкому кругу лиц, интересующихся историей отечественной литературы. Тираж сборников предельно мал — 300 экземпляров.

Несмотря на мизерный тираж, выход сборника «Лица петербургской поэзии» не остался незамеченным. В этом же году автор проекта Валиева за составление и редактирование этой книги стала лауреатом премии Андрея Белого. Увидели свет по крайней мере две журнальных рецензии: Ефима Водоноса⁶ и Елены Айзенштейн.⁷

⁴ Первыми в серии вышли книги «Время и Слово. Литературная студия Дворца пионеров» (2006) и «Сумерки „Сайгона“» (2009).

⁵ Как сообщила в частной беседе Ю. Валиева, вымышленная издательская марка ZAMIZDAT была дана до этого книге «Сумерки „Сайгона“», которую ни одно издательство не принимало из-за «неформата» и «маркетинговой непривлекательности». В названии обыгрывалось «самиздат» и «замещение», «замена». Тем самым намекалось на то, что в век гласности и свободы слова при публикации книги, не соответствующей представлению издательства о теме, героях, методах исследования и пр., приходится прибегать к самостоятельному изданию — набору, технической подготовке, верстке, редактированию, оплате типографских услуг, распространению. Она была издана тиражом в 500 экземпляров, и весь тираж разошелся на презентации. Книга «Лица петербургской поэзии...» тоже была издана без финансирования, на что и указывала издательская марка.

⁶ Водонос Е. Запечатленное время // Волга-XXI век. 2012. № 3/4. С. 104—109.

⁷ Айзенштейн Е. «Словесность — родина ваша, и моя...» // Нева. 2012. № 2. См.:

Масштабы проделанной работы поистине поражают (она сопоставима по объему с трудом А. Л. Соболева, подготовившего двухтомник «Летейская библиотека. Биографические очерки»⁸). Издание представляет собой свод бесценного документального материала: в нем собраны автобиографии ленинградских поэтов разных поколений. В орбиту авторского внимания попадает широкий поэтический круг: от Василия Бетаки (1940—1950-е) до Аллы Горбуновой (2000-е). Это жизнеописание поэтов как получивших широкое признание (А. Кушнер, В. Соснора, А. Драгомоценко, В. Кривулин, М. Яснов), так и менее известных (В. Бетаки, Л. Мочалов, Г. Гампер, Н. Голь, В. Шубинский). Из сведенных под одну обложку автобиографий складывается грандиозная картина отечественной культуры минувшего века. Причем состав авторов сборника наглядно демонстрирует размытость границ между официальной и неофициальной литературой.

Автобиографические материалы в большинстве случаев сопровождаются публикацией факсимиле рукописей (как образец почерка и работы поэта с текстом).⁹ К сборнику прилагаются четыре аудиодиска с фонограммами авторского чтения, а также диск с архивными записями 1960—1980-х годов. Судьбы поэтов, их стихи, голоса причудливым образом сливаются, образуя неразрывное единство. Фотоматериалы прекрасно дополняют издание: в оформлении книги использованы фотографии В. Кудрякова из личного архива К. Козырева, а также фотографии из архивов поэтов.

Архитектоника столь объемного сборника проста и понятна. Книга разбита на три раздела: «Автобиографии», «Авторское чтение» и «Звуковой архив». Внутри разделов материал выстраивается по хронологическому принципу, затем — в алфавитном порядке имен авторов.

Первый раздел, в котором представлены автобиографии шестидесяти семи поэтов, наиболее примечательный.¹⁰ Однако нельзя не заметить, что включенный в него материал выходит за пределы хронологических рамок, указанных в заглавии книги, и содержит, помимо всего прочего, жизнеописания поэтов 2000-х годов (П. Барскова, И. Лапин, Д. Суховой, С. Бодрунова, А. Горбунова).

Большая часть автобиографий была написана по просьбе составителя и датируется 2009—2010 годами. Как отмечено во вступительной статье к сборнику, «предваритель-

<http://magazines.russ.ru/neva/2012/12/a24-pr.html> (дата обращения: 30.03.2016).

⁸ Соболев А. Л. Летейская библиотека: Биографические очерки: В 2 т. М., 2013.

⁹ Факсимиле рукописей не даны только в том случае, если автор перешел на компьютерный набор.

¹⁰ В предисловии к изданию допущена ошибка — там речь идет о 64 поэтах.

ное анкетирование не проводилось, однако в переписке с поэтами составителем был обозначен круг вопросов, которые предлагалось осветить в автобиографии». Поэтам необходимо было затронуть следующие важные темы: родители, детские годы, круг чтения, кружки и ЛИТО, в которых состоял автор, первые публикации и выступления, знаменательные встречи и события, литературные соратники. Часть автобиографий создана на основе бесед с составителем (М. Еремин, В. Гаврильчик).

В некоторых случаях вместо автобиографий представлены скомпилированные фрагменты уже изданных произведений. Так, в сборнике опубликованы выдержки из книг А. Наймана «Славный конец бесславных поклонений» (М., 2003) и «Рассказы о Анне Ахматовой» (М., 2002), Д. Бобышева «Я здесь (Человекотекст)» (М., 2003), В. Сосноры «Дом дней» (СПб., 2007), а также отрывки из предисловия Глеба Горбовского «Откуда есть пошел...» к 7-томному собранию сочинений (СПб., 2003. Т. 1).

Ряд материалов, по словам составителя, явно выходит за рамки автобиографии в ее традиционном понимании и весьма разнообразен в жанровом отношении. Ю. Валиева так обозначает их жанр: «автобиографический роман (Д. Бобышев, А. Найман), беллетризованная автобиография (П. Брандт), автобиография-миф (В. Соснора) и даже автобиографическая поэма (В. Мишин)». Однако при всем калейдоскопе способов и форм повествования, встречающихся в книге, все автобиографические материалы объединяет общее ощущение времени. Каждый текст максимально полно отражает автора, его внутренний мир и творческий образ. Яркий пример — строгая, лаконичная по форме, но при этом невероятно емкая и цельная автобиография А. Кушнера. Л. Мочалов в своих заметках, озаглавленных «Ибо каждый восходит на свою Голгофу...», напротив, тклет более широкое полотно, на котором старается запечатлеть историю своей семьи. Он ставит перед собой следующие задачи: «Дать те сведения, которые известны или памяты только мне (...) попытаться взглянуть на свою судьбу литератора так, как я ее понимаю сейчас, в настоящее время, и (...) акцентировать главную тему этой судьбы. Тему, отвечающую традиционному предназначению поэта в России». Весьма оригинальна автобиографическая проза В. Сосноры, действующими лицами которой стали Л. Брик, Д. Бурлюк, Н. Асеев, А. Крученых. Поэт В. Мишин вовсе не следует никаким канонам. Текст его «Автобиографических коллажей», созданный, скорее, по законам прозы, организован как стихотворный. Есть в сборнике и сугубо деловые, максимально информативные жизнеописания (М. Юпп, Н. Голь).

В разделе «Авторское чтение» помещены тексты стихов, звучащих на дисках. Как правило, они приведены не факсимильно,

исключение составляют несколько авторов (например, А. Гордон), для которых важна особая визуальная презентация стиха.

У читателей появляется уникальная возможность познакомиться с авторским прочтением текстов. Значительная часть материалов записана составителем в 2009—2010 годах. В предисловии к сборнику отмечено, что за эти два года в общей сложности было зафиксировано около 200 (!) часов авторского чтения. На диски по каждому автору вошла не вся собранная коллекция, а лишь небольшая ее часть. При отборе аудиоматериала приходилось учитывать не только важность текстов для поэтической системы автора, но и технические характеристики записи. Кроме того, в издание вошел аудиоматериал, предоставленный самими авторами.

Третий раздел сборника «Звуковой архив» содержит тексты с диска № 5. Это фрагменты любительских записей авторского чтения 1960—1980-х годов из частных архивов В. Аронсона, В. Йосельсона, В. Левитина, Н. Симоновского, Н. Тайгиной, В. Ширали. Свои стихи читают известные ленинградские поэты: Л. Аронзон, Г. Горбовский, К. Кузьминский, А. Морев, Н. Рубцов, Б. Тайгин. Самые ранние записи авторского чтения относятся к весне 1962 года. Содержание фонограмм отражено в «Приложении».

Второй выпуск проекта «Звуковой архив», появившийся в 2015 году, органично продолжает и развивает тематику предыдущего издания. Он посвящен деятелям неофициальной культуры и современного русского зарубежья.

Композиционно издание решено схожим образом, что и «Лица петербургской поэзии». Первые три раздела даже названы идентично: «Автобиографии», «Авторское чтение», «Звуковой архив». Четвертый раздел «Материалы по истории неофициальной культуры. Воспоминания и интервью», по сути, содержит дополнительные тексты.

В новом сборнике увеличивается географический охват и расширяются жанровые рамки. Внутри разделов материал выстраивается более прихотливо, чем в первой книге. В разделе «Автобиографии» появились две рубрики: «Ленинград» и «Москва и другие города». Причем автобиографии Александра Есенина-Вольпина (Ленинград — Москва — США) и Наума Коржавина (Ленинград — Москва — США), не вписывающиеся в границы обозначенных рубрик, размещены отдельно, в самом начале сборника. Очевидно, что это вынужденная мера. При формировании раздела «Авторское чтение» составитель использует не только хронологический принцип, но и жанровое деление, что связано с разнообразием произведений, включенных в издание. Авторы читают как стихи, так и прозу.

В сборник вошли автобиографии тридцати авторов, от Александра Есенина-Вольпина, сына Сергея Есенина (1924 г. р.) до Марии Тиматковой (1974 г. р.). В первой рубри-

ке раздела «Автобиографии» представлены жизнеописания восемнадцати ленинградских литераторов 1950—1980-х годов, в числе которых Евгений Рейн, Людмила Штерн, Владимир Гандельсман, Вячеслав Долинин, Татьяна Царькова, Елена Шварц. В рубрике «Москва и другие города» помещены двенадцать автобиографий участников литературной жизни Москвы, Тулы, Ейска, Тамбова, Кишинева: Натальи Горбаневской, Владимира Лазарева, Сергея Сигея и др. Значительная доля текстов создана на основе бесед с Валиевой. В ряде случаев материалы сопровождаются публикацией интервью, иногда вместо автобиографии представлены биографические справки (А. Есенин-Вольпин). Как и в первом выпуске, здесь помещены факсимиле рукописей и фотографии из личных архивов авторов. Большая часть материалов печатается впервые.

На трех аудиодисках содержатся записи авторского чтения всех литераторов, представленных в сборнике. В раздел «Звуковой архив» (компакт-диск № 3) вошли любительские записи 1970—1980-х годов: обэриута Игоря Бахтерева, трансфуристов Анны-Ры Никоновой-Таршис и Сергея Сигея, художника и литератора Анатолия Васильева и героя ленинградского андеграунда, драматурга Георгия Григорьева.

Бесконечно интересен четвертый, заключительный раздел издания, в котором содержатся материалы по истории неофициальной культуры и самиздата, отражающие реалии ушедшего времени, эпохи. Это в основном воспоминания и интервью сторонних наблюдателей — современников авторов сборника. Сюда вошли воспоминания Эдуарда Кондратова (фрагменты из книги «Университетская набережная. Нечто мемуар-

ное»¹¹), Анатолия Васильева (об альманахе «Чертополох»), Николая Благодатова (о художниках-поэтах), Вадима Ваштая (о Германе Григорьеве), а также интервью Валиевой с Владимиром Герасимовым, Натальей Шарымовой, Константином Ивановым, Ярославом Слинным, Михаилом Ивановым, Михаилом Шемякиным и Сергеем Сигитовым. В составе раздела эссе Ирины Цимбал «Замечали — по городу ходит прохожий?», посвященное памяти М. Красильникова. Здесь же опубликован и любопытнейший архивный документ: «Протокол № 7 заседания комитета ВЛКСМ ЛГУ им. А. А. Жданова от 16 дек. 1952 г.» о деле комсомольцев второго курса филологического факультета Ю. Михайлова, Э. Кондратова, М. Красильникова. Завершают раздел интервью иностранных славистов об их знакомстве с русской неофициальной культурой 1970—1980-х годов.

Подводя итоги, стоит отметить, что обе книги, вышедшие в рамках проекта «Звуковой архив», — плод долгого собирательского труда составителя. И важность этого труда сложно переоценить. Валиева создала колоссальный свод автобиографических текстов, насчитывающий в общей сложности 150 авторских листов. Представленные на суд читателей книги ценны самим первозданным материалом. Основным их достоинством, на наш взгляд, является глубина и широта охвата материала, в котором нашла отражение целая эпоха. Остается лишь сожалеть, что тираж сборников предельно мал. Практически сразу после выхода в свет они стали библиографической редкостью.

¹¹ Здесь же помещен цикл фотографий «Прогулка. Ленинград. 1954—1956» (публ. Н. Шарымовой).

ХРОНИКА

XXXVIII НЕКРАСОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1—2 февраля 2016 года состоялась очередная XXXVIII всероссийская Некрасовская конференция, посвященная проблемам исследования творчества и биографии и восприятия Н. А. Некрасова. Научные заседания проходили в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) и Музее-квартире Н. А. Некрасова. Они открылись сообщением А. М. Березкина «Некрасововедение в 2014—2015 году», в котором традиционно были освещены новые научные труды.

Утреннее заседание первого дня конференции было посвящено преимущественно критике и критикам. Три первых доклада связаны с именем В. Г. Белинского: его известным высказыванием о стихах Некрасова, проанализированным в новом научном контексте, судьбой его наследия в середине 1850-х годов и, наконец, художественным осмыслением фигуры и идей Белинского в поэзии Некрасова.

Н. Л. Вершинина (Псков) в докладе «Реплика В. Г. Белинского „И что за топор его талант!“ в аспекте герменевтики» предприняла попытку герменевтического подхода к истолкованию известного высказывания В. Г. Белинского в письме И. С. Тургеневу от 19 февраля 1847 года, в котором метафора «топор» используется применительно к таланту Некрасова. Данная реплика может быть понята как контрапункт взаимодействия разных культурных и бытовых контекстов в их диахронном и синхронном движении, значительно превосходящем пределы традиционной полемики о стихотворениях Некрасова в аспекте «изящества» их поэтической формы («топорная работа»). В докладе доказывается, что в оценке критика присутствуют коннотации, связанные одновременно с фольклором («как топор»; «как топором по шее рубить») и с эстетико-художественным преломлением подобных идиоматических выражений в литературе романтизма (М. Ю. Лермонтов, В. Гюго и т. п.). Метафора «топора» может соотноситься с Некрасовым в плане присущих его поэтике «определенных» интенций, направленных на беспощадное и полное уничтожение отрицаемых явлений («Современная ода», «Нравственный человек» и др.), выступая «орудием Божьего гнева («На головы врагов звала господень гром!» — «Муза», 1852), но может также создавать представление о «невольных жертвах» назначенной ему роли. В то же время в статьях о Пушкине Белинский допускает в метафоре «топора» позитивные смыс-

лы, ведущие к самоутверждению будущей «мощи русского языка», русского стиха, — от Жуковского к Лермонтову, намечая движение к Некрасову. Все вышесказанное позволяет проследить диалектическую связь прошлого, настоящего и будущего в истолкованиях высказывания Белинского как реплики в диалоге сознаний, уясняемом в аспекте герменевтики.

К. Ю. Зубков (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Наследие Белинского и статус критика в полемике 1855 г. между Некрасовым и Ап. Григорьевым». 1855 год — год, когда заканчивается полемика «Современника» с «Молодой редакцией „Москвитянина“» из-за закрытия журнала. Спор длился несколько лет, и Белинский упоминался в нем постоянно. Выражение отношения к Белинскому было особенно сложным для критиков так называемого «мрачного семилетия» в связи с цензурным запретом на упоминание имени Белинского, хотя цитирование его статей и пересказ его теорий были возможны. Наиболее последовательным оппонентом Белинского был Ап. Григорьев. В «Современнике» также начинается переоценка идей Белинского, в частности, в статьях А. В. Дружинина; при этом «Современник» «защищает» Белинского от Ап. Григорьева, нападающего на Белинского более резко, чем хотелось бы критикам «Современника». Но и Ап. Григорьев, несмотря на полемику, находит в Белинском все большее значение и достоинство, вплоть до схождения с собой. Григорьев возражает и И. И. Панаеву, отвечавшему ему в «Заметках и размышлениях Нового поэта», и Н. Г. Чернышевскому: он не принимает суждений Чернышевского о резкой критике Н. А. Полевого против Пушкина, которую Чернышевский находит отчасти справедливой. По мнению Григорьева, «Современник», с одной стороны, воскрешает Белинского, с другой — отказывается от самого ценного в его наследии. Некрасов на страницах «Современника» выступает против этой концепции. Во-первых, он считает, что Григорьев совместно с цензурой уничтожает репутацию и память Белинского, а во-вторых, в эти годы поэт вплотную подходит к формированию художественного образа Белинского (стихотворение «Памяти приятеля», поэма «В. Г. Белинский»). Единственными критиками, которые в эти годы безоговорочно поддерживают память Белинского, являются Некрасов и Чернышевский (даже не Панаев). В начале 1850-х годов литературный критик

воспринимался как фигура достаточно скромная: он должен объяснять публике значение литературных произведений, но в середине 1850-х статус критика понимается как значительно более высокий и даже превосходящий художника. По мысли докладчика, произведения Некрасова, создавшие художественный образ Белинского, если не порождены этой полемикой, то по меньшей мере отразили ее.

Доклад А. М. Березкина (Санкт-Петербург) «В. Г. Белинский в поэзии Некрасова» был посвящен по преимуществу развитию образа Белинского у Некрасова, отраженному в смысловых доминантах его произведений, создававшихся на протяжении долгого времени — в первой половине 1850-х годов («Памяти Белинского» (1851—1853), «В. Г. Белинский» (1855), предположительно «Демону» (1855)) и в 1867—1868 годах («Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“»). В дававшихся ранее обобщенных характеристиках некрасовского образа выдающегося критика видели «идеал нового человека», борющегося «за торжество разума, истины и чести» (А. Н. Грудев), позднее обращалось внимание также на некоторую мифологизацию Белинского в поэзии Некрасова, на использование поэтом «канвы житийной традиции», в которой образ Белинского становится «идеализованным образом общественного деятеля, представителя демократических сил» (М. В. Зеленцова). Обращение к дискурсивному развитию ключевых понятий произведений Некрасова, формировавших художественными средствами духовный образ личности Белинского, дает возможность углубленного понимания мировоззрения самого поэта. В произведениях 1850-х годов понятия «честь» («честно») и «правда» («истина») являются важнейшими в некрасовских характеристиках Белинского. Эпитет же «суровый» («стремленьем к истине суровой горячий труд его дышал») у Некрасова приближается по значению к «мужественный», «требующий мужества» («Памяти Добролюбова», 1864). Сакрализация свободного развития мысли («Святее Правды и Науки не знал он в жизни ничего») придает личности мыслителя цельность («Упорствуя, волнуясь и спеша, ты честно шел к одной высокой цели»). «Служенье Истине святой» требовало решительного освобождения рассудка от «оков предания» («Демону»). В. А. Викторovich, в частности, отмечал важный для Белинского «метод духовных провокаций», вовлекавший собеседника в спор о несостоятельности религиозных и семейно-бытовых устоев. В «Медвежьей охоте» произносится панегирик, обращенный к Белинскому — мыслителю и признанному учителю молодого поколения. У Некрасова именно освободительный пафос увлекал и возвышал читателей и слушателей Белинского. В утверждении «Ты нас гуманно мыслить научил» под «гуманностью мысли» подразумевается со-

пряжение мыслей о природе человека с мыслями о праве народа на общественную жизнь, соответствующую его человеческой природе. В финале этого лирического отступления так же, как и в стихотворении «Памяти Белинского» и поэме «В. Г. Белинский», звучит мотив смерти — но уже не обойденно-го славы одинокого героя («затеряна давно твоя могила»), а той силы, что пыталась оградить «предание» и противостоять «святому недовольству» («...старцам говорит: „Пора в могилы“»). В поэзии Некрасова, обращаясь к образу Белинского, «душа живая» требует свободного движения к Истине и противостоит смерти.

В. А. Викторovich (Коломна) предложил вниманию аудитории доклад «Е. Л. Марков — критик „литературной хандры“». Марков был известным публицистом и романистом, по выражению Е. А. Штакеншнейдер, «любимцем Петербурга», а К. Н. Леонтьев отзывался о его оценке Некрасова как о «превосходной критической статье», которая «по совокупности своих достоинств, по неподражаемой верности своих критических толкований, весьма Некрасову невыгодных, такое же в своем роде совершенство, как статья Белинского о Пушкине». Докладчик обратился к циклу «Критические беседы», часть которого, опубликованная в газете «Голос» в феврале—марте 1878 года, была посвящена поэзии Некрасова, также к ряду других статей, отражающих основные идеи критика. По его наблюдениям, Марков говорит о неумеренности, преувеличениях, раскапывании только язв жизни у Некрасова. Такой поэтический взгляд представляется критику односторонним и правдивым в частностях, но не в художественном целом (в особенности в стихотворении «Так, служба! Сам ты в той войне...»). Психологическую натяжку Марков видит и в лирическом герое стихотворения «Еду ли ночью по улице темной...». Сама оценка Маркова представляется противоречивой: признавая в Некрасове знание народного языка, он относит тем не менее девять десятых его поэзии к риторике и лишь одну десятую — к поэзии. Но в наибольшей степени Марков расходится с Некрасовым в идеологии. Его не устраивает зависимость поэта от неких моральных и политических учений, направленность гражданских мотивов, общий тон поэзии Некрасова: «тоскливая безнадежность, беспредметная хандра, бесплодный цинизм, усталость и равнодушие», тогда как реализм, по мысли автора, есть «спокойствие, мера и правда, которую представляет Лев Толстой». Некрасов, по Маркову, не народен: любить жизнь для народа значит любить себя, у Некрасова же в изображении народа мало светлых сторон. Говоря о любви к себе как основополагающем принципе («лужинский мотив», по выражению В. А. Викторovichа), Марков в этом отношении расходится с мейнстримом литературы. И он полагает, что поклонение наро-

ду в русской литературе есть риторика, потому что в народе не надо искать никакой «общей физиономии». Некрасовское «Он проповедует любовь / Враждебным словом отрицания» противоположно убеждению Маркова, так же как он возражает против тенденции выводить героями художественных произведений исключительно бедных, обездоленных, погибших людей. Докладчик обращает внимание на дату, проставленную критиком в конце статьи: март 1877 года, а в редакции статья была уже в апреле. Он предположил, что Марков писал эту статью под влиянием «Последних песен». Статья была отложена, так как спорить впрямую, печатно с умирающим поэтом он мог считать неудобным. Но «лужинский мотив» продолжает звучать в других его статьях 1879 года («Литературная хандра», «Буржуазные идеалы»). Попытка создать героя буржуа и счастливого человека отразилась в романах Маркова, которые не были приняты критикой; но эта попытка создать альтернативу «литературной хандре» провалилась.

Утреннее заседание завершил доклад М. Ю. Степина (Санкт-Петербург) «Реминисценции „Божественной комедии“ Данте в лирике Некрасова». Тема «Данте в России» достаточно разработана, но обзор научной литературы не выявил наблюдений над обращением Некрасова к художественному произведению мирового значения. Между тем, анализ критических высказываний самого Некрасова, тем более если принять во внимание литературное окружение поэта, указывает, что Некрасов был знаком с прозаическим переложением «Ада», выполненным Ф. Фан-Димом (Е. В. Кологривовой) и поэтическим переводом Д. Е. Мина; вероятно, знал он и первые поэтические переводы фрагментов «Божественной комедии» А. С. Норова, С. П. Шевырева и П. А. Катенина, а также три стихотворения Пушкина, опубликованные после смерти поэта под редакторским названием «Подражания Данте», и труды, посвященные Данте и написанные С. П. Шевыревым и П. Н. Кудрявцевым; о последнем Некрасов хвалебно отзывался в критической статье. Поэт представлял себе архитектонику «Божественной комедии» по научным статьям и, вполне вероятно, по пересказам близких знакомых, владевших иностранными языками (А. В. Дружинина, И. С. Тургенева, В. П. Боткина); был знаком с сюжетом и основной мыслью «Ада» и (предположительно) частично «Чистилища» благодаря русским переводам. В пушкинских стихах он увидел поэтическое освоение мысли Данте о греховном человеческом пути, прилагая к собственному индивидуальному опыту. Для Некрасова в 1840-е годы, по-видимому, этическая мысль поэмы Данте, ее художественный язык могли представлять признанный эталон великого творения, но не питать его поэтическое творчество. Начиная с 1850-х и до самых последних произведений в

лирике Некрасова усиливаются мотивы смерти (физической и метафорической), покаяния, исповедальности. Стихотворение «Выбор», написанное в конце 1867 года, более других насыщено реминисценциями из «Ада». Поэтическая и философская мысль Данте воспринята Некрасовым через систему мотивов и образов, хотя в своем воплощении Некрасов не стремится создать сходную или, напротив, альтернативную модель загробного мира, как не стремится и следовать форме (строфике, размеру). Предложенные докладчиком соображения дополняют сведения о том, как усваивалось в России великое произведение иной культуры и представления об оригинальной поэтике крупнейшего русского поэта, чуткого к чужой мысли и самобытного в своей.

Вечернее заседание преимущественно было посвящено проблемам издательской деятельности Некрасова, творчеству его ближайшего окружения, истории личных и творческих отношений.

В. А. Доманский (Санкт-Петербург) в своем докладе обратился к теме «Некрасов — издатель И. А. Куцевского». Исследователь подробно осветил историю личных и деловых взаимоотношений молодого сибирского писателя с редактором крупнейшего журнала и высказал ряд соображений о художественных достоинствах прозы Куцевского, в частности, о достаточно спрямленной трактовке в литературоведении XX века его знаменитого романа «Николай Негорев, или благополучный россиянин». Далее докладчик рассмотрел конфликт вокруг ненаписанного романа, который Куцевский обещал журналу Некрасова и который стал причиной разрыва Некрасова с писателем. Едва ли роман был уничтожен, как уверял Куцевский. Сохранилось четыре части большого произведения. Две части печатались в 1873 году в газете «Новости», а третья и четвертая части под названием «Сын благородных родителей» в журнале «Слово» в январе 1880 года. По этим главам трудно судить о художественных достоинствах незавершенного романа: вероятно, у Куцевского не сложилось некоей общей концепции. А в 1876 году Куцевский печатал очерки в «Отечественных записках» под псевдонимом Хайдаков. Долгое время авторство Куцевского отрицалось, однако новейшие исследования его подтверждают. По предположению В. А. Доманского, Некрасов мог догадываться о том, кто автор, по ряду подробностей местного и автобиографического характера, перекликающихся с нашумевшим романом Куцевского.

Далее аудитория заслушала доклад О. Б. Кафановой (Санкт-Петербург) «Творчество Жорж Санд в редакторской и издательской деятельности Некрасова». Несмотря на то что Некрасов оставил мало прямых высказываний о романистке, его отношение к ней реконструируется при обращении к фактам жизни литературного сообщества.

В 1840-е годы в кружке В. Г. Белинского создается своего рода культ Жорж Санд благодаря деятельному участию И. И. Панаева, переводившего с французского и знакомявшего критика с ее творчеством. Одновременно в произведениях Некрасова возникает образ недалекого и неглубокого человека, который упоминает имя Жорж Санд, чтобы преподнести себя как человека «новейших веяний». Маркером пошлости в образе такого героя выступает принятие в мещанском обществе осуждение романистки не за творчество, а за внешние атрибуты (сигара, палтоны и т. д.). В первом же номере «Современника» Жорж Санд объявлялась программным автором; то, что ее творчество питает общественную потребность в пересмотре моральных ценностей и современной действительности, подробно раскрывалось в статье А. И. Кронеберга и в ряде статей Белинского. Докладчица также отмечает и участие Некрасова в полемике вокруг «Луcreции Флорентины»: Некрасов ставит Жорж Санд рядом с Шекспиром и Гомером и интересуется ее творчеством на протяжении долгого времени. Не только серьезные рассуждения Белинского и Кронеберга, но и многочисленные мелкие статьи, фельетоны, даже реплики из раздела «Смесь» в «Современнике» подтверждали высокий авторитет французской писательницы. Популярность Жорж Санд способствовала росту интереса к французской литературе. Ее идеи находили отражение в русской беллетристике (повести А. В. Дружинина «Полинья Сакс», А. И. Герцена «Сорока-воровка», А. Я. Панаевой «Безобразный муж» и т. д.) и становились неотъемлемой чертой культурного сознания. Докладчица коснулась истории более поздних публикаций произведений Жорж Санд в России, особо остановившись на автобиографической повести «История моей жизни», частично напечатанной в «Современнике» в переводе, а затем в пересказе Н. Г. Чернышевского (1855—1856) и сейчас готовящейся к изданию.

П. М. Тамаев (Иваново) предложил заседанию стендовый доклад «О некоторых особенностях поэзии Некрасова». Он обратил внимание на драматическое начало, свойственное индивидуальной поэтике и, по его мнению, недооцененное исследователями.

В докладе С. В. Березкиной (Санкт-Петербург) «К вопросу об истории создания фельетона „Как опасно предаваться честолюбивым снам“» был поставлен вопрос о соотношении текста фельетона с иллюстрациями, которые сопровождали публикацию на страницах альманаха «Первое апреля» (1846). Анализ предварялся обзором мнений исследователей, пытавшихся выделить в коллективном фельетоне те главы, которые, наряду с Д. В. Григоровичем и Н. А. Некрасовым, были написаны Ф. М. Достоевским.

В. Е. Ветловская (Санкт-Петербург) выступила с сообщением «Из истории отноше-

ний Ф. М. Достоевского и Некрасова. Молодые годы», посвященным уточнению ряда нюансов.

Доклад Е. В. Шашковой (Санкт-Петербург) «„На рубеже старого и нового года. Грезы и видения Нового поэта“ (К вопросу о корректуре)» был построен на анализе цензурской корректуры, хранящейся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. В корректуре внимание исследовательницы привлекли некоторые варианты текста, не замеченные предшественниками и не включенные в текстологический комментарий к сборнику «Свисток» (1981). Между тем, эти варианты текста несут в себе дополнительную смысловую нагрузку и их следует учесть при подготовке примечаний к произведениям Н. А. Некрасова и И. И. Панаева.

Второй день конференции традиционно проходил в Музее-квартире Н. А. Некрасова. Утреннее заседание было посвящено проблемам научной биографии поэта и его окружения, актуальным задачам музейной экспозиции.

М. С. Макеев (Москва) выступил с докладом «Некоторые штрихи к портрету Алексея Сергеевича Некрасова». Биографии родителей Некрасова изобилуют белыми пятнами. Один из таких пробелов — участие отца поэта в военных действиях. Эту информацию можно извлечь как из архивных документов, так и из военно-исторических романов: оставляя в стороне художественные достоинства, их в немалой степени можно использовать как источник. В докладе были изложены найденные М. С. Макеевым сведения о службе А. С. Некрасова с 1807 по 1823 год в Тамбовском пехотном (точнее Тамбовском мушкетерском) полку, 28 Егерском полку и 36 Егерском полку и о военной деятельности этих подразделений.

Доклад Г. В. Красильникова (Ярославль) «Туношенский Петр Павлович — ярославский учитель Некрасова» был посвящен учителю ярославской гимназии П. П. Туношенскому (1788—1867), у которого Николай Некрасов учился российской словесности с 1833 по 1836 годы. Петр Павлович много занимался литературной деятельностью, ориентированной на традиции XVIII века. Поэт скептически относился к его творчеству и запечатлел под фамилией «Поношенский» в рассказе «Помещик двадцати трех душ». В докладе представлена полная биография Туношенского на основе мемуарных, эпистолярных и документальных источников, хранящихся в фондах Государственного архива Ярославской области.

Е. В. Яновская (Ярославль) предложила слушателям доклад «Выставочный проект „Женщины-писательницы на страницах журнала «Современник»». Докладчица отметила, что приоритетная для выставочной деятельности музея-усадыбы «Карабиха» тема «Н. А. Некрасов — редактор журнала „Современник“» не дает посетителям достаточ-

ного представления о массовой литературе, в том числе о так называемой литературе второго и третьего ряда. В ней наиболее интересными для экспозиции представляются судьбы и произведения женщин-писательниц. Помимо Авдотьи Яковлевны Панаевой, самой известной из женщин — сотрудниц «Современника», выставка обратит внимание посетителей на таких авторов, как К. К. Павлова (1807—1893), А. Д. Блудова (1813—1891), Н. П. Шаликова (1815—1878), С. П. Соболева (ок. 1840—1884), О. П. Павлова (1832—1896), А. А. Кирпищикова (1838—1927), А. П. Студзинская (1823—1892), Е. П. Воронова (ок. 1825—1881), Н. С. Соханская (1823 (или 1825) — 1884), Е. В. Салиас-де-Турнемир (1815—1892). Задачи, которые будут решаться на выставке: показать исторический контекст этого явления отечественной литературы; показать те произведения женщин, которые публиковались на страницах журнала, обратить внимание на биографический, культурный и географический моменты; по возможности отразить восприятие современников. Предполагается, что выставка будет состоять из нескольких тематических блоков: положение женщины в первой половине XIX века (хозяйственные заботы, круг женского чтения и др.); персоналии: события биографии, первопечатные тексты произведений, критика; восприятие современников (мемуары). Информативным ядром выставки будут номера журнала «Современник» за указанный период с первопечатными текстами произведений; далее будут экспонироваться журналы, содержащие посвященные им критические статьи. Для создания эмоциональной атмосферы на выставке будут использованы типологические музейные вещи и предметы, характеризующие женщину.

Доклады дневного заседания были посвящены изучению литературного контекста и частных аспектов поэтики.

Т. П. Баталова (Санкт-Петербург) в докладе «Стихотворение Н. А. Некрасова „Балет“: К поэтике сюжета» показала, что данное произведение, написанное в стиле сатирического фельетона, является своеобразным итогом в изображении противопоставления высших и низших сословий русского общества. Здесь это историческое явление выражено на разных структурных уровнях поэтического сюжета: художественного простран-

ства (театр и вся Россия), материального положения (блеск «звезд» и «бриллиантов» — «мерзлые лапотки», «шуба нагольная»), нравственности («идеал их — телец золотой» и «суровые сердца», способные «разобрать» тяжелую «кладь»). Заглавие стихотворения и его эпиграф — из «Евгения Онегина» Пушкина — подчеркивают оторванность «довольных и сытых» от насущных проблем народной жизни.

В докладе «К столетию создания статьи Г. В. Плеханова „Похороны Н. А. Некрасова“», написанной к 40-летию со дня смерти поэта, Г. В. Федянова (Санкт-Петербург) отметила ценность работы Плеханова и как исторического документа, и как литературного текста со сложной жанровой природой. При сопоставлении статей Плеханова «Некрасов» (1902) и «Похороны Некрасова» (1917) показаны особенности отношения критика к личности и творчеству поэта, вызванные социальными тенденциями, характерными для второй половины 1870-х годов. Подчеркивается постоянство эстетических оценок поэзии Некрасова и неизменность его социально-политических взглядов на творчество поэта. Вместе с тем прослежена эволюция взглядов Плеханова на роль Пушкина в русской культуре.

Г. П. Талашов (Санкт-Петербург) в своем докладе «Один эпизод из жизни Фаддея Булгарина» обратился к очерку прозаика и журналиста А. П. Башуцкого (1803—1876) «Водовоз», который вызвал резко отрицательную реакцию императора Николая I, так как описывал крайне опасную и нищенскую жизнь рабочих. Ф. В. Булгарин, явно по подсказке властей, в ответ поместил в «Северной пчеле» свой очерк «Водонос», рисующий чуть ли не райскую жизнь этого сословия петербуржцев.

Большая часть докладов сопровождалась дополнительными вопросами и репликами. В обсуждении итогов научной конференции участники выразили удовлетворение общей работой. Фонограмма четырех заседаний хранится в архиве группы по изучению биографии и творчества Некрасова. Материалы конференции предполагается поместить в очередном выпуске «Некрасовского сборника».

© М. Ю. Степина

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

V Международная молодежная конференция «Текстология и историко-литературный процесс» (10—12 марта 2016 года) на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова собрала исследователей из

научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Коломны, Киева (Украина), Тарту (Эстония), Токио (Япония) и Хельсинки (Финляндия). Литературоведы, лингвисты и историки, участвовавшие в конфе-

ренции, посвятили свои выступления древнерусской словесности, классической и современной русской и зарубежной литературе. При общем интересе к текстологической проблематике докладчики продемонстрировали широкий круг методологических подходов — от лингвистического анализа текста до компаративного изучения литературных процессов. Конференция была открыта напутственным словом В. Б. Катаева, заведующего кафедрой истории русской литературы МГУ, и презентацией очердного сборника «Текстология и историко-литературный процесс» (Текстология и историко-литературный процесс: Сб. статей / Под ред. А. О. Бурцево, Ю. И. Красносельской, Л. А. Новицкас, А. Н. Першкиной, А. С. Федотова. М.: Буки Веди, 2016. Вып. IV), содержащего работы участников прошлогодней конференции. Программа по традиции совмещала хронологический и проблемный принципы и открывалась докладами по древней словесности.

Д. О. Шаров (Москва) в докладе «К вопросу о прямой речи в Киевском летописном своде конца XII в.» показал разницу в использовании понятий политической риторики, таких как честь, старейшинство, отцовство и т. п. в речи князей и летописца Киевского летописного свода конца XII века. Обыденное употребление слов у летописца противопоставлено характерному для политической риторики словоупотреблению у князей, что опровергает концепцию позднейшей стилизации речи князей летописцами и указывает на то, что в летописи могли вноситься точные записи реальных речей, произнесенных князьями или их посланцами.

Н. А. Демичева (Москва) выступила с докладом «Образ Ионы Новгородского в агрографической и летописной традициях XV—XVI вв.», в котором проанализировала неоднозначную трактовку образа архиепископа. В новгородской агрографической «Повести об Ионе, архиепископе Новгородском» Иона представлен миротворцем, наделенным добродетелями, тогда как в Псковской III летописи архиепископ изображен мздоимцем и сребролюбом. Негативное отношение псковичей к архиепископу объясняется ухудшением отношений между Новгородом и Псковом с 1460-х годов. Особое внимание докладчица уделила жанровым особенностям повести, отличающейся от традиционного жития.

В докладе К. В. Вершинина (Москва) «Послание Климента Смолятича и толковые сборники» были введены в научный оборот две ранее не известных выписки из послания Климента Смолятича, датируемые XV и XVI веками. Один из важнейших памятников русской книжности домонгольского периода до недавнего времени был известен в двух пространных списках, нескольких фрагментах и выписках. Обнаруженные исследователем выписки подобны друг другу и находятся в ближайшем родстве со списком

XVII века, найденным С. Ю. Темчиным в 2015 году в Вильнюсе. Гипотеза Темчина, что вильнюсский список, который содержит утраченные в пространных списках куски текста, можно отнести к древнейшим свидетельствам послания, не подтвердилась. Докладчик установил, что все три новонайденных «вторичных» списка восходят к древней подборке толковых текстов, созданной не позднее начала XIII века и содержавшей выписки из послания Климента с сохранением имени митрополита — подобной чести в экзегетических сборниках не заслужил ни один другой славянский автор.

О. А. Кузнецова (Москва) обнаружила следы московской виршевой традиции в поэтике стихотворной редакции потешной повести «Сказание о кура и лисице» начала XVIII века. Докладчица указала сходства на лексическом уровне: язык повести и язык виршевой поэзии сочетают немаркированную, книжную и фольклорного происхождения лексику. Повесть и виршевая поэзия близки и риторически, в частности, для обеих характерен прием словесного поединка героев, в которых обнаруживается стилистическое и синтаксическое сходство. Все это, по мнению исследовательницы, говорит об начальной ориентации текста повести на традицию приказной школы виршеписания XVII века.

Е. К. Кузнецова (Санкт-Петербург) обратила внимание слушателей на проблему соотношения понятий любовь и брак в российских переводных романах середины XVIII века. В начале века любовь — атрибут брака, заповеданного Богом. В 1730 году В. К. Тредиаковский совершил для русского читателя «географическое открытие» острова Любви, переведя галантный роман П. Тальмана. Любовь предстает здесь самоценной частью человеческой жизни. В середине века М. С. Бегичев перевел «Подлинное известие о славнейшей крепости, называемой Склонность...», где через военизированную метафору (женщина — это крепость, которую необходимо штурмовать по всем правилам военного искусства, чтобы добиться согласия на брак), предпринял попытку совместить любовь и брак, не прибегая к помощи высших сил.

В выступлении Е. А. Базиной (Коломна) были представлены результаты текстологического анализа «Описания Московской губернии 1781 г.». При составлении «Описания...» использовались самые разнообразные материалы — от легенд до статистических сведений. Докладчица проанализировала различия в известных на сегодняшний день списках текста: особенности почерка, орфографии и подробности экономического положения региона. В итоге была высказана теория, что в дальнейшем текст «Описания...» лег в основу словарных статей «Нового и полного географического словаря Российского Государства, или Лексикона,

описующего азбучным порядком (...) достопамятные места обширной Империи Российской».

Томоо Канадзава (Санкт-Петербург—Япония) в докладе «О „Детском музее“ в отзывах „Северной почты“ (К теме «Роль немецкой литературы в истории русского Просвещения»)» проанализировала рецензии газеты «Северная почта» (1809—1819) на ежемесячный иллюстрированный журнал «Детский музей». В газете, главным редактором которой был О. П. Козодавлев, в молодости студент Лейпцигского университета, отмечалось наличие немецкого прототипа «Детского музея» (последний, действительно, ориентировался на издание для детей «Das Bilderbuch für Kinder» Ф.-Ю. Бертуха). Исследовательница выявила, что при этом «Детский музей» составлялся также с опорой на известный к тому времени в России опыт преподавания иностранных языков чешским педагогом Я. А. Коменским.

А. И. Мартыненко (Москва) в докладе «К издательской истории „Стихотворений Евгения Баратынского“ 1827 г.» сравнила редакции текстов, вошедших в сборник. Согласно наблюдениям исследовательницы, степень правки Баратынским стихотворений не зависела от «возраста» ранней редакции. Наиболее существенные изменения поэт вносил, чтобы добиться смысловой связи отдельного текста со всеми остальными текстами в сборнике. Еще одним фактором, объясняющим правку, может быть постепенный отход поэта от элегической традиции.

Е. А. Яцук (Санкт-Петербург) охарактеризовала литературную позицию газеты «Московский городской листок» (1847), рассказав о социальных предпочтениях издателя В. Н. Драшусова, полемике вокруг «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя на страницах издания и принципах отбора материалов для публикации. Исследовательница обратила внимание на стремление редакции придерживаться корректности в газетной полемике, представлять противоположные точки зрения, соблюдать идеологическое равновесие и т. д.

Е. П. Ольховая (Санкт-Петербург), выступившая с докладом «Славянофильство и славяне в текстах Ф. В. Чицова: дневники и публикации», сопоставила «Записки путешественника по славянским странам» (1857) Ф. В. Чицова с дневниковыми записями автора, которые легли в основу «Записок». Проанализировав текстовые модулы, докладчица заметила, что историко-философские рассуждения, перемежающиеся с повествовательными фрагментами, которые обусловлены обращением Чицова к жанру травелога, используются в качестве переходов, а также придают «Запискам...» единство.

В докладе К. В. Сарычевой (Москва) «А. Л. Волынский vs. Н. К. Михайловский: к истории одной полемики» была рассмот-

рена полемика, кульминация которой припала на 1893—1894 годы и стала следствием смены идеологии журнала «Северный вестник» и отмежевания от него народников. Волынский стремился выстроить новую историю русской критики, нападая при этом в своих очерках на бывших единомышленников, в частности на Михайловского. Сам Волынский также стал объектом резкой критики и насмешек со стороны М. А. Протопопова, В. Г. Короленко, А. М. Скабичевского. Со стороны новых единомышленников Волынского, «идеалистов», в 1893 году в полемику включился В. В. Чуйко, давний противник Михайловского. Итогом полемики стало окончательное размежевание «идеалистов» и «народников». «Северный вестник» стал приютом символистов, которых Волынский активно привлекал к участию.

М. А. Петровских (Санкт-Петербург) в докладе «Рецепция рассказов Н. В. Успенского в русской критике и категория типического» представила анализ основных газетных и журнальных отзывов на произведения писателя. Было продемонстрировано, что критики по-разному оценивали творчество Успенского с точки зрения проблемы типизации. Некоторые авторы считали ее одним из основных свойств прозы Успенского и ставили писателя в один ряд с В. И. Далем. Другие критики утверждали, что типизация для Успенского не характерна, и сопоставляли с писателями-разночинцами. Докладчица пришла к выводу, что на примере рецепции критиками творчества Успенского можно не только проследить, как менялось понимание типического образа критиками, но и описать значение этих изменений в процессе трансформации эстетической системы.

Доклад Артема Шели (Эстония) был посвящен количественному исследованию длины стихотворений русской поэзии XVIII—XX веков на материале поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. Анализ среднего и медианного значения длины показал, что «популяция русской поэзии становилась короче на протяжении XIX века» и стабилизировалась в эпоху модернизма, когда окончательно доминировать в популяции стали формы длиной в 3—5 катренов. Эта короткая форма лирики, как считает исследователь, оказалась успешной в борьбе за читательское внимание в период, когда «пространства» поэтического языка быстро сокращались под давлением больших нарративных форм XIX века и гегемонии реалистических конвенций.

В докладе Д. Д. Шарاپовой (Москва) «О черновиках Достоевского сквозь призму бульварного жанра» были проанализированы различные элементы бульварных произведений (сюжетные повороты, особенности характеров и т. д.), не попавшие в окончательную редакцию романа «Идиот»: неудавшиеся самоубийства, сложные семейные связи геро-

ев, пожар (чрезвычайно популярный мотив бульварной литературы, который сочетает в себе зрелищность, уничтожение улики, смуту, массовые беспорядки) и др.

О. В. Макаревич (Санкт-Петербург) в докладе «Становление образа „праведника“ в творчестве Н. С. Лескова и „повести с предпринятиями“ поставила вопрос о влиянии «повестей с предпринятиями» на замысел лесковских «рассказов о праведниках». Она отметила расплывчатость понятия «повести с предпринятиями», встречающегося в текстах Лескова различных жанров. Несмотря на негативную оценку этого жанра писателем (в новонайденной рецензии на книгу И. В. Мальяревского «Василий Чабан»), в рассказах цикла «Праведники» имеется ряд мотивов и образов, восходящих к нему. В рассказах о «праведниках» Лесков как бы доводит до логического завершения образ добродетельного героя, досказывая до конца, «что было бы, если бы предприниматель не умер».

В выступлении А. С. Перниковой (Санкт-Петербург) «Характеристика публики в заметках А. Н. Островского о театре и комедия „Последняя жертва“» была определена точка зрения писателя на воспитательную функцию театра: постановка определенных пьес способна приблизить зрительское понимание происходящего на сцене к пониманию авторскому. Докладчица сопоставила концепт публики, созданный драматургом в статьях и других текстах, с фигурирующим в пьесе «Последняя жертва» образом Наблюдателя и пришла к выводу, что Островский стремился не только фиксировать отношение публики к происходящему, но и провоцировать определенную реакцию у зрителя.

О. В. Овчарская (Санкт-Петербург) в докладе «Антоша Чехонте: зарождение стиля» проанализировала приемы ранней чеховской прозы, тесно связанные с поэтикой и установками юмористических журналов, в которых печатался Чехов. Исследовательница продемонстрировала, что писатель использует приемы малой прессы на свой лад. Деминутивы в его ранней прозе многофункциональны, заглавия многозначны; часто в ранних текстах сложно определить повествовательную инстанцию — рассказчик это или повествователь. Кроме того, в отличие от других авторов малой прессы, Чехов часто использует сравнения, причем обычно они позволяют охарактеризовать героя через его поведение.

Б. В. Цымбал (Украина) описал сложности комментирования переписки М. С. Грушевского на примере опыта атрибуции нераскрытого конспиративного псевдонима «Асап». Он фигурирует в переписке Грушевского с А. Я. Конисским и А. И. Лотоцким, а также представлен в виде подписи отправителя нескольких писем, хранящихся в архиве Грушевского. На основании содержания писем, реконструкции биографии Асапа и изучения биографии членов подпольного молодежного киевского объединения, к которому имели

отношение участники переписки, докладчик делает предположение, что Асап — это И. Ю. Черкасский.

В. В. Филичева (Санкт-Петербург) в докладе «Война и мир в 1912 году» проанализировала «Картины из романа Л. Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Федором Сологубом» (в соавторстве с А. Н. Чеботаревским), приуроченные к 100-летию Отечественной войны. Докладчица обратила внимание на особенности трансформации прозаического текста в пьесу: Сологуб стремится отобразить внутреннюю жизнь персонажа в диалогах, что зачастую кардинально меняет образ героя, несмотря на то что язык романа Толстого сохранен на протяжении почти всей пьесы. Это, а также вынужденные сокращения сюжета и переказы событий, меняет весь строй романа, переводя эпическое творение Толстого в мелодраматическую плоскость.

В. И. Буяновская (Москва) в докладе «Пространство чувствительности в „Сентиментальном путешествии по Франции и Италии“ Л. Стерна в контексте английских травелогов середины XVIII в. и романа „Тристам Шенди“» сопоставила перечисленные произведения. На примере «Путешествия по Франции и Италии» Т. Смоллетта и «Писем из Италии» С. Шарпа было показано, как формировался жанровый канон травелога. В «Тристам Шенди» Стерн предпринял попытку деконструировать его, пародируя и доводя до абсурда привычные штампы подобных произведений. Писатель продолжил разрабатывать этот жанр уже в следующем своем произведении «Сентиментальное путешествие», на этот раз не разрушая канон, а пытаясь наполнить его новым содержанием. В итоге у Стерна травелог выполняет уже не этнографическую задачу. Путешествие необходимо ему для разработки характеров.

С. А. Бакаева (Москва) обратила внимание слушателей на то, что классические произведения используются в современной французской литературе весьма разнообразно. Рецепция становится основным приемом у К. Барош, К. Милле, К. Анго, М. Дарьесек, которые предлагают читателю новую трактовку сюжетов известных авторов XVI—XVIII веков. Например, роман «Опасные связи» Ш. де Лакло (1781) отрефлексирован в романе «Зима красоты» (1987) К. Барош. Автор «присваивает» главную героиню классического текста, сочиняет для нее новую сюжетную линию, оставаясь при этом в канве романа-предшественника.

Е. В. Тупова (Москва) рассмотрела структуру поэмы Д. Самойлова «Струфиан» (1974), в которой соотносятся образы «старцев» (Л. Н. Толстой и Федор Кузьмич) и А. И. Солженицына, и продемонстрировала аллюзивные аспекты текста. В поэме два актуальных вопроса — социальная утопия и побег от ответственности. Второй из них показан через сопоставление судьбы Александ-

ра I с судьбой персонажа романа-эпопеи «Красное Колесо» («Узел I — Август Четырнадцатого»; 1973). Poleмика с последним текстом прослеживается также в статье «Александр Исаевич» (1991), где Самойлов отмечает «искривление» толстовской философии у Солженицына.

В докладе «„Чайка” А. П. Чехова в интерпретации А. В. Эфроса: сценический и драматический тексты» Д. Д. Савинова (Москва) попыталась объяснить, почему театральные критики называли постановку Эфроса «античеховской». Исследовательница продемонстрировала отличия сценического и драматического текста, из которых видно, как режиссер менял пьесу под свой замысел. Для подтверждения гипотез использовались материалы из опубликованных дневников и записок режиссера. Из этих документов видно, что Эфрос был недоволен тем, как драматург выстраивает действие, утверждая, что если точно следовать Чехову и всем его ремаркам, то спектакль местами получится слишком «лобовым и примитивным».

А. В. Сысоева (Санкт-Петербург), рассуждая об истории создания Ф. Сологубом произведений о фабричной работнице Вере Карпуниной, выявила причины, по которым Сологуб, проявлявший большой интерес к новому искусству кино, выбирал определенные тексты для экранизации. Докладчица рассмотрела историю жанровых трансформаций одного сюжета: сначала Сологуб создал драму (она не была закончена), затем переработал ее в роман «Заклинательница змей», причем в определенный период работу над текстами драмы и романа вел параллельно, наконец, написал киносценарий. Особое внимание было уделено раннему этапу работы, который предшествовал выбору жанра; этот этап был рассмотрен как пример схемы создания произведения.

Доклад Рикку Тойволы (Финляндия) «К „археологии” перформанса Александра Вертинского: сцены из фильма „Заговор обреченных”» был посвящен участию Александра Вертинского в работе над сценарием фильма, в котором артист исполнял роль кардинала. В письмах 1949 года, написанных жене при подготовке к роли, Вертинский сообщал, что сам полностью переписывал предложенные ему реплики. Сравнив несколько вариантов сценария и итоговый фильм, исследователь подтвердил это сообщение, установив, что артист самостоятельно менял исходный текст, в том числе переставляя слова и добавляя паузы. Таким образом, анализ роли Вертинского в фильме «Заговор обреченных» позволяет уточнить связь между текстом, исполнением и эстрадным образом артиста.

В докладе «„Изображая жертву” Пресняковых: от пьесы к роману» Т. Ю. Кудрявцева (Воронеж) рассмотрела все существующие на данный момент редакции этого произведения. «Каноническим», законченным

«Изображая жертву» становится с появлением «гамлетовского сюжета». И если в первом варианте пьесы, представленном на Эдинбургском театральном фестивале, ключевым, сюжетообразующим оказывается соперничество между отцом и сыном, то во втором, «мхатовском» (а также в фильме и романе), где отец главного героя предстает в образе призрака, — на первый план выходит конфликт мужского и женского. Женская природа, которая изначально призвана давать новую жизнь, у Пресняковых не «созидает», а убивает, лишает жизни.

Выступление М. А. Кривошеиной (Москва) было посвящено литературному ежемесячнику В. Раппопорта «Аргус», выходящему в 1913—1917 годах. Развивая беглое наблюдение Г. Пилиева о возможном сходстве оформления и стилистики «Аргуса» и лондонского «The Strand», докладчица рассмотрела журнал Раппопорта как своеобразный англофильский проект редактора. Специальному анализу в этой связи был подвергнут эпизод сотрудничества журнала с А. Конан Дойлем, эксклюзивные права на публикацию переводов которого принадлежали «Аргусу». Также были изучены особенности отбора некоторых прочих зарубежных авторов. За редкими исключениями (вроде Дойля), ими оказывались неизвестные в России англоязычные писатели, многие из которых были авторами «The Strand», что порой анонсировалось прямо. Докладчица предположила, что, исходя из разобранных эпизодов, можно сделать вывод о возможных западных образчиках Раппопорта (а также о его потенциальных контактах с английскими и американскими авторами и издателями).

В докладе А. С. Пахомовой (Санкт-Петербург) «Литературное объединение эмоционалистов в дневниках Михаила Кузмина» были проанализированы история и манифесты эмоционалистов — малоизвестного петроградского литературного объединения начала 1920-х годов, в которое входили Ю. Юркун, К. Вагинов, А. и С. Радловы, А. Пиотровский, О. Тизенгаузен и др. В докладе было показано, что вопреки расхожему мнению о тактической природе этого краткосрочного литературного союза, его участники продемонстрировали высокую степень единства эстетических принципов и установок. Дневники Кузмина позволяют существенно пересмотреть его роль в объединении эмоционалистов, а также под другим углом взглянуть на процесс формирования и функционирования литературных объединений 1920-х годов.

А. В. Богомолова (Москва) предприняла попытку проблематизации понятия «мировой литературы» в советской прессе 1930-х годов на материале газеты «Правда» и «Литературной газеты». Анализ форм и контекстов употребления понятия в публицистике этого периода позволил выдвинуть тезис о его нетерминологической природе и

подвижности значения в связи с политической прагматикой. Так, в судьбе понятия «мировая литература» отразился ряд противоречивых тенденций, характерных для советской культуры 1930-х. С одной стороны, открытость, космополитизм как часть советской идеологии, с другой, националистический и тоталитарный характер внутренней политики СССР.

Д. М. Бреслер (Санкт-Петербург) в своем докладе «„Избранное“, „Самосожжение“: проблема публикации поэтического творчества Рюрика Ивнева» обратил внимание слушателей на проблему публикации наследия поэта. Корпус стихотворений Ивнева очень широк и включает тексты, написанные в разные историко-литературные периоды (экспрессионизма, имажинизма, эгофутуризма, оттепельного лиризма, «датской» поэзии брежневского времени и т. д.). Выявить отношение самого поэта к отбору стихотворений сложно: ему не было присуще цикловое мышление, и большая часть его сборников строилась по хронологическому принципу. Однако все они характеризуются единством мотивного состава стихотворений, стабильностью метрической системы. Докладчик показал, что для создания репрезентативной подборки необходимо ориентироваться на литературно-социальную стратегию Ивнева, и попытаться определить ее, используя опубликованные стихотворные и мемуарные тексты, а также архивные материалы из частных и государственных собраний.

А. В. Кокорин (Санкт-Петербург) рассказал в докладе «Автор, наборщик и корректор в работе над прижизненными изданиями „Зависти“ Ю. К. Олеси» о текстологических проблемах, возникших перед ним при подготовке романа к печати. При жизни Олеси произведение издавалось двенадцать раз, изменения, которые при переиздании вносились в текст, затрагивают среди прочего смысл отдельных фраз и эпизодов. Докладчик попытался установить, кем в каждом конкретном случае производилась правка, и имел ли к ней непосредственное отношение сам Олеша. В результате сопоставления всех прижизненных нестереотипных изданий «Зависти» исследователь выявил ошибки наборщиков и корректоров, случаи редакторской правки, а также составил список разночтений, не только изменяющих смысл текста романа, но и влияющих на восприятие авторского стиля Олеси.

А. А. Агапов (Санкт-Петербург) в выступлении «„Москва—Петушки“ Венедикта Ерофеева: проблемы публикации» представил результаты изучения истории текста. Докладчик обратился к различным источникам и сверил тексты значимых изданий поэмы. Основной проблемой оказалось определение статуса многочисленных правок произведения (Ерофеев делал их в разные годы и в разных обстоятельствах — это и рукописные исправления в экземплярах зарубежных изда-

ний, и исправления, внесенные в текст первых отечественных публикаций) и их отношения к первоначальному тексту.

А. Д. Муждаба (Санкт-Петербург) посвятил свое выступление экспериментальному роману Геннадия Гора «Корова» (1930) («„Корова“ Геннадия Гора: опыт эксплуатации неопубликованного текста в ситуации литературного процесса начала 1930-х гг.»). При жизни автора он не был опубликован: по-видимому, произведение не прошло предварительный отбор «Издательства писателей в Ленинграде», в частном порядке Гору рекомендовали его не печатать. Докладчик реконструировал то, как Гор стремился использовать свой авангардный роман в период, который предшествовал окончательной нормализации литературного процесса после 1934 года. Отдельные фрагменты и сюжеты «Коровы» Гор публиковал, изменяя и помещая в метаповествовательные контексты, в большей мере отвечающие требованиям времени. Эти наблюдения позволяют проследить изменение прагматических установок автора в работе над текстом.

Лекция специального гостя А. В. Вдовина (Москва) «„Неведомый мир“: как сегодня изучать репрезентацию крестьян в русской литературе XIX в.» была посвящена современным методам исследования. Рассмотрев концепцию А. М. Эткинда о внутренней колонизации, а также разработки его предшественников: Ж. Донован о литературе местного колорита, Ю. Вебера о формировании французской нации, А. Цинк о метафоре народного тела, — Вдовин обратил внимание на то, что три ключевых концепта упомянутых исследователей (имперскость, колониализм, модернизация) не выявляют уникальности репрезентации крестьян в разных литературах, а лишь сводят проблему к понятию тотальной внутренней колонизации. Рассказав о собственной работе над каталогом текстов о русских крестьянах 1830—1861 годов, лектор в качестве методологических решений предложил сочетание нескольких подходов: исследование эстетических режимов; анализ поэтики текста как инструмента репрезентации; метод корпусного исследования, для которого необходимо сформировать корпус текстов о крестьянах; типологический анализ с выявлением новых для русской сюжетики элементов (отличающихся от сюжетов об образованных сословиях); исследование того, как формировались представления о русской идентичности в прозе о крестьянах (рассказы о крестьянах создают устойчивый образ русского человека, соединяющий антиэстетические, на первый взгляд, стороны: сюжеты о праведниках могут соседствовать с демифологизирующими сюжетами о насилии).

В рамках конференции прошли три презентации. А. С. Федотов (Москва) представил новое издание «„Современник“ против „Москвитянина“». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов»

(СПб., 2016), подготовленное совместно с К. Ю. Зубковым и А. В. Вдовиным. В книге представлена полемика так называемой «молодой редакции» журнала «Москвитянин» с петербургской журналистикой в лице «Современника». Тексты статей сверены с сохранившимися автографами. Объемный комментарий включает сведения о ходе полемики, об истории идей и используемых эстетических понятий. Вступительная статья контекстуализирует полемику и описывает ее место в историко-литературном процессе середины XIX века.

М. С. Макеев (Москва) рассказал о «Грешневской тетради» (Ярославль, 2015) Н. А. Некрасова — первом факсимильном издании рукописи поэта, хранящейся в НИОР РГБ и содержащей беловые автографы поэм «Несчастные», «Тишина», «Коробейники» и другие тексты. Структура издания подчинена двум задачам: представить рукопись как объект музейного типа, максимально приблизив ее к читателю, и показать развитие творческого замысла поэта от первого автографа к последующим вариантам, отказавшись от идеи основного текста и полностью представив его историю в комментарии, а специфику и порядок работы — во вступительной статье. Особенности рукописи отражены в подробной дипломатической транскрип-

ции с воспроизведением орфографии, зачеркиваний и наклона строк. В справочный аппарат включен глоссарий, в котором объяснены непонятные выражения, необходимые для понимания текста.

Б. В. Орехов (Москва) продемонстрировал текстологически ориентированную электронную систему «Текстограф», запуск которой планируется в ближайшее время. Система позволяет соотносить конкретные фрагменты загруженных рукописей с их расшифровкой и предоставляет широкий инструментарий для текстологического анализа многослойной правки. Среди перспективных функций системы можно отметить поиск начертания слова в рукописи, визуализацию творческой истории текста, возможности для реконструкции редакций. Электронная среда «Текстографа» даст возможность представить рукопись как динамически развивающийся текст, отразить последовательность правки, особенности развития авторского замысла.

© Л. А. Новицкас,
© А. Н. Першкина,
© А. С. Федотов,
© Е. И. Чумаченко

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА МАРКОВИЧА МАРКОВИЧА

25 июня 2016 года ушел из жизни Владимир Маркович Маркович, один из самых блестящих профессоров кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.

Маркович родился 28 ноября 1936 года в Алма-Ате. В 1959 году окончил историко-филологический факультет, а в 1962 году аспирантуру Казахского педагогического института и остался в нем преподавать. Восполняя пробелы архаичной системы образования, в аспирантские годы Маркович, по существу, сам формировал себя как ученый, обращаясь к трудам формалистов и их наследников, испытав, по его собственному признанию, особое влияние идей М. М. Бахтина и Л. В. Пумпянского. Поворотным моментом в судьбе Владимира Марковича стала защита кандидатской диссертации «Два типа классического русского романа в первой половине XIX века», состоявшаяся в 1966 году в Ленинградском университете. В 1971 году Маркович переехал в Ленинград, где по инициативе Г. А. Бялого и Г. П. Макогоненко, сумевших преодолеть сопротивление партийных ортодоксов, в 1972 году был избран доцентом ЛГУ. С этого времени и до последних дней жизнь Владимира Марковича была неразрывно связана с университетом.

Маркович сразу заявил о себе как о чрезвычайно одаренном лекторе. Острая концептуальность его выступлений, свежесть трактовок, умение передать слушателям чувство причастности к научному поиску привлекали не только студентов. Молодежь шла за ним толпой. Под его руководством были защищены десятки, если не сотни дипломных сочинений и более тридцати диссертаций. Среди учеников Марковича не только успешные университетские преподаватели, но и академические ученые, в том числе сотрудники Пушкинского Дома. Он постоянно консультировал иностранных стажеров, работал в качестве приглашенного профессора в университетах Европы и Америки.

Масштаб дарования и широта кругозора сделали Владимира Марковича подлинным научным лидером кафедры истории русской литературы, где по его инициативе предметом изучения становились проблемы, прежде остававшиеся в тени (герменевтика, теория литературного процесса, теория современного гуманитарного дискурса — лишь некоторые из них), расширялся круг преподаваемых на кафедре теоретических дисциплин.

Он был организатором коллективных исследований, под его редакцией один за другим выходили научные сборники («Русская новелла», 1993; «Автор и текст», 1996; «Парадоксы русской литературы», 2001; «Существует ли петербургский текст?», 2005; «Проблемы нарратологии и опыт формализма / структурализма», 2008; «Событие и событийность», 2010; «Проза Н. В. Гоголя. Поэтика нарратива», 2011). Много лет Маркович был научным руководителем конференций в Пушкинских Горах. Те, кому посчастливилось в них участвовать, помнят созданную им удивительную атмосферу признания и доверительности, научной требовательности и человеческого тепла.

Монографии и сборники работ Марковича («Человек в романах Тургенева», 1975; «И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века», 1982; «Петербургские повести Н. В. Гоголя», 1989; «Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы: Статьи разных лет», 1997; «Мифы и биографии: Из истории критики и литературоведения в России», 2007; «Избранные работы», 2008) лишь частично представляют его наследие, которое включает еще более ста статей. Многие из этих статей были опубликованы на страницах журнала «Русская литература».

Маркович начинал печататься в те годы, когда филологическое сообщество разделилось на два лагеря: приверженцы традиционной истории литературы оказались в оппозиции к новой генерации исследователей, обратившихся к анализу поэтики. Борьба с формализмом еще была свежа в памяти, поэтика многим казалась предметом подозрительным, между тем как другие видели в ее изучении единственно творческий способ взаимодействия с художественным текстом, требующий не только образования и опыта, но и врожденной чуткости к внутренней жизни произведения. Такой чуткостью Маркович был наделен в полной мере — она сразу проявилась в его ранних статьях, посвященных Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Тургеневу. Он легко мог войти в круг ярко талантливых и к тому же «модных» исследователей, увлеченных проблемами поэтики. Однако Маркович принципиально не желал связать себя с традиционным историко-литературным методом, который, впрочем, импонирует ему лишь под вполне определенным

углом зрения. Ученого интересовало становление, развитие (не случайно эти слова фигурируют в названиях ряда его работ). Раннее увлечение Бахтиным привило ему недоверие к «завершенной» реальности, равной себе и изъятая из литературного, социального, исторического потока. Вслед за Тыняновым он стремился воспринимать литературный факт в его динамике. Что же касается формы филологических высказываний Марковича, то она тяготела к строгой и в этом смысле завершенной стройности. Яркости он несомненно предпочитал точность и ясность.

Когда-то Вяч. Иванов писал о двух типах творчества: «ознаменательном», реалистическом и «преобразовательном», идеалистическом. Первый из них — это близкий самому Иванову «принцип обретения и преобразования вещи», это «утверждение вещи, имеющей бытие», «устремление к объективной правде»; второй — «принцип изобретения и преобразования», устремление «к субъективной свободе» («Две стихии в современном символизме»). Исходя из этой типологии, Марковича следует признать приверженцем «ознаменательного» научного творчества. Его исследовательское «я», его внутренняя свобода сознательно ограничивают себя, почти тушуются, выводя в центр внимания имманентную природу изучаемой «вещи». И «вещь», будь то хрестоматийно известная комедия Грибоедова или не раз читанный роман Тургенева, преобразуется: в ней проступают неявные прежде контуры,

обнаруживаются те связи, которые Тынянов называл «конструктивным фактором». Вероятно, и реализм, о котором Маркович писал всю жизнь, был ему интересен в парадоксальном ивановском смысле: как та «объективная» правда, которая несводима ни к какой очевидной эмпирике.

Идея становления была дорога Марковичу не только применительно к предмету изучения. Не менее важным для него было развитие самой филологии, он с интересом следил за сменой ведущих исследовательских парадигм, опробовал их достижения, но оставался верным себе. С течением времени поэтика и история литературы все более тесно смыкались в его лекциях и статьях, и если бы ему было отпущено еще хотя бы одно десятилетие, он, вероятно, вышел бы к освоению той области, которая по-настоящему не поддается пока современному литературоведению: к заново осмысленной истории художественных форм. Как кажется, он готовился к написанию такой истории на материале русского Золотого века. Отмеренного жизненного времени на это не хватило. Многие, очень многие было сказано в лекциях (их записи сохранились). Студенты, слушавшие его в поздние годы, поражались тому, какой энергетикой была заряжена негромкая речь пожилого профессора. Хочется верить, что строгость, оформленность, энергия мысли ученого, пусть даже не успевшей воплотиться на письме, не позволят ей исчезнуть из мира.

*М. Н. Виролайнен,
А. А. Карпов*

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
В 2016 ГОДУ**

№ Стр.

СТАТЬИ

Багво В. Е., Мисникевич Т. В. Уроки французского (неизвестные переводы Федора Сологуба и становление русского декадентства)	1	23
Багво В. Е., Петрова Г. В. Тихие песни парнасцев и проклятых (творческая история первой книги стихов И. Ф. Анненского)	4	19
Бодрова А. С. «Сочинения Лермонтова» 1860 и 1863 годов как историко-литературное исследование и книгоиздательский проект	3	28
Иванова Т. Г. Песня «Осада Соловецкого монастыря» и исторические песни XVII века (к вопросу об образе царя Алексея Михайловича)	1	5
Карбасова Т. Б., Руди Т. Р. О формах монашеского жизнеустройства в средневековой Руси (на материале древнерусских житий XI—XVII веков)	2	5
Кочеткова Н. Д. Н. М. Карамзин и Просвещение	4	7
Прозоров Ю. М. «Занялся от страха дух...»: «ужасное» в эстетике и поэзии В. А. Жуковского	2	19
Дамяно Ребеккини (Италия). Перевод как инструмент образования в педагогической деятельности В. А. Жуковского (о сборнике «Муравейник» 1831 года)	3	20
Татьяна Степанищева (Эстония). К истории одной литературной распри (П. А. Вяземский и П. А. Катенин)	3	5

ИЗ НАСЛЕДИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Андрей Белый. Лев Толстой и культура сознания (подготовка текста и комментариев А. В. Лаврова)	3	59
Лавров А. В. Андрей Белый на подступах к Толстому	3	47

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Данилевский Р. Ю. Правда старинного поэта (о русских переводах из Эвальда фон Клейста)	4	54
Дмитриева Е. Е. Эпизод рецепции Мольера в России (Гоголь — переводчик фарса «Сганарель, или Воображаемый рогоносец»)	4	63
Егорова К. В. «Песнь о Богдане Хмельницком, освободителе Малороссии» Ореста Сомова и ее польский источник	4	59
Заборов П. Р. Ранний литературный опыт Д. Н. Блудова	4	45
Корконосенко К. С. О четырех ранних переводах басни Томаса де Ириарте «El Pato y la Serpiente»	4	41

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ И. А. ГОНЧАРОВА

Балакин А. Ю. И. А. Гончаров в неизданных письмах А. Ф. Кони к М. М. Стасюлевичу	4	113
Гродецкая А. Г. «Обрыв», прочитанный в дружеском кругу (два письма И. А. Гончарова к Е. А. Языковой)	4	108

Гуськов С. Н. Как жандармы Гончарова спасли	4	70
Денисенко С. В. «Необыкновенная история» И. А. Гончарова. Рецепция текста Ангелика Молнар (Венгрия). «Русалки» в произведениях И. А. Гончарова и М. Ю. Лермонтова	4	117
Отрадин М. В. «Манила» на пути автора «Фрегата „Паллада”»	4	94
	4	84

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Письма Д. С. Лихачева к Ив. М. Кудрявцеву (вступительная статья и подготовка текста Е. А. Шингаревой; комментарии И. М. Смирновой и Л. В. Соколовой)	4	128
--	---	-----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Алдошина Н. Б. «Где речка быстрая течет...» (об эпиграмме И. С. Тургенева на В. П. Боткина)	2	76
Александров А. С. Из истории подготовки Собрания сочинений К. Гамсуна в издательстве «Товарищество А. Ф. Маркс». Приложение. Письма М. П. Благовещенской к А. А. Измайлову	2	152
Беляк Г. Н. «Основной миф» в герменевтике Вячеслава Иванова	3	189
Богданова О. А. Миф Достоевского в поэзии В. А. Садовского и научной прозе В. Л. Комаровича	4	171
Богомолов Н. А. А. Ахматова в дневнике И. Н. Розанова (1914—1924)	3	200
Богомолов Н. А. Свидетельские показания (вечер Бориса Пастернака в Политехническом музее глазами современника)	1	213
Буланин Д. М. Ефросиновская версия чуда о спасенном отроке в Дохиарском монастыре. Приложение. О съставлении Дохиарского монастыря, чудо о отроке, еже съдеся	3	120
Васильева М. А. Кто такой Герман Карлович? К вопросу о феноменологии главного героя романа В. В. Набокова «Отчаяние»	4	198
Голлербах Е. А. Федор Сологуб и «Отечество» З. И. Гржебина	1	159
Грыкалова Н. Ю. От экфрасиса к интертексту (вокруг стихотворения Вяч. Иванова «Нарцисс. Помпейская бронза»)	2	114
Десять писем 1967 года: из переписки Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц с Б. Ф. Егоровым (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Б. Ф. Егорова и Т. Д. Кузовкиной)	4	209
Долгих Ю. А. Духи лесные и водные: демонологические персонажи в русских литературных сюжетах 1810—1830-х годов	3	149
Ефимов В. В. О хоровом пении и заветах символизма. Из комментария к рассказу М. В. Набокова «Облако, озеро, башня»	2	223
«Жива ли ты еще?..» (последние письма В. А. Жуковского к А. А. Воейковой) (вступительная статья и комментарии С. В. Березкиной; подготовка текста Н. Л. Дмитриевой)	4	163
Зусева-Озкан В. Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма. Брадаманта у Л. Ариосто и Браманта у М. Кузмина	1	124
Иванова Т. Г. Юбилей Марфы Крюковой в 1940 году (по материалам периодических изданий)	3	238
Из писем А. А. Кондратьева периода эмиграции (1952—1960) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. В. Скороходова)	3	243
Томоо Канадзави (Япония). Журнал «Детский музей» в отзывах О. П. Козодавлева (к истории детской журналистики в России)	3	143
Карпов А. А. Сюжет о благодарном льве в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина	3	166
Кябальник С. А. Ранний А. П. Чехов «за» и «против» Ф. М. Достоевского (от «Драмы на охоте» к «Иванову»)	1	90
Ким Джун Сок (Республика Корея). Культурные парадигмы в поэтике М. М. Зощенко	1	176
Кихвей Л. Г. Эхо имени: лично-именные анаграммы и криптограммы в поэзии О. Мандельштама	3	223
Лавров А. В. Как Корней Чуковский не стал политическим заключенным (материалы к истории журнала «Сигнал»)	2	124
Лаппо-Давилевский К. Ю. О третьем издании стихов Алкея и Сафо в переводе Вяч. Иванова. Приложение. Вячеслав Иванов. «Неизвестные переводы из «Алкея и Сафо»)	1	134
Майоров А. В. Две даты взятия Киева монголами в русских летописях	2	51

Маликова М. Э. Защита Филда, или Запоздалая рецензия на первую биографию Набокова	1	220
Маркелов Г. В., Сиренов А. В. О личности автора лицевого «Летописца о небесных знамениях»	2	59
Межеричкая С. И., Рождественская М. В. Рецепция античности в творчестве Всеволода Рождественского	4	190
Михеев М. Ю. Дело о «плагиате»: пьеса Александра Гладкова о кавалерист-девице	1	189
На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатниной) (Окончание)	2	162
Панова Л. Г. Запоздалая попытка петраркизма: «Канцоньере» в русском модернизме. Статья 2	1	99
Письма И. А. Гончарова к А. К. Трейгут (публикация А. В. Романовой)	2	92
Сливичка О. В. О поэтической антропологии Л. Н. Толстого: «Война и мир»	3	175
Спроге Л. В. (Латвия), Царькова Т. С. «Некий Мордвинов по-русски перевел наши стихи»: о переводах латышских поэтов в начале XX века	2	141
Строганова Е. Н. Н. Д. Хвоцинская: портрет писательницы в некрологах	3	182
Тарасова Н. А. Концепция героя в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: христианский аспект образа Раскольникова	1	64
Трахтенберг Л. А. «Смеющийся Демокрит» Н. И. Новикова и «Новый Диоген» Ю. ван Эффена	3	138
Успенский П. Ф. «Россия счастье. Россия свет...» Г. В. Иванова и наследие Ф. М. Достоевского	1	181
Федотова А. К. Элегии Ф. Я. Козельского	2	65
Фетисенко О. Л. Из босфорского table-talk 1874 года: М. А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии	1	80
Фокин С. Л. О Пьере Паскале и его «Достоевском»	2	211
Фомичев С. А. Повесть «Шинель» в контексте творчества Н. В. Гоголя	1	57
Золтан Хайнади (Венгрия). Символическое знаменование первообраза через образ (топос сада и парка у А. П. Чехова)	2	100
Хачагуриян Л. В. Дневник поэта как литературный памятник: две редакции «Юношеских стихов» М. И. Цветаевой	4	181
Шмарakov P. Л. «С обеих сторон стоял сомнительный рока суд»: одна эпическая формула у Ломоносова	3	135
Шумило С. М. Молитвенные тексты в агиографии («плетения словес»): к проблеме стиля эпохи	1	42

ЗАМЕТКИ

Гуськов С. Н. Ультрамарин (об одном ошибочном прочтении автографа)	1	239
Кибальник С. А. О тексте романа Ф. М. Достоевского «Игрок»	4	227
Тарасова Н. А. Французский язык в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»: текстологические аспекты исследования (на материале рабочих тетрадей)	4	229

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Анненкова Е. И. «Московский сборник» 1852 года: издательская судьба и место в контексте славянофильской журналистики (Московский сборник / Изд. подг. В. Н. Греков. СПб.: Наука, 2014. 1349 с.; ил. (сер. «Литературные памятники»))	3	275
Буланин Д. М. Старейшие памятники исторического повествования в Древней Руси: летописи, хроники, хронографы (Вілк ул Т. Л. Літопис і хронограф: Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015. 518 с.)	2	231
Вьюгин В. Ю. Власть, народ, поэзия и переводчик (Ходель Р. За окном внизу — народ и власть. Русская поэзия 1940—1960 годов. Двухязычная антология [Hodel R. Vor dem Fenster unten sind Volk und Macht. Russische Poesie der Generation 1940—1960]. Leipzig: Leipziger Literaturverlag, 2015. 458 S.)	2	241
Данилевский Р. Ю. Новая книга о «русском Берлине» (Урбан Т. Русские писатели в Берлине в 20-е годы XX века / Пер. с нем. Т. Цапалиной. СПб.: Лики России, 2014. 287 с.)	1	245
Данилевский Р. Ю. Путешествие как культурный феномен. Русские на Западе, европейцы в России (Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens. Interdisziplinäres Alexander-von-Humboldt-Kolleg in St. Petersburg, ...		

- 16.—19. April 2013 / Hrsg. von Larissa Polubojarinova, Marion Kobelt-Groch und Olga Kulishkina. Kiel: Solivagus-Verlag, 2015. 582 S.) 3 272
- Демидова О. Р.** Многоликий Юрий Анненков (Обухова-Зелинская И. Юрий Анненков на перекрестках XX века / Отв. ред. М. Ю. Гоголин. М.: МИК, 2015. 328 с.) 4 241
- Дёмин А. О.** Новое издание Державинского музея (Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей / Ред. коллегия: С. М. Некрасов, Р. М. Иезуитова, Н. П. Морозова (отв. ред.). СПб., 2016. Вып. 11. 119 с.) 4 237
- Егорова К. Б.** Русская литература XVIII—XXI веков: словацкий взгляд (Ruská literatúra 18.—21. storočia / Ed. Anton Eliáš. Bratislava: Veda, 2013. 240 s.) 2 240
- Клименко А. Д.** «...Не все уносимо ветром...» (об исследовательском проекте «Звуковой архив») (Лица петербургской поэзии: 1950—1990-е. Автобиографии. Авторское чтение / Сост., отв. ред. Ю. М. Валиева. СПб.: Искусство России, 2011. 720 с. + 5 CD (сер. «Творческие объединения Ленинграда»); К истории неофициальной культуры и современного зарубежья: 1950—1990-е. Автобиографии. Авторское чтение / Сост., отв. ред., прим. Ю. М. Валиева. СПб.: ООО «Контраст», 2015. 600 с. + 3 CD) 4 242
- Мажара П. Ю.** Путеводитель по близкому прошлому (Актон Э., Розенберг У.-Г., Черняев В. Ю. Критический словарь Русской революции: 1914—1921. СПб.: Нестор-История, 2014. 768 с.) 4 239
- Николаев С. И.** Издание стихотворений Симеона Полоцкого на польском языке (Симеон Полоцкий. *Carmina varia* / Сост., подг. текстов, вступ. статья и комм. Л. У. Звонарева и Д. Л. Маркова. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2014. 352 с.) 4 234
- Осовский О. Е.** «Свободная стихия» пушкинских смыслов (Гуревич А. М. «Свободная стихия»: статьи о творчестве Пушкина. М.: Языки славянской культуры, 2015. 376 с.) 1 241
- Соловьев А. Ю., Филичева В. В.** Современники об акмеизме (Акмеизм в критике, 1913—1917 / Сост. О. А. Лекманов, А. А. Чабан; вступ. статья, прим. О. А. Лекманова. СПб.: Гуманитарная академия; Издательство Тимофея Маркова, 2014. 542 с.) 1 242
- Шibaев М. А.** Книга о белозерском подвижнике (Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец / Подг. текстов, перевод, исследование Е. Э. Шевченко. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2014. 412 с., ил.) 3 270

ХРОНИКА

- Галашева Т. Н.** Круглый стол «Гуманитарное знание в России: Пушкинский Дом и его научные школы» 3 290
- Генералова Н. П., Лукина В. А.** Международная научная конференция, посвященная 195-летию со дня рождения А. А. Фета 1 259
- Гурова Е. И.** Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Г. М. Фридлендера 2 244
- Игошева Т. В.** Научная конференция «Иннокентий Анненский (1855—1909): жизнь, творчество, эпоха» 2 253
- Колесникова Е. И.** Международная научная конференция «Запечатленная победа: ключевые образы, концепты, идеологемы» 1 247
- Линдеберг О. А.** Международная научная конференция «Наследие А. М. Ремизова и XXI век» 3 279
- Лощинская Н. В.** Четвертый Международный семинар «Зачеркнутое слово в перспективе художественного высказывания» 2 248
- Новицкая Л. А., Першкина А. Н., Федотов А. С., Чумаченко Е. И.** Текстология и историко-литературный процесс 4 250
- Силина А. С.** Международная научная конференция «Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XIX века» 1 255
- Степина М. Ю.** XXXVIII Некрасовская конференция 4 246
- Степина С. А.** Международные научные чтения памяти Вадима Эразмовича Вацупро (к 80-летию со дня рождения) 3 283
- Памяти Тамары Ивановны Орнатской 3 295
- Памяти Бориса Борисовича Бунич-Ремизова 3 296
- Памяти Владимира Марковича Марковича 4 257

Учредители:

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук РАН
119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Издатель: Санкт-Петербургский филиал ФГУП
«Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru; www.naukaspb.com

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01; rusliter@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Л. Д. Колосова и А. К. Рудзик*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Подписано к печати 07.11.16. Дата выхода в свет 30.11.16.
Формат 70 × 100^{1/16}. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21.5.
Уч.-изд. л. 26.6. Тираж 327 экз.
Тип. зак. № 920. Цена свободная

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
с готового оригинал-макета
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6